Александр Неверов

Из архива писателя • Исследования • Воспоминания

7—2—3
28—72M

Портрет работы А. Куренного (1923 г)

Из архива Е. Ф. Никитиной

ЭК

Александр Неверов

ИЗ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ • ИССЛЕДОВАНИЯ • ВОСПОМИНАНИЯ

КУЙБЫШЕВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1972

Редакторы-составители

В. П. СКОБЕЛЕВ, Н. И. СТРАХОВ

Библиография подготовлена

Н. М. МИТРАКОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Явились они как-то вдруг, целым гнездом, и сначала нелегко было строго определить индивидуальные особенности каждого из них. Их до известной степени объединяли и содержание их писаний, и манера изложения»[1].

Эти слова Н. К. Михайловского о русских писателях-шестидесятниках с полным основанием могут быть отнесены к той группе литераторов, которая заявила о себе в конце прошлого — начале нынешнего столетия и рекрутировалась в основном из рабочей, ремесленнической и крестьянской среды. Называли их в разные годы по-разному: сначала «писателями-самоучками», «писателями из народа», потом, стараясь провести разграничение по классовому принципу, — «пролетарскими» и «крестьянскими» писателями.

Вокруг этих терминов и вопроса о том, кого в какую рубрику отнести, в свое время было много споров[2]. Неточность данных терминов, их односторонний и ограничивающий характер теперь, пожалуй, не вызывают сомнений, однако для нас важны не столько названия, сколько стоящий за ними определенный и устойчивый интерес большой группы «писателей из народа» к крестьянству.

Подобно писателям-шестидесятникам, «крестьянские писатели» основное внимание уделяли народной жизни, изображению раздирающих ее социальных противоречий, бытового неустройства, бедности, при этом на передний план и у тех и у других выдвигались не тайны внутренней жизни человека из народа, а именно то, что делало данного человека представителем массовой народной жизни с ее социальными проблемами, конфликтами, перспективами. Как ходоки по мужицким делам пришли в русскую словесность москвичи С. Подъячев и С. Семенов, тамбовец А. Новиков-Прибой, олончанин А. Чапыгин, орловец И. Вольнов, костромич И. Касаткин и, наконец, самарец А. Неверов, изучению жизни и творчества которого посвящается предлагаемый вниманию читателя сборник. Писатели этой группы, организационно, кстати сказать, никак до революции не оформленной, составили в основе своей младшее поколение русских критических реалистов конца XIX — начала XX веков. Они были младшими не столько по возрасту, сколько по времени, на которое пришлось их более или менее активное участие в литературной жизни, по времени, когда литературная общественность стала обращать внимание на творчество представителей этой группы.

Однако писателей, о которых идет речь, сближало не только творчество, развивавшееся, как уже сказано, в русле критического реализма, но и совпадение важных моментов биографии. В большинстве своем выходцы из малоимущего (а то и неимущего, пролетаризирующегося) крестьянства, они не могли получить систематического образования, и поэтому многого им приходилось достигать самоучкой, ценой величайшего напряжения сил. Все они ощущали поддержку со стороны русской прогрессивной общественности и прежде всего со стороны М. Горького, для которого появление плеяды «писателей из народа» было

одним из важнейших показателей развивающегося в народных глубинах общественного самосознания. Утверждая, что народ «требует уважения к нему, внимания к его поискам, к работе его проснувшейся мысли», М. Горький усматривал эту работу и в деятельности писателей-самоучек. В их творческой активности для М. Горького заключалось свидетельство того, что «непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека, это — человек бодрый духом, полный горячей жажды приобщиться к культуре, вылечившийся от фатализма и пессимизма, а потому — дееспособный»[3].

Еще в пушкинскую эпоху распространявшаяся среди народа (хотя и очень медленно) образованность и развивавшееся на этой основе художественное творчество воспринимались многими и в качестве доказательства исторической дееспособности народа в целом. Достаточно вспомнить о широком интересе тогдашней литературной общественности к А. Кольцову, Ф. Слепушкину, Е. Алипанову. Немецкий писатель, историк и популяризатор русской литературы в Германии, Г. Кениг отмечал тогда следующее:

«Каждая страна может дать самоучек, особенно в поэзии. В Англии даже появилось сочинение о народных поэтах этой страны. Однако в подавляющем множестве европейских государств больше чем достаточно учебных заведений... В России положение иное, здесь можно назвать не только поэтов, но также и художников и ученых разного рода, которые обязаны своей образованностью лишь самим себе»[4].

Однако в горьковском интересе к «работе проснувшейся мысли» проявился новый, неведомый русской общественности первой половины XIX века аспект — активное и сознательное участие широких слоев народа в освободительном движении, которое было связано с революцией 1905 года. Не так уж важно, когда вступил тот или иной автор интересующей нас группы в литературу — до событий 1905 года, в разгар революции или после нее; важнее то, что все они обязательно испытывали глубокое воздействие великой революционной бури, пронесшейся над Россией.

«Писатели из народа» были так или иначе причастны к событиям первой русской революции. Большинство из них за связь с оппозиционными царизму силами подвергалось судебному преследованию, гласному и негласному надзору полиции. Участие в революционном движении и непосредственное воздействие писательской судьбы и литературной деятельности М. Горького усиливали социальную направленность их творчества, которое было сосредоточено прежде всего на конфликтах деревенской действительности. Идя вслед за М. Горьким, они вносили свой вклад в формирование идейных и эстетических основ социалистического реализма постольку, поскольку им удавалось раскрыть социальный смысл и историческую значимость назревающих или уже происходящих в крестьянской жизни перемен.

«Социальный человек должен расшириться до исторического — такова тенденция эпохи, и она для писателя становится его *методом,* художественной точкой зрения на каждое выведенное им лицо»[5]. Это определение, данное современным исследователем творческой эволюции М. Горького, может быть распространено на целый ряд явлений предреволюционной русской прозы и, конечно, советской прозы 20-х годов.

Для «писателей из народа», большинство которых стало в 20-е годы именоваться «крестьянскими писателями», степень выработанности социально-исторического мышления была показателем идейной и художественной зрелости, показателем того, насколько автору удалось выйти за рамки простого бытописательства. Наиболее крупные из авторов этой группы сумели уловить ту «тенденцию эпохи», суть которой — расширение социального человека до исторического.

В их числе суждено было оказаться и А. Неверову. Начав как бытописатель нищей деревни, погрязшей в духовной скудости, унижении и пьянстве, он еще до революции начал искать путь к историческому человеку. Показывая «неисторическое» существование своих героев, художник вместе с тем не раз

обращался к изображению людей, которые так или иначе протестуют против привычного — «неисторического» — существования, ибо по-прежнему жить нельзя, а значит, как сказал А. Неверов в одном из писем 1914 года, «быть переменам».

Эти-то перемены, ставшие исторической явью в 1917—1923 годах, и составили основное содержание послереволюционного неверовского творчества. Писатель, который до революции искал выхода из противоречий социальной действительности и в то же время признавался, что ему не удаются образы сильных людей, борцов и протестантов, теперь стремится показать именно их. Красноармейцы, деревенские большевики, революционные правдоискатели и «непочетники» приходят к читателю в таких произведениях, как рассказы «Я хочу жить», «Красноармеец Терехин», «По-новому», «Марья-большевичка», повесть «Андрон Непутевый», роман «Гуси-лебеди», пьесы «Бабы», «Захарова смерть» и «Гражданская война».

Более того, в повести «Ташкент — город хлебный» А. Неверову удалось нарисовать не только образ крестьянского подростка, в голодный 1921 год отправившегося, как и тысячи ему подобных, в Среднюю Азию за хлебом, но и образ всего русского крестьянства и, если взглянуть шире, — русского народа на путях исторических преодолений, исполненных гигантского размаха и далеко идущих последствий.

Не случайно именно «Ташкент — город хлебный» принес писателю широкую известность как в нашей стране, так и за ее пределами.

По данным Всесоюзной книжной палаты (на 1 июня 1970 года), в послереволюционные годы произведения А. Неверова издавались у нас 221 раз общим тиражом 4 950 000 экземпляров на 37 языках народов СССР и зарубежных стран, из них повесть «Ташкент — город хлебный» выходила 42 раза общим тиражом 1 236 000 экземпляров на 15 языках народов СССР и зарубежных стран. Что же касается иностранных изданий, то и здесь возникает картина весьма показательная. Как сообщает Всесоюзная Государственная библиотека иностранной литературы (по данным на 3 апреля 1970 года), произведения А. Неверова выходили в Австрии, Англии, Болгарии, Бразилии, Венгрии, ГДР и ФРГ, Дании, Италии, Китае, Польше, Румынии, США, Франции, Чехословакии, Швеции, Югославии, причем и здесь на первом месте оказывается «Ташкент—город хлебный».

Близкий современному читателю, А. Неверов занимает достойное место в истории нашей литературы. Наряду с В. Маяковским и А. Серафимовичем он стоит у истоков русской советской драматургии. Вместе с Дм. Фурмановым и А. Серафимовичем, Вс. Ивановым и Л. Леоновым, В. Зазубриным и Л. Сейфуллиной он закладывал основы русской советской прозы. Это и дало основания говорить о том, что А. Неверов — «своего рода первопроходец в нашей литературе»[6].

Постоянство читательского внимания и плодотворность позиции, которую занимает творчество А. Неверова в истории литературы, обусловили устойчивый интерес к писателю со стороны критики и литературоведения. В 20-е годы о нем писали А. Воронский, В. Львов-Рогачевский, П. Лебедев-Полянский, В. Евгеньев-Максимов, Г. Горбачев, Г. Якубовский и другие критики тех лет. Тогда же вышла и первая монография — Н. Фатова — о жизни и творчестве писателя.

Новая стадия изучения А. Неверова началась у нас в 1957—1958 годах, и первенство здесь безусловно принадлежит родине писателя. Именно в Куйбышеве было выпущено новое четырехтомное собрание его сочинений, которое ввело в оборот ряд неизвестных и забытых произведений[7]. В Куйбышеве в декабре 1961 года состоялась научная Неверовская конференция, организованная Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, Союзом советских писателей, Объединением литературоведческих кафедр высших учебных заведений Поволжья и куйбышевской областной газетой «Волжская коммуна». Она объединила исследователей Москвы и Куйбышева, Горького и Одессы, Воронежа и Мурома. Впоследствии куйбышевская печать, радио и телевидение широко отмечали 75-летие и 80-летие со дня рождения А. Неверова.

Предлагаемый читательскому вниманию сборник ставит своей целью дать представление о том, как формировался писатель-«первопроходец» и каков оказался его реальный вклад в дело создания новой литературы.

Книгу открывают неизвестные и забытые произведения А. Неверова, позволяющие полнее представить социальные и нравственные интересы писателя, его идейно-эстетические искания, литературные вкусы и пристрастия.

Перепечатываемые из провинциальных газет дореволюционного и революционного времени статьи, фельетоны и очерки интересны читателю с двух точек зрения: во-первых, как документы теперь уже далеко отодвинувшейся от нас эпохи и, во-вторых, как произведения, позволяющие лучше уяснить путь писателя, который начинал до революции в роли обличителя провинциальных злоупотреблений, не претендующего на широкие социальные обобщения, а затем, оказавшись в самом средоточии конфликтов гражданской войны, логикой событий, логикой честной художнической мысли был подведен к непосредственному раздумью над судьбами исторического развития родины. Необходимость перепечатки этих газетных материалов диктуется еще и тем, что они увидели свет на страницах провинциальных, малотиражных зачастую изданий, которые теперь не намного более доступны, чем обычные архивные документы.

Особо следует остановиться на «Крошечном рассказике» и «Сказке о цветах». Свидетельствуя достаточно четко (как и другие публикуемые здесь газетные материалы) о социальных симпатиях автора, они позволяют понять некоторые стороны эволюции А. Неверова-художника. Так, «Крошечный рассказик» проливает дополнительный свет на творческую историю рассказа «Страх», одного из наиболее примечательных в дореволюционном творчестве писателя. Что же касается «Сказки о цветах», то она дает возможность проследить дальние истоки той лирико-субъективной художественной тенденции, которая после революции воплотилась в стихотворениях «Пролетарская», «Пролетариям всех стран», в аллегорической пьесе «Стена», а также в цикле стихотворений в прозе «Радушка».

Значительный, думается, интерес представляют литературно-критические статьи А. Неверова, одна из которых — «Приемы художественного творчества И. А. Бунина» — публикуется впервые, а также его записные книжки и переписка с Ив. Касаткиным и Вяч. Шишковым, которая тоже публикуется впервые. Литературно-критические статьи позволяют лучше понять эстетические поиски А. Неверова (как известно, неоднократно выступавшего в печати с критическими статьями), требования, предъявлявшиеся им к художественной литературе, его понимание критериев литературного мастерства.

Неверовская переписка с Вяч. Шишковым и Ив. Касаткиным интересна постольку, поскольку вбирает в себя проблемы как общественной жизни, так и литературного быта начала 20-х годов; нэп, голод в Поволжье, оживление издательской деятельности, литературные споры — все это делает переписку интересной современному читателю.

Несколько особняком стоят фрагменты из записных книжек А. Неверова. Публикуемые здесь, они приоткрывают некоторые особенности психологии творчества А. Неверова, в частности, его своеобразие как писателя-бытовика, закономерно тяготевшего к деталям, увлеченного их многообразием и богатством. И хотя многие из зафиксированных в записных книжках наблюдений и сценок так и остались на положении набросков, они интересны и сами по себе, ибо составляют в своей совокупности как бы мозаику, в которой при внешней расчлененности и пестроте есть внутренняя цельность. Цельность эта — в обостренном ощущении ломки, в сквозном писательском внимании к потрясенной до основания действительности. Перед нами не просто регистрация впечатлений, а их целенаправленное собирание, осуществляемое в свете той сложности, какую приобретает облик революционной действительности, диалектически совмещающей ломку и становление.

Следующими разделами сборника являются литературоведческие статьи и мемуарные свидетельства. В государственных и личных архивах имеются воспо-

минания целого ряда людей, так или иначе знавших А. Неверова. Однако опубликована лишь малая их часть (см. периодику, а также сб. «А. С. Неверов», М., изд-во «Земля и фабрика», 1924).

Для настоящего издания отобраны наиболее интересные воспоминания, в совокупности своей воссоздающие облик писателя, особенности его литературного и житейского окружения в различные периоды жизни. И здесь прежде всего надо отметить воспоминания близко знавших А. Неверова литераторов (Ф. Гладков, Н. Степной, П. Яровой, П. Дорохов, Е. Никитина, П. Замойский), ближайших его родственников (жены, сына, брата, сестры), а также учителей, крестьян, деятелей Советской власти в первые послеоктябрьские годы.

Воспоминания отобраны и размещены таким образом, чтобы по ним можно было проследить весь жизненный путь писателя — от годов школьного и литературного ученичества вплоть до смерти. Поэтому часть воспоминаний публикуется в неполном виде: в каждом из текстов выбрана часть или отрывок, посвященные какому-то одному периоду жизни А. Неверова. Это относится к мемуарным свидетельствам А. Свидерского, Ф. Муромцева, П. Скобелевой-Неверовой, П. Ярового, Н. Степного и др. Тексты ряда воспоминаний заново отредактированы, некоторые из них просмотрены и исправлены авторами.

По времени своего возникновения воспоминания делятся на две группы. Наряду с теми, которые явились, так сказать, по горячим следам, есть мемуарные свидетельства, записанные много лет спустя. Время многое стерло в памяти мемуаристов, и неудивительно, что в поздних свидетельствах облик писателя приобрел черты некоей обобщенности. Из этих воспоминаний взято прежде всего то, что в той или иной степени подтверждается архивными документами и другими мемуарными материалами.

Если мемуары воссоздают те или иные черты личности художника, его повседневного — в том числе и бытового — облика, то раздел, который объединяет литературоведческие статьи, написанные для настоящего сборника, сосредоточивает внимание исключительно на вопросах творчества[8].

Статьи о творчестве А. Неверова делятся на три группы. Прежде всего следует назвать работы, представляющие, если так можно выразиться, «срез» того или иного периода творчества писателя в различных аспектах его творческой эволюции. Сюда относятся статьи Л. В. Берловской («К проблеме гуманизма в послеоктябрьской прозе А. Неверова») и В. П. Скобелева («А. Неверов и А. Яковлев. О народном характере как социально-исторической и этической категории в русской советской прозе 20-х годов»).

Статья Л. В. Берловской, рассматривающая проблему гуманизма, сосредоточивается на творчестве писателя, замыкается в нем. Такого рода сосредоточенность вполне правомерна, тем более если учесть, что путь А. Неверова был непрост, что решения писателя были исполнены драматической остроты.

В отличие от Л. В. Берловской В. П. Скобелев рассматривает прозу А. Неверова 20-х годов в прямом соотношении с прозой А. Яковлева. Статья, прослеживая взаимные притяжения и отталкивания в произведениях обоих авторов, ставит также своей целью наметить некоторые общие контуры литературного процесса первой половины 20-х годов, в частности, поиск социально-исторических и нравственных показателей народного характера в русской советской прозе того времени.

Другую группу составляют исследования, посвященные отдельным произведениям А. Неверова. Таковы статьи А. И. Ванюкова («О художественном своеобразии повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный»), Т. А. Никоновой («О жанровой определенности романа А. Неверова «Гуси-лебеди»), Л. Е. Кройчика («Рассказ А. Неверова «Марья-большевичка». Герой и автор, особенности сказа»), Л. Г. Тамашина («Неоконченная пьеса А. Неверова «Анна»), а также статья Н. В. Соколовой («О некоторых особенностях изображения А. Неверовым семейного быта и морали 20-х годов»).

Наконец, несколько особняком стоит статья критика, переводчика и историка литературы Фрица Мирау (Германская Демократическая Республика) «Человеческий, социальный и художественный документ...» (А. Неверов в Германии 1925—1933 гг.), представляющая собой едва ли не первую попытку показать восприятие творчества одного из зачинателей советской литературы за рубежом.

Фриц Мирау — автор нескольких весьма примечательных статей о восприятии советской литературы в Германии эпохи Веймарской республики. Работы этого исследователя позволяют увидеть, насколько широк и устойчив был в 20-х— начале 30-х годов интерес немецкой прогрессивной общественности к литературе страны, где произошел небывалый в истории грандиозный социальный переворот, имеющий огромное теоретическое и практическое значение для судеб всего человечества. Предлагаемая вниманию советского читателя статья (написанная специально для данного сборника) показывает творчество писателя как объект пристального внимания со стороны немецкой прогрессивной общественности 1925—1933 гг., как один из аргументов идейной борьбы, происходившей тогда в Германии.

Основываясь на общих методологических позициях, будучи единодушными в определении места, занимаемого А. Неверовым в истории советской литературы, авторы исследований в отдельных случаях спорят между собой. Составители сборника не сочли целесообразным снимать такого рода разноречие, поскольку оно, во-первых, не нарушает единства на главном направлении научного изучения неверовского наследия и, во-вторых, является выражением творчески плодотворного обмена мнениями.

В качестве приложения к сборнику дается библиография первых неверовских публикаций и литературы о нем на русском языке, опирающаяся на советские библиографические издания предшествующих лет с учетом новейших публикаций, так или иначе касающихся жизни и творчества писателя. Считаем нелишним отметить, что более ста названий неверовских произведений, а также значительное количество критических и литературоведческих статей вводится в библиографический оборот впервые.

Уже краткий перечень содержащихся в сборнике статей и материалов свидетельствует о том, что книга рассчитана и на специалистов — научных работников, преподавателей литературы и истории, и на студентов гуманитарных факультетов, и на краеведов-любителей, и вообще на читателей, интересующихся русской советской литературой (а их, как известно, немало).

Авторы литературоведческих работ и редакторы-составители сборника рассматривают свой труд, выходящий в свет на родине А. Неверова, как посильную дань памяти и уважения выдающемуся советскому писателю, одному из зачинателей советской литературы.

Вместе с тем нельзя не отметить, что идея создания сборника, который бы объединял забытые и неопубликованные неверовские тексты со статьями о творчестве А. Неверова и воспоминаниями о нем, принадлежит брату писателя П. С. Скобелеву. Он еще в 1956—1957 годах определил характер, принципы построения сборника, а частично и его состав. Смерть помешала П. С. Скобелеву осуществить задуманное. Редакторы-составители настоящей книги рассматривают свою работу как реализацию этого давнего замысла.

В заключение они выражают искреннюю благодарность Е. Ф. Никитиной (Москва), любезно предоставившей для публикации хранящийся в ее архиве портрет А. Неверова, а также кандидатам филологических наук Г. А. Белой (Москва) и Л. И. Янкиной (Куйбышев), прочитавшим книгу в рукописи и сделавшим ценные критические замечания.

---

[1] Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи, М., ГИХЛ, 1957, стр. 318.

[2] См., например: В. Карпинский. Кого считать крестьянским писателем. В кн.: «Пути развития крестьянской литературы». Стенограмма и материалы Пер-

вого Всероссийского съезда крестьянских писателей. М.—Л., Госиздат, 1930.

[3] М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 24. М., ГИХЛ, 1953, стр. 137, 127.

[4] Literarische Bilder aus Rußland. Herausgegeben von H. Koenig. Stuttgart und Tubingen. I.J. Gotta'sche Buchhandlung, 1837, S. 280.

[5] С. Г. Бочаров. Характеры и обстоятельства. В кн.: «Теория литературы». Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 430.

[6] А. Н. Смирнова. О теме народа в прозе первых лет революции (1917—1921). «Русская литература», 1968, № 4, стр. 53.

[7] За исключением особо оговоренных случаев, авторы данной книги цитируют произведения А. Неверова именно по этому четырехтомному собранию сочинений, выпущенному в 1957—1958 годах Куйбышевским книжным издательством. Ссылки даются непосредственно в тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

[8] Следует отметить, что ряд статей представлен участниками Неверовской научной конференции, состоявшейся в декабре 1961 года в Куйбышеве.

1. ИЗ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ

Газетные и журнальные произведения А. Неверова, статья «Приемы художественного творчества И. А. Бунина» и «Записные книжки» подготовлены к печати и прокомментированы Н. И. Страховым.

Публикация «Из переписки А. Неверова с И. Касаткиным и В. Шишковым» подготовлена к печати и прокомментирована А. И. Ванюковым.

1906-1908 гг.

Осенью 1906 года, после окончания Озерской второклассной школы, А. Неверов (Скобелев) поступил на должность учителя «школы грамоты» в глухую деревню Новый Письмерь или Заведение Мелекесского уезда Самарской губернии. Как свидетельствуют новописьмерские старожилы, интересы молодого учителя выходили далеко за пределы педагогической деятельности. Между ним и крестьянской массой не существовало грани, нужды деревни были его собственными нуждами. Вопреки запретам учитель находил дорогу в каждую избу, его везде привечали как «своего человека», ему поверяли любое горе и беду. При свете керосиновой коптилки он читал мужикам и бабам «потайные книжки» о царском произволе, рассказывал о стачках и забастовках в городах.

Искренний друг и наставник крестьянской бедноты, сельский учитель помогал ей в борьбе с угнетателями, используя для этого, насколько было возможно, печатное слово. В Новом Письмере до сих пор помнят о появлении в газете «Симбирские вести» его сатирических корреспонденций, подписанных псевдонимами «Иван Червячок» и «Бой». Они были направлены против местных купцов, кулаков, чиновников.

Под непосредственным влиянием этих печатных выступлений крестьяне Нового Письмеря совершили вооруженное нападение на расположенное поблизости имение Удельного ведомства. Участники нападения были осуждены. В ходе дознания по этому делу следственные органы добивались от крестьян подтверждения, что корреспонденции, вызвавшие «беспорядки», написаны Скобелевым, но никто из них не выдал своего учителя. Не сделал этого, по-видимому, и редактор «Симбирских вестей», который был привлечен за опубликование «ложных сведений» к судебной ответственности по статье 1525 «Уложения о наказаниях». Тем не менее молодой учитель рассматривался властями как подстрекатель «беспорядков», в связи с чем он, по предписанию самарского губернатора В. В. Якунина и вице-губернатора С. П. Белецкого, был подвергнут негласному полицейскому надзору. На положении поднадзорного он находился не менее восьми лет. У него неоднократно производились обыски.

Разоблачительные корреспонденции, написанные А. Неверовым в Новом Письмере, долгое время не были известны исследователям его жизни и творчества. Часть их разыскана только в 1961 году. Обстоятельства и последствия появления этих корреспонденций в печати получили освещение в следующих работах: 1. М. Сударев. Неверов в Письмере. Газ. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1961, 2 декабря; 2. Н. Страхов, М. Сударев. Неизвестные газетные выступления А. С. Неверова. Литературно-художественный альманах «Волга», Куйбышев, 1963, кн. 30, стр. 151—154; 3. Н. Мацкевич. Новый документ о полицейских преследованиях А. Неверова. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1961, 24 декабря; 4. Д. И. Акимов. А. Неверов в Новом Письмере. См. стр. 200—205 настоящего издания.

Новописьмерские сатирические корреспонденции, не имея самостоятельного литературного значения, представляют немалый интерес для выяснения общественно-политических взглядов и настроений молодого А. Неверова. Они дают основание видеть в будущем писателе интеллигента демократической складки, врага существующего строя, пытливого наблюдателя деревенской жизни и, наконец, человека немалого мужества, борца за справедливость, защитника угнетенных.

Ниже приводятся три разоблачительные корреспонденции А. Неверова: Князек Х[айдоров], «Право сильного и «[Скажите, г.г., откровенно...]». Текст корреспонденций дается по газете «Симбирские вести», с исправлением некоторых стилистических погрешностей, допущенных при публикации. Расшифровки не указанных автором или редакцией газеты по цензурным соображениям фамилий, имен, названий сел, взятые в квадратные скобки, принадлежат комментатору. Им же дан заголовок к третьей корреспонденции, которая в газете не озаглавлена.

I

КНЯЗЕК Х[АЙДОРОВ]

Вот уже тридцать с лишком лет, как «княжит» в с[еле] П[исьмерь]... потомок племен Х[айдоровых], мужицкий кровопускатель И[ван] И[ванович] Х[айдоров][1]. Мужицкий выродок, внук лапотника, сын кафтанника И[вана] Е[рофеевича], И[ван] И[ванович] живет по-барски... В нем не узнать потомка мужичонка! Брюхо у князька с сороковушу, лицо словно красное солнышко, того гляди, загорится. Толстые ноги обуты в сапоги бутылками.

Та же Акуля, только заходи с другого бока.

Засел князек Х[айдоров] в округе за восемь верст... Настоящий Соловей-Разбойник! Ни пешему мимо него [не] пройти, ни конному — [не] проехать... Жмет всех и каждого...Особенно нагорает соседним мужикам... Жмет он бедняков, давит и топчет, топчет и плакать не велит! Как паук, сосет князек кровь мужицкую. Жиреет на мужицких крохах! Вьет гнездо мужицкими руками...

Оттого и брюхо у И[вана] И[вановича] на нос лезет, а на шею хоть обруч наколачивай — не то лопнет!..

Наденет князек на мужиков хомут потуже, поставит в оглобли и погонит на работы... Бегут мужички, не прекословя... Бегут, по-

крякивают, спины почесывают, а остановиться не могут. Князек их сзади кнутиком постегивает, а кнутик у него, как змейка, и называется он нуждой мужицкою.

Ну и бегут мужики, бегут, припрыгивая... Чуть заартачатся, И[ван] И[ванович] выпрягает из саней, запрягает в дровни. И снова бегут мужики.

Сунет им в зубы князек двугривенный, бери и не жалуйся. Потопчется мужичок на месте, повертит в руках шапчонку, да и пойдет от князька не солоно хлебавши!..

Совсем нет житья бедным письмерцам от ненавистного князя Х[айдорова]. Он и полосы лесные во время продажи перекупает у мужиков — накинет красненькую, помажет глаза, кому нужно, ну и дело в шляпе! А мужик кричит, чуть не плача, ищет правды. Ему и скотину позволяют пасти в удельных участках... Выйдет же мужицкий вшивый поросенок порыться в листьях чужого леса, как ему пуля в лоб!

А князьку только это и нужно. Нужда мужицкая обостряется, и они сами лезут в хомут к Х[айдорову]... Совести у князька нет. Сальная, слышь, была она у него, ну, кошки и съели... Стыд он потерял... А с состраданием, с правдою — с такими вещами Х[айдоров] незнаком. Закона же для него не существует, потому что он сам «князек».

Ну, и дерет он по две шкуры с мужиков. А г. И[корников][2] «в этом деле святом» ему помогает. Г. И[корникову] только ведь четвертную — он весь будет к вашим услугам.

Долго ли будет существовать это княжество?

— Первый шаг к [его] падению — это устранение г. И[корникова].

Второй шаг — это пробуждение мужиков и сознание ими своей силы. Скажите, г.г., верите ли вы в скорое падение подобных княжеств? — Я же со своей стороны верю...

Отольются волку овечьи слезки...

Иван Червячок

(«Симбирские вести», 13 декабря 1906 года)[3].

---

[1] Хайдоров И. И. — мелекесский купец-лесопромышленник.

[2] Икорников А. — управляющий 2-м Старо-Сахчинским имением Удельного ведомства.

[3] Даты здесь и далее до 1918 года — по старому календарю.

2

ПРАВО СИЛЬНОГО

Сколько столетий люди ищут правды, борются и умирают за нее? Сколько веков уличают подлецов, презирают негодяев? Но до сих пор нет еще правды на земле; до сих пор плодятся подлецы, благодаря небо; до сих пор они ставят пудовые свечки «угодникам божиим», пьют шампанское, спят на пуховиках и ездят на тройках с колокольчиками... Я тоже знаю немало подлецов. Если не лень, послушайте, расскажу. Имена «своих» подлецов я не проставлю, а пусть каждый благоговейно спросит: не я ли это, господи?

Есть небольшая, кривобокая деревенька Новый П[исьмерь]. Деревенька эта разлеглась на арендованных участках Удельного ведомства[1]. Мимо деревеньки, в стороне, протекает небольшая речушка Письмерка, и служит она единственным источником для водопоя скота деревенского во время летнее...

Только слышат и видят однажды мужики, что их речушка запружена. Вода в ней позеленела, ослюнилась, перегнила и сделалась любимым гнездом микроорганизмов... По всей же речушке «купаются», как белые лебеди, плоты мочальников «крокодила» Х[айдорова]. Появился повальный падеж скота. И в какие-нибудь два-три месяца полегло больше трехсот буренок, пестравок, овец и свиней... И был в ту пору большой праздник вороний...

Долго плакали ребятишки и вопили бабы, причитаючи. Обозлились мужики и раскидали плотину, а потом, понурые и горем убитые, потащились на своих кобылках к управляющему удельным имением жаловаться на обиду крокодилову. Но канцелярия приняла их холодно; много с ними не рассуждали, а только спросили, крепки ли их спины, и приказали ждать «удалых донцов». В слезах мужицких канцелярия усмотрела бунт...

Поплакали в кулак, пошумели мужики, погрозили коровоубийцам судом божиим да и пошли по мелекесским трактирам искать правду-матушку...

Наступает продажа лесных полос в Удельном ведомстве. Пришли на торги и мужики деревенские... — Ваше благородие! — заявляют они, почесываясь и поднимая головы. — Вот такую-то деляночку оставьте за нами! — Нельзя! — сухо отвечает благородие. — Себе нужна... на отопление. — Загвоздка!

Ан, смотришь, через месяц приехали на делянку-то крокодиловы работники... Вот те клюква!

Завидущи глаза у крокодила Х[айдорова]! Загорелись они у него на сухостойный сосняк. Съездил он в контору, «покалякал»

с управляющим и приступил к «святому труду». И тут-то крокодил Х[айдоров] дал волю своим лапам.

Вместо сухостоя навозил он ярусы сырого сосняка. Срубил сосны вершков 16-ти и продавал их на мельничные валы.

Отчего же так? Да оттого, что крокодил совершает «таинство помазания»... Ну, и обоим благодать!

В 1906 году разрешило Удел[ьное] вед[омство] сдать голодающим мужикам под покос все, как арендованные, так и неарендованные участки. Перекрестились мужики, но не успели поклониться в землю, чтобы отблагодарить сердобольное ведомс[тво], как и эти покосные участки очутились в зубах крокодила Х[айдорова].

А вот еще картиночка. Арендовал у Удельного вед[омства] поляну Журавлиную 13 лет один мужичок Михаил Никифоров за 105 руб[лей]. Потрудился над ней он, спустил с нее воду, прорыл канаву. И вот за год до окончания срока или за полгода у него отнял управляющий этот кусок и перепродал его крокодилу Х[айдорову] за 108 рублей. И эта перепродажа была совершена без публичных торгов. Прежний арендатор об этом извещен не был. А крокодил эти же участки продал за 300 руб[лей] тому же арендатору, причем вырядил два пая безвозмездно.

Кроме того, у него хватило совести обмануть мужиков — сказать им, что стога сена застрахованы им, за что, якобы, он, крокодил, и отдал свои деньги...

И тут в его карман перепало немало рублей мужицких...

А вот вам, г.г., и заключительный аккорд человеческой подлости. Разрешил управляющий Удел[ьного] вед[омства] пять полос крупного вырубка под пастбище рогатого скота и лошадей в квартале № 84 с платой по 20 к[опеек] с головы. Но вскоре «приказал» он своим верным личардам Сафонову и Маркелову загонять скот мужицкий, если он переступит хоть на вершок через отмежеванную полосу. Скажите, г.г., кто не глуп: как можно удержать скотину на такой площади? Вот тут-то и постарались «верноподданные» управляющего! Загоняли из леса, загоняли и с полей мужицких, прилегающих к лесу. Одним словом, «усердствовали» не на живот, а на смерть, лишь только бы угодить его благородию... Ходили мужики опять в контору объясняться, но больше там с ними не «калякали», а приказали в январе 1907 г[ода] выезжать на суд...

Так вот, г.г., во всей наготе стоят перед вами подлецы и африканские эксплуататоры! Вот каковы дела рук их... Так, скажите, пожалуйста, почему же терпят их в обществе? Зачем они до сих пор на свободе?

Почему несчастного, богом и людьми забытого мужичонку судят, сажают в тюрьму, порют нагайками, если он по нужде стащит

вязанку сена или плаху дров? Для кого же тогда писали «Основные Российские законы»?

За что вот будут судить в январе мужиков? Или за то, что если курица, так неси яйца?

Иван Червячок

(«Симбирские вести», 17 января 1907 года).

[1] Удельное ведомство, или ведомство уделов Российской империи, — государственный орган, ведавший использованием земель, принадлежавших непосредственно лицам царской фамилии. К 1905 году в России насчитывалось 8,5 миллиона гектаров таких земель, что наряду с сосредоточением основных земельных богатств в руках помещиков свидетельствовало о ярко выраженном феодально-крепостническом характере землевладения.

3

[СКАЖИТЕ, Г. Г., ОТКРОВЕННО...]

Скажите, г.г., откровенно, выдумка это или истина, будто на свете есть такие высокие материи — Законы и Правосудие? И еще: будто бы Правосудие карает нарушителей Закона? Если все это истина, то почему оно не покарает ст[аро]-сах[чинского] волостного старшину П. Т[юрина]? Этот мужик правосудие ставит в грош, а законами полы метет. Вот уже шесть лет, как он помыкает целой волостью; шесть лет подличает, выслуживая золотые часы и перстни.

И если, в добрый час будь сказано, не поперхнется ему за обедом и не подавится он костью, то прослужит еще двадцать шесть. А кто ему не желал собачьей смерти? Кто бы не поставил гривенную свечку, только бы он изломал себе ногу или откусил язык?..

Так переусердствовал П. Т[юрин]!

Всем известно, что нынешний год нужна поголовная продовольственная помощь... Нищают крестьяне, чернеют от нужды. А П. Т[юрин] дает право на пользование [продовольственной ссудой] только «по усмотрению».

Ивана записал, а Петруху [Шибашова], у которого заметил на дворе бесхвостого жеребенка да в амбаре меры две муки, обошел. Дескать, состоятельный. А у Петрухи пятеро зубастых ребятишек, которые «ревмя ревут» и толстеют в животишках от «доброй пищи».

На крестьян поселка Н[ового] Письмеря П. Т[юрин] зол, как сто бешеных собак, и готов мстить им на каждом шагу.

Помянули [они] однажды на собрании у участкового председателя помощи Красного Креста о нуждах мужицких, так Т[юрин] чуть не выдрал от злости собственную бороду и завопил, как пес, у которого отнимают кость: — Они богачи... Они на рысаках да в каретах ездят (его слова). — И до сих пор нет [в поселке] столовой.

Когда же мужики письмерские поедут на этих рысаках в волость и позовут в деревню по мирскому делу, то Т[юрин] ломается, криком кричит, даже пену у рта набивает. Дескать, «лошадь мослистая, телега дырявая и сани без лубков...» Откуда такое противоречие?

Когда же ему скажут: — Павел Яковлич! Ведь вы делаете подлость — это нехорошо... Зачем вы обижаете простой народ... За это бог накажет и царь не помилует... — Павел Яковлевич улыбнется только, погладит широкую бороду и скажет тоном большого дурачка: — Э-эй! Бог-ат высоко, а царь-та далеко (его слова).

Да, подлостям его несть числа. Многочисленны они, как песок морской, как звезды небесные...

Принял он когда-то себе приемыша, мальчика лет шестнадцати. Теперь у этого мальчика уже свои мальчики.

Нынешний 1906 г[од] подлежал он отбыванию воинской повинности и должен был идти лобовым. Т[юрину] жалко было с ним расставаться. Ведь он работник.

Недолго думал Т[юрин]! Пошептал[ся], с кем нужно. Напоил мироедов «чаем с кренделями», сунул писарям по четвертной. И через два дня состукали ему «мирской» приговор. Подписали мужики эту ложь — дескать, мальчик принят Т[юриным] не шестнадцати лет, а восьми... Ну, и усыновили!.. И остался приемыш дома.

И это не подлость? Это не нарушение законов?

Слушайте дальше. Некто Г[урьянов] арендует у Удельного ведомства участки. Арендные деньги в силу нынешнего неурожайного года он, Г[урьянов], уплатить не может. П. Т[юрин] написал контракт, где проставил, что Г[урьянов] якобы обязуется уплатить деньги и дал согласие не выпускать скотину, не стрелять по лесу и т. д., и т. д.

И эту ложь Т[юрин] скрепил подложной подписью.

Зная, что арендатор на это не согласен, Т[юрин] нанял г. В., и тот, якобы по болезни руки Г[урьянова], расписался за него. Арендатор же Г[урьянов] очутился в волчьем капкане... И это все сходит... безнаказанно!

Но ведь и волка голод гонит на чужой двор за овцами, и мужика нужда натолкнет на преступления... На волка спустят гончих свору, а на мужиков — полсотни казаков... Подставляй спину... Старшину не станут пороть... А кто из них виноват?

— Старшина — это болячка в ранге чиноначалия, это «орудие канцелярского настроения»...

Но история канцелярского правосудия мало знает случаев, когда бы смотрели на причины...

Бой

(«Симбирские вести», 20 января 1907 года).

В 1907—1910 годах А. Неверов учительствовал в деревне Камышовке Ставропольского уезда Самарской губернии. Несмотря на то, что духовные и светские власти всячески стремились ограничить возможности общения с крестьянами и творческой деятельности «крамольного учителя», в местных газетах продолжали появляться его корреспонденции и заметки, рисующие «стесненную, горькую и неправедную» крестьянскую жизнь. Однако публицистическая «фактографичность» и прямолинейность отображения действительности, по-видимому, уже не удовлетворяли писателя. В эти годы он входил в большую литературу, печатался в «толстых» столичных журналах — «Современном мире», «Русском богатстве». И естественно, что его творческий рост оставлял свой след на сотрудничестве в местных изданиях. Наряду с материалами, не выходящими за рамки конкретных жизненных явлений и фактов, он посылает в газеты короткие рассказы, пытаясь обобщить в них свои наблюдения, типизировать увиденное.

Таков, например, «Крошечный рассказик», созданный в 1908 году и затерявшийся на страницах симбирской газеты «Народные вести». Писатель художественно преломляет в нем факты реальной действительности, изображает вымышленных персонажей, наделяя их, однако, чертами хорошо знакомых ему лиц.

Рассказ воспроизводит атмосферу поповского соглядатайства и доносительства, окружавшую самого А. Неверова. В заглавном его персонаже — кандаловском священнике Павле Злоязыкове угадываются некоторые черты благочинного Александра Сунгурова, бывшего заведующим Озерской второклассной школой в ученические годы писателя, а позднее служившего в селе Большой Кандале Ставропольского уезда. Те, кто знал Сунгурова, отмечают его портретное сходство с Павлом Злоязыковым: «нечеловечески-огромная голова», склонность «говорить речи», трудно усвояемые слушателями из-за косноязычия оратора, и т. д. Сунгуров был тайным агентом-осведомителем полиции и жандармерии и не раз писал доносы на А. Неверова, характеризуя его как «бунтаря» и «богоотступника». (Об этом см.: Н. Мацкевич, Н. Страхов. Новые материалы о Неверове. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1960, 9, 10 декабря).

Важно также отметить, что «Крошечный рассказик» является ранним вариантом неверовского рассказа «Страх», написанного шесть лет спустя, в 1915 году, и получившего высокую оценку М. Горького. Имея в виду по-чеховски тонкий юмор рассказа, Горький заметил: «Вот он, милый Антон Павлыч!» (Дм. Семеновский. А. М. Горький. М., «Советский писатель», 1938, стр. 58—59). Конечно, по своим художественным достоинствам «Крошечный рассказик» значительно уступает «Страху» — одному из лучших дооктябрьских неверовских произведений, и все же он любопытен как отражение начального этапа работы писателя над долго занимавшей его темой.

Текст рассказа приводится по газете «Народные вести» с исправлением вкравшихся опечаток. Слова, взятые в квадратные скобки, принадлежат комментатору.

4

КРОШЕЧНЫЙ РАССКАЗИК

Кандаловский батюшка Павел Злоязыков говорил речь. Полицейский урядник Корноухий слушал, шевелил ушами — ничего не мог понять. Дьячок Лексеич двумя пальцами дергал клинышек припаленной бородки, смотрел одним глазом, нащупывал левую коленку. Его маленькая, хвостатая головка то прижималась к плечам, то вдруг падала на грудь. Старый Лексеич старался показать, что он понял, все понял и нашел средство.

Супруга о. Павла, деликатнейшее существо из бывших епархиалок, с достоинством каменной башни разливала чай, убедительно просила выкушать еще по стаканчику. Неподвижная, красивая, мягкотелая, как и все попадьи, матушка походила на заснувшую рыбу с человеческими глазами.

Двенадцатилетний Костенька, ученик из духовного, слушал папочку.

О. Павел тряхнул нечеловечески-огромной головой, поднял правую руку, левую положил в карман.

— Надо, господа, принять меры... Строгие, административные меры...

Лексеич вытянул шею, подобрал коленки, защурился. Корноухий возмутился всей невозмутимой бычачьей натурой. Страшно повернул дубовые волосатые руки:

— Обязательно принять!

Даже попадья не утерпела от соблазна:

— Это ваша обязанность.

Сказала и поняла, что глупое слово. Покраснела ушами.

— Тут политика! — Корноухий посмотрел на попадью. Попадья поддержала:

— Я тоже так думаю...

— Именно политика! — подцепился и поп. — Государственная опасность.

Лексеич почувствовал сотрясение головы и половины туловища.

— Неужели политика? Скорее всего — анархия...

Корноухий добавил:

— Прокламация тут! Вижу я.

Все молчали.

Корноухий пощупал голову и удостоверился, тут ли у него мыслительная машина, в существовании которой даже сам пристав сомневался, называя его голову «барабаном».

— Можа, он хочет «республику» ввести?

О. Павел положил голову на левое плечо, таинственно шепчет:

— Да, я подозреваю...

Лексеич ногтем указательного пальца сдирает вощинку с рукава полукафтанья. Прячет коленки.

Рабочий кабинет. Горит лампа. На окне дерутся две мухи. Корноухий пишет донесение. Батюшка диктует.

Долго сидел [урядник], пот лился с его красного лица. Наконец-то ему удалось закончить. Батюшка и псаломщик... слушали донесение:

— Его высокородию... ну, и т. д. А вот: имею честь до вести до Вашава сведения што вдеревне Лебедянки учитил Зороф люцинер и не молится богу и опрафдывает сие Богохульство тем, што будто далеко ходить излебедянки в кандаловку, а понастоявшему смыслу он люценер. Оказывает хуление священнику отцу батюшки Павлу злоязыкову. Никовда не служит молебнов а если понастоянию совершает сие таинство то не платит деньги. И еще зороф агитатор и хочет разрушить всее Россею... А к сему подписывавою полицейский урядник 000 стана 00 волости В. Корноухий.

— Что, отцы, ничего так-то? Пойдет? — спрашивает Корноухий, держа лист с произведением своего таланта.

Лексеич закрывает глаза. Рот делает маленькой трубочкой, с умилением смотрит на сочинителей. Встает:

— Не то что ничего, а если бы ты знал, Василий Семеныч, если бы ты хоть на пальчик, ну хоть на один свиной волосок понимал... Да ведь просто изобра-аз-зительно! И кто подумает, что тут... Х-ху-у-дожественно... Люценер, агитатор... Разрушить Рассею.. Хуление священнику!

Батюшка делает руки крестом:

— Составлено характерно. Рельефное представление... Недурно... Д-да-аа...

На столе стоит бутылка. Грузди. Кусок белого хлеба. Батюшка вышел в гостиную завести граммофон. Лексеич обнял Корноухого за шею. Тихонько шепнул в ухо:

— Милок, Вася, подпиши еще, пожалуйста, там, что и псаломщика хулит, и жену его хулит... Уж все равно... Мы отплатим. Отсюда — прямо ко мне... Так и напиши, Вася. «И еще, мол...»

Взошел батюшка.

Корноухий запел что-то гнилым, пересохшим голосом. О. Павел хотел сказать, но поморщился, махнул рукой, отворил дверь и крикнул:

— Пошли-ка попадью за дьяконом. Да поскорее!

Александр Неверов

(«Народные вести»,
Симбирск, 26 декабря 1908 года)

КАК и другие писатели революционно-демократической ориентации, А. Неверов тяжело переживал поражение первой русской революции. Однако это не вызвало у него упадка духа. Действие «охранительных» мер царского самодержавия, всяческие репрессии, «успокоения» и «пресечения», непосредственным свидетелем которых он был, не поколебали его веры в силы народа, в грядущее обновление жизни. В рассказах этого периода («Музыка», «Баба Иван») писатель изображал крестьян-бунтарей и мстителей, которые в потемках, казалось, «успокоенной» деревни вновь и вновь поднимаются на борьбу.

Для настроений А. Неверова тех лет показательно публикуемое здесь стихотворение в прозе «Сказка о цветах», проникнутое уверенностью в будущем, надеждой на то, что семена революции, развеянные по ветру и затоптанные в землю, неминуемо — и, может быть, скоро — дадут новые всходы. Это — первый опыт писателя в области условно-аллегорических форм, к которым он не раз обратится в послеоктябрьском творчестве.

Стихотворение появилось в той же симбирской газете «Народные вести». Только через пятьдесят восемь лет оно было разыскано и перепечатано в газете «Ульяновская правда» (1966, 24 декабря).

Нами приводится текст первой публикации «Сказки о цветах» с небольшими купюрами. Слова, взятые в квадратные скобки, принадлежат комментатору.

5

СКАЗКА О ЦВЕТАХ

Пел. Анд. Зе-ц-ой[1]

Цветы начали зацветать. Когда они выросли — никто не знал. Старый осокорь на болоте, высокий-высокий, и тот говорил:

— Не знаю. Я вырос, состарился, — а цветов не было.

А старый осокорь много жил, много видел и много знал. Его молния жгла, и буря ломила, и топор подсекал...

Липы с березами плакали с радости.

— Теперь и птицы к нам будут летать, и девушки будут ходить за венками... В печали мы изжили время, погнулись от скорби, а песен не слышали...

И липы с березами нежно склонялись к цветам, целовали головки, шептали:

— Живите!

Юноши, девушки шли; садились под липы, смотрели на цветы, говорили:

— Цветы зацветают!.. Как много... Не троньте, не троньте... не рвите!.. Ах, как хорошо!.. Сколько прелести в них...

Обращались к березам и липам:

— Уж вы [их] похраните! Не дайте обидеть.

А Ветер сердился:

— Не бойтесь... Не бойтесь... Ведь я их сажал. Здесь раньше

лишь камни лежали и горький полынок с крапивой росли. Я камни раскидал, полынь и крапиву порвал... Принес издалека семян И на море бегал за тучками. Не бойтесь... Ведь я — им отец!

И юноши, девушки кланялись Ветру:

— Спасибо! Помянем... И песню споем.

Мимо цветов в это время Сапог проходил Простой, неуклюжий, на толстой подметке, с железной подковой. Он видел цветы и слышал, что Ветер сказал, — глухо стучал каблуком.

— Меня и забыли... Ты, глупый Ветришка, сажал, поливал — отец ты им, да? А я уничтожу. Сорву им головки, растискаю стебли и выкину вон...

— Цветы-ы!

— Без цветов проживете... Смотрите, что сделает с ними Сапог... Ваш же Сапог, который вы носите.

И он ненавистно хихикнул.

— Проклятый!.. Уйди... убийца!..

Погнулись от гнева березы:

— Подлец... Негодяй... Сломи наши [ветки]... Цветы же не тронь!..

Сказал ему Ветер:

— Ужели не жалко? Смотри, сколько жизни в цветах... Смотри, сколько радости в лицах... Послушай, что песен поется цветам... А прелести сколько!..

— Эстетика ваша мне не нужна...

— А девушки? Юноши?.. Ты сердце им вырвешь... Ты скорбью задушишь их... И вместо веселых смешинок и песен счастливых ты вложишь в уста им печаль и проклятья...

— Я больше не слушаю... — грубо ответил Сапог. — Меня ты не тронешь... Напрасны слова... Я мертвый, бездушный, тупой, безразличный. Прощай!.. Цветов же не будет...

— Нет, ты не растопчешь! — крикнул озлобленно Ветер. — Я вырастил их, я сам и убью... А ты уж наступишь на мертвых. Но знай ты, проклятый и подлый, головки сорву, листочки раскидаю, а семечко жизни оставлю. И скрою, и спрячу в земле. Его не найдешь, не растопчешь... Быть может, пройдет много лет без цветов. Крапива с полынью опять прорастут, погнутся, подломятся липы от старости... И юноши, девушки старцами будут — цветы ж не погибнут... Цветы зацветут!..

И Ветер вскружился, как птица, и вихрем прошел по цветам. Заплакал и страстно шепнул:

— Люблю вас... Простите!

И плакали юноши, девушки, рвали одежду и землю, где были цветы, целовали. И верят, и верить боятся, что семечко жизни запрятано в землю.

А Ветер сказал — не обманет.
Цветы зацветут.
Только — долго [еще]...
А может быть, скоро...

Александр Неверов

*(«Народные вести»,
Симбирск, 18 сентября 1908 года).*

---

[1] Произведение это посвящено учительнице церковно-приходской школы деревни Андреевки Ставропольского уезда Самарской губернии Пелагее Андреевне Зеленцовой, которая в 1912 году стала женой А. Неверова.

1918-1919 гг.

РАННЕЙ весной 1918 года А. Неверов, переехавший к этому времени из деревни в Самару, закончил работу над циклом очерков «В глухих местах», который явился одной из первых в советской литературе попыток непосредственного воссоздания жизни революционной деревни.

Цикл был напечатан в сборнике «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии», т. 1 (Самара, 1918). Эта публикация давала основание считать, что цикл состоит из трех очерков: «Воля», «На новых правах» и «Темный лес». В таком виде он и воспроизводился в дальнейшем в собраниях сочинений писателя. Но это вызывало впечатление его незавершенности. Начинаясь с описания событий, происходивших в захолустном поволжском селе Чагадаевке в дни Февральской революции, цикл хронологически заканчивался на событиях лета 1917 года. Повествование обрывалось на полдороге к Октябрю. Основной конфликт очерков — столкновение большевистской и эсеровской политических позиций действующих лиц — оставался неразрешенным. В этой связи можно было предполагать, что либо писатель не закончил работу над циклом, либо его окончание по тем или иным причинам не вошло в упомянутый сборник.

При архивных разысканиях удалось выяснить, что цикл «В глухих местах» включал в себя не три, а четыре очерка. Четвертый очерк — «Солдатская горячка» — был в том же 1918 году напечатан в уфимской газете «Народ». Этот очерк изображает Чагадаевку уже в октябрьские дни 1917 года. Он показывает, что писатель ставил перед собой задачу довести повествование до эпохального переворота в судьбах российского крестьянства.

Разрешая узловой конфликт, очерк «Солдатская горячка» придает циклу цельность и законченность и вместе с тем усиливает его идейное звучание. Неполный вариант цикла еще оставлял открытым вопрос о том, кто победит в борьбе за крестьянскую массу в Чагадаевке — солдаты-большевики или их противники во главе с учителем Василием Михайловичем. Полный же вариант утверждает закономерность краха эсеровской идеологии и политики, утрату эсерами прежних позиций и победу большевиков.

Когда писались очерки «В глухих местах», А. Неверов в известной степени был подвержен колебаниям в оценке событий. Колебания эти вызывались ограниченностью его — крестьянского — демократизма, непониманием социалистической природы Октябрьской революции. Именно поэтому в заключительном очерке цикла, в его названии, например, сквозят нотки осуждения кажущейся «поспешности» большевиков, их «горячности», а в описании того, как терпит

поражение находящийся на стороне эсеров учитель — нотки сочувствия к нему. И все же это не меняет общей — исторически достоверной — картины октябрьских дней в деревне, нарисованной писателем.

Очерк «Солдатская горячка» воспроизводится по тексту газеты «Народ» с небольшими сокращениями.

6

В ГЛУХИХ МЕСТАХ[1]

Очерки

4. Солдатская горячка

Затащили ее фронтовые и тыловые солдаты, вернувшиеся в Чагадаевку. А потом заразились от них и все «невоенные», не исключая и самых бестолковых мужиков вроде Моисея Кондрашина с прозрачными побелевшими глазами. Это было время молодой крестьянской силы, молодой, неожиданно вспыхнувшей мысли, — время строительства и творческой воли. Желание сделать что-то хорошее, справедливое, сделать по-своему, своим крестьянским умом, росло и укреплялось с каждым днем. Словно ветер прошел по Чагадаевке, встряхнул, освежил, приподнял низко опущенные головы, прошумел и разнес обиходные нудные мысли, ежедневно сосущие мозг. Старые неуверенные голоса потонули в других голосах, слились в один торжествующий голос, и в этом голосе чувствовалась молодая упрямая воля.

Быстро воспламеняющийся Милок, мучительно ищущий «крестьянскую» партию, горел теперь ровным неугасающим светом и уверенно стоял на той дороге, на которую его поставили фронтовые и тыловые солдаты. Фронтовые же и тыловые солдаты стояли на том пути, на который их поставил обещанный мир...

Противоречить Милку было опасно. Спокойный и добродушный, он выходил из терпения, когда ему возражали, делался легким, подвижным и даже подпрыгивал, вытягивая шею. А иногда просто-напросто засучивал рукава и наливался таким возбужденьем, так упорно и неотвязно точил противника вывороченными потемневшими глазами, что мог налететь и ударить...

Возражал же ему больше всех учитель, с которым они иногда сталкивались лбами, загоняя друг друга в тупик.

Однажды Милок сказал учителю:

— А все-таки я не верю тебе, Василий Михайлыч. И свой ты человек, наш, нашу руку тянешь, ну, я не верю тебе...

— Почему? — обиделся учитель.

— Боюсь!.. Очень уж много обманывали нас... Сам знаешь... Заговорят и — обманут...

Учителю было обидно, что Милок не считает его своим. Он искренне, точно молоденький, показывал себе на грудь, где билось такое же страдающее сердце, но упрямый неверующий Милок только разводил руками:

— Не могу!

С приходом солдат учителя вычеркивали. К его словам относились насмешливо, подозрительно и даже враждебно. С собраний он уходил расстроенный, огорченный и чувствовал себя одиноким. А по вечерам зарывался в тоненькие революционные брошюрки, чтобы найти в них опору, но книжная поддержка была ненадежна и гнулась, как тонкая жердочка...

Фронтовые и тыловые солдаты выгоняли учителя из крестьянской семьи, выталкивали, как вредного, ненадежного чужестранца...

Но учителю, такому же крестьянину, выросшему из мужицкого корня, тяжело было шагать в одиночку, и всякий раз, как только мужики целыми группами шли на собранье, шел и он. Натягивал пальтишко, брал палочку в руки и, встряхивая головой, выходил на крылечко. А потом, согнувшись, медленно двигал ногами туда же, куда и другие... Но та дорога, по которой он раньше подходил к мужикам, была теперь перегорожена. На ней стояли фронтовые и тыловые солдаты, и пробить эту живую сопротивляющуюся стену у учителя не было силы. Только одно слово «мир», которым защищались они, отбрасывало его сразу на несколько сажен от них, и, отрываясь, он летел, словно мячик, подброшенный сильной рукой.

На почетном месте, где недавно еще стоял учитель, окруженный верующими, положившимися на него мужиками, стоял теперь ротный писарь Илюшка в зеленом офицерском плаще, в котором он уже не казался похожим на прежнего Илюшку. Маленький и расторопный, научившийся говорить, он выскакивал из толпы, как воробей из конопляника, возбужденно размахивал руками, сердился, краснел, возбуждался, возбуждал других и говорил такие неслыханные вещи, что мужики только покрякивали...

На другом конце Чагадаевки работал унтер-офицер Салаванов, смелый, решительный человек, и в два молота, как два кузнеца, они беспрестанно били по одному и тому же месту, высекая из накалившейся Чагадаевки вспыхивающие зажигающие искры. За этими людьми тронулись и остальные... Отрываться, стоять на месте, уйти по другой дороге никому не хотелось, боязно было. Даже богатый Лузин не высовывал головы и ходил, согнувши длинную сутулую спину. Смешок у него был тихий, заигрывающий, за которым чувствовались скрытые слезы, и он щупал мужиков такими осторожными мягкими взглядами, что невозможно было узнать в

нем крикуна-воротилу, повертывающего колесо общественной жизни с маху...

...Смелый, решительный голос Салаванова, гремевший над собраньем, то поднимал мужиков вверх, то опускал вниз, то раскачивал, звал, возбуждал, подталкивал и уводил за собой, в незнакомую жуткую даль, где рисовалась хорошая светлая жизнь с хорошими, справедливыми порядками, которые нужно налаживать вот сейчас же, немедленно, своими руками.

«Военные» также укоряли «стариков» в том, что они без них ничего не сделали, ничего не укрепили, а если и сделали, то сделали не так, нехорошо, на убыток себе, и все это нужно переделывать сначала. Самое большое преступление «стариков» состояло в том, что на выборах в Учредительное собрание они голосовали за партию социалистов-революционеров, а надо было бы голосовать за большевиков. Потом неправильно будто бы они выбирали и в земство. Много отыскалось грехов, и старики недружелюбно поглядывали на учителя:

— Он виноват!.. Подвел!..

Они еще не знали, в чем виноват учитель и как он их подвел, но раз говорят солдаты, значит — правильно... Значит, учитель-то того... Подкузьмил...

Сначала собирались в маленькой избе у Трофима Яшанова, а потом в ней стало тесно, душно, по вечерам даже гасла лампа, и Салаванов перетащил мужиков в просторную Тологреевскую усадьбу, которая стала общественной.

Мужики, не зная еще, что делать и куда идти, простаивали целыми вечерами, вытянув шеи, поглядывая на Салаванова с Илюшкой. Мокли, потели, томились, плавая в табачном дыму, рассаживались на полу и жадно клевали каждое выброшенное слово... Взвинченные и разгоряченные солдатами, они чувствовали в себе такую огромную, великую силу, что способны были перевернуть всю жизнь вверх дном, но не знали, с чего начинать, с какого конца приниматься... Слушали, что говорят Салаванов с Илюшкой, и ждали, когда поведут их и укажут, что делать, чтобы использовать молодую упрямую энергию.

Александр Неверов

*(Газ. «Народ», Уфа,
26 октября 1918 года).*

---

[1] Редакция газеты «Народ» сопроводила очерк примечанием: «Начало этих очерков помещено в самарском альманахе «Год Революции», изд[ание] Союза кооперат[ивных] объедин[ений], 1918 г.». Название книги в этом примечании указано не точно. Как уже отмечалось, она называется: «Революция 1917 — 1918 гг. в Самарской губернии».

ЖИЗНЬ А. Неверова сложилась так, что во второй половине 1918 года он оказался на территории Самарской «учредилки» — сепаратного эсеровского «правительства», маскировавшего свою контрреволюционную сущность «демократической» фразеологией. Это обстоятельство на некоторое время усилило надклассовые предрассудки писателя, чему также способствовала абстрактность его гуманистических воззрений. (См. об этом подробно: Н. Страхов. Александр Неверов. Жизнь и творчество. Куйбышевское книжное издательство, 1970*.).

В августе 1918 года А. Неверов создает рассказ «Крест на горе», отразивший перелом в его настроениях.

В рассказе, действие которого относится к периоду чехоучредиловщины, идет речь о «сражении» мужиков двух соседних деревень из-за «свободы» и «контрибуции». Автор рисует картину кровавого побоища, о котором герой-повествователь узнает со слов своего спутника — крестьянина Захара, предаваясь пессимистическим раздумьям о случившемся. Герой-повествователь не ищет «правых» и «виноватых». «...Я — не судья», — такова его позиция, указывающая на попытку отрешиться, уйти от оценки острых и трагических явлений современности.

Вместе с тем вооруженное столкновение михайловских и смурыгинских мужиков — это не просто столкновение между двумя деревнями. За всем этим кроется нечто большее. Нужно учитывать, что рассказ писался в условиях учредиловского режима и предназначался для газеты «Народ», которая, именуясь «беспартийной», выступала в поддержку власти КОМУЧа, политики эсеров.

По-видимому, именно поэтому автор подчеркнуто неопределенен как раз в тех деталях, которые позволили бы составить представление о конкретных перипетиях гражданской войны в здешних местах, в том числе о действиях сторонников учредилки»: трудно сказать, кто и за какие критические замечания избил крестьянина Захара; невнятно говорится о каких-то «войсках» — ясно только, что это не красноармейцы, поскольку солдаты «войск» и люди из здешнего «народа» похоронены в одном месте, а могила красноармейцев видна «подальше». Однако чужеродное для русско-крестьянского колорита рассказа немецкое слово «швайнциммер» достаточно определенно намекает на участие в сражении между михайловцами и смурыгинцами иностранной военной силы, а ею в это время на Самарщине могли быть только чехословацкие легионеры, восставшие в 1918 году против Советов. Представляется, что именно в этом ряду следует рассматривать и глухое упоминание о «контрибуции», которая была поводом к вооруженному столкновению двух сил — «одни лезут в карман, другие не пускают...».

Как известно, сформированная эсерами «народная армия» вместе с легионерами жестоко карала крестьян, сопротивлявшихся мобилизации, реквизициям и взиманию контрибуции. Нередко целые поселения уничтожались артиллерийским и пулеметным огнем. При этом каратели часто наталкивались на сопротивление местных жителей и подоспевших красноармейских или партизанских отрядов. Террористические действия карателей в отношении крестьянства не раз описывались в художественной и мемуарной литературе. (См., например: Иван Вольнов. Самара. «Новый мир», 1925, № 5—6; И. Майский. Демократическая контрреволюция. М.—Пг., 1923.)

Более того. В рассказе идут разговоры о «свободе»: сначала о ней выспрашивает Захара герой-повествователь, потом о «свободе» рассуждает сам Захар. Но все дело в том, что Захар недоволен нынешним положением дел и вспоминает прежнее время, когда, «бывало, при свободе-то, выедешь в поле, посмотришь эдак вот кругом, прищуришься, а сердце-то поет... Веселится!..». В итоге прочерчивается неодобрительное отношение таких, как Захар, к «учредилке», свидетельст-

---

* В дальнейшем ссылки на это издание приводятся без выходных данных.

вующее об утрате средними слоями деревни прежнего доверия к ней, что, как известно, означало рост влияния идей Советской власти.

И хотя, как уже было отмечено, герой-повествователь заявляет: «...Я —не судья», тем не менее позиция автора — это отнюдь не позиция беспристрастного наблюдателя. А. Неверов увидел эсеровскую «государственность» в ее исторической повседневной практике и судит теперь о ней не по лозунгам, а по конкретным делам. Словно бы сама жизнь открывает герою-повествователю горькую правду, заставляет расставаться с наивными утопическими надеждами.

А. Неверов видит, как меняются настроения крестьянства, начинает понимать, насколько иллюзорны были его упования на блага «чистой демократии». Рассказ «Крест на горе» знаменовал высшую, переломную точку переживаемого писателем духовного кризиса.

Во все многотомные и однотомные собрания сочинений Неверова рассказ не входил. Это объяснялось скорее всего неправильной трактовкой его содержания, невниманием к подтексту. Характерно, что исключение рассказа из подготовлявшегося к печати второго тома семитомного собрания сочинений писателя (1925 год) было неодобрительно встречено М. Горьким.

«Изумлен мудростью и храбростью редакционной коллегии «Земли и ф[абрики]», — писал в этой связи М. Горький Н. Фатову 20 января 1926 года, — «исключающей» рассказы писателей на том анекдотическом основании, что рассказы и «написаны очень сильно и оставляют тяжелое впечатление». Но ведь таких рассказов в текущей литературе, вероятно, 90% и, кажется, скоро будет сто. Когда же это русская литература не оставляла «тяжелого впечатления»? Если устранить Пушкина, Лермонтова и еще двух-трех прозаиков» (Н. Фатов. Воспоминания о М. Горьком. Рукопись. Архив Н. Страхова).

В значительно переработанном и сокращенном виде рассказ «Крест на горе» был напечатан в журнале «Земля советская», 1929, № 1, стр. 39—41. Однако нет оснований считать, что эта переработка принадлежит А. Неверову.

Нами рассказ «Крест на горе» приводится по тексту первой публикации 1918 года, с небольшими сокращениями. Слова, взятые в квадратные скобки, принадлежат комментатору.

7

КРЕСТ НА ГОРЕ

Направо — степь, налево — степь...

Простор!

На полях — подпаленная зелень, на небе — голубые разорванные облака, плывущие в дальний неведомый путь... Тихо шумит колосистая рожь, дрожит, переливается воздух... Слышится звон погремушки... Ныряет, плывет и качается кто-то верхом утонувший в хлебах. На взгорке чернеет далекое стадо. Маячит церквушка вдали... Тишина и покой. Солнышко светит. Распластавшись, висит остроглазый блуждающий коршун, танцуют уставшие мухи... Грустит одинокая песня во ржах.

Хорошо!

Так бы и ехал вот в этой плетушке, убаюканный вольным зеленым раздольем... Так бы и смотрел, не отрываясь, в широкую

светлую даль, опоясанную хлебами. Погрузиться бы молча в бесшумную молитвенную тишину, налитую солнечным светом, отойти от тяжелых пугающих дум и по-детски шепнуть позабытое детское слово!

Господи, как хорошо!..

Едем.

Рядом со мной — Захар. У него пропыленные серые волосы, серое бородатое лицо. Он без шапки, в одной рубахе. Босые ноги торчат, как у мертвого, обнажая мохнатые икры. В искривленной сутулой фигуре чувствуется стариковская недомогающая слабость. Он сидит немножко боком ко мне и упорно глядит в одну сторону. Иногда беспокойно крутит головой, сердится, хлещет скотину в оглоблях. А минутами сидит неподвижно, выронив вожжи из рук. Молчит.

Перед глазами у меня — широкое неизмеренное поле, маленькая степная церквушка с короткой протянутой колокольней и повисший блуждающий коршун, готовый упасть над полями... Улыбнуться бы, зажмуриться, чтобы плыть незаметно и тихо в далекое детство, но в сердце грустит одинокая песня — неведомо чья. Поворачиваясь, я смотрю на Захара, на Захарову лошадь с горбатой костлявой спиной, на плетушку, в которой сидим, и — невольно вздыхаю. Серый покорный Захар с почерневшими ногами поднимает в душе бесконечно-унылое чувство. Я встряхиваюсь, пожимаюсь, хочу приподняться, чтобы выбросить из себя беспокойно-сосущие мысли, а в сердце по-прежнему — жалость, досада и стыд...

— Захар! — говорю я тихонько.

Он откликается не сразу и, поворачиваясь, глядит вопросительно. В глазах — растерянность, на лице — недоуменье... Пыльная нерасчесанная борода сдвинута набок. Левая рука незаметно вздрагивает.

— Захар! — говорю я, придвигаясь поближе к нему. — Какой ты партии?

Захар улыбается. Но глядя на его улыбку, на морщинки под глазами, кажется, что он собирается плакать.

— Социалист, что ли, ты, а?

Молчит. Ударяет по лошади. Торопится ехать.

— Ну, как делишки-то?

— Какия?

— Ну, известно — какие... Житейские...

— Слава богу! — с трудом выговаривает Захар.

— Значит, хорошие?

— А что же? Идут...

Разговориться с Захаром трудно. Выбросит слово и — замолчит. Озирается, к чему-то прислушивается. То замахнется на ло-

шадь, натягивая вожжи, то виновато вздохнет. Мысли в голове у него бегут беспорядочно, путаются, переплетаются, и вся эта путаница, как в зеркале, отражается в серых открытых глазах.

— Ну, так как же живешь? — донимаю я новым вопросом.

Захар морщится. Выше поднимает упавшие плечи, чтобы спрятаться от моих беспокоящих глаз, и, помолчав, говорит, неестественно улыбаясь:

— Да хорошо!

— А не врешь?

Захару тяжело. Не зная, что и как ответить, чтобы не сделать ошибки, он неожиданно выпрыгивает из телеги, поправляет дугу, трогает поперешник и идет вдоль оглобли, опустив голову. Думает.

— Всякое бывает! — говорит он нерешительно и неопределенно. — Все в кучу клади...

— Ну, а свобода как?

— Не знай!

— Держишься за нее?

— Немножко держусь...

— То есть, как немножко?

Захар молчит. Отворачивается.

— Ну, садись! — говорю я нарочно сердито. — Ехать надо.

Он торопливо лезет в телегу, хватаясь за вожжи.

— Гони!

Гонит.

— Ударь хорошенько лошадь-то!

Ударяет.

— Сильнее ударь!

Захар ударяет сильнее.

Я смотрю на него, вспуганно размахивающего вожжами над головой у себя, смеюсь нехорошей, больной искривленной улыбкой. Он стоит на коленях, выставив черные пятки, и если я закричу на него: «Сукин ты сын! Мошенник! Разве так возят, а?» — он, наверное, задушит и себя, и старого, отощавшего мерина.

Мне стыдно и больно.

Кругом так много солнечной тишины, светлых молитвенных дум; так широко и просторно степное раздолье с маленькой затерянной церквушкой в полях... Только бы радоваться, любовно поглядывая на спелую колосистую рожь, а в глазах у Захара — безмолвное тяжкое горе... Я, беря его за руку, усаживаю, заглядываю в потное перепуганное лицо и с упреком говорю тихонько:

— Эх, Захар... Захар.... Какой ты трус!..

Глаза наши на минуту встречаются. Мы понимаем друг друга.

— Боишься? — спрашиваю я.

— Боюсь! — с покорной усталостью отвечает Захар.

— А разве пугали тебя?

— Пугали...

— Расскажи, пожалуйста! — уговариваю я.

Я чувствую, что Захару тяжело, не под силу таскать в себе накопившееся чувство обиды; его позывает раскрыться, покаяться, чтобы опростать переполненное сердце, но страх и недоверье ко мне удерживают.

— Вы не из комиссаров? — спрашивает он.

— Да, да... Из них... Из самых главных я.

— Хорошие люди! — неуверенно хвалит Захар.

Несколько минут я смотрю на него молча и пристально, улавливая каждую морщинку на лбу, и вдруг начинаю смеяться... И только уж после, когда мне удается подавить в нем недоверие к себе, он запросто и по-ребячьи показывает мне синие рубцы на спине, поднимая рубаху.

— Видишь?

— Вижу!..

— Ну, вот понимай теперь...

— Кто же это тебя?

— А почем я знаю? Отвозил двоих до Смурыгина и — нашпарили.

— За что?

— За язык.

— За какой язык?

— Вот за этот...

Захар неожиданно высовывает язык и раза два проводит по нему пальцем.

— Отпилить его надо... Длинный он у меня. Несуразный! Едем, эдак же вот, дорогой с ними, а они расспрашивают, донимают. Ну, как живешь? Да как дела? Из какой, мол, партии и за какую власть стоишь... Ну, я и обрадовался... начал выкладывать. Маленько ругнул и начальство кое-кого... Вижу — зашел далеко... Не туда попало... Начал было пятиться, а они — ко мне. 'Нет, слышь, постой... Погоди... Тебя, слышь, поучить надо... Болтливый ты. Подвез я их до волости, собираюсь назад без передышки, — не тут-то было! Взяли меня под руки и повели. Затискали в арестантскую и начали гладить... Плакал я тогда... Ей-богу... Как маленький... Выпустили меня из арестантки под утречко и наказывают: ежели, говорят, ты будешь еще языком своим дурацким стучать — смотри!..

— Неужто избили?

— Избить-то бы ладно... наплевать, ежели бы по спине... Ухо вот сгубили... Недослышиваю... По уху ударили...

Больше я не расспрашиваю.

Синие рубцы и разбитое ухо [передают] короче и проще весь ужас Захара, попавшего в злые, недобрые руки, но Захару хочется дойти до конца.

— Вот и нельзя разговаривать-то! — продолжает он, улыбаясь печальной улыбкой. — Где по глупости, где от обиды скажешь лишнее слово, а потом и расплачивайся... Не знаешь ведь кому чего надо... Веришь. Я вот и сейчас тоже не знаю, с какими ты мыслями подходишь ко мне. Расспрашивает человек, будто бы жалеет, в горе входит, допытывается, ну, и — раскроешься... Вот, мол, гляди! Покажешь эдак все до ниточки, вытащишь самую что ни на есть настоящую правду, чтобы добрый человек почувствовал твое настоящее сердечное горе, а оно обернется к тебе... горе-то... задом... Нельзя говорить!

— А много горя-то, Захар?

— Горя-то?

Захар выпрямляется. В глазах вспыхивает возбужденье.

— По-моему — много. Не перемеряешь... Я так думаю: ежели сложить его в одну кучу — гора получится... Истинный господь! Страсть!.. Нельзя ведь жить-то стало...

— Нельзя.

— Нет! Силов не хватает... Ты гляди на нас хорошенько... Уж и терпим мы. Больно много терпим. Молчим! И так и эдак вертимся, чтобы духом не падать, ну, нет — нельзя... Наружу просится... Скрипнешь зубами ину пору и говоришь самому себе: «Да так твою мать!.. Да за какие-проэдакие грехи столько мученья несешь, а? Господи! Да неужто и на самом деле не люди мы?» Думаешь-думаешь, сопишь, сопишь и — прорвешься... Айда!..

— Сдерживаться надо! — говорю я, не поднимая головы.

— Эх, милый человек! — вздыхает Захар. — Сдерживаться. Ей-богу, нельзя! Ну, гляди вот на меня, к примеру. Какой я человек? Озорной али смирный?

— Будто бы смирный...

— Ну, вот, будто бы смирный... А ведь бывает, что и я могу человека задушить... Ей-богу! Иной раз как из чугуна плещет из тебя. Сам себя не помнишь... Дурной сделаешься... А мы все эдакие... Запутали нас, растравили, и не знаем, что делать... Тебя кусают, и ты кусаешь. Тебя — за горло, и ты — за горло... Беда! Погляди, чего у нас делается! Друг на друга лезем...

— Отчего?

— Вот и беда-то, что сами не знаем — отчего... Закружились: этот тащит в эту сторону, а этот — в эту. Дергают, мотают из угла в угол, а установить на точку, направить — некому... Плохо живем!

— Плохо?

— Плохо... Радости нет никакой... Тут — слезы, там — слезы,

словно покойников провожаем. Бывало, при свободе-то, выедешь в поле, посмотришь эдак кругом, прищуришься, а сердце-то поет... Веселится!..

— А теперь? Разве нет свободы?

— Что — теперь. Живешь, как на постоялом дворе, и хозяином себя не считаешь... Все собираешься куда-то ехать... Только и думаешь об одном: повесят тебе горе на шею и будешь таскать... Придут и — выгонят...

Захар говорит тихо, раздумчиво, почти проникновенно. Мы вылезли из телеги и шагаем по пыльной дороге. Лошадь, согнувшись, идет впереди. Поднимаемся на гору. Молчим. Захар смотрит направо, я смотрю налево, но думы у нас одинаковые... Страдает народ! Мучается... А кругом столько радости, тишины и покоя. Столько света! И как-то не верится, что в этом бесшумном зеленом просторе незримо дрожат оскорбленные горькие слезы, незримо кружится великое горе народное...

— Видишь ямки-то? — спрашивает Захар, показывая кнутовищем направо.

— Вижу...

— Окопы это...

— Окопы?

— Да. Михайловские со смурыгинскими сражались тут... Как по-настоящему — пулеметами. А это, вон, колесо-то валяется... Пушка стояла... Из нее жарили...

— Значит, война была?

— Ага!

— Из-за чего?

— А кто ее знает. Не поймешь!.. Все из-за свободы. Одни говорят: «Наша лучше!». Другие говорят: «Наша лучше!». Ну, и начали доказывать друг другу. А тут еще из-за контрибуции поднялись, провалиться бы ей... Одни лезут в карман, другие — не пускают... Значит, драка.

— И что же, убитые были?

— Мало ли убитых!.. Ребятишек одних погубили с десяток. Рядом деревни-то... А пули, как мухи. Туда летят, сюда летят. Кого — в бок, кого — в голову... Много!..

Я смотрю на стоптанное выбитое поле, на маленькие «швайнциммер» — ямки, вырытые на смерть себе, представляю михайловских и смурыгинских мужиков с искаженными лицами, добивающих друг друга прикладами, и — в ужасе закрываю глаза... Страшно! Плачут бабы, вытаскивая иконы, дрожат ребятишки, жалобно крестятся старики, тряся головой... Боятся, фыркают, озираются лошади, становясь на дыбы, голосом воет деревня, а дряхлая разбитая пушка все ухает... ухает... ухает...

Тошно!

Я не могу идти.

Ноги мои гнутся, дрожат, спотыкаются... Сердце болит. Сесть бы вот тут на эту лужайку, уронив голову, и — заплакать. Закрыть лицо обеими руками и вылить последние слезы, последнюю жалость за тех, кто изрыл это поле «швайнциммер» — ямками на смерть себе.

Но я не плачу. Плачут другие...

На горе, в десяти шагах от дороги, чернеет маленький деревянный крест под засохшим венком из полевых цветов. Возле креста сидит женщина. Простая деревенская баба. Около нее валяется сумочка с хлебом, перевязанный серп. Стоит кувшин с водой. Ползает ребенок, посаженный на тряпицы. Издали я не вижу тоскливых заплаканных глаз, но, прикрытая медным распятьем, врезанным в крест, женщина плачет... Я смотрю на Захара. Захар объясняет:

— Аннушка это... Из Смурыгина...

— А крест почему?

— Да как же? Могила ведь тут...

— Могила?

— Ну, да... Народ схоронен... Войска...

— Значит, и Аннушкин муж тут?

— Ну, да — тут...

Я останавливаюсь. Останавливается и Захар. Смотрим на вдовую обездоленную Аннушку, схоронившую радость земную... Вот оно, горе-то! Присело, сидит и не жалуется...

— Дурочкой стала! — шепчет Захар. — Повредилась... Каждый раз случается вот тут... То плачет, то молится... Встанет на коленки, положит голову на могилу и — молится... Лежит, как убитая, и внимания ни на кого не обращает... А вон еще... Видишь? Вон подальше-то... Там уж другая могила... Красноармейская...

Молчу. Не слушаю.

Захар на кого-то жалуется, кого-то винит и оправдывает, но я — не судья... Оборачиваясь, я вижу позади только обветренный крест под высохшим венком, поврежденную Аннушку с поникшей больной головой и безмолвное тяжкое горе в покорных опухших глазах... Вижу сумочку с хлебом, огромный кувшин, налитый вдовьими и сиротскими слезами, и несчастное горькое детище, посаженное на тряпицы... Вижу плачущую русскую землю, изнемогающую под тяжелым крестом испытаний, и с болью на сердце, с тоской и отчаянием смотрю на голубые разорванные облака, плывущие в дальний неведомый путь...

Грустно...

Александр Неверов

(«Народ», Самара, 10 сентября 1918 года).

В СЕНТЯБРЕ — ноябре 1918 года А. Неверов занимается главным образом публицистической деятельностью, сотрудничая в газете «Народ». В ряде его статей, фельетонов, заметок описываются явления и факты, указывающие на неблагополучное состояние дел «учредилки». Расстройство государственного управления, финансовая катастрофа, анархия, обнищание трудящихся масс, насилие и произвол — вот что оказывается в поле зрения писателя. Характерно, что он ищет первопричину царящего зла. В фельетонах «Письмо к тетеньке Уфе», «Бесовы проделки», в басне «Лошадь и погремушка» проводится мысль о том, что учредиловцы лишь на словах пекутся об интересах трудящихся. В фельетоне «Горемыки» писатель показывает кулачество как социальную опору учредиловского режима.

Однако прямо и недвусмысленно высказать то, к чему А. Неверов приходил, освобождаясь от прежних заблуждений, на страницах газеты «Народ», конечно, не представлялось возможным. Он сделал это только после краха «учредилки», опубликовав в уфимской большевистской газете «Вперед!» очерк «В те дни».

Этот очерк — яркое свидетельство плодотворности идейных исканий А. Неверова в переломную пору его жизни. Он отличается глубиной и зрелостью суждений о характере совершающихся событий, пониманием целей борющихся классовых сил, трезвостью оценок и выводов.

Очерк «В те дни» выдержан в тоне горькой насмешки над шутовской комедией, разыгранной эсеро-меньшевистскими «друзьями народа» по указке западных империалистов. Этот тон, усиливая сатирическую окраску очерка, поднимает его в ряде мест на высоту памфлета.

Долгое время очерк «В те дни» не был известен исследователям жизни и творчества А. Неверова. О его существовании впервые упомянул В. Кузьмин, бывший в 1919 году сотрудником уфимских большевистских газет. В заметке «А. С. Неверов» (журнал «Жернов», 1926, № 7) он указывал, что этот очерк назывался «Последние дни белых», имел подпись: «А. Неверов» и появился в газете «Красное знамя» в самом начале 1919 года. Свою заметку В. Кузьмин писал шесть-семь лет спустя после публикации очерка и, вероятно, потому приведенные им данные не были достоверны.

Последнее, естественно, затруднило разыскание очерка. Изучив уфимские газеты начала 1919 года, Н. Фатов в свое время констатировал, что какие-либо материалы с подписью: «А. Неверов» в них отсутствуют, а единственная статья о крахе «учредилки», называющаяся «В те дни» и напечатанная в газете «Вперед!», имеет подпись: «С. Бояркин», которую вряд ли можно принять за неверовский псевдоним.

Между тем статья «В те дни», как установлено в 1962 году Н. Страховым и М. Сударевым, и есть тот самый очерк, о котором говорится в воспоминаниях В. Кузьмина и который тщетно разыскивал Н. Фатов.

Чем же подтверждается принадлежность очерка А. Неверову?

Во-первых, данный очерк мог быть написан только литератором, непосредственно наблюдавшим в Уфе сцены дипломатических приемов. А. Неверов бывал на таких приемах в качестве корреспондента газеты «Народ». Об этом, в частности, свидетельствует информационный отчет об учредиловских банкетах в честь «союзных» миссий, напечатанный в газете 18 ноября 1918 года за подписью: «А. Новиковский» (псевдоним А. Неверова), и, заметим попутно, не содержащий авторских оценок.

Во-вторых, — и это главное, — в очерке легко угадывается неверовская литературная манера со свойственными ей иронически-простодушными интонациями, повторами, параллелизмами и т. д. Более того, в нем встречаются описания, авторские отступления и фразеологические конструкции, прямую аналогию кото-

рым можно найти в других неверовских произведениях. Приведем два сопоставления.

Текст очерка «В те дни»

«Огромное зало, заполненное веселыми, подвыпившими французами, походило на постоялый двор, занятый возчиками, устроившими кормежку. Глядя на них, думалось: вот ехали-ехали ребята и заехали отдохнуть. Заказали ужин, послали за водкой и, засучив рукава, пропивают лишние мешающие полтинники...»

Текст рассказа «Преступники»

«Можно подумать, что зазябшие бородатые мужики едут в губернский город с извозом. Везут на ярмарку чьи-то товары, на полчасика завернули покормить лошадей. Подадут артельный нечищенный самовар им, большой курносый чайник. На столе появятся домашние ситники, промороженная баранина, тоненькая синяя полбутылка. Потекут шутливые разговоры про овес, про сено...» (I, 163).

Текст очерка «В те дни»

«Вот они приедут... Вот они прибудут... Они разберут, в чем дело... Они протянут нам братскую руку и сделают «бедную растерзанную Россию» могучей, богатой, свободной...

Они... Они... Они... Они...»

Текст романа «Гуси-лебеди»

«В комитете сидели социалисты-революционеры, и своими воззваниями, газетами, приказами они кричали в мирно настроенную трудовую черноземную степь:

— Берегись большевиков!..
— Они — не социалисты!..
— Они...
— Они...
— Они...» (IV, 169).

Вместе с этим нелишне заметить, что у Неверова есть очерк, написанный хотя и на другую тему, однако носящий аналогичное название — «В те дни» (См. Александр Неверов. Полное собрание сочинений в семи томах. М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1926—1928, т. V, стр. 60—64).

Что касается подписи «С. Бояркин», то это, конечно, один из многих псевдонимов А. Неверова, источник которого предположительно устанавливается так. Писатель любил производить свои псевдонимы от наименований хорошо известных ему сел и городов: А. Новиковский — от Новиковки, С. Еланский — от Елани, Самарский — от Самары и т. д. Псевдоним С. Бояркин, по-видимому, означает производное от Бояркина — села б. Корсунского уезда Симбирской губернии (ныне — Инзенского района Ульяновской области). Название это могло запомниться писателю, поскольку Бояркино расположено почти рядом с селом Инза, где он, по воспоминаниям современников, не раз гостил у знакомых учителей. Вообще же говоря, писатель нередко варьировал названия многих сел Самарской и Симбирской губерний в своих произведениях.

Таким образом, авторство А. Неверова в отношении очерка «В те дни» представляется не вызывающим сомнений.

Очерк приводится по тексту первой публикации с небольшими купюрами.

8

В ТЕ ДНИ

«Горьким смехом моим посмеюся...»

Это было, насколько помнится, в конце октября 1918 года. Серая обывательская Уфа тонула в осенней слякоти, в обывательской

болтовне... о «народовластии». Газеты писали о «героической Франции» и о «благородной Англии», протягивающих «братские» руки России. Местные кадеты нащупывали позицию и изредка, в пределах возможного, щелкали по носу комитетчиков. Комитетчики налаживали государственный аппарат, который никак не могли наладить, вели переговоры, устраивали совещания, шли на уступки «в интересах демократии» и зорко посматривали на Сибирь. Короче сказать, это было в то время, когда правые эсеры, ухватив коня за хвост, чувствовали, что они не в силах удержать его в руках, и ждали помощи союзников.

В свои силы на территории, освобожденной от Советской власти, не верилось, ибо реальной организованной силы не было, да и сама территория суживалась с каждым днем... Крепкий деревенский чернозем... стоял в стороне, совершенно оторванный от «комитета», и на все его мероприятия смотрел либо безучастно, либо с глухой затаенной враждой. А все мероприятия «комитета» самым трагическим образом выявлялись перед деревней только в диких полицейских налетах... да в бесчисленных реквизициях с ведома и без ведома предержащих властей. Об остальном деревня не слышала и не разумела... Не было реальной поддержки «комитету» и со стороны рабочего класса, так как комитетская политика «откладывания наперед» и заигрывания с буржуазией, накидывающей свою петлю, все больше и больше убеждала рабочих, что крупные козыри в этой игре находятся в руках буржуазно-военной группы, до поры до времени прикрывающейся «демократической» занавеской...

В это время «комитет» учредиловцев чувствовал себя зажатым, стиснутым со всех сторон. Сибирское правительство грызло ему уши, связывало по рукам и ногам, водило за нос и заставляло «писать под диктовку». Доблестное офицерство «народной армии» чихало на все приказы, на все постановления, открыто высмеивая «министров», и, не стесняясь, хулиганило по гостиницам, устраивая кутежи и дикие оргии... «Братья-чехи» из командного состава тоже начинали незаметно менять свой курс, и комитетские дни были сочтены заранее... Уфимские заборы почти сплошь были оклеены плакатами, воззваниями, призывали, упрекали в отсутствии патриотического чувства у граждан.

— Помогите родине!

— Спасите родину!

— Идите в окопы!

— Становитесь под ружье!

— Как вам не стыдно?

Все эти и другие выкрики глазели с заборов огромными буквами, но уже не волновали, не будили живого непосредственного чувства, а просто-напросто вызывали горькую недоумевающую

улыбку... Люди не только не шли и не становились под ружье, но убегали и последние... Были случаи, когда «чудо-богатыри из народной армии», рваные и босые, с дикими одуревшими глазами бродили по станциям перед вагонами чешских эшелонов с протянутой рукой и с унизительными поклонами принимали брошенный кусок хлеба, кружечку тепленьких щец.

И все-таки этой нищетой, этой вопиющей несправедливостью не возмущались те, кому следовало возмущаться, о ней почти и не говорили, чтобы не выносить сора из избы. А если иногда и указывали на нее, то как на результат экономической разрухи, вызванной большевиками... В редакции местных газет секретно было прислано циркулярное распоряжение, категорически воспрещающее касаться вопросов «продовольствия, фуража, обмундирования и санитарного состояния воинских частей». Вместо свободы слова появилось цензурное решето, не пропускающее в прессу ни одной возмущенной, протестующей мысли.

«Комитет» все это видел, все это знал, все это молча переваривал в себе, но распутать все эти узлы... был не в состоянии.

Игра зашла очень далеко, в руках остались одни «шестерки», и военно-буржуазная группа, выросшая и окрепшая под покровом «учредительного», выношенная соглашениями и уступками, уже не считалась с «комитетом» как с «выразителем» воли народной, а явно и открыто смотрела на него как на лишний, мешающий нарост, который необходимо удалить...

«Комитет» чувствовал, что он «отзвонил свою обедню» и плывет между берегов, ухватившись за тоненькую соломинку. Все его надежды возлагались только на союзников; все его взоры были устремлены на «героическую Францию» и на «благородную Англию». Вот они приедут... Вот они прибудут... Они разберут, в чем дело... Они, свободолюбивые и пропитанные духом истинного демократизма, не позволят кучке военных интриганов попирать начала «правды и справедливости»; не позволят втаптывать в грязь идеи «народовластия» и завоевания революции, добытые кровью крестьян и рабочих... Они протянут нам братскую руку и сделают «бедную, растерзанную Россию» могучей, богатой, свободной...

Они... Они... Они... Они...

Многим казалось тогда, что стоит им только приехать, — и жизнь повернется другой стороной, стоит только им перевалить на русскую землю, — и земля процветет всеми злаками...

И вот, наконец, они приехали... Их ждали с большим нетерпением; им раскланивались еще за несколько тысяч верст; их уже обласкали наперед, подкупили улыбками...

Это была английская миссия в несколько человек под командой морского капитана мистера Миоффата. Но Уфа была довольна и этим. А разочарованных успокаивали:

— Подождите!.. За ними еще едут... Тысяч пятьдесят... С пушками...

Англичан, конечно, встретили с помпой. Не как нахлебников, приехавших доедать русские крошки, а как борцов за справедливость, присланных в Россию по особому заказу в качестве мировых посредников между утесненной «демократией» и не в меру зазнавшейся буржуазией (выкормленной грудью соглашательской политики — к слову сказать).

Это — с одной стороны.

А с другой стороны — на англичан смотрели, как на новую надежную силу, которую можно выставить против Советской власти...

Первыми в зало прошли чопорные английские гости со строгими немигающими глазами, потом штаб Самарской группы войск, «братья-чехи» во главе с приветливым, улыбающимся Власаком, Люсьен Комо с тонкими, скромно поджатыми губами[1] и, наконец, русской развалочкой, чуть-чуть смущенные, чуть-чуть растерянные... прошли и представились учредиловские министры Филиповский, Веденяпин, Климушкин и другие[2]. На их обрадованных лицах, вместе с приготовленной улыбкой, лежала какая-то кротость и тайная невысказанная тревога...

Расселись...

Большие — с большими, маленькие — с маленькими, как и полагается в хорошем обществе. Доблестное офицерство первым делом обратило свое внимание на графины со спиртом... Посыпались старые затасканные шутки:

— Вы пьете, поручик?

— Какой же он поручик, коли не пьет?

— Стаканчики, рюмочки, объединяйтесь!..

А в это время за «министерским» столом сыпались безмолвные, но выразительные улыбки. Министры улыбались мистеру Миоффату, приехавшему укреплять демократическую республику, а мистер Миоффат, в свою очередь, улыбался министрам... И все-таки среди этих улыбок, среди бесчисленных поклонов друг другу, под перекрестным огнем поднятых стаканов... было одно общее чувство у всех, что за этими столами в эту минуту играется какая-то скверная, нехорошая комедия неискренней дружбы и скрытого лицемерия, за которое кое-кому потом придется краснеть. Это, надо полагать, чувствовали и сами министры тогда. Особенно Веденяпин. В обычном пиджаке поверх черной сатиновой рубахи он сидел на своем месте, словно приговоренный, уронив широкую распушенную бороду, и упорно думал о чем-то... В нем не было парадного пыла... По крайней мере, он не произнес ни единого слова и смотрел на все, как человек, нечаянно и по необходимости посаженный на пеструю балаганную карусель...

А здесь в этот вечер именно была какая-то карусель. Когда начались приветственные речи с выражением «любви и дружбы», все участники «торжества» закружились вокруг «учредительного», вокруг идей «народовластия», вокруг начал «правды и справедливости», вокруг попранных прав демократии и т. д., и т. п. Запрыгали, зазвенели, заиграли цветные, подкрашенные фразы: о родине, истекающей кровью, о вековых надеждах русского народа, о новом строительстве русской жизни.

Но в это никто не верил.

Ни русские, ни англичане.

На лицах офицеров лежали скверные двусмысленные улыбки, по столам текли вышучивания... Настоящее нутро было еще скрыто, не выявлено, и во всех этих речах чувствовалась какая-то хитрость, какое-то заигрывание друг с другом... Иван хвалил Марью, Марья хвалила Ивана.

Конечно, кричали «ура». Оркестр играл «Гей, славяне!», «Марсельезу», но все это было искусственное, фальшивое, подогретое спиртом... И когда английские солдаты, перецеловавшись с русскими, поклялись защищать демократическую республику в России и, расходясь, начали падать с лестницы, было смешно и грустно...

Зачем приехали эти люди? Почему они не просто напились, как пьют в кабаках и ресторанах, после долгого утомительного пути, расплачиваясь собственным кошельком?.. Зачем им нужно было говорить и выслушивать столько лишних ненужных слов о какой-то свободе, о каком-то строительстве, когда нет ни свободы, ни строительства, а есть только глупая игра в народовластие и мертвая петля, которую невидимо вяжут черные руки Сибирского правительства...

А через несколько дней прибыли еще одни друзья: французские зуавы в широких меховых тулупах с мохнатыми воротниками.

Снова пришлось угощать. Сначала угостил штаб Самарской группы, устроив парадный обед офицерству. На этом обеде «министры» чувствовали себя как на иголках и сидели как будто немножко оплеванные. Хозяйствовал за «министерским» столом генерал Войцеховский, этот генеральный отрок, изображающий из себя маленького Бонапарта...[3] По-генеральски строгий и по-генеральски снисходительный, с полузакрытыми, опущенными книзу глазами, он сидел как будто утомленный, решая сложную военную задачу, и на молодом безусом лице у него лежала наигранная печаль... В его движениях чувствовалась образцовая казарменная выправка, а в легких поворотах головы — намеренное пренебрежение к «политике», погубившей «великую армию». Он не говорил ни о свободе, ни о демократии, ни о здравии Учредительного собрания, а только милостиво погладил по головке г.г. офицеров, выронил

несколько слов о «народной армии», совершающей чудеса побед, и после длинной внушительной паузы по-военному крикнул: — Ура!

Опять пили-ели и стояли с протянутыми скрещенными стаканами в руках. И опять было смешно смотреть на эту комедию...

На другой день прибывших зуавов чествовал и угощал уже «комитет», от имени русской демократии заключая с ними братский союз... Вместо рюмок на парадных столах, залитых соусом и спиртом, действовали чайные стаканы... Французские ребята, видимо, никогда не пробовали раньше русского угощения. Через какие-нибудь полчаса они уже сидели, что называется, «враспояску», с красными улыбающимися лицами, дружно работали вилками, отчаянно хлопали в ладоши по особому образцу — все враз и со свойственной французам легкомысленностью беспрестанно кричали:

— Вив ля руси!

— Вив ля чек!

А русские в свою очередь отвечали:

— Вив ля франс!

Было как будто бы весело, людно, но в душе сочилось неприятное чувство. Огромное зало, заполненное веселыми подвыпившими французами, походило на постоялый двор, занятый возчиками, устроившими кормежку. Глядя на них, думалось: вот ехали-ехали ребята и заехали отдохнуть. Заказали ужин, послали за водкой и, засучив рукава, пропивают лишние мешающие полтинники... А один молодец саженного роста все время порывался выскочить из-за стола и выявить свою скованную разбушевавшуюся натуру. Он сидел, словно бык, с красными отупевшими глазами и упрямо крутил головой, имея непреодолимое желание кого-нибудь ударить. Его держали за руки с обеих сторон и боялись, что он вскочит на стол и перебьет всю посуду.

Веселый народ эти французы!

Погулявши, захотелось попеть, как это бывает на вечеринках... И вместо пустой болтовни о какой-то там свободе один из французов, забравшись на стул, пропел французскую песенку, уснащенную мимикой и жестами.

Песенка понравилась, и зуавы вызвали артиста на «бис». После первого — выскочил еще один. Получился маленький домашний театр.

И если бы в это время вошел кто-нибудь посторонний, не посвященный в тайну этой радости, он бы не догадался, что здесь чествуют союзную «демократию», приехавшую бороться за «начала правды и справедливости». Он бы подумал, что тут идет широкая безалаберная русская попойка.

Недоставало среди этого разнообразия только еще французской борьбы. Некоторые все-таки ждали: выйдут, мол, два этаких

молодца, снимут мундиры, схватятся и начнут таскать друг друга в благодарность за обильную выпивку.

«Министрам» приходилось только улыбаться и волей-неволей аплодировать вместе с другими, чтобы не обидеть гостей.

Поздно ночью пьяная «союзная демократия», спотыкаясь, брела по опустевшим улицам заснувшей Уфы и, плутая, не находила себе выхода... Утром сидела в кафе, прогуливалась с уфимскими «дамами», просматривала уфимские вывески. А некоторые открыли в эшелонах у себя бакалейную лавочку. Продавали табак, сигары, спички, мыло, печенье, консервы и прочие необходимые продукты.

В Уфе в то время говорили так:

— Мы теперь не одни... С нами союзники...

А про английскую пушку, работающую под Уфой, рассказывали целые сказки. Даже особую благодарность выражали ей в особых приказах... И все-таки, несмотря на эти славословия, она шла не вперед, а ежедневно двигалась назад, к Уфе... Конечно, не просто так себе, а из особых «стратегических» соображений...

После французов в Уфу ждали еще итальянцев с американцами, но вместо них прибыли сибирские колчаковцы и — комедия кончилась...

И «братья-чехи» не помогли...

С. Бояркин

(«Вперед!», Уфа,
21 января 1919 года).

---

[1] Власак Ф. — представитель Чехословацкого национального совета в учредиловской Уфе. Комо Люсьен — представитель французской миссии.

[2] Филиповский В. — председатель Совета управляющих ведомствами Комитета членов Учредительного собрания («учредилки»). Веденяпин М., Климушкин П. — члены Совета, министры «учредилки».

[3] Войцеховский А. — генерал, командующий Самарской группой войск учредиловской «народной армии».

1920—1923 гг.

ЛИТЕРАТУРНАЯ жизнь нашей страны в первые послеоктябрьские годы характеризовалась острой идеологической борьбой, отражавшей сложность ломки старых и формирования новых общественных отношений. Еще существовали враждебные революции группы и течения. Писателям, стремившимся запечатлеть в своем творчестве величие совершающихся перемен, противостояли литераторы буржуазной ориентации, рисовавшие односторонне негативные, проникнутые духом неверия в созидательную мощь народа картины современной действительности. Часть литературной интеллигенции, даже приняв революцию, нелегко освобождалась от груза прошлого. Рост ряда писателей осложнялся воздействием лженоваторских теорий, которые проповедовали лидеры «Пролеткульта», футуристы, имажинисты.

И все-таки уже тогда в литературном развитии, при всех его трудностях и противоречиях, намечалась основная, ведущая линия. Это была линия постепенной консолидации творческих сил молодой советской литературы, осмысления ее идейных и эстетических принципов, а в плане историческом — существенных черт ее художественного метода, получившего впоследствии наименование социалистического реализма.

А. Неверов, сравнительно быстро изжив надклассовые иллюзии и прочно став на советскую платформу, своим послеоктябрьским творчеством внес достойный вклад в утверждение нового творческого метода. Вместе с тем писатель принимал деятельное участие в теоретической разработке актуальных методологических проблем.

В ряде статей, рецензий, выступлений А. Неверова на собраниях «Кузницы», «Никитинских субботников», «Звена», Коллектива рабоче-крестьянских писателей и других творческих объединений отразились его представления о наиболее общих идейных, эстетических и гуманистических принципах советской литературы, советского искусства. В серии статей «Деревня в современной литературе» («На посту», 1923, № 1, 2—3, 4) он обосновывал закономерность нового направления в освещении крестьянской жизни, связанного с благотворным воздействием на нее революции.

А. Неверов считал, что выработка нового творческого метода предполагает, с одной стороны, глубокое изучение современной действительности, а с другой — критическое овладение литературным наследием прошлого. В противовес пролеткультовско-футуристскому нигилизму, он выступал в защиту идеи органической взаимосвязи молодой послереволюционной литературы с предшествующими про-

грессивными традициями, страстно пропагандировал опыт классики. Тому свидетельство — например, его статья о мастерстве А. Чехова («Понизовье», 1922, № 6), которая является переработкой доклада, прочитанного на собрании самарских литераторов. Специальную статью посвятил он Н. Некрасову, творчество которого усиленно рекомендовал изучать молодым поэтам.

Сравнительно обширный литературно-критический материал, раскрывающий участие А. Неверова в борьбе за осмысление и утверждение теоретико-методологических основ советской литературы, к сожалению, еще недостаточно исследован. Между тем, он представляет большой интерес как в плане формирования воззрений самого писателя, так и в плане выяснения существенных черт литературного развития того времени вообще.

Ниже приводятся две литературно-критические работы А. Неверова: малоизвестная статья «О чем и как писать» (1922) и неоконченный черновой набросок статьи «Приемы художественного творчества И. А. Бунина» (1920—1922).

Тема статьи «О чем и как писать» — художник и жизнь, художник и революция. А. Неверов излагает в ней свои взгляды на новую литературу, новое искусство, трактует некоторые вопросы эстетического отношения к действительности, единства содержания и формы литературного произведения, выступает убежденным сторонником реализма в широком смысле этого понятия и противником всяческого, как он говорит, «убожества», «пустозвонства».

Если не принимать во внимание терминологических и иных временны́х особенностей статьи «О чем и как писать», то нетрудно установить, что в ней затрагиваются проблемы нового творческого метода, утверждение которого происходило тогда в советской литературе. Положение статьи о необходимости следовать в художественном творчестве «железному закону» движения жизни «вперёд, к обновлению» в общем соответствует одному из основных требований этого метода — исторически-конкретному изображению действительности в ее революционном развитии. Ведущая «ось» идейно-эстетической программы художника, характеризуемая в статье как приятие непримиримой, неустанной борьбы за счастье всего человечества и каждой личности, ассоциируется с понятием революционного, социалистического идеала, в свете которого советская литература призвана оценивать жизненные явления. Мысль о прямом и непосредственном выражении художником «души народа» неотделима от свойственного социалистическому реализму качественно нового представления о народности.

Разумеется, неверовская статья содержит лишь приблизительную, причем не лишенную элементов примитивизма, трактовку некоторых важнейших черт нового метода. Но и с учетом своих слабостей она весьма показательна. Это — отражение в литературно-критической практике одного из художников общей тенденции прогрессивных идейно-эстетических, методологических исканий, происходивших в литературе тех лет.

Набросок статьи «Приемы художественного творчества И. А. Бунина» может быть охарактеризован как образец углубленного и скрупулезного изучения А. Неверовым опыта классиков русской литературы. Не разделяя взглядов И. Бунина на крестьянство, что подтверждается упоминанием о писателях, которые, с «бунинской» точки зрения, мужиков «не знают и раскрашивают не в тот цвет», А. Неверов вместе с тем считал возможным учиться у выдающегося художника искусству изображения жизни. В статье дается тонкий анализ типичных особенностей бунинской литературной манеры: предельной концентрации и напряженности повествования, смысловой насыщенности художественной детали, умения передать те или иные аспекты внутреннего состояния человека через внешние признаки.

Вряд ли можно сомневаться, что подобное освоение опыта классиков вполне отвечало тогда потребностям утверждения исторически обусловленной преемственности «старого» и «нового» реализма, преодоления нигилистических поветрий.

Статья «О чем и как писать» в извлечениях была перепечатана в газете «Волжская коммуна» (Куйбышев) 14 декабря 1966 года. Здесь она приводится

почти полностью, лишь с небольшими опущениями, по копии, представленной Н. И. Мацкевичем. Черновой набросок статьи «Приемы художественного творчества И. А. Бунина» дается с незначительными стилистическими уточнениями, по рукописи.

Слова, взятые в квадратные скобки, принадлежат комментатору.

9

О ЧЕМ И КАК ПИСАТЬ

I

Эта статья — не разбор сочинений, а попытка ответить на два коренных вопроса: о чем писать и как писать?

Цель этой попытки — помочь пишущим товарищам определить каждому свой курс и усвоить форму простого изложения статей, рассказов, стихов... Не забывая того, что в настоящее время идет коренная ломка всего, что эта ломка слишком заметна и в творчестве, нужно указать пути, по которым должно идти пролетарское творчество, это новорожденное дитя.

Так о чем же писать?

Каждый пишущий товарищ, прежде чем писать, должен задать себе другой вопрос: будет ли кому польза от его произведения и стоит ли терять время над работой, которая пройдет незамеченной, [окажется] никому не нужной и не интересной.

Значит, писать надо о том, что, как капли дождя, освежая воздух, просачиваются в толщу земли, — проникало бы в массу; как дождевая влага пробуждает жизнь земли, так мысли и образы писателя пробуждали бы в душе отклики.

Несомненно, писать надо о жизни. Это прежде всего. О жизни с ее требованиями, железным законом вечно двигаться, идти вперед и только вперед, к обновлению, к формам, в которых сама жизнь становится ценной, интересной, счастливой.

Жизнь сурова, иногда жестока. Она вся основана на борьбе за лучшее, идеальное в ней, она требует жертв, толкает героев на подвиг, подгоняет слабых и трусов, а нерешительных бьет за то, что они имеют дерзость быть нейтральными...

Есть у Горького миниатюрка, где человек умоляет жизнь дать ему милостыню — счастье. Жизнь устами поэта с холодной усмешкой ответила человеку, что счастье как милостыня ему не будет дано — счастье надо у жизни взять, вырвать.

Перед тобой, пишущий товарищ, воочию эта жизнь, и она-то властно требует иметь с себя истинный образ...

Значит, в пролетарском искусстве нет места нытью о бессмыслице жизни, интеллигентскому копанию в душе одиночек и лишних людей нашего времени.

Нет места «искусству для искусства», подправленному выводами

отсталого политика, мыслителя и поэта, — жреца соловьиных песен и лунных ночей, вздохов по любимой, неведомой богине, ибо наши соловьи — гудки заводов и полевые громы, наши лунные ночи — торопливый отдых, а наши богини... возятся около печек.

Нет места певцам о неизведанных тайниках божия промысла, ибо мы еще не успели устроить рай на земле. Нет места певцам покоя и самоотделения от земных скорбей и радостей. Нам не нужны чурающиеся мировой борьбы за мировое счастье здесь, на земле, а не на небе.

О чем же писать?

Конечно, не о той жизни, какую нам рисовали буржуазные писатели. Красота буржуазного строя, то есть строя угнетения и рабства, отыскивалась писателями и поэтами прежнего времени... точно так же, как попы на казенное жалованье находили правду в зверстве тиранов... Теперь мы свободны, и сама жизнь намечает нам программу.

Мы переживаем мировую революцию, идем к мировому счастью. Счастье всего человечества, свобода всех и каждой личности в мире, непримиримая, неустанная... борьба за это счастье, — вот центр, ось, вокруг которой должны наклеиваться темы.

Жизнь многогранна.

Здесь причины, ведущие к борьбе, пути, намеченные законом объективных условий, преграды и злая накипь, загромождающая эти пути...

Это ли не материал, которым можно сейчас же заняться?..

И путь творчества ясен. Его определяет здоровое тело, здоровый свободный дух, сильный размах молота, глубокий врез плуга, разумный отдых...

II

Как писать?

Решение этого вопроса зависит от решения первого вопроса, потому что между ними существует неразрывная связь.

Но есть вопросы, которые задают теперь многие из товарищей. Не лучше ли саму массу приблизить к творчеству, приучив ее к «литературному» языку? Это — первый. Почему надо низводить форму изображения... до уровня развития массового читателя? Это — второй.

В корне эти вопросы неосновательны и нежизненны, в них кроется какая-то недомолвка или боязнь заглянуть жизни прямо в глаза. На первый вопрос можно ответить попутно, что произведение художественно как раз то, которое написано просто, ясно... Мастера слова, как Шекспир, Толстой, Чехов, давно сказали нам

эту истину. И защитники дубового, заплетающегося, умудряющегося языка этим самым вскрывают свое убожество и бессилие.

Более серьезным и в то же время лишним [является] второй вопрос: почему надо низводить форму языка до массы?

Вот тут-то и кроется недомолвка, самоотделенность от массы писателей буржуазного класса, защитников изгибов духа, линий тела и сладостных мечтаний. Еще недавно они были убеждены и сейчас еще говорят, что пишут совсем не для массы, а для избранных, могущих их понять, то есть для буржуа, у которого за чтением про изгибы духа и линии тела великолепно варит желудок. Эти творцы обыкновенно добавляют: если масса не понимает меня, то, значит, она недоросла, слепа и невежественна.

Правду говорят писатель-буржуа и его подражатель: масса знает иную жизнь...

И вот как пример возьмем наугад несколько «поэтических» отрывков из утонченного буржуазного творчества. Здесь не делается оценки поэзии вообще и не рассуждается, кто поэт: гений или бездарность.

На северной Форелевой реке
Живете вы в березовом коттедже.
Как Богомать великого Корреджо,
Вы благостны. В серебристом парике
Стряхает пыль с рельефов гобелена
Дворецкий вам....

(Из стихотворения «В березовом коттедже»,
Иг. Северянин).

— Довольно, довольно! — хочется крикнуть мне... — Я — выходец из массы, ее сын и отражаю ее душу. Моя душа не знает прелести этой формы, потому что она, эта форма, прикрывает ложь, боится правды. Я знаю хорошо, что сейчас и раньше на Севере [люди]... ведут и вели ожесточенную борьбу за право жить, умирают и умирали, как мухи, от эпидемий. Мне некогда отыскивать на карте «Форелевую реку» и своими глазами видеть сказочную «Богомать», «благостную» форелевую принцессу. По всем признакам это — разряженная барыня, потому что у нее есть раб — дворецкий, стряхивающий пыль «с рельефов гобелена».

Если поэт воспевает богиню своего «вдохновения», то богиня его все-таки разряженная барыня, если он воспевает обыкновенную барыньку, прельстившую его маленькой ножкой, то тем хуже.

Форма стиха так же мудра, как мудро его содержание, потому что иначе и не может быть.

Но вот певец на секунду скатился с «форелевой» башни и увидел:

Море любит солнце, солнце любит море...
Волны вновь ласкает ясное светило,
И любя, утопят, как мечту в амфоре.
А проснешься утром, — солнце засветило.

Что это, простая картинка, отраженная певцом, или художественное изображение источника жизни — света, поглощаемого морем — человечеством?

Но все-таки, как только поэт приблизился к самой стихии, к жизни, его форма упростилась, образы стали живее. Цельности образа не получилось опять-таки потому, что певец видит в солнце не животворную силу, а [лишь] красоту.

В третьем отрывке поэт на секунду видит массу и приближает форму к наибольшей простоте.

Вдалеке от фабрик, вдалеке от станций,
Не в лесу дремучем, но и не в селе —
Старая плотина, на плотине танцы,
В танцах поселяне, все навеселе.

Поселяне — целая масса... Поэтому поэт более прост. Понятны образы. Но и воспевая массу, он не совсем отражает ее настроение, потому что поэт не знает массы и не хочет знать...

Из этих примеров мы достаточно видим, что форма изображения постольку проста, поскольку она воплощает действительность и затрагивает то, что понятно массам, что кровно интересует их. И уж то, что далеко от массы и принадлежит только «избранным», составляет убожество, пустозвонство и набор красивых слов.

Но, может быть, поэт свою «благостную» с «Форелевой реки» должен был изобразить в более простой форме? Может быть, он просто грешил формой? О! Ничуть. Тогда его «форелевая богиня» не была бы обольстительной и «благостной», а походила бы на кольцовскую вдову из стихотворения «Хуторок». Тогда зачем и дворецкий? Поэт, ищущий форм воспеть неземное, не может снизойти во вкусе к поселянке, ибо в душе он — аристократ...

Правда, были и другие причины, заставляющие поэтов воспевать дворцы «форелевых богинь», делать форму изображения уродливой. Это тиски цензуры, контроль над творчеством со стороны правительства и буржуазии. Но они связывали крылья и тем народным певцам, которые хотели дать народную поэзию. И не один из них не может пожаловаться, что «невежественная масса» их не поняла. Кольцова, Никитина и Некрасова распевают во всех концах России. Где не поют некрасовских «Коробейников», «Укажи мне такую обитель», кольцовский «Хуторок», «Сяду я за стол», никитинскую «Жену ямщика» и многое другое?

Теперь времена изменились. Буржуазные песни для «избранных» отпелись. Нарождается пролетарское искусство, нарождается и пролетарская поэзия.

...Так нужно ли низводить форму языка до уровня понимания массы? Выходит, что нет. Наоборот, поэты и писатели должны свести себя с высоты к жизни и изобразить ее, какова она есть, вложив в нее свою творческую силу. Для этого не нужны ни «Фо-

релевые реки», ни «благостные» принцессы со слугами-дворецкими, а нужно знание жизни и души массового читателя.

III

С той же точки зрения правдивого изображения жизни следует рассматривать все остальные формы произведений: роман, повесть, рассказ...

Место в статье не позволяет приводить примеры из прозы, но и сказанного уже достаточно, чтобы сделать выводы.

Несмотря на все, писать просто, однако, весьма трудно, на это указывают все — и опытные писатели, и начинающие.

Прежде всего, каждый пишущий товарищ один раз навсегда должен договориться с собой, что он пишет не совсем просто. И это вот почему. Всякий, даже опытный, писатель яснее представляет мысль сам, нежели выражает ее на бумаге, почему часто авторы недоумевают, обижаются и жалуются, что масса не может понять их.

Оказывается, слепыми являются сами авторы, что недоглядели и облекли свои мысли и образы не в ту форму, в какую следовало бы облечь. Иначе говоря: они неверно осветили жизнь.

Вот я — читатель, масса. Писатель пишет для меня книгу о городе, в котором цветы, радость, звон, ликование. Этого я не замечал в городе, это неправда, и для меня непонятен твой город, писатель!

Значит, простота коренится внутри, исходя из правды, просачиваясь наружу в виде простой формы изложения.

Город, опоясанный цветами, — вычурный город, [он] как густо напудренная женщина... Действительный, страдающий, рвущийся на свободу рабочий город — это жизненная простота...

В степи не везде и не всегда поэзия, тихие зори и пенье пташек. В чеховской «Степи» мы видим, как царствует кулак-торговец, как нудно, скверно тянут лямку рабы капитала. Там развертываются глубокие драмы.

В жизни человека не одни радости. В ней есть горьковское «дно», чеховские «сумерки», психопаты Достоевского, сильные, но безрадостные в сумерках жизни Базаровы Тургенева. Наше время — время жестокой борьбы угнетенных с угнетателями.

Художник-писатель, проникнув в жизнь, почувствует, что в ней все совершается просто. Самое ужасное совершается проще, чем мы его изображаем.

Понимание жизни — это уже все, чтобы найти простую форму изображения. Это — внутренняя простота; она дает внутреннюю

красоту правды, но, несомненно, содействует чеканке и внешней простоты. Таким образом, достигается гармонически всесторонняя художественность произведения.

А. С. Неверов

(Приложение к журналу «Советская деревня», 1922, № 2).

10

ПРИЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА И. А. БУНИНА

Русская литература отвела Бунину почетное место среди художников слова. Мы не будем останавливаться на содержании его рассказов. Мы только попытаемся обратить внимание на некоторые из его приемов художественного творчества, благодаря которым рисунок у него получается «сжатый и сосредоточенный» (Айхенвальд[1]) при огромном внутреннем содержании. Оговариваемся: мы рассматриваем не все произведения Бунина, и во взятых нами будет некоторая произвольность по выбору.

Вот перед нами рассказ «Ночной разговор». Содержание его: на гумне, в соломе, августовской ночью барские работники с удивительным спокойствием рассказывают гимназисту, хозяйскому сыну, как один из них убил «грузинта», будучи конвоиром, другой — мужика из-за козы; третий рассказал, как в их деревне мужики освежевали барского быка и пустили его в таком виде в усадьбу из поля. Прямая цель этого рассказа: разочаровать гимназиста, а через него и нас, в мужиках, которых мы, по мнению автора, не знаем и раскрашиваем не в тот цвет.

Тема, как видите, рискованная, и надо быть действительно большим художником, чтобы не впасть в нарочито обличительный тон, в публицистику. Между тем, вы нигде в рассказе не услышите ни обличения, ни упрека.

Как же начинается рассказ? На какую позицию ставит автор нас первоначально? На первый взгляд, рассказ как будто бы начинается не в тон основному содержанию.

«Небо всю ночь было серебристо-звездно, поле за садом и гумном темнело ровно, и на чистом горизонте четко чернела мельница с двумя рогами крыльев...

Над головами лежавших слабо белел широкий, раздваивающийся дымно-прозрачными рукавами Млечный Путь, наполненный висящей в них мелкой звездной россыпью»[2].

С первых строк автор тонко зачаровывает вас внешним видом деревенской ночи, навевает сладкий полусон, и вы совершенно не ждете, что через несколько страниц перед вами раскроется грубая, поражающая сторона ночи — внутренняя. Ваше сердце волнуется любовью к мельнице с двумя рогами крыльев и к темнеющему полю за садом, и к свежему запаху мякины на гумне. Вы невольно идеализируете красоту деревенских ночей, растворяетесь в них и готовы навсегда укрепить в себе хорошее чувство, рожденное описанием пейзажа.

Но недолго держит вас Бунин в этой настроенности. Через несколько строчек он уже говорит, что вместе с дуновением прохладного ветра «до лиц» доходит «дурной запах» «из проходов между ометами».

Однако это не упрек, а только факт, маленькая деталь, подмеченная автором, которая выявляет деревенский быт. И дальше: передавая разговоры, он не сгущает ужаса. Мужики рассказывают друг другу спокойно, равнодушно, даже полусонно, а гимназист «ляскает зубами», душа у него, что называется, перевертывается. В чем же секрет? Бунин кладет в основу рассказа не факт, не ужас, которого нет в понимании мужиков, а ужас отношения к факту, и этот ужас входит [в гимназиста] и в вас не путем авторского внушения, а через удивительное спокойствие рассказчиков, которое автор передает интонацией их голосов, позами, движениями рук.

«Иван, как всегда, значительно молчал. Кирюшка совсем не интересовался тем, что говорили, лежал и думал свое — о гармонии, купить которую было его самой заветной мечтой. Долго молчал, лежа на локте, и Федот...

— Что брешешь пустое, — равнодушно сказал старик... — Какого такого человека мог ты убить? Где?

— Глаза лопни, не брешу! — горячо отозвался Пашка, поворачиваясь к старику. — Прошлый год убил, на Успенье... Я навесил с разбегу ружье — раз ему в самую душу... аж в спину выскочило!

— Ловко! — сказал старик. — Дай-ка затянуться разок...

Старик, покачивая шапкой, плюнул в ладонь и потушил в слюне окурок...

Федот заговорил... медлительно, лежа на локте...

— ...Я человека убил, прямо, надо сказать, из-за ничтожности: из-за козе своей».

Ясно: ужас не в убийстве, а в том, что Кирюшка при этом разговоре думает о гармонии, старик равнодушно плюет в ладонь, Пашка наслаждается воспоминанием: «раз ему в самую душу...» Гимназист же «ляскает зубами», а над головой рассказчиков слабо белеет «широкий, раздваивающийся дымно-прозрачными рукавами

Млечный Путь, наполненный висящей в них мелкой звездной россыпью». Это равнодушие, этот невозмутимый покой с плевками в ладонь угнетающим пятном ложится на прозрачную ясность души, светло и мечтательно настроенной автором в начале рассказа.

Гимназист больше молчит, только изредка вскрикивает, пораженный ночным разговором. «Весь дрожа мелкой дрожью, с пылающим лицом, он пó пояс в соломе пошел по омету вниз... упал в солому и замер... Глухой от стука собственного сердца... поднялся на ноги...»

А «серый, большой, страшный в своем монгольском спокойствии» Федот в это время «мерно говорил, держа трубку в зубах... Кирюшка спал, покрывшись армяком, выставив из-под него толстую, в белых онучах, согнутую в колене ногу. Спал и Иван с сумрачным, презрительным лицом... Спал крепким, здоровым сном, на свежем ветру, счастливый Пашка, в своем солдатском картузе, тяжелых сапогах и новом полушубке. А старик Хомут, у которого... так низко висят всегда на дряблых ляжках истертые портки, сидел спиной к ветру, без шапки, голый по пояс. Он... пристально осматривал снятую рубаху и, слушая Федота, порою крепко давил ногтями ее ворот.

Гимназист соскочил на твердую и гладкую осеннюю землю и, горбясь, быстро пошел к темному шумящему саду домой.

Все три собаки тоже поднялись и, смутно белея, бочком побежали за ним, круто загнув хвосты».

В приведенном нами окончании рассказа нет уже рассказчиков, действие кончено, но настроение наше не падает, не ослабевает, а еще более усиливается. На душу тяжелым камнем ложатся итоги ночного разговора.

Спрашивается: почему автор закончил рассказ такой безнадежной спящей тишиной? Почему он в заключение показал нам только согнутую Кирюшкину ногу в белой онуче, трубку в зубах Федота, старика, крепко давящего ногтями ворот рубахи? Да потому, что это — основа деревенской ночи, быт ее, тот самый ужас, который прячет ужас духовной пустоты, и, вместе с тем, ярко рисует эту пустоту, это огрубение. Здесь определенный прием художника — передать через внешнее то внутреннее, что невозможно передать устами гимназиста. Есть такие моменты душевного состояния, когда бессильны слова, и передаются эти моменты душевной подавленности ярче и красноречивее не возмущением, не криком, а простым молчанием, внешними признаками, выражающими не выраженную словами боль.

И у Бунина не случайно сказано: гимназист пошел, горбясь. В этой сгорбленности мы сильнее чувствуем внутреннюю тяжесть, ее здесь больше, нежели в том, что если бы гимназист захотел рассказать о ней словами. Не случайно сказано и о собаках. Они

не просто побежали, а побежали «бочком», «загнув хвосты». У Бунина, говорит Айхенвальд, «всякая подробность на потребу». И действительно, собаки как будто смущены, сконфужены, и через эту смущенность особым образом оттеняется тяжесть ночного разговора.

Интересно также отметить характерный прием Бунина рисовать сущность предмета не описанием целого, а одной или несколькими деталями, иногда не прямо, а переносно. Например: в разобранном нами рассказе автору нужно показать духовную огрубелость мужиков. Прямо об этом он не говорит, а рисует небольшую картинку чисто внешнего свойства. «Федот приподнялся, сел и, согнувшись, разводя руками, стал медленно развивать оборки... И через минуту гимназист с ужасом и отвращением увидал то, что прежде видел столько раз совершенно спокойно: голую мужицкую ступню, мертвенно-белую, огромную, плоскую, с безобразно разросшимся большим пальцем, криво лежащим на других пальцах, и худую волосатую берцу... «Да, ему ничего не сто́ит убить! — дрожа, подумал гимназист. — Это нога настоящего убийцы!».

Все эти внешние качества перевоплощаются в качества внутренние — легко, помимо вашей воли, под влиянием художественного воздействия.

В рассказе «Сила» автору нужно показать слякотную осень, чтобы тоном рассказа воссоздать жизненную слякоть глухого усадебного захолустья.

И мы читаем о самой осени пять слов: «Шел осенний, мглистый дождь в сумерках». Где же и в чем картина слякоти? Она показана деталями, мелкими подробностями, и когда вы их соберете в одно целое, перед вами выпукло представится унылая, тоску нагоняющая слякоть.

«Прижав уши, стояла на барском дворе, в грязи возле людской, донская кобыла, темная от дождя, худая, будылястая, с тонкой длинной шеей, с обвислым задом, с подвязанным хвостом...» В людской сидел заезжий мещанин Буравчик «за кубастым самоварчиком красной меди». «Беременная старостиха», качая ногой люльку, «рассеянно слушала, думая свое и заводя глаза от дремоты». Над столом коптила «висячая лампочка». Все эти подробности не только рисуют обычный быт, но и дают определенный колорит, раздвигают картину осени. На улице мглистый дождь, стоит кобыла, *прижав* уши, тонкая, будылястая, с подвязанным хвостом. На нарах у печки старостиха за веревку ногой качает люльку.

Уберите вы старостиху или хотя бы дайте ей другую позу, вместо будылястой лошади поставьте просто сытую, крутозадую лошадь, вместо кубастого самоварчика из красной меди — чистенький, новенький, вместо коптящей лампочки — зажгите *лампу*,

и у вас на душе не будет того осеннего захолустного уныния, в какое вас искусно погружает автор...

(Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (в дальнейшем — ЦГАЛИ), ф. 337, оп. 1, ед. хр. 168).

---

[1] Айхенвальд Ю. И. (1872—1928) — русский критик, автор ряда работ о русских и зарубежных писателях. Здесь и далее А. Неверов цитирует статью «Иван Бунин». (В кн.: Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. М., Изд-во «Мир». 1917—1923).

[2] Эта и последующие выдержки из рассказов И. Бунина сверены с бунинскими текстами по изданию: И. А. Бунин. Полное собрание сочинений, т. 5, Пг., Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс, 1915.

▣

ВЕСЬМА важной частью творческой лаборатории А. Неверова являлись записные книжки. В последние годы жизни он с ними буквально не расставался, делая записи более или менее постоянно.

В беседах с начинающими литераторами А. Неверов говорил о необходимости пользоваться записными книжками. Например, Е. В. Семенова-Жарская вспоминает следующее:

«Помню, часто среди разговоров Неверов советовал:

— Запишите себе на память эту фразу!

— Зачем?

— Хорошо вы ее сказали. Запишите, она вам может пригодиться» (ЦГАЛИ, ф. 337, оп. 1, ед. хр. 280).

Сам А. Неверов вносил в свои записные книжки все, что «может пригодиться»: жанровые сценки, отдельные реплики, отрывки из песен и частушек, впечатления от встреч с различными людьми — словом, то, что так или иначе отражало различные стороны и детали современной ему действительности, в которой ростки нового, революционного причудливо уживались со старым, уходящим в прошлое.

В печати неверовские записные книжки приводились частично. В 20-е годы Н. Фатов опубликовал из них, по его собственному признанию, «лишь несколько страничек на образец». (См.: Александр Неверов. Собрание сочинений, не вошедших в семитомное издание «Земли и фабрики», т. 2, М., Изд-во «Современные проблемы» Н. А. Столляр, 1927, стр. 285—289). Несколько небольших отрывков было опубликовано в 60-е годы В. Скобелевым («Из записных книжек [А. Неверова] 1920—1923 гг.» «Волжская коммуна», Куйбышев, 1961, 24 декабря) и Н. Страховым («Александр Неверов. Записные книжки». «Неделя», 1967, 7 января).

Настоящая публикация является наиболее полной. Вниманию читателя предлагаются материалы, которые могут представлять историко-литературный интерес. Почти целиком приводятся записи, содержащие впечатления А. Неверова от московской литературной жизни начала 20-х годов и характеристики ряда писателей. За пределами публикации остались отдельные заметки, повторы и неразобранное. Слова и расшифровки неоконченных слов, взятые в квадратные скобки, принадлежат комментатору.

Большинство публикуемых записей относится к 1920—1923 годам. Однако среди них встречаются и записи более раннего периода (1918—1919 годы), так как писатель имел обыкновение переносить часть старых записей в новые книжки.

11

(ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК)

— Он для ума поставлен и для правды. (Старик-крестьян[ин] о комиссаре).

— Раньше были разные партеи: купцы, попы, священствы, а теперь мы этого не хотим. (Солдат).

— Бывало... на начальников-то мило поглядеть, а нынче так, сосульки какие-то — Ваньки!

Мысль: раньше люди жили коммунизмом, но они были первобытны, не сумели наладить общие формы, ушли в собственность. Теперешний коммунизм не будет похож на прежний. Наука, техника помогут объединиться и выработать такие формы жизни, когда смешной будет лачуга собственника. Весь мир будет...

— Пища не прививатся.

Шубенка на нем до такой степени заплатана мелкими лоскутами, что кажется расшита узорами. Сам он невысокого роста, темные волосы в скобку, бородка рыжая, метелкой. Щеки голые. Нос острый. Говорит бойко, твердо.

— А ты будь человеком, не бойся людей-то.

— А ты дурью-то не рассыпайся.

— Гильотина по желанию.

Весной 1920 г. крестьяне смотрели на каждую тучку и думали: «Не капнет ли?».

— У вас ребятишек-то много?

— У нас ребятишек глазами не окинешь. 8 человек.

— Потребил капитал.

Девка из агитпункта кричит: «По головам пойдем — имеем право».

«Давай книг, да таких, чтобы, прочитав, человек покою себе не находил». (Рыбин из повести Горького «Мать».)

«Ежа под череп посадить надо человеку, ежа колючего». (Там же — он же.)

«Пусть умрут тысячи, чтобы воскресли тьмы народов по всей земле» (Рыбин. «Мать»)[1].

«Наши дети — наша смена». «Юные, бодрые, смелые, дело отцов завершим». «Единым фронтом с рабочими всех стран против [нрзбр) капитала». Кремль опоясан манифестантами. Театр [альный] проезд, Театр [альная] площадь, народ.

Иверские ворота — море голов за власть Советов.

Тверская запружена. Боль[шая] Дмитровка запружена.

— Червонец — простая бумажка, только там деньги. (Нинка, 6 лет.)

Страданье, тоска и неудовлетворенность дают силу творчества.

Мелекесс

Звон к вечерне. В биллиардной среди тишины стучат шары на всю улицу. На пожарном дворе пожарные играют в карты. На крылечках — бабы босиком, семечки, цветы, на окнах — занавески. В улицах — [нрзбр] пустые магазины с черными зияющими дырами окон.

В пивной

— Эх, какая у меня голова, а рассудок — бабий!

— Мне Костя Б. пишет из Москвы. Брось ты, говорит, Василий Михайлыч, это дело, подурачился и будет.

Рано утром 19-го группа детей из детского дома, с двумя флагами. Базар, косые недоумевающие взгляды мужиков и баб. Дети — большинство из деревни... Одеты чисто.

Материал

— А ты бы сменял, Борис, мешок шоколада на мешок мороженого?

— Нет.

— А ты, Ниночка?

— Чтобы простудиться! Чай, шоколад-то слаще.

Не моя ли печаль поет нагорными ручьями. Не мое ли горе выставило черную бороду из-за молочных облаков.

Николай спит крепко, работает спокойно. Голова у него, как шкатулка. Все в ней уложено по порядку, по нумерам, по параграфам. Выходит из употребления один параграф, вписывается — другой. И путаницы нет у Николая. А я вот не знаю, как нужно думать, чтобы спать крепко. Сегодня он говорит мне:

— Жизни ты боишься. Она и прежде такая была.

Я отвечаю:

— В этом самое страшное...

Мне хочется, чтобы Николай стиснул руки, а он упрекает:

— Раскис.

Я чего-то не знаю...

Тикают часы, стучат ножницы за перегородкой. На столе в беспорядке навалены книги. Над столом в полумраке — Ленин, Толстой и Христос в пустыне. Скорбь. Большое человеческое горе. Не слишком ли много его для маленькой комнатки с одним окном. Христос на камне стиснул руки. Ленин смотрит прищуренным глазом. Величайшее смирение, величайший бунт.

— Приидите ко мне все труждающиеся...

— Пролетарии всех стран...

Я не знаю, кто прав. Я ничего не знаю. Нитки мои перепутались, клубок выпал из рук. Пятый день лежу под одеялом на койке.

Тюрьма. Болезненно вздрагивают губы, в голову стучат подкованными сапогами. Высокие корпуса, белые стены, железные переплеты. Смотрят бороды из переплетов, мертвенно неподвижные лица с выставленными носами. Что мне весеннее солнце. Я пугаюсь шагов своих, когда иду мимо тюремной стены, втягиваю плечи. Тюрьма и церковь. Неужели это вековое, неискоренимое. Обе требуют величайшей покорности, величайшего смирения. Страшный заколдованный круг, а в этом кругу — человек.

Церковь. Косо падают солнечные лучи на иконостас. Дрожит воздушная пыльца перед царскими вратами, сладко пахнет ладаном. Молодой остриженный дьякон в потемневшем стихаре. За престолом — батюшка с поднятыми руками стоит спиной к чужому горю. И богомольцы спинами стоят друг ко другу. Наверное, лучше так-то. В северных дверях — архангел Гавриил с обнаженным мечом. Сурово глядит Николай, епископ Мирликийский, из-под закопченных бровей. Старое.

Стою, как деревянный. Пробую перекреститься. Невидимая рука наклоняет мне голову, ноги подкашиваются. Перегнувшись, падаю на колени, брезгливо обнюхиваю половицы.

— Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя, грешного.

А глаза, спрятанные от людей, лукаво смеются.

Город. Театральные афиши, новые перекрашенные вывески — белым по синему полю. Танец турбильон, море смеха. Победно ржут магазинные окна, ревут верблюды под ударами погонщиков, скулят голодные на тротуарах. Маленькая провинциальная газетка исступленно кричит на всех перекрестках черными буквами:

— Конференция!

Тянутся перья на шляпках, розовые икры — в прозрачных чулках, шелестят перелицованные юбки. Все те же человеческие ноги. За столиками в кафе держат пирожное тонкими пальцами, любовно прокусывают свежими прочищенными зубами. Все те же человеческие зубы. Много солнца, ярко горят промытые стекла, играют соборные купола.

— Окаянное золото.

Можно заткнуть уши, чтобы не слышали, но куда деть глаза, чтобы не видели. В злые прищуренные щелочки лезет обнаженная улица.

— Я зашел летом, а думаю, может, до зимы просижу. (В пивной, рабочий в валенках говорит про себя).

— Сорок картинок, сорок веселых рассказов только за пять рублей.

— Приидите, триипостасному богу поклонимся.

— ... Когда я иду по темному коридору, мне кажется, что меня черти схватят за ногу. Если у нас не будет высшей крестьянской и рабочей интеллигенции, ...то нас черти обязательно схватят за ногу.

— Это собрание всколыхнуло женские головы.

— А где моя мати и дети девались? — солдатики нервно сказали... (Нищий-инвалид поет.)

— Папа, она приснётся (приснится). Детское выражение.

— Я решаюсь только на два свойства. (Рабочий).

Артель с уженотделом имеет письменную и живую связь.

— Главная нужда проглядывала в наших словах.

До Вселенских соборов пасха справлялась в разное время. При императоре Константине — 1—12 марта.

БАБА: Да разве меня заставят изменить. В это время страсти господни идут, а я буду разговляться? Пусть меня куда хочешь девают.

ДЬЯКОН: Теперь не только свояченицу, жену родную подведут — обвенчаешь десять раз. Муж — серпуховский, жена — тамбовская, дети — владимирские.

— Этот поп подешевше.

— Пчела — птица божья.

— Когда я родился ребенком... (Рассказывает про себя здоровенный мужчина.)

«Все смешается в общей корзине забвения». (Бодлер). «Его уж чует волк и ворон стережет» (Бодлер). «Будь мудрой, скорбь моя, не унывай без меры. Ты вечер все звала, и вот он настает». (Бодлер.)[2]

— Живой, с руками-ногами, а бегать не умеет.

Сценка

— Где у тебя сынок-то, Миколавна?
— В Туркфронте служит...
— Чего он там делат?
— Телеграммы по воздуху ловит... (Радио.)

(Из разговора двух баб)

Сценка

— Нет ли у вас безмена[3], Ивановна?
— Есть, да он не годится: обманывает...
— А кого он обманет: меня или их? Если бы их, ничего бы.

(Из разговора двух баб)

— Надо иметь мандат для права решительного голоса.

— Вот кабы надуться— купить...

— Голоса надо разместить.

— Уважаемые причины.

— Забаркованный, я еду на переслествие.

Сценка

Кладбище. Идет поп в облачении, с потухшим кадилом в руках. Веселый. На голове полинявшая скуфейка. Рядом с ним идут две бабы. Поп, обращаясь к одной, говорит: «Ах ты, Домна, Домна, Домница!..». (На самар[ском] кладбище.)

Сценка

Едет мужик на тележке. Лошаденка хилая, горбится. Мужик машет вожжами над головой у себя.

— Н-но, дурак! Н-но, милай! Н-но, пожалуста...

Пауза. Лошадь идет шагом. Мужик вдруг весело, как будто бы лошадь понесла рысью:

— И-эй ты, по-шел!..

Лошадь вдруг останавливается. Мужик удивленно:

— Вот тебе аллилуя с маслом... Нейдет!..

— Смотри, я ведь не больно пьяная... (Мать — сыну.)

— Круг лошади толшится.

Из песни

Где мой миленький дружочек,
Что словами улещал?
Сам уехал, но оставил
Он малютку на руках...

— У него и духу нет, орать-то... (Про паровоз.)

— Коза стоит тридцать тыщ. Как жить!

— Не знай, кто такие: Лёва из-под Белёва...

— Эх, покойник и сердитый был, каянный, царство ему небесное...

— А меня вот лария замучила... (Малярия.)

Из песни

Мальчик девочку обнял,
А девчонке стыдно стало,
Стала плакать и рыдать.

Сценка

На подножке международного вагона висит баба с девочкой. Ночь, холодно. Баба говорит: «Не упади, дочка!» Обе прозябли, еле превозмогают дремоту.

Сценка

Станция Сасово. Читальня для проезжающих на агитпункте. Входит мужик из Егорьевска. Черный, запыленный, с грязными заскорузлыми руками. Роется в книжках на стойке. Говорит:

— Мне бы такую надо, где о хлебе говорится. Хлеба вот нет.

Начинает рассказывать про дорожные мытарства... Библиотекарь, молодой парень, говорит:

— Работать будешь, и хлеб будет.

Подает ему брошюрку «О продовольствии».

— На-ко вот, почитай!..

Крестьянин бойко читает:

— Государствены изд-во.

Парняк.

— Нужен порадок.

— Чей бы бычок ни прыгал, а теленочек мой.

— Приятель ты мне больно, Васька...

— Он настоящий яблошник: с яблони упал...

— Что, больно голову-то?

— Голову-то ничего, фуражку смял.

Хитрый разиня.

— Каждая сволочь роет носом.

— Голова поломается — ноги будут ходить.

— Читай же не сразу много зараз...

Сценка

Двое красноармейцев. Один крепко поел и говорит другому, отрыгивая:

— Беда, Васька, нездоровится что-то...

Сценка

Мать будит сына — мальчишку. Ласково:

— Митя!

Мальчишка не откликается.

— Митька!

Мальчишка молчит. Мать злобно:

— Ах, ты, сволочь такая... Митьк!

— Всем механизмом работают.

— В этом фатере... (квартире).

— Когда вы будете к хозяйству прибегать?

— Туда автомобиль пришла и давай насыпать... (навоз на улице).

— Они по прейскуранту хотят работать, а наша земля не принимает прейскуранта. Агроном, это ведь для таких земель... А наша земля... Где ж ей?

— Тошно было, люди руководством капитал разводили...

— Ну, и идет — неразвалишна.

— Чай-бы с избы прыгнул, да сделал.

Экономство.

— Во — шея-то у него. Голова меньше шеи стала.

— Ведь это мужчины не понимают, а женского-то рода, чай, понимают.

Красноармеец лежит на спине и поет: «Заходит милый в залу, закручены усы, снимает он фуражку...»

— Работнем на субботу. (Субботник.)

— Раньше-то были специалисты, а нынче — шир-пыр.

— Я портной из г. Чистополя. — Говорит каждое слово твердо, словно камешки катает во рту. Старается показать, что он — не деревенский.

Баба приводит ребенка в детский сад.
— Брошу вот его здесь. Как хотите. Силушки моей нет.

Хлеба нет

— Ребятам давать — сам помру. А сам помру, они без меня помрут. Никак дело не выходит. С одной точки зрения, те виноваты, а с другой точки зрения — и эти тоже.

Лунная ночь. Низко стоит месяц, задернутый тучами... Горы. Тишина. Кучи наваленных мешков на платформе. Часовые. Продовольственный отряд отправляет продукты. В пакгаузе огонек. Там взвешивают отобранное, выдают квитанции... Отбирают рожь, муку, картофель. Два проводника багажных вагонов. Плутоватые физиономии. Дают две папироски часовым, часовые за это тихонько от «начальства» возвращают им один мешок. В товарных вагонах тревога. В международном вагоне едет еврей-спекулянт. У него отбирают муку. Его спрашивают: — Только? Он отвечает: — Ну, какой газница? — Храбрится, а у самого вид убитый... (Май 1920, ст[анция] Ночка.)

Мы только тени того, кто идет за нами, но еще не показал лица своего. (Мысль эта явилась 7 апреля часов в семь вечера на берегу Волги. Я стоял около забора. На снегу из-за угла показалась тень идущего человека. Узнать по ней было нельзя: мужчина это или женщина, но кто-то шел, ибо тень двигалась).

В редакцию присылается из провинции одной работницей рассказ «Кошмар прошлого». Вижу подпись: «Копия. С подлинным верно: завженотделом».

Сценка

Из товарного двора, с митинга, выходят группами железнодорожные рабочие. На митинге присутствовали английские гости. Рабочий, видимо, не бывший на митинге, спрашивает другого, уже пожилых лет, с виду чернорабочего:

— Ну, чего говорили англичане?

— Да н-ну... (Пауза). Говорят, деритесь. Ежели, говорят, будете драться, и мы, говорят, поднимемся... А ежели, говорят, победите буржуев, то поднимется вся Истралия... (Австралия.)

(1 июня 1920 г.)

Сценка

Начальнику политотдела приносят лозунги на плакат для какой-то роты: «Угнетенные, крепче держите винтовку!»

Начальник делает замечание:

— Так нельзя писать.

— Почему?

— Потому, что у нас нет угнетенных. Угнетенные были раньше, а теперь мы их стараемся вытащить...

— Свинья? А что вы шутите свиньей? Теперь свинья самый дорогой гость в семье... Недавно мои знакомые говорят мне: — А мы поросеночка купили... — И говорят таким нежным голосом, столько чувствуется любви и радости в этих словах, что поросеночка невольно начинаешь любить и готов поцеловать его в самый пятачок, как долгожданного первенца-сына... Нет, вы свиньей не шутите! Со свиньей нынче нянчатся, ухаживают за ней, как за богатой тетенькой...

(10 июня 1920 г.)

— Ну, какая она певица? Два раза сорвалась на «фа». Это позор для сопрано — сорваться на «фа». (Рецензент театральн[ый] в Самаре.)

Сценка

Общественная чайная. Сидят двое. Один востроносый, правый глаз закрыт. Другой высокий, грузный. Лицо желтоватое, отекшее, глаза исподлобья, острые. Затылок плоский, борода рыжая, голос хриповатый. Босой, в старом пиджаке. Длинные мягкие волосы. Вся фигура и выражение лица напоминают не то бахчевника, не то расстриженного попа, деревенского мельника, вообще — бывшего хозяина. Разговаривают.

Первый.

— Животные умнее человека... Вот, например, лошадь, конь... Она не говорит, а ржет. Увидит хозяина и ржет. И понимает его.

Второй переводит разговор на божественное.

— Созижду церковь, и врата адовы не разрушат ее... Дам, говорит, тебе ключи... Понимаешь? Дам тебе клю-чи...

Первый:

—Табак это тоже есть вещество растущее...

Второй:

— Сказано в писанье: и произрастет корень, от которого люди осквернятся. (Самара, 1921 г.)

— За серебряный рубль крестьянин мне два пуда муки давал...

«Благодаря этого последнего, у меня явилось к этой особе [артистке] органическая ненависть». (Рабочий, завед[ующий] клубом.)

— На благо масс народа.

— Простая, но честная женщина...

— Работник удовлетворительный, но грубоват.

— Быстротечный революционный момент.

— К делу относились чересчур аккуратно...

— Прогрессация спектаклей...

«Гордые близостью достигаемой цели, мы шли вперед прозревшей массы, и эту массу уже не мы тянули к свету, а она сама подталкивала нас вперед». (Из докладной записки режиссера красноармейского клуба.)

«Позволял меня, как заведующего клубом, на котором лежит вся ответственность, называть порочащим честное имя гражданина и социалиста сволочью и не только грубо выгонял с места заявления, но позволял себе толкать и предъявлять угрозы, носящие характер побоев, если я не уйду с его глаз. Это касается гражд[анина] Егоркова, временно исполняющего должность режиссера во вверенном мне клубе». (Из докладной записки нач[альнику] политотдела.)

— Канюкилы. (Каникулы).

— Из глины вентиклюшки лепить заставляет. (В школе).

— Ну, что — не родила?

— Нет еще, только кряхтит. (Торговки на базаре.)

— Как бы мне в «Коммуну» написать про него? Он назвал меня милостивым государем. (Жалоба совет [ского] работн [ика] на секретаря губисполкома.)[4]

Налыга — веревка на рога быку.

Кухня командных курсов. Повар сидит с черпаком около котла, разливает кашицу и поет, подмаргивая мойщицам: «Она моя вот какая, семь — у — осемь завлекая!»

В губполитпросвете

— А вы — фанатик?
— Никогда не был им и не желаю быть.
— Значит, вы плохой коммунист.
— Почему?
— Потому что только фанатики могут прошибить китайскую стену.

(1 июня 1921 г.)

— Что лучше: иметь и потерять или ждать и не дождаться?
— Лучше ждать. Все-таки человек надеется на что-то.
(Из разговора двух женщин)

Профессор Петр Петрович

Низенький, тонконогий, с небольшим горбом. На среднем пальце правой руки — широкое золотое кольцо, на среднем левой — перстень с крупным синеватым камнем. Серая аккуратная шляпа, как будто только что вышедшая из магазина. Белый мягкий воротничок, полосатая рубаха из дешевой бумазеи. Широкий пояс с кошельком. В кошельке часы. Синие подвернутые брюки на английский манер. Желтые ботинки. Впечатление от чистоты костюма такое, словно Петр Петрович, приходя домой, подолгу сидит над разглаженными брюками, сдувает с них пылинки, разглаживает каждую морщинку и бережно, ногтем, сковыривает насевшие пятнышки.

Лицо у профессора тонкое, восковое, прозрачное. Рыжая прямая бородка. Когда улыбается, в левой десне светит золотой зуб. Манеры мягкие, стесненные. Больше молчит, щурится.

Ляличка-курсистка

Говорунья, шутиха, хохотунья. Говорит громко. Когда смеется, вся перегибается, запрокидывает голову, скалит белые мелкие зубы. Глаза игриво косят. Острый нос, тонкий профиль. Часто принимает мужскую позу, заложив ногу на ногу. На ней белый костюм — юбка, кофта, белые чулки.

Митька-студент

В чесучевой рубашке с подвернутым воротом, расстегнутым на одну пуговицу. На носу мелкое пшено веснушек. Веселый, размашистый. Говорит громко, остроумит. Во время разговора кривит нижнюю губу, делая ее лоточком. На ногах давно не чищенные, белые от пыли солдатские ботинки. Фуражка — блином. Про нее Митька говорит:

— Она у меня английская... «Наших грешников...» (буржуа).

На кормовой палубе под навесом сидят и лежат курсанты командных курсов, девицы из служащих. Кофточка, вышитые малороссийские рукава, бусы, красный пояс, залихватски перетянутый бантом на боку. Впечатление: петушки и курочки. Курочки кудахчут, смеются, охорашиваются, дергаются на месте, играют улыбками, дразнят белизной зубов, налитой грудью под тонкой кофточкой. Петушки щурят глаза, задорно гогокают, гремят потускневшими шпорами, щиплют безусые губы, щерят молодые, веселые рты и готовы пройтись колесом около курочек, разжигающих петушиный задор. (Пароход, весна 1921 г.)

На берегу серым горохом валит молодняк из детского дома в серых, синих рубашках.

Спор из-за пенки молока на базаре.

— За птицу дают пять фунтов муки.

Петроградский рабочий, старый подпольный работник, спрашивает:

— На чем отруби растут?

— Он очень быстро перескакивает со ступеньки на ступеньку. Сначала — школьный инструктор, потом — заведующий отделом, потом — завед[ующий] губнаробом[5] и, наконец, председатель губисполкома.

— Готова дочь попова. Фон-барон — калиновая дудка.

— Я вот какой человек: если где служу и чувствую, что я не зарабатываю на хлеб, не оправдываю, то мне этот хлеб в рот не лезет. Я есть не могу.

— В коммуне у нас даже черным словом не ругались.

— За обедом сначала ели пищу, а когда скажет старший — таскали мясо.

— Разочаровался я в интеллигентах. Пока живешь с ним — милый человек, лучше его и товарища нет. Как повернешь другой стороной — подлец. (Случай с Китей. 7 июня 1921).

— Он первый шарлот.

На автомобиле — красная звезда, под ней — плуг и молот.

— Два белых, третий, как снег.

— Подайте милостыньку, Христа ради — голодны мы.
— Зато свободны.

Сценка

Красноармеец [на водном вокзале] увивается около деревенской «дамочки» в зеленом газовом шарфе.
— У вас билет по железной дороге?
— Да.
— Вас не повезут по воде. Могут только по уважительным причинам.
— По каким?
— У меня брат — комендант. Я скажу ему — могут взять.
(12 июня 21 г.)

— Бывало, кормилица-то во — какая! Каждый день жила как в великий праздник, а нынче на полфунта хотят, чтобы троих кормила.

— У кондуктора сердце, как у матери.

— Вон у него брюхо-то какое — клещами не вытащишь.

— На поприще народной нивы.

— Боря, твоя Сухарева башня свалилась, чуть-чуть не упадила. (Дети.)

Мальчик 10-ти лет читает «Известия».
Мать: Чего это ты читаешь?
Сын: «Лозанна и наша тактика».

— Хлеб и то родится с ухвостьем. Разве мы виноваты, что вместо пшеницы лезет сорная трава. Дергать надо.

Среди серьезного разговора и вдруг: «А ты дыни ел?»

— Поп читает, собака лает — всякий свое дело знает.

— Откуда такая паразита явилась?

— Вот «хозяину» — рабочему определили жалованье, а другим нет. (Разумеется, буржуазия).

— Клопов выгнали, а кто-то другой налез.

— Ни одна лиса себе на хвост не нагадит.

— Раз коммунист, то не надо карманов шить...

— Два человека, оба умные.

— Ребенок всегда хочет жить жизнью героя и очень длительно.

Фигура

Монах босой, пальцы на ногах толстые, с черными длинными ногтями. Волосы длинные, поповская ряса заштопана в плечах белыми нитками, подпоясана веревкой. Лицо бронзовое, нервное. Когда сердится, щеки подергиваются. За спиной — брезентовая сумка, туго перевязанная, набита вещами. В левой руке вышитый мешочек и толстая выточенная палка с большой головкой. В головку продета веревочка. В правой руке — дырявая шляпа. В шляпу кладут деньги. Монах двумя пальцами ловко берет «миллионы», опускает их незаметно в мешочек, оставляя в шляпе не более одного-двух.

МОНАХ: Все монастыри закрыты, кроме Валаама.

Я: Кто же в них живет?

МОНАХ (дергая щеками): С места на место течет. В Андроповом раньше жили солдаты, теперь живет муж с женой.

ДЬЯКОН: Служить молебны можно, когда хочешь, без числа. Приходит ко мне однажды человек, просит отслужить молебен Петру Афонскому, память его 12 марта, а время теперь июнь месяц. Я, конечно, отслужил, потому что тут греха нет, если вы желаете.

— Революция не есть продукт личного творчества.

— В революции все мы ленинцы... Ленина все знают, потому что Ленин — это мы.

— Сама она ростом маленькая, а зонтик выше ее.

— Поротая ж... села на барское место.

— Солью земною называются те люди, которым солоно живется на земле.

Про пчел: — Это вещь такая. Это вещь совершенно дружная. (Горожанин.)

— Лирический жеребец.

Старуха: — Я, бывало, белу нитку не вдену в иголку, а теперь (как стала нюхать табак) черные чулки вяжу. Я десятый год по рецепту докторскому нюхаю.

— Какая уж жизнь? Досыта соли не поешь теперь...

— А ты проникай в другой путь, сынок...

— Теперь на тридцать верст человек виден.

Утро в Москве 9 мая[6]

Дом печати. Первое впечатление. Бюст Ленина на площадке лестницы... Читальня. Зал для собраний... Столовая. Роскошная мебель, зеркала. Этажом выше. Мы не нашли «мандатную комиссию». Комната с полосатой мебелью. Прислуга.

Первые взрывы за Москвой... Облака дыма. Чувство тревоги. Выход на улицу. Скачущий автомобиль с пожарными. Взрывы сильнее. Дымовые кольца на громадной высоте... Лопанье стекол на Мясницкой. Магазины: Мишин, Мюр и Мюрелиз. Стража. Чувство боли за республику. Равнодушие обывателей. Обычные разговоры. Улыбки. Смех. Как будто бы ничего не произошло. Жизнь бьет своим ключом. Слухи о беженцах.

Возвращение в номера. Сплошной гул, как от несущихся поездов. Редкие, но сильные взрывы. Головная боль... Стихание взрывов. Снова выход на улицу. Редкие кучки прохожих.

Отправляемся в Дом печати. Несколько пальто и шинелей на вешалках. Столовая. Поэты пьют кофе, закусывают капустой, пирожками, человек 15—18. Несколько женщин. Горничные, легкий говор. Я чувствую себя спокойно и твердо. Узнаю в затылок Герасимова[7]. Его удивление. Но, как мне показалось, отсутствие непосредственной радости по случаю нашего «торжественного» прибытия.

Незнакомцы. Черты купеческих приказчиков в лицах и в манер[е]. Двое пожилых с бородками клинышком. Усталый вид непонятых и недооцененных людей. Взъерошенные волосы — признак торопливости, перегруженности и т. д. Мы пьем кофе. За общим столом. Девицы, не похожие на поэтесс. Молодежь еврейского типа. Смотрю на лица. Кириллов — напротив[8]. Молодой паренек. Симпатичный. Вид человека незамысловатого. Но сквозь незамысловатость проглядывает «самоуверенность» и доля скромности от сознания своей величины.

Незнакомец — рядом с Кирилловым. Твердое мужественное лицо. Громадные пальцы на руках. На затылке лысинка. Молчаливость. Симпатичный, внушающий доверие.

Черненький, бритый, подтянутый щеголь с барышней. Мысль: неужели это — пролетарский поэт? Рядом со мной — Дорогойченко[9]. Они все уже были на каком-то совещании и он читал стихи там.

Разговор о Блоке. Кириллов: «Кто из пролетпоэтов не читал и не увлекался Блоком? Он сделал много для своего времени. И ждать от него, что он отобразит революционную эпоху, — нельзя. Старые этого не могут сделать». Предполагаемое чтение пьесы Карпинского «Мы и они» откладывается[10]. Приходит дама с мужчиной. Черненький, бритый целует у нее ручку с большим чувством.

Первое впечатление от поэтов: маленькие, обыденные люди с налетом московской смелости и уверенности. Кириллов показывает газету на польском языке, где переведено его стих[отворение] «Грядущему». Ленивый жест, говорящий другим: «Пустяки, в сущ-

ности, так себе — между прочим». А на уголке губ — самодовольная улыбка.

Взрывы продолжаются. Об них никто не говорит. Это нечто далекое. Пьют, едят. Говорю Дорогойченко: «Что это такое?» Он: «Деревья выкорчевывают за Москвой». Кириллов: «Хорошо выкорчевыванье... Большое несчастье...» Журналист Литовский[11]. С ним еще один, седоватый, немножко косоглазый. Прядь волос, небрежно упавшая на левый бок лица. Сообщение Литовского о взрывах. Горят артиллерийские склады в Хорошево. Через минуту об этом забывают. Утомление среди поэтов. Кириллов кому-то говорит: «Читать не будем?»

Мы уходим. Улица живет своей жизнью. Три девицы на террасе в университетском саду танцуют, поют. Два поэта из провинции рассказывают дорогой, как в «Кафе поэтов» Есенин дал три пощечины импрессионисту Соколову на эстраде, публично, за то, что во время критики есенинских стихов Соколов сказал, что Есенин выкрал чужие образы кое-откуда...

Вечер. «Кафе поэтов» на Тверской, 18. Заходим. Узенький проход с улицы. В первой комнате накурено. Полутемно. Крошечная эстрада, стол, два-три стула. Потухшие фонари в китайских висячих абажурах. Смешение вкусов: азиатского с древнерусским. На противоположной эстраде стене какой-то тип верхом на курящемся жертвеннике. Очень похож на Герасимова. Рядом с ним фигура... Ваньки в рубашке, протянувшего длинные ноги. Глуповатая самодовольная физиономия с папиросой во рту. Надписи: «Всерос[сийский] союз поэтов» и «В. С. П.».

Рядом в комнате публика. Жрет, пьет, шумит. Девицы в шляпках... Дым, звон. Эстрада пуста. В дверях юноша с длинными черными волосами. Держит в руках листок с написанным на нем стих[отворением]. Впечатление грязного кабака, неуютного. Один из провинциальн[ых] поэтов назвал его «бардаком».

Александровский[12]. Встреча с ним в 1-й комнате. Молодой паренек. Тоненький, среднего роста, даже ниже среднего. Солдатская гимнастерка. Кепка. Узкие брюки. Длинные носки полуразбитых ботинок. Держится спокойно, наружно просто, но чувствуется, что он чем-то захвачен «своим»...

Впечатление общее: люди живут на какой-то [другой] планете и совершенно не интересуются тем, что не от них «исходит». Жизнь страны, провинции для них далека, чужда и непонятна. Все они вертятся в кругу, начерченном своими руками.

Записал 10 мая утром.

2-й день в Москве

11 ч[асов] утра. Из номера — в Дом печати. Регистрация. Анкета. Совещательный голос. Решающий голос. Суриковцы[13]. Коротков —армянский тип. Приглашение к суриковцам. Разговоры поэтов в зале. «Тебя вчера обругали на чтении?» — «Да, это хорошо, а то бы могли замолчать». — «Меня обвиняют в том, что я подражаю Бальмонту[14] — это же свинство. Я шесть лет носил мысль в голове о стихах. Все только думал. А потом с третьего стихотв[орения] попал в печать...»

Кофе в столовой. Бутерброды. Встреча с Нечаевым, Шкулевым[15]. Обед в общежитии съезда.

Знакомство с С. П. Подъячевым[16]. Высокий старик 58 лет. Редкая борода с проседью. Жидкие волосы, длинноватые. Большие длинные уши. Морщинки около глаз. Большой нос. Вид деревенского начетчика, умного мужика. Сутулится. В шляпе. Серенькие штанишки. Бумажной материи пиджак. Ситцевая белая рубашка. Походка вразвалочку. Медленная, с ленцой. Говорит как будто неохотно, недружелюбно. Улыбка хорошая, простая. Голос спокойный, тихий. Нет ни показного возмущения, ни экзальтации. Чувствуется стариковская умудренность. Живет в Дмитровск[ом] у[езде] Моск[овской] губ[ернии]. Работает в волостн[ом] отд[еле] народ[ного] образ[ования]. Там же живет Кропоткин[17]. Пишет воспоминания. Сообщил кое-что о Тимковском[18].

Насимович[19] — черные волосы, кудрявый зачес, маленькая [нрзбр], густые усы. Тип армянский.

13 мая в кружке «Звено»[20] читал свои произвед[ения] — «На земле» и «Я хочу жить» в присутствии Львова-Рогачевского, Ляшко, Насимовича, Вешнева...[21]. Получил общее одобрение, признание и два приглашения — от Львова-Рогачевского дать что-нибудь в «Звено» и от Вешнева — в «Общее дело». Рассказы произвели на всех сильное впечатление.

Принят в члены кружка единогласно, без обсуждения.

12-го был в ЛИТО Наркомпроса у Брюсова. Высокий, здоровый старик, джентльмен.

26/X[22] познакомился с Г. И. Чулковым у него на квартире (Смоленский бульвар, 8)[23]. Подлинный интеллигент. Мягкий, вежливый. В лице что-то располагающее, симпатичное. Внешность: длинные волосы, кое-где посеребренные сединой. Тонкие черты ли-

ца. Нос с горбинкой. Одет в [нрзбр] фуфайку. На столе среди книг требник, служебник. Квартирка небольшая, но чистенькая. В одном месте нашей беседы он порывисто вскочил и, выбежав в прихожую, где сидела жена около голландки, крикнул: «Надя, Надя, Надя — мудрый человек. Как я не ошибся в своих предчувствиях. Я так и думал, что вы такой. Вы говорите глубокие вещи. Вы художник» и т. д. Посидел с ним минут 30—40, просил заходить. Расстались дружески. Встреча с ним для меня весьма ценна по тем ощущениям, которые я вынес в душе.

Новиков-Прибой, писатель[24]. Невысокого роста, похож на рабочего из столицы. Взгляд серьезный, строгий. Когда смотрит на тебя, как будто взвешивает и вымеривает, каков твой вес.

Серафимович. Высокий крепкий старик, сутуловатый. Голова голая. Черты лица грубоватые. Голос хриповатый. Смотрит исподлобья, внимательно. Познакомился с ним в Доме печати. Был очень рад, пригласил на квартиру. Пили чай. Беседовали. Угощал селедкой. На прощанье подарил свои книги с надписью[25]. Сказал: «У вас есть ребятишки? Грамотные? Большие?»

Ушел от него с хорошим чувством. На прощанье, уже в прихожей, пристально посмотрел на меня характерным взглядом снизу вверх и сказал: «С удовольствием помогу вам, чем можно...» (Речь шла об издании сборника рассказов). Живет один. Жена померла... Старший сын убит на войне, младший — в больнице. Квартирка чистенькая, две комнаты, на столе книжки, среди которых много со своими рассказами.

«Жена моя отъявленная реакционерка, значит, и ее долой. Нашел ей хорошего жениха, сам выдал замуж, отдал в приданое с ней домишко и ушел в одной рубашке, с одним творчеством. Завязал его в носовой платок и начал кружиться в гуще народной, проповедовать новую жизнь. Официально до сих пор — не коммунист, с души прет анкетная формалистика. Ведь тут всякий может написать все, что вздумается. Истрепавшийся, растерзанный ум часто приглашает повеситься. Живу пока со всеми дружный, никому не нужный. Евангелие равенства — это евангелие солнечного счастья, вдохновенного гнева, борьбы, любви и упоения. Не важно потерять любовь женщины, ибо найдется другая женщина, которая может полюбить, а важно сохранить свою любовь к женщине» (Клычков)[26].

(ЦГАЛИ, ф. 337, оп. 1, ед. хр. 176).

---

[1] Выдержки взяты из XXV главы повести М. Горького «Мать».

[2] Бодлер Шарль (1822—1867) — французский поэт, предшественник

декадентов и символистов. Выдержки взяты из стихотворений «Признание», «Непоправимое» и «Уединение» (в переводах П. Якубовича-Мельшина).

[3] Безмен — распространенные в то время в домашнем обиходе весы с одной гирей, передвигающейся по коромыслу. Из-за неточности веса вышел из употребления.

[4] С этой записью связан рассказ А. Неверова «Милостивый государь», написанный в 1922 году. См. III, 34—41.

[5] Губнароб — губернский отдел народного образования.

[6] 1920 год. В это время А. Неверов находился в Москве, будучи делегатом Первого Всероссийского совещания пролетарских писателей (10—14 мая).

[7] Герасимов М. П. (1889—1939) — пролетарский поэт, общественный деятель. Организатор Самарского Пролеткульта. См. примеч. на стр. 250.

[8] Кириллов В. Т.. (1890—1943) — пролетарский поэт.

[9] Дорогойченко А. Я. См. примеч. на стр. 231.

[10] Карпинский В. А. (1880—1963) — старый большевик, журналист, писатель. О пьесе «Они и мы» (1920) см.: Л. Тамашин. Советская драматургия в годы гражданской войны. М., Изд. «Искусство», 1961, стр. 184—185.

[11] Литовский О. С. (р. 1892) — советский журналист, редактор.

[12] Александровский В. Д. (1897—1934) — пролетарский поэт.

[13] «Суриковцы» — члены кружка, основанного крестьянским поэтом-самоучкой И. З. Суриковым (1841—1880). Официальное наименование: Суриковский литературно-музыкальный кружок писателей из народа. Согласно уставу, который был принят 28 мая 1905 года, кружок ставил своей целью объединить «писателей из народа, не порвавших с ним духовной связи» (ЦГАЛИ, ф. 1642, оп. 2, ед. хр. 21).

[14] Бальмонт К. Д. (1867—1942) — поэт-символист.

[15] Нечаев Е. Е. (1869—1925). Шкулев Ф. С. (1868—1930) — пролетарские поэты, входили в Суриковский кружок.

[16] Подъячев С. П. (1865—1934) — крестьянский писатель.

[17] Кропоткин П. А. (1842—1921) — известный анархист.

[18] Тимковский Н. П. (1863—1922) — русский писатель, печатался в сборниках «Знание».

[19] Насимович А. Ф. (1880—1947) — писатель, автор ряда произведений для детей и юношества. Первому отдельному изданию повести «Ташкент — город хлебный» (М., Изд-во «Земля и фабрика». 1923) А. Неверов предпослал следующее уведомление: «Считаю долгом выразить свою признательность писателю Александру Федоровичу Насимовичу, разговоры с которым о детской литературе и побудили меня написать эту повесть».

[20] «Звено» — одно из московских литературных объединений того времени.

[21] Львов-Рогачевский В. Л. (1874—1930) — критик и историк литературы. Ляшко (Лященко) Н. Н. (1884—1953) — писатель. Вешнев (Пржецлавский) В. В. (р. 1881) — критик.

[22] 1920 год. В это время А. Неверов находился в Москве, будучи делегатом Первого Всероссийского съезда пролетарских писателей, который проходил 18—21 октября.

[23] Чулков Г. И. (1879—1939) — поэт, переводчик, критик, историк литературы.

[24] Новиков-Прибой А. С. (1877—1943) — советский писатель-прозаик.

[25] Из подаренных А. Серафимовичем книг сохранилась одна — сборник рассказов «Галина» (Книгоиздательство писателей в Москве, 1918). На шмуцтитуле надпись: «Александру Сергеевичу Неверову. А. Серафимович. 20/X-20. Москва».

[26] Клычков (Лешенков) С. А. (1889—1943) — поэт и прозаик, певец патриархального уклада крестьянской жизни.

В 1920—1921 годах А. Неверов переписывался с И. М. Касаткиным (1880—1938) — «крестьянским писателем», активным участником литературной жизни нашей страны. Нами публикуется часть этой переписки.

Письмо Ив. Касаткина от 22 марта 1920 года является первым откликом на неверовскую пьесу «Бабы». Ив. Касаткин был членом жюри Всероссийского конкурса Госиздата, на котором эта пьеса получила первую премию. Еще раньше внимание Ив. Касаткина привлекли и получили его высокую оценку рассказы А. Неверова — «По-новому» (на конкурсе журнала «Красноармеец» в 1919 году присуждена третья премия), «Новый дом» и др. Ив. Касаткин высоко оценил художественные произведения талантливого писателя.

Письмо А. Неверова к Ив. Касаткину представляет собой доверительный рассказ о трудностях писательской жизни, творческих поисках, удачах, надеждах, огорчениях, вводит нас в творческую лабораторию писателя, раскрывает некоторые новые грани его литературно-творческих связей.

А. Неверову принадлежит одна из первых в советской критике рецензий на сборник рассказов Ив. Касаткина «Лесная быль» («Понизовье», 1921, № 4). Изображение «русского быта, русской глухомани», чуткое внимание «к движениям кипящей жизни», не только к «звериной грубости» в деревенском быту, но и к «родникам чистого человеческого чувства», вера в лучшее будущее человека — вот что объединяло творчество двух писателей.

Встреча А. Неверова и Ив. Касаткина произошла в Москве в мае 1922 года на литературном вечере у А. Серафимовича, у которого, как отмечал позже А. Неверов, собирались «более революционно настроенные» писатели.

Письма публикуются с некоторыми сокращениями. Расшифровки неоконченных слов, взятые в квадратные скобки, принадлежат комментатору.

12

[ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. НЕВЕРОВА с Ив. КАСАТКИНЫМ]

[Ив. Касаткин — А. Неверову]

22 марта 20 г. Москва

Дорогой Александр Сергеевич.

Недосуги мне долго мешали переброситься с вами письмецом. Еще после конкурса «Красноармейца», где я был в составе жюри, собирался побеседовать с вами. Затем, когда я получил ваш посыл («Новый дом») для перепрочтения после тов. Фриче[1], который одобрил лишь две-три вещи, и когда я вчитался в этот присыл, мне сугубо захотелось беседы с вами. Однако, сейчас я буду пока краток. Пока я хочу только поздравить вас с первой премией за вашу пьесу «Бабы». Хорошая, свежая, сильная вещь. От всей души братски поздравляю вас с художественным успехом. Из всего вороха рукописей за такую вещь уцепляешься зубом, отдыхаешь на ней. Правда, в пьесе нет злободневной агитации, но зато много ценностей иного, более высокого порядка, и лично я ратовал за нее. И какова была радость моя, когда вскрыли

конверт и я прочел имя автора. Знаете, приятно бывает не обмануться, что талантливость — не шило в мешке... Только вот что: уж вы разрешите мне выкинуть в 1-м действии похоронную процессию, — пусть она там, за сценой, проходит. Хорошо?

...С конкурсом шибко мы затянули. Результаты объявим в газетах Москвы...

(А. Неверов — Ив. Касаткину)

...В течение прошлого года дважды был в Москве... Ждал встречи с Вами... и был опечален известием, что Вас нет в Москве.

С чего мне начать? Я как будто здоров, но в общем чувствую страшную утомленность, форменно обессилел от недоедания, от чрезмерной работы. Жизнь в Самаре страшно вздорожала, и жить трудно. Спроса на писательский труд почти нет, а если и есть когда — оплата мизерная. Приходится голодовать. Как идет моя литературная работа? Работаю много. Только этим и скрашиваю голодные дни. После «Баб» я написал две пьесы еще: «Захарова смерть», драма в 4 д[ействиях] и «Гражданская война», социальная драма в 1 д[ействии], пьеса массовая, для игры на площадях. Обе пьесы премированы Московским ТеО[2] и получили 2-е премии. «Захарова смерть», кроме того, премирована на Самарском конкурсе, тоже получила 2-ю премию. Пьесы отправлены в Петербург для напечатания. Не знаю — вышли из печати или нет. Обе включены в репертуар. С «Бабами» плохо. Приобрел их у меня еще в рукописи Самарский губнароб, заключил со мной договор и до сих пор не ставит, пропустив все времена и сроки, указанные в договоре.

Я уже и сам чувствую, что «Бабы» у меня технически построены не совсем удачно, в чем виновата моя неопытность драматурга.

Новая драма «Захарова смерть» тоже не совсем удовлетворяет меня своей техникой. Виновата спешка, с какой я оканчивал эту драму.

Все это — первые опыты. Теперь я гораздо яснее разбираюсь в техническом построении. Написал я, между прочим, еще уже три пьесы. Вот как. «Женское засилье» в 1 д[ействии], «Смех и горе», комедия в 3 д[ействиях] из жизни современного духовенства и комиссарства в кавычках и «Богомолы» в 1 д[ействии] из жизни крестьян.

...Завтра, 19 февраля, в одном из клубов идет «Смех и горе», а в понедельник 21-го пойдут «Женское засилье» и «Богомолы». «Богомолы» пойдет еще в первый раз.

Последняя пьеса «Богомолы» думаю, что годна будет для Теревсата[3].

«Смех и горе» я послал в Петербург прочесть в литературных кругах для оценки.

Что касается переезда в Москву, я об этом давно подумываю, но положение у меня щекотливое. Одному ехать — семья не обеспечена ничем. Ехать с семьей — страшно. Весной все-таки думаю побывать в Москве. Со сборником моих рассказов «Новый дом» случилась пренеприятная история. Госиздат принял их у меня, и П. А. Кузько[4], не в обиду будет сказано, успокоил меня, что осенью 1920 года они могут выйти; но когда я осенью приехал в Москву и спросил в Госиздате, что с моими рассказами, там удивились и объявили, что они ничего не знают. Оказалось, что рассказы преспокойно лежали в портфеле у П. А. Кузько. Недавно я взял согласие у Госиздата издать их в Самарском отделении, но дело это, возможно, протянется долго. Немножко досадно. Лежит также целый сборник моих дореволюционных рассказов у Львова-Рогачевского[5]. Он дал отзыв, что рассказы можно издать, но не знает — где. Лежит один мой рассказ у Вешнева[6], «Кровать», и один рассказ в «Творчестве»[7], «Стишок». О судьбе их ничего не знаю.

Сижу за большой повестью из жизни революционной деревни[8], написал уже 75 страниц, но нужда отрывает от работы. За последние дни приходится вести репетиции, ставить спектакли, да, кроме того, веду еще газетную работу в губпосевкоме: пишу беседы для крестьян, популяризуя идею посевкомов.

Планов и сюжетов полна голова — время не хватает передать их на бумагу.

Поклонитесь от меня Александру Серафимовичу Попову. Я с ним познакомился в Москве, был у него на квартире. Хороший старик[9].

16/II-21 г. **Ваш Неверов**

(ЦГАЛИ, ф. 337, оп. 1, ед. хр. 212 и ф. 246, оп. 1, ед. хр. 6).

---

[1] Фриче В. М. (1870—1929) — критик-марксист, историк литературы и искусствовед.

[2] ТеО — театральный отдел Народного Комиссариата по просвещению.

[3] Теревсат — Театр революционной сатиры.

[4] Кузько П. А. (р. 1884) — литератор, в то время сотрудник Госиздата.

[5] Львов-Рогачевский В. Л. — см. примеч. на стр. 80.

[6] Вешнев В. В. — см. примечание на стр. 80. В. Вешнев в это время редактировал журнал «Горн».

[7] «Творчество» — ежемесячный журнал литературы, искусства, науки и жизни, под редакцией А. С. Серафимовича, В. М. Фриче, Н. Л. Мещерякова, выходил в 1918—1922 гг. в Москве. Рассказ А. Неверова «Стишок» не был опубликован в журн. «Творчество» (впервые напечатан в журн. «Понизовье», Самара, 1921, № 1—3).

[8] Так в это время А. Неверов определял жанр романа «Гуси-лебеди».

[9] А. Неверов познакомился с А. Серафимовичем осенью 1920 года. См. стр. 79 и 81.

Несомненный историко-литературный интерес представляет также переписка А. Неверова и В. Я. Шишкова (1873—1945), относящаяся к 1922 году и публикуемая впервые. Она в той или иной мере обогащает наши представления о развитии русской советской литературы начала 20-х годов.

Не случайно уже само внимание этих писателей друг к другу. И в объекте изображения, и в осмыслении происходящих событий, и в творческой манере у них — при всем индивидуальном художественном своеобразии — было много общего: живописание русского крестьянства, стремление показать все стороны — и темные и светлые — «лица жизни», передать ту атмосферу «свежего ветра», который ворвался вместе с революцией в крестьянские избы, в сознание русского мужика.

В рассказах, очерках, пьесах Вяч. Шишкова — «Сибирский дед», «Солдатка», «К угоднику (наблюдения из поездки 1918 года)», «Кутерьма», «Провокатор», «На травку», «Мужичок», «Вихрь», А. Неверова — «Черное и белое», «В плену», «В глухих местах», «Красноармеец Терехин», «По-новому», «Бабы», «Захарова смерть» воссоздавалась жизнь русской деревни эпохи империалистической войны, революции, гражданской войны и начала строительства нового мира. Знаменательно, что эта «общность» отмечалась некоторыми критиками, правда, только в драматургии, уже в те годы. Так, в пьесе Вяч. Шишкова «Вихрь» находили «много сходного» и в общей обстановке, и в сюжете с пьесой А. Неверова «Бабы» («Бюллетень книги», М., 1922, № 5—6, стр. 55). Необходимо напомнить, что неверовская пьеса появилась раньше пьесы В. Шишкова «Вихрь».

В начале 20-х годов в творчестве А. Неверова и Вяч. Шишкова намечается новый этап, связанный с овладением новеллистическим жанром, подступами к крупным прозаическим формам—повести, роману, с ростом художественного мастерства. Поэтому понятно настойчивое стремление А. Неверова выпустить сборник своих рассказов, о чем он пишет, прося оказать содействие, и В. Львову-Рогачевскому (IV, 260—261), и Л. Клейнборту («Русская литература», 1967, № 3, стр. 208), и Вяч. Шишкову, понятно его волнение за судьбу рассказа «Крест на горе», написанного еще в 1918 году.

Переписка А. Неверова и Вяч. Шишкова передает сложную обстановку начала 20-х годов (голод в Поволжье, тяжелое положение в издательском деле, литературная борьба за утверждение принципов молодой советской литературы), воссоздает душевное состояние писателей, движение мысли, накал страсти, раскрывает понимание ими своего художнического и гражданского долга.

Особый интерес представляет письмо В. Шишкова от 8 июня 1922 года, затрагивающее вопросы мастерства Вс. Иванова и Н. Никитина, поднятые, по всей вероятности, в предшествующем письме А. Неверова, которое, к сожалению, не разыскано. Можно предполагать, что в этом письме он делился своими мыслями о творчестве Вс. Иванова, которые были суммированы в статье «В кругу заколдованном (Вс. Иванов)», написанной накануне, в мае 1922 года и опубликованной в журнале «Корабль», Калуга, 1923, № 1—2 (7—8).

Слова и расшифровки неполных и неоконченных слов, взятые в квадратные скобки, принадлежат комментатору.

[ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. НЕВЕРОВА с Вяч. ШИШКОВЫМ]

[Вяч. Шишков — А. Неверову]

Милый Александр Сергеевич!

Ваш рассказ «Крест на горе» очень недурен, он пойдет в сборнике. В нем $^1/_4$ листа, что из расчета 1 м[иллион] за лист составляет 250 т[ысяч], кои Вам и посылаю. В Москве, говорят, платят дороже, у нас пока так.

В газетах ужасы про Волгу. Неужели так плохо у вас? Пишите, как живется, не голодаете ли?

Вашим письмам рад. Поклон Тачалову[1].

Ваш Вяч. Шишков

[Петроград] 1/II-1922.

[А. Неверов — Вяч. Шишкову]

[1]

Получил Ваш перевод за «Крест на горе». Болит сердце. Случилось вот что: перед тем, как Вы просили прислать рассказ для сборника, мною был послан «Крест на горе» в Москву литератору деду Гольдебаеву[2]. Он его передал Воронскому[3] в «Красную Новь». Как только я получил Ваше приглашение, я послал тут же Гольдебаеву письмо, чтобы он задержал рассказ. Потом я узнал (частно), что «Крест на горе» принят в Москве. Тут же получил Ваш перевод и в этот же день послал Гольдебаеву вторично заказное письмо и наказал немедленно сообщить Воронскому, чтобы не печатал рассказ, а в «Красную Новь» послал телеграмму об этом же. Все это я к тому говорю, что может случиться так, что я окажусь перед Вами «обманщиком». Уже со мной случилась одна неприятность в «Бедноте». «Беднота» уличила меня публично через газету в том, что я поступил нечестно, вопреки литературной этике, одновременно посылая рассказ в два места. Я, конечно, оставляю на совести редакции эти скороспелые обвинения, но случилось просто недоразумение, благодаря тому, что от Самары до Москвы тысяча верст, а почта не всегда аккуратна в доставке писем. Вот и неприятно мне теперь: не случилась ли такая же «история» и по отношению к Вам с моим рассказом.

Как живу? Пока еще сносно, а вообще положение ужасное. Слова такого не найдешь, чтобы передать весь ужас. Самарская

деревня вымирает буквально. Между селами нет дорог, на деревню 2—3 лошади. Кошки, собаки поедены. Трупоедство, людоедство — уже бытовое явление... Страшно! Но не то страшно, что человек в безумии голода съел человека, а страшно общественное отупение, потеря «человеческой» совести...

А Европа... — «культурная, человеколюбивая» — что она думает? Кому она мстит? Да будет она проклята эта хваленая Европа с лощеными физиономиями политиканов.

Братья-писатели? А мы... неужели мы не в состоянии кричать?.. Ведь кричать нужно... Мы все, сидящие вдали от ужасов обезумевшей деревни, представить не можем того, что творится на местах. Обсудите этот вопрос, найдите формы выражения, но молчать нам — преступление.

Вы скажете: уже кричат. Да, кричат, но пусть это будет крик лучшей части общества — русских писателей (я так смотрю на писателей).

Ну, кончаю. Будьте здоровы. Не забывайте письмецом.

Уважающий Вас А. Неверов

22/II—22 г. Самара, Воскресенская, 90, кв. 4.

Посылаю Вам свою книжечку[4]. А. Н.

[II]

Дорогой Вячеслав Яковлевич.

В надежде на Ваше доброе отношение ко мне, обращаюсь к Вам с просьбой. Предложите кому-нибудь в Петербурге — не согласятся ли издать прилагаемые при сем рассказы отдельной книжечкой. Ну, что они валяются у меня? Рассказы как будто не совсем плохие. Например, «Новый дом» и «Шайтан» были одобрены Фриче, Серафимовичем, Касаткиным и были приняты [в] 1920 г[оду] в Москве Госиздатом к напечатанию, но... сборничек погиб в дебрях Госиздата[5]. Когда я попаду сам в столицу — не знаю. В Самаре издать трудно. Не поможете ли Вы сделать «доброе дело»? Вся молодежь выпускает свои книжки и хорошие и плохие, а я сижу, сижу, сижу. Даже досадно немножко. В Петербурге добрых знакомых, кроме Вас, никого нет, и вот прошу Вас: если рассказы, по Вашему мнению, заслуживают внимания, предложьте кое-кому. Если же все это безнадежно, не откажитесь вернуть мне их обратно. Только не сердитесь, что взваливаю на Вас

неприятность хлопот. Решаюсь на это потому, что сердце говорит, что Вы возможное сделаете. Буду очень признателен. А если черкнете парочку слов в результате этого посыла — от души мысленно расцелую Вас.

Будьте здоровы.

Если Вы переписываетесь с Алексеем Михайловичем Р[емизовым] — передайте ему искренний привет[6].

Уважающий Вас А. Неверов

16/III—1922 г. Самара, Воскресенская, 90, кв. 4.

[III]

Дорогой Вячеслав Яковлевич.

Поздравьте: — я в Москве. Наконец-то вылез из Самары. Но в Москве мало утешительного. Книжное дело обстоит плохо. Многие журналы в неопределенном положении и, возможно, — скоро умрут. В том числе и «Красная Новь», которую щиплют за невыдержку. Из Самары Москва казалась гораздо привлекательней в литературном отношении. Среди писателей, насколько мне удалось подметить, страшная неорганизованность, неспаянность, даже враждебность. Один другому ножку ставит. Каждый проталкивает только себя, каждый считает «гениальным» только себя. Остальные, мол, бездарности. У кого нет идеологии, у кого формы, а в сущности ни у кого ничего нет. Пережевывают старую травку.

Писатель московский, кого приходилось видеть, — народ в большинстве мнительный, насмерть отравленный писательским самолюбием. Скучно и немножко смешно. Много говорят о литературном обновлении, а показать это обновление на деле, видимо, нет средств... Я, признаться, даже чуточку струхнул после самарской тишины. Еще в Самаре получил несколько приглашений в журналы, дал рассказы, но журналы, принявшие рассказы, никак не могут выйти в свет. Один из них, не выходя, уже помре.

Я Вам посылал из Самары несколько рассказов для издания отдельной книжечкой. Получили Вы их? Если получили, то какова судьба их? Есть ли надежда куда-нибудь протискать их? Конечно, посылал я их, рассчитывая на Вашу поддержку, т. е. Вы предложите их, скажете пару слов. Может быть, это неприятно для Вас? Простите: добрых людей (в лучшем смысле) в Петербурге, кроме Вас, у меня нет, и я решил эту доброту использовать.

Конечно, я имел в виду только возможное с Вашей стороны. Ну, да ладно, без предисловий и послесловий. Дело сделано. А как Ваш сборник? Вышел?..

Буду ждать Вашего ответа. Если же вышел сборник и в него попал «Крест на горе», то пришлите авторский экземпляр по адресу: Москва, Арбат, Ст[аро]-Конюшенный пер., д. № 33, ком[ната] 11, А. С. Неверову. Много писать пока не буду до получения Вашего письма.

Будьте здоровы.

Ваш А. Неверов.

7/V—22 г.

[Вяч. Шишков — А. Неверову]

[I]

17.V.1922. Троицкая, 4, кв. 7.

Дорогой Александр Сергеевич.

Один комплект Ваш[7] для отзыва дал в журнал при Доме литераторов, другой — в «Книгу и революцию», третий — в «Жизнь искусства». А сборничек — в Госуд[арственное] издат[ельство] давно отдал и два раза спрашивал о результатах. Коллегия будет рассматривать его не в эту, а в следующую субботу. В частное издательство пристроить трудно, беллетристика нейдет в продаже, денег у народа нет, книги дороги, издатели издают мало.

В воскресенье хотели созвать писателей и организовать издательское Т[оварищест]во писателей, каковое уже было до войны, выпустило 12 хороших книг и померло вместе с войной и революцией. Если удастся организовать дело, сборник с Вашим рассказом выйдет под новой фирмой. Сборник еще не начинали печатать, ужасно трудно теперь, трудно собрать хороший материал, нужны очень большие деньги. Если выгорит дело, сделаем в банке заем. Необходимо от Вас получить хороший рассказ еще.

К Вам большая просьба. Если будете на Арбате (только в том случае, если будете, а не нарочно ходить), загляните в издательство писателей (Скатертный переулок, № 8) и, не говоря худого слова, бейте первого же попавшегося человека прямо по скуле, а потом передайте им мое почтение. Три года тому назад принята моя книга «Золотая беда» и повесть «Страшный кам» (шаман). Двадцать раз просил выслать корректуру. Потом сообщили, что сборник «Слово» с моей повестью скоро выйдет в свет, а «Золотая беда» тоже на мази. Я взвыл — ради бога, — корректуру. Отвечали, что теперь уже поздно (три года!), и успокоили, что ни одного слова из повести не выбросят. Черт! Для того и просил корректуру, чтобы выбросить, может быть, 100 000 слов, ведь прошло три года, накопилось много в ней длиннот. Ну, на это дело плюнул, будь что бу-

дет. А вот хочу спасти сборник «Золотая беда». Требую корректуру этой последней книги. Если не пришлют, подам в суд и книгу не выпущу. Это передайте им самым серьезным образом, по голове не бейте, я в раздражении сказал.

От нас то и дело ездят в Москву люди, пусть скажут, когда к ним прислать, и, ради бога, сообщите мне, милый Александр Сергеевич.

Если будет оказия в Питер, заезжайте, буду очень рад, зря же ездить не сто́ит, интересного мало, даже погода холодная.

Жму Вашу руку.

Вяч. Шишков

[II]

8[?] — 1922. Троицкая, 4, кв. 7.

Милый Александр Сергеевич.

Спасибо Вам за хлопоты, два письма получил от Вас, на первое задержался ответом — хотел знать о судьбе Вашего сборничка, который передал К. Федину (серапионовцу) на отзыв, он член ред[акционной] коллегии при Госиздате. Вчера был, не застал его, пойду сейчас и о результате припишу. Рецензии об Вас еще не было.

Я тоже, сидя в тайге, воображал себе писательский мир совсем другим и все боялся, что я, животное на двух ногах, с остатками хвоста, едва ли подойду к ним. Но... все обошлось благополучно: сапожники как сапожники, только более одаренные, чем прочая земная слякоть. К сожалению, природа так скупа, что редко, при хорошей роже, награждает человека и другими достойными качествами, люди вообще хромают: то физика, то дух короче! Но лучше все-таки хромать, чем ползать на карачках.

Вс. Иванов, конечно, талант значительный. В его «Цветных ветрах» шумят страницы. Пафос хороший, натуральный, но и он, и лирика — в неумеренных бычьих дозах (быка убьет!). Это от молодости. Много пишет? Это от силы. Ведь пишет не плохо.

Всю осанну, которую он воспевает на каждой странице «Цветных ветров» — осанну крови, убийству, насилию [нрзбр], озверелости, — я тоже отношу к молодости автора, незрелости его. Он, конечно, идет не от Замятина, не от Ремизова, он сам по себе, он идет от тайги (не подумайте, что от моей «Тайги»[8]), от сибирских просторов и диких Алтайских гор. В нем большая сила, большая энергия.

Если Ваша статья[9] о нем дельная, попробуйте послать ее в Дом литераторов (Бассейная) на имя Виктора Яковлевича Крецкого (писатель, он может пустить ее либо в журнал при Доме (Литерат[урная] летопись), либо в сборник «Северное утро». Чрез меня это делать неудобно.

Никитин тоже талантлив. У него в творчестве напряженность, деланность, манерность, учился он у Замятина и, боюсь, это убило в нем нутро. Вс. Иванов нигде не учился, у него творчество свободное, как река. Иванов в широкой степени пользуется инородч[еским] фольклором, отсюда его бесчисленные сравнения: как, как, как. Это портит. Ни к чему перегружать образами и без того ясные вещи...

Всего вам хорошего.

Вяч. Шишков

Еще не рассмотрели Вашу книжку. Делается у нас все медленно.

[III]

20/X—1922
Троицкая, 4, кв. 7.

Дорогой Александр Сергеевич.

Письмо Ваше с пьесой «Смех и горе», а также записочку получил. Комедию передал для отзыва Н. О. Лернеру, известному пушкинисту и театральному критику. Просил обратить особое внимание, рассказав ему про «Бабы». Кстати, был в «Жизни искусств», пересмотрел журнал, отзыва о «Бабах» нет. Кому редакция отдала Вашу книжку (это было летом) — не найти концов. Потеряли мою рукопись, вообще порядок русский.

«У креста»[10] — можете печатать где угодно, из издательства нашего ничего не вышло, как и следовало ожидать. Тоже по-русски.

На днях, через недельку, что ли, собираюсь в Москву, дня на два. Оттуда навещу Пильняка. Надо устроить дела со своей книгой, которая больше трех лет киснет в К[нигоиздательст]ве писателей. Да Вы, впрочем, в этот вопрос посвящены.

Вы стали очень много писать. Вот что значит попасть в столицу: соблазны, как магнит, начинают обсасывать душу и сердце.

Очень, очень буду рад повстречаться с Вами[11].

До скорого свидания.

Ваш Вяч. Шишков

(ЦГАЛИ, ф. 337, оп. 2, ед. хр. 20 и ф. 1199, оп. 1, ед. хр. 9).

---

[1] Тачалов И. И. (1879—1929) — сибирский литератор, проживавший в то время в Самаре.

[2] Семенов-Гольдебаев А. К. (1863—1924) — писатель, уроженец Самары, член РКП(б) с 1903 года. Ему посвящен рассказ А. Неверова «Веселые ребята».

[3] Воронский А. К. (1884—1943) — видный советский критик 20-х годов, редактор журнала «Красная Новь» в 1921—1927 гг.

[4] Вероятно, это был сборник рассказов «Поросенок». (А. Неверов. «Поросенок».Рассказы, Самара, Изд. «Волжские дали», 1922).

[5] Сборник рассказов и очерков А. Неверова под названием «В глухих местах» был принят к печати в мае 1920 года, в отчете ЛИТО за 1921 год отмечен как один из лучших среди 60 подготовленных сборников, но так и не был издан. (Государственный архив РСФСР, ф. 2306, оп. 22, ед. хр. 57, л. 74).

[6] С А. М. Ремизовым (1877—1957) А. Неверов никогда не встречался, однако, узнав о трудном материальном положении писателя, отправил ему продовольственную посылку. В благодарность А. Ремизов прислал две свои книги, вышедшие в издательстве «Алконост», Пг., «Электрон» (1919) и «Царь Максимилиан» (1920) с дарственными надписями. На одной книге: «Александру Неверову. Алексей Ремизов. 7/V-1920», на другой: «Александру Неверову на путь страдный литературы русской. Алексей Ремизов 7/V-1920».

[7] В комплект могли входить книги А. Неверова, изданные до мая 1922 г.: «Бабы», М., ГИЗ, 1920; «Захарова смерть», Самара, ГИЗ, 1922; «Гражданская война», Самара, ГИЗ, 1922; «Богомолы», Самара, ГИЗ, 1922; «Марья-большевичка», Рассказы, Самара. ГИЗ, 1922; «Поросенок». Рассказы, Самара, Изд. «Волжские утесы», 1922.

[8] Повесть Вяч. Шишкова «Тайга», впервые опубликованная в горьковском журнале «Летопись», отдельным изданием вышла в 1918 году.

[9] Статья А. Неверова «В кругу заколдованном (Вс. Иванов)» была опубликована в журнале «Корабль», Калуга, 1923, № 1—2 (7—8).

[10] Имеется в виду рассказ «Крест на горе». После неудачи с петербургским сборником А. Неверов читал рассказ «Крест на горе» на заседании литературного общества «Звено» в Москве 14 ноября 1922 г. (ЦГАЛИ, ф. 592, оп. 1, ед. хр. 4).

[11] В последующие приезды В. Шишкова в Москву А. Неверов и В. Шишков вместе выступали с чтением своих произведений на литературных вечерах. В архиве А. С. Неверова сохранилась газетная вырезка с таким сообщением: «В Коллективе рабоче-крестьянских писателей читали свои произведения: А. Неверов— новый рассказ из детской жизни «Яшкина скука»... Вяч. Шишков (Петроград), «Торжество» (Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 30).

ИССЛЕДОВАНИЯ

Подготовлены к печати
В. П. Скобелевым

Л. В. Берловская

К ПРОБЛЕМЕ ГУМАНИЗМА В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЙ ПРОЗЕ А. НЕВЕРОВА

НАЧИНАЯ с первых послеоктябрьских лет, когда закладывался фундамент советской литературы и обрисовывались ее наиболее общие очертания, гуманистический пафос художественного творчества черпал свое содержание в утверждении революционных идеалов. Это относится и к творчеству Александра Неверова. Н. Страхов и В. Скобелев в монографиях, автор настоящих строк и другие исследователи в ряде статей неоднократно отмечали определенную грань между содержанием дореволюционных и пореволюционных произведений писателя. Особенно это заметно в сфере гуманистической направленности.

Для творческой позиции А. Неверова дореволюционных лет характерен «сострадательный» гуманизм, присущий многим произведениям литературы XIX века. Молодой писатель, учительствовавший в сельских школах Поволжья, хорошо знал ужасы дооктябрьской деревни. О них он писал в своих ранних рассказах и очерках. В то время А. Неверов не мог подсказать читателю пути к новой жизни, но авторское отношение к крестьянству, проникнутое сочувствием и любовью, было силой, действовавшей именно в русле традиционного гуманизма русской литературы.

Великий Октябрь ознаменовал новый этап в развитии литературы и искусства. В статье «Главная задача наших дней» В. И. Ленин писал, что «на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы»[1].

А. Неверов принадлежал к числу людей, которые болезненно переживали «неописуемые муки» рождения нового мира. В его записных книжках рядом с именем Ленина появляется... Христос: «Величайшее смирение, величайший бунт». Что же писателю ближе? «Я не знаю, кто прав, — констатирует он. — Я ничего не знаю. Нитки мои перепутались»[2]. Образ Христа выступает в представлении писателя как символ неприятия «бунта», как воплощение кротости и всепрощения.

Чувство растерянности и испуга перед громовыми раскатами революции и «переходного времени» проявлялось в том, что писатель отрицал необходимость борьбы. Основываясь на этой точке зрения, А. Неверов тяжело переживал «накладные расходы» революции. Кризисом абстрактного гуманизма были вызваны некоторые яркие художественные произведения А. Неверова 1918 года. Особенно характерен для тогдашних настроений писателя рассказ «Крест на горе».

Рассказ посвящен гражданской войне. Одно только остается неясным читателю: во имя чего, по каким конкретным причинам происходило изображенное в нем «сражение», оставившее трагические последствия. Писателю до такой степени чужд сам факт борьбы, что он полностью игнорировал его социальную обусловленность. В рассказе выражено чувство непреодолимой боли и страдания из-за того, что гибнут люди вообще. А. Неверов здесь — во власти ужаса перед неминуемостью жертв.

В идейной структуре этого произведения запечатлен чрезвычайно характерный момент развития гуманистических воззрений писателя. Категория «жалости» здесь еще представлена в своем наиболее абстрактном варианте[3].

Нужны были уроки революции и гражданской войны, чтобы принять окончательное решение. Суровой школой стали для А. Неверова месяцы сотрудничества в газете «Народ» и, в частности, пребывание в Уфе[4]. С возвращения А. Неверова в занятую Красной Армией Самару, по существу, начинается советский период жизни и творчества писателя. Теперь он рассматривает жертвы гражданской войны как исторически неизбежные. Ф. П. Муромцев, знакомый с А. Неверовым по учительской деятельности дореволюционных лет, приводит весьма показательный эпизод. Встретившись с А. Неверовым в 1919 году, он прочитал свое стихотворение, в котором были следующие строки:

> Преступно поднял руку брат на брата,
> И понесся зловещий гул набата.
> Опять война, страданья, кровь и стоны
> И смрадный дым поднялся в летний зной,
> И лязг мечей, и падших похороны,
> Как сны кошмарные души больной...

По свидетельству автора воспоминаний, А. Неверов, выслушав стихи, в противовес их пессимистической направленности, начал «горячо и страстно» говорить о светлом будущем[5].

1919 год был отмечен для А. Неверова преодолением настроений недавнего прошлого. В этом целостном процессе можно выделить две тенденции, являющиеся разными гранями духовной эволюции писателя.

Прежде всего происходило преодоление абстрактного гуманизма, жалости ко «всем людям». В этом смысле чрезвычайно показательным представляется рассказ «Случай из жизни» (1919). Герой рассказа маляр Санька Голованов, замученный невзгодами жизни рабочего человека, нашел для себя утешение в евангельской проповеди кротости и терпения. Неверов пишет: «Прочел (Санька. — *Л. Б.*) Матфея, Марка, Луку, Иоанна — нашел оправданье наполовину загубленной жизни, внутренне просветлел» (II, 115). Воодушевленный своим открытием, неверовский герой решил «терпеть», но «кому-то надоело терпеть». И вот однажды, когда Санька отделывал вагоны для господ, по мастерской прокатилось «молодое ободряющее слово «Революция».

Спор с евангельскими заповедями здесь идет в сфере гуманистической. Некогда самому А. Неверову в известной мере импонировала идея «терпения» и «братства», проповедуемая церковью и закрепленная евангельским текстом. Рассказ «Случай из жизни» интересен тем, что фиксирует неверовское преодоление этой идеи. Кроме главного героя, в рассказе есть толпа, состоящая из «сытых» и «голодных», «напиравших» друг на друга. «Нельзя так, товарищи, — говорил Санька. — Люди мы, братья, дружнее надо». Но «озлобленные показывали на купца со священником, спрашивали: — Не эти ли братья наши? Санька кивал головой. — Священники—проповедники любви в человеках» (II, 116). В конечном итоге неверовский герой убеждается в том, что невозможно соединить революцию с евангельскими заповедями. Санька оказывается жертвой классовой ненависти богатых.

Таково было одно направление.

Другое направление заявило о себе в утверждении той цели, ради которой люди готовы были, преодолевая «жалость», жертвовать собственной жизнью. Именно в этом ключе написаны рассказы «Красноармеец Терехин» и «Я хочу жить», появившиеся один за другим в том же 1919 году.

Если не названный по имени красноармеец из рассказа «Я хочу жить» шел в революцию, уже хорошо зная, что «другой дороги нет», то красноармеец Терехин вначале хотел воспользоваться плодами, добытыми теми, кто своей жизнью оплатил победу: «На свободу смотрел как на дойную корову, и все четыре соска хотелось захватить в свои руки, выдоить молоко в свой горшок» (II, 48).

Сюжет «Красноармейца Терехина» построен на критическом изображении потребительского отношения к революции. Рассказ писался, когда гражданская война еще не была окончена, и нужно было показать ее участникам, что победа революции требует решительной борьбы всех и каждого. Подобно большевику Якову Московскому, Терехин убеждается, что счастье обязывает к борьбе, к личному участию в ней. Рассказ заканчивается словами: «Терехин шел, сжимая винтовку, и мысленно говорил Якову, ободряющему спокойной улыбкой: «Иду» (II, 54).

В отличие от красноармейца Терехина герой рассказа «Я хочу жить» пришел в революцию, уже хорошо зная, что «светлые этажи» и «солнечные дни» нужно «отстрелять». «Вот мой красноармеец, — говорил о нем А. Неверов, — он знает, что идет умирать. И он не может не пойти. Если он не пойдет в бой, то никогда не увидит жизни, о которой мечтал»[6]. Таким образом, этический идеал А. Неверова, еще год тому назад колебавшегося между традиционной христианской моралью и революционностью, определился со всей четкостью: смысл жизни в борьбе. «Знаешь, дружок, — говорил он П. Яровому, — все как-то стало светло и ясно. Ведь я плотью и кровью вошел в своего парня... Я верю, каждый красноармеец идет в бой именно с таким чувством, с таким убеждением, потому что надо идти, потому что проще и легче сделать нельзя. Это — истина! Тут я ничего не выдумал»[7].

Рассказ «Я хочу жить» — программное произведение А. Неверова. Публицистически отточенные строки одного из финальных абзацев: «И оттого, что я хочу жить, оттого, что нет иного пути сделать все это проще и легче, любовь моя к жизни ведет меня в бой» (II, 87) явились формулой революционного гуманизма, которым был ознаменован в идейно-эстетическом развитии А. Неверова 1919 год. Для писателя это было подлинное открытие. Открытие, но не итог.

А. Неверов в той или иной степени все еще ощущал скорбь, «пролитую революцией». Эта скорбь конкретизировалась в жалости к тем, кто ценой собственной жизни или потерей близких должен оплатить торжество революции. Изучать А. Неверова и обходить эту неверовскую «жалость» — невозможно.

Становление революционного гуманизма в условиях первой в мире социалистической революции было сложным и многогранным. У А. Неверова оно обусловливалось всем комплексом его социально-политических и этических убеждений. В 1920 году, когда А. Неверовым уже была найдена формула революционного гуманизма, он писал: «Лично я — болезненный идеалист, человек тихий, кроткий, и все кровавые жертвы переходного времени во имя великого будущего меня страшно угнетают» (IV, 262—263). Писатель по-прежнему видел в неизбежных жертвах драматическую сторону

революции. «Но это — драма, — говорил он П. Яровому, — это моя, твоя драма... Не поверю, чтобы ее не переживали другие»[8]. Понимая неизбежность этой «драмы», А. Неверов, «болезненный идеалист», если воспользоваться его автохарактеристикой, видел в ней определенные препятствия на пути к последовательной революционности, как он ее понимал.

Но гуманистические воззрения писателя, отличавшиеся ясно выраженным динамизмом, все же развивались в сторону признания неизбежности жертв, ибо «другой дороги нет».

С этой точки зрения повесть «Андрон Непутевый» (1922) необходимо рассматривать в качестве программного произведения А. Неверова 20-х годов. Касаясь существа вопроса, следует отметить, что всеми средствами сюжетообразования писатель акцентировал в главном герое повести не столько его убежденность в необходимости борьбы (это уже было окончательно решенным для автора), сколько соотношение этой убежденности с необходимостью преодоления той «жалости», которая, выходя за пределы своего естественного человеческого значения, в конкретных условиях революции выступала подчас как антипод революционной активности. В борьбе за советскую деревню Андрону пришлось столкнуться с враждой не только односельчан-кулаков, но и заблуждающихся крестьян-тружеников, в том числе ближайших родственников. И в повести речь идет не о подавлении человеческого сострадания, а о преодолении той душевной расслабленности, которая способна парализовать революционную волю. Знаменитое: «Не жалеть нельзя и жалеть нельзя» выразило в афористически сжатой и точной формулировке основную направленность неверовского гуманизма 20-х годов.

В «Гусях-лебедях» (1918—1923), одном из первых романов о советизации деревни, проблемы гуманизма раскрывались писателем еще более углубленно. Образ Трофима Федякина, сельского большевика, представлен в борьбе между жалостью и обстоятельствами, ее исключающими. Федякину пришлось противостоять жене, детям. Герой оказался вынужденным выбирать между борьбой революционера и обязанностями отца. «Дети? — размышлял он. — Длинные иголки, запущенные в самое сердце! Как вытащить их, чтобы не было больно?» (IV, 109). Нарастание революционной решимости у героя означало вытеснение жалости: «Раньше он чувствовал жалость к жене, теперь не было ни жалости, ни стесненности при виде слез» (IV, 74).

В «Гусях-лебедях» гуманистические чувства А. Неверова приобрели новые качества, и формула, найденная в «Андроне Непутевом», видоизменилась. По сути дела выпадало «не жалеть нельзя», получало конкретизацию «и жалеть нельзя». Герой романа пришел к выводу: «Жалость тянет назад, ненависть толкает

вперед» (IV, 75). Так была выражена еще одна грань гуманистических воззрений писателя.

Если в дореволюционном изображении деревни гуманистическое чувство А. Неверова проявлялось прежде всего как сочувствие к жертвам угнетения, нищеты и невежества, то в пореволюционные годы писатель показывал деревню в борьбе за новую жизнь, что придавало его гуманистическому идеалу действенность и перспективность.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том. 36, стр. 78.

[2] См. стр. 62 настоящего издания.

[3] Характеристика рассказа «Крест на горе», данная автором статьи, представляется односторонней. См. вступительную заметку к публикации этого рассказа на стр. 32—33 настоящего сборника. Примеч. составителей.

[4] Обстоятельное истолкование этого периода см. в кн.: Н. Страхов. Александр Неверов, стр. 141—168.

[5] ЦГАЛИ, ф. 337, оп. 1, ед. хр. 273.

[6] П. Яровой. Человек, художник. Куйбышев, «Волжская новь», 1940, кн. 10, стр. 255.

[7] Там же, стр. 258.

[8] Там же, стр. 256

В. П. Скобелев

А. НЕВЕРОВ и А. ЯКОВЛЕВ

(О народном характере как социально-исторической и этической категории в русской советской прозе 20-х годов).

ЕСЛИ рассматривать с внешней стороны творческую судьбу авторов, чьи фамилии вынесены в заголовок этой статьи, то в глаза бросится прежде всего различие.

А. Яковлев (1886—1953) прожил богатую жизнь, которая вобрала в себя и революционное подполье, и многочисленные поездки по стране, и участие в некогда знаменитом арктическом рейсе ледокола «Малыгин», и сопутствующую всем этим перемещениям постоянную готовность соединять интересы писателя и журналиста, так сказать, на равных началах.

А. Неверов, родившийся в том же 1886 году и проживший на тридцать лет меньше, не может в этом отношении сравниться с собратом по перу и земляком (оба они — волжане): и участие писателя в революционном движении было скорее пассивным, хотя вплоть до февраля 1917 года А. Неверов состоял под надзором полиции, и карта неверовских путешествий выглядит неизмеримо скромнее. Самарская губерния, Уфа, Самара, Москва, Средняя Азия — таковы рамки, уместившие в себя «анкетную» биографию человека, который являлся писателем по преимуществу и для которого учительство и журналистика были побочными явлениями.

Но, как уже сказано, это внешняя сторона дела. Для нас важнее внутреннее родство. Оно прежде всего в совпадении основных этапов духовного развития обоих писателей. К А. Неверову с полным основанием могут быть отнесены слова Вл. Лидина об А. Яковлеве: «Он прошел сложный путь того русского интеллигента, который поднялся из самых низов и поставил перед собой задачу наверстать в своей личной жизни все то, что было пропущено в его роду предыдущими поколениями»[1]. Оба они, подобно Вс. Иванову и Ив. Вольнову, пережили гибель своих надежд на партию социалистов-революционеров. Подобно А. Яковлеву, А. Неверов мог бы сказать: «Три четверти того, что я написал, касается революции...[2].

Здесь важно отметить следующее. То, что «касается революции», интересовало обоих авторов преимущественно в крестьянском воплощении. Они могли писать о рабочих и литераторах, о государственных служащих и ремесленниках, однако, основой их творчества была деревня, судьба крестьянства в годы революции и гражданской войны. Поэтому народный характер, возникающий по преимуществу на «земляной» основе, оказывался и для А. Неверова и для А. Яковлева средоточием основных социальных и нравственных конфликтов эпохи — конфликтов, в которых были все, как говорится, начала и концы, итоги и перспективы исторического развития России.

Однако «земляная» основа исторических раздумий обоих писателей получала у них сложное по отношению друг к другу выражение, которое включало в себя как взаимное притяжение, так и отталкивание. Именно на путях выработки исторического художнического мышления определилась эта сложность, причем проявилась она в понимании путей революционного развития деревни и прежде всего в вопросе о взаимоотношениях революционного города со старой деревней.

Показательно, что среди сравнительно небольшого числа критических заметок, рецензий и статей А. Неверова есть и статья «А. Яковлев», вошедшая в критический цикл «Деревня в современной литературе» (1923). По мнению А. Неверова, писатель, рисуя крестьян, «совсем почти не показывает революционной воли в них, не нащупывает стремления мужицкого утвердить на земле новую правду» (IV, 224). Поэтому на передний план у него выдвигается стихийное — «повольное» — начало. Но как раз «такое преломление революции через психику мужиков приближает Яковлева к пильняковским персонажам, которые в своих рассуждениях о революции тоже исходят из корней разбойного, стихийного, неорганизованного начала...» (IV, 225).

В самом деле. Для А. Яковлева, как и для Б. Пильняка, революция применительно к патриархальной деревне означает прежде всего освобождение от города в прежнем понимании — как места, где находилась ненавистная царская власть, а заодно и от города вообще.

Деревня А. Яковлева именно в эпоху великих потрясений способна жить в полном соответствии с тысячелетней, уходящей в дохристианское прошлое традицией. Подобно тому, как в романе Б. Пильняка «Голый год» (1921) обнаженные крестьянские девушки в соответствии с языческими поверьями обегают капустные грядки, чтобы год был урожайный, точно так же в рассказе А. Яковлева «Жених полуночный» (1922) приехавший из города человек оказывается невольным участником обряда, восходящего к языческому культу плодородия. Попадая в заповедную глушь,

он глубоко и полно ощущает, «как далеко, далеко город с его суетой, с его революцией и голодом»[3]. Петербург здесь даже не «вроде лишая», если воспользоваться афоризмом одного из деревенских персонажей романа «Голый год», а некая запредельная категория, не влияющая на развитие действия именно в силу своей отчужденной запредельности.

В отличие от А. Яковлева, для А. Неверова город является постоянно действующим фактором. Даже в раннем цикле очерков «В глухих местах» (1918), где показано восприятие революции в дальнем селе, в котором, кажется, сами условия жизни таковы, что автор должен был бы сосредоточиться на изображении исконной замкнутости, даже здесь все связано с городом самым непосредственным образом: из города ждут разъяснений, на него прежде всего и ориентируются. Традиционный идеал крестьянской «вольной жизни» отнюдь не приобретает в очерках облик деревенского сепаратизма — в мужицком сознании он возникает как результат совершившихся в городе перемен:

«Чувствовали, что совершилось большое, великое, разломавшее старую жизнь, и на обломках ее в грубых выпуклых формах рисовалась уже новая жизнь — сытая, довольная, препоясанная густыми хлебами на вольной мужицкой земле — без податей и подушень — этих злейших, смертельных врагов, высасывающих трудовые копейки» (II, 16).

Эту страну крестьянского счастья упорно ищет послереволюционный герой А. Неверова. Писатель отныне сосредоточился на преимущественном изображении того нового, что ворвалось в русскую деревню, ломая старый уклад. Создаются сельскохозяйственные коммуны («По-новому», 1920), рушатся старые семейные отношения («Коряга», 1921; «Страшные вести», 1922; «Полька-мазурка», 1923; «В садах», 1923), а главное, появляются новые люди — разрушители и «непочетники» («Марья-большевичка», 1921; «Андрон Непутевый», 1922).

Справедливости ради следует сказать, что А. Яковлев не уходил от изображения аналогичных явлений деревенской действительности. Например, в рассказе «Смерть Николина камня» (1919) повествуется о том, как терпят крушение вековые верования, как гибнет тысячелетняя старина. Однако показательно, что авторское внимание сосредоточено в рассказе не на бунтующем внуке Ильке, а на защитнике исконных установлений деде Василии. В то время как Илько изображен бегло и в значительной мере является, так сказать, внесценическим персонажем, дед Василий и весь стародавний уклад выписаны с неторопливой обстоятельностью и тем самым выдвинуты на передний план. Автор, следовательно, и здесь остается во многом верен своим живущим замкнутой жизнью патриархальным героям.

Между тем А. Неверов оказался в совершенно ином положении: от традиционного правдоискателя из рассказа «Пропавшая страна» (1914), от смирных и домовитых ополченцев («Среди ополченцев», 1915), от погруженного целиком в земледельческие заботы Емельяна («В плену», 1918) писатель пришел к Марье-большевичке и демобилизованному красноармейцу Андрону. Таким образом, протестуя в качестве критика против недостаточной политической зрелости патриархальных персонажей А. Яковлева, А. Неверов вместе с тем отмежевывается от своего патриархального героя предреволюционных лет и первых двух годов революции.

Теперь все симпатии автора на стороне не тех, кто живет, «как полагается в крестьянском сословье» (III, 239), а на стороне разрушителей, таких, как главные герои рассказа «Марья-большевичка» и повести «Андрон Непутевый». Город для них — отнюдь не «вроде лишая», а воплощение такого знания, которое неслыханно раздвигает границы личного крестьянского опыта. Не случайно тоскует об иной, нездешней жизни крестьянка Марья, а бывший красноармеец Андрон не без гордости рассказывает об увиденном: «Двенадцать губернских (городов. — *В. С.*) проехал» (III, 229).

Эти герои противопоставляют себя старой деревне с позиций внекрестьянских представлений о мире. Поэтому и тяготится привычной обстановкой Марья, поэтому и смотрит как бы со стороны вчерашний красноармеец Андрон на знакомую ему с детства деревенскую улицу: «Баба с ребенком прошла, свинья у ворот развалилась. Низко пригнулись избенки под тяжелыми соломенными крышами. Грязь, навоз, бедность. И жизнь вся — грязь, навоз, бедность» (III, 255).

Показательно, что противниками Андрона и — соответственно — вольными или невольными защитниками «грязи, навоза, бедности» становятся те, кто хочет, чтобы жизнь шла исстари заведенным порядком, «как полагается в крестьянском сословье». Это именно для них «родилась коммуна в городе далеком, в большом городе невиданном». Именно им кажется, что она «пришла в Рогачево-село, подняла всех за волосы, перепутала» (III, 247). Потому и видится Андрону, будто «каждая избенка затаила темную мужицкую злобу» (III, 255), что традиция патриархального, уходящего корнями в седую старину мышления здесь оказывается враждебной для революции силой.

Для А. Неверова в «Андроне Непутевом» осуществление крестьянского трудового идеала (вспомним очерк «В глухих местах», где мужикам рисуется «новая жизнь — сытая, довольная, препоясанная густыми хлебами на вольной мужицкой земле...») возможно только как результат полного переустройства старых деревенских порядков, но как раз в ответ на попытки этого переустройства и вспыхивает стихийный мятеж.

Крестьянская масса здесь предстает как нечто дикое и необузданное. Раздумья об этой необузданности тревожили писателя еще в 1918 году. В упомянутых нами очерках «В глухих местах» говорится о том, что чагадаевских мужиков уже после Февральской революции «захлестнуло волной, подняло, понесло — неизвестно куда» (II, 16), что хотя мужики знали: «старая крестьянская обида ударит широким потоком, многое поломает, побьет и многое перепортит...» (II, 17), тем не менее, их «подмывало раскидать всю усадьбу по камешку, по кирпичику...» (II, 18).

Эта стихийная слепая ненависть теперь оборачивается против Андрона и его товарищей, которые «потому... и коммунистами называются — нет у них ничего» (III, 244), живут они не так, «как полагается в крестьянском сословье». А. Неверов отчетливо понимает трагическую бесперспективность совершающегося, показывает, как патриархальная крестьянская масса, инстинктивно стремясь к самоутверждению, сама же себя и уничтожает: убивая сельского коммуниста, инвалида гражданской войны Гришку Копчика, мужики «затоптали вместе с Гришкой и Трифона Самойлыча, попавшего вниз» (III, 257), поджигая избу Андрона, спалили все село.

Нельзя не согласиться с Анной Тамарченко, которая утверждает следующее: «Реакционная роль патриархальных традиций показана у него (А. Неверова. — *В. С.*) с такой полнотой жестоких подробностей, что впору упрекнуть писателя в излишнем натурализме. На самом деле эти подробности вовсе не излишни: в них дышит история»[4]. Важно лишь добавить, что правда о слепой стихии бунта несводима к одним только «жестоким подробностям». Как раз потому, что в этих подробностях «дышит история», описание крестьянского бунта и в цикле очерков «В глухих местах» и в «Андроне Непутевом» приобретает черты мрачного величия. В относительно сдержанных по манере очерках возникает метафорическая образность: «Овражек прорвался. Мутная бурливая вода плеснула широким потоком» (II, 19). Там же удары колокола сравниваются с брошенными камнями. В результате мужики оказываются «подхлестнутыми»: они «взмыли, как степные разнузданные кони...» (II, 19).

Этот образ степных разнузданных коней получает развитие в «Андроне Непутевом»: «Закрутились мужики рогачевские, на дыбы встала воля черноземная» (III, 255); «Несутся мужики из конца в конец, словно лошади степные, невзнузданные. Дымят глаза, налитые злобой, дрожит земля под ногами нековаными» (III, 256). На усиление патетического звучания «работают» и фразы, в которых автор использует заимствованный из былинной поэтики прием торжественного обращения: «Эх вы, силы мужицкие дуба столетнего!

Эх ты, хлебушко, кровью политый!» (III, 256); «Ой ты, гой еси, сила мужицкая!» (III, 256).

Этой приподнятости повествовательной интонации «Андрона Непутевого» родствен символический образ Метелицы из повести А. Яковлева «Повольники» (1922), возникающий там, где речь заходит о кануне революции:

«Да, есть вот такой танец: «Метелица».

— Берись за руки, сколько ни есть...

По всему простору несется пестрая цепь. По всем углам и закоулкам проведет ее передовой — и змеей, и кольцами, и кругами, и палочкой. Ведет и сам не знает, куда поведет через минуту...

Так скачет неровно пестрая цепь, не знает, куда попадет через минуту, не знает, под какую музыку плясать будет.

Потому что «Метелица» (II, 40—41).

Этот символический образ оказывается двунаправленным. С одной стороны, он связан с картинами очередного набора в царскую армию и всеобщей мобилизации летом 1914 года, с другой стороны — с судьбой главного героя: «...встал Гараська в цепь революционной метелицы» (II, 41).

Еще до того, как на страницы повести вышел образ Метелицы, появляется перед нами непосредственно увиденный образ народной массы. Она пока еще законопослушна, она уверена: «Война — дело царское» (II, 25), «Немец наступает. Бей немца» (II, 24). Толпа с неподдельным энтузиазмом качает офицера: «Вместе на войну. Бей немцев!» (II, 27).

Но автор показывает, что эта, казалось бы, верноподданнически настроенная толпа практически уже неуправляема: она разгоняет полицейских, врывается в сад при архиерейском доме, чтобы в тени на травке распивать водку. Толпа еще может в силу инерции сознания радостно повторять казенные лозунги, но она уже предстает как некая самостоятельная сила:

«А город зашумел, переполнился, как закипающий горшок. В каждом дворе подводы, подводы, подводы. На улицах российское мужичье — лапотное, крепкое, с крепким запахом, с корявыми тяжелыми руками, с пытливостью в серых глазах... Оно — непобедимое, вечно выносливое мужичье, сердце и грудь и вся сила России — оно заполнило все улицы тысячами, десятками тысяч грудилось у воинского присутствия — запрудило много кварталов кругом» (II, 24).

Если в рассказе «Жених полуночный» патриархальная Русь предстает в облике грандиозных просторов, где жизнь исполнена спокойствия и смиренномудрой тишины, где ты едешь и едешь, а кажется — стоишь на месте, где «грани пропали, и нет конца России» (II, 123), то в «Повольниках» бескрайняя Русь предстает в совершенно ином облике. Это — бурный поток. «Русь, где твои

грани?» — торжественно звучит риторический вопрос в «Женихе полуночном». Приподнятый характер приобретает повествование в «Повольниках», когда речь заходит о мужицкой стихии дней всеобщей мобилизации 1914 года.

Автор не скрывает восхищения при виде того, как мужичье половодье захлестывает предреволюционную Россию, являясь предвестьем великих перемен. Здесь господствует обобщенность рисунка, используются повторы, появляются субъективно окрашенные эпитеты «непобедимое, вечно выносливое», а главное — если говорить о повести в целом — устанавливается структурная связь не только с образом Метелицы, но и с образами Женщины в черном (аллегория войны) и Женщины в красном (аллегория революции).

Так подготавливается основа для того, чтобы показать Гараську Бокова, попавшего в цепь революционной «Метелицы» и именем революции громящего ее врагов: «...сразу в ста местах сражался, такого страха нагнал и на дьяволов бородатых, и на офицериков блестящих — все от него — кто по щелям, кто по полям» (II, 42). Приходит звездный час для слободского озорника Гараськи Бокова и многих других, таких же, как он, детей массы, которые, не живи они во время революционного переворота, так и не узнали бы великой радости свободы, азарта и упоения ломки, когда нет никаких препон, когда тебя срывает с насиженного места и несет вихрь исторических потрясений.

Тут-то и смыкаются позиции авторов повестей «Андрон Непутевый» и «Повольники». Приподнятое изображение разбушевавшейся крестьянской стихии вырастает из стремления показать огромную *историческую* значимость происходящего.

Если в дореволюционном неверовском рассказе «Дома» (1917) возникал крестьянин в «неисторическом», вневременном состоянии, находивший облегчение «в природе, в весенних позывах к труду, в растворившейся радости солнечных дней» (I, 367), если эта словно бы стоящая на месте Русь появлялась в уже знакомом яковлевском рассказе «Жених полуночный», то в очерковом цикле «В глухих местах», в повестях «Андрон Непутевый» и «Повольники», напротив, заявляет о себе стремление непосредственно показать *исторический* облик народа.

Однако, в отличие от А. Неверова, А. Яковлев не ограничивается фольклорными ассоциациями — он использует прямые исторические параллели. В «Повольниках» историческое прошлое на правах кровного родства входит в революционное настоящее, а это настоящее уходит корнями в историческое прошлое.

Для А. Неверова — автора очерков «В глухих местах», рассказа «Марья-большевичка» и повести «Андрон Непутевый» — между

вчера и сегодня пролегла огненная черта революции и гражданской войны. Прошлое здесь для А. Неверова — это прежде всего тяжкий путь, заставляющий «каждую избенку» затаить «темную мужицкую злобу».

Иное дело А. Яковлев, для которого огненная черта не отменяет «связь времен». Пусть гибнет простодушная вера в Николин камень, но жива вера в жениха полуночного; пусть екатерининские солдаты по приказу поручика Г. Р. Державина повесили Михайлу Бокова, активного участника пугачевского восстания, но зато в течение полутора веков медленно и неотвратимо прорастали семена бунта, чтобы с приходом 1917 года распуститься буйными всходами в дальнем потомке казненного Михайлы — в Герасиме Бокове. Пугачевская старина доплескивается до революционной нови эпохи гражданской войны. Так образ Метелицы приобретает еще и историческое наполнение — в Гараське Бокове «этот революционный пляс стал сильнее его воли, потому что будил в нем подземное, прадедовское, повольное и звал, и не давал покоя» (II, 41).

А. Неверов и А. Яковлев смыкаются в сложном отношении к стихийным импульсам массового крестьянского движения, когда нельзя дать односложный ответ по схеме: да или нет. Ощущая исторический размах и значительность стихийного движения, оба писателя сходятся на том, что показывают, как в годы революции и гражданской войны патриархальное крестьянское сознание не смогло противостоять разгулу стихии. В результате вопрос о соотношении стихийного и сознательного предполагает в «Повольниках» и «Андроне Непутевом» диалектическую сложность ответа.

Именно поэтому перед демобилизованным красноармейцем Андроном возникает дилемма незнаемой прежде сложности: «Идти надо: против отца с матерью, против друзей и товарищей. Против всей жизни идти» (III, 255). Именно здесь впервые появляется известная неверовская формула: «Не жалеть нельзя и жалеть нельзя» (III, 255). Автор и герой идут вместе.

Аналогичная сложность авторского отношения проявляется и в трактовке судьбы Гараськи Бокова, который представляет собой персонифицированное воплощение все той же «повольной» стихии. Он — детище все того же «непобедимого, вечно выносливого мужичья...» Даже его портретная характеристика метонимична по отношению к образу массы — Гараська ее часть, ее выражение:

«Здоровый — в плечах косая сажень с четвертью, глаза черные, лицо смуглое, выразительное, брови насуплены, срослись над переносьем, а глотка, что труба» (II, 40).

Эта зарисовка близка портрету Никифора Пильщикова из рассказа «Мужик» (1920): «...этакий здоровый, в зеленой рубашке без пояса, ворот расстегнут. Возьмет сук, в руку толщиной, — р-раз! — и сломает о колено и в огонь...» (II, 134).

Не имея самостоятельного — личностного, осознанного — существования вне породившей их крестьянской массы, Никифор Пильщиков и Гараська Боков самой природой созданы для исконного земледельческого труда. Поэтому Никифор, даже будучи солдатом царской армии, остается верноподданным «власти земли». Не зря офицер, смеясь, говорит: «Какой ты воин? Ты мужик» (II, 145). Между тем Гараська, оставаясь человеком массы, далек от земледельческих забот. Рушатся надежды старухи-матери на то, что сын, вернувшись после революции с войны, займется хозяйством: «Женить хотела, внуков хотела; сохи, бороны, телеги берегла — ничегошеньки Гараське такого не надо. Помануло волка в лес» (II, 42).

Сравнение с волком вносит снижающий оттенок в приподнятую интонацию повествования о судьбе потомка буйных «повольников», чье удальство полностью соответствовало старинным народным представлениям о свободе и борьбе за нее. Заметим, что еще в дореволюционных эпизодах гараськиной жизни появляется нота сдержанного недоброжелательства. Заходит разговор о слободском озорстве новобранцев:

«— Кто придумал-то? Неужели Гараська?

— Ну, где ему, тупорылому. Это Санька Мокшанов, не иначе.

— Гараська сам не выдумает. Его подзудят, он и лезет на рожон» (II, 18).

В структуре повести этот разговор принимает на себя функцию предсказания. В дальнейшем Гараську поведет за собой не только порыв справедливой ненависти к старому затверделому миру, но и подзуживание в форме «добрых советов» со стороны уездного адвоката Лунева.

Гараська Боков может все. Подобно бунинскому Захару Воробьеву, он способен творить добро: нес, словно ребенка, бунинский Захар заболевшую старуху-нищенку по долгой степной дороге — дал Гараська Боков лесу тетке Варваре на постройку бани. Но Захар, поддавшись стихии спора, погибает, опившись водкой, а Боков, захмелев от доставшейся ему власти, оказался недостойным ее — стал воплощением произвола и жестокости.

«Власть самая своя, белоярская» оборачивается против тех, кто приветствовал ее установление. Неосмысленная бунтарская сила перерождается в слепой деспотизм. Возникает перекличка между произволом екатерининских солдат и неоправданной жестокостью боковского отряда. «Связь времен» свидетельствует отнюдь не в пользу Гараськи Бокова.

Вспомним, что на месте, где казнили в XVIII столетии Михайлу Бокова с товарищами, ныне стоит «храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы» (II, 12), и, «когда покровский колокол созывает теперь на молитву, он чуть плачет», ибо «на крови стоит церковь

Божия...» (II, 12). Возвращается Гараська со своим отрядом из усмиренной деревни, «и красный след шел тогда за отрядом», и тянулся за ними вой: «Выли вон там, возле темных, чуть видных изб, над которыми черным столбом поднимался дым к небу. Бабы и дети выли...» (II, 62).

Уездная крестьянская масса ищет помощи у Советской власти, и приехавшая из центра «ревтройка», реквизировав награбленное Гараськой и его любовницей, расстреливает обоих. Справедливое наказание приходит от тех, кто олицетворяет собой новый государственный порядок. Л. Гладковская права: «Автор занимает осуждающую по отношению к своему герою позицию, явно сочувствует той народной каре, которая настигает распоясавшегося разбойника»[5].

И если полтора столетия плачет колокол кладбищенской церкви о погибшем за народную волю бунтаре, то после гараськиной казни, совершившейся на том же кладбище, служат простые люди благодарственные молебны, радуются: «Слава богу, пристрелили...» (II, 68). Вспомним, что незадолго до революции люди испытывали мстительное удовлетворение, когда полиция выследила и арестовала Павла Бокова — старшего гараськиного брата — бандита и убийцу: «Этого бы Пашеньку из поганого ружья пристрелить» (II, 33).

Одинаковое сюжетное завершение судьбы братьев Боковых может навести на мысль: а не хотел ли автор тем самым поставить знак равенства между тем, кто в глазах массы некоторое время был героем революции, кто воплощал в глазах этой простодушной и доверчивой массы власть, которая для нее «самая своя, белоярская», и обыкновенным уголовником? Не стремится ли автор разрушить патетическую легенду о храбрых «повольниках» и тем самым бесповоротно осудить стихию «русского бунта?»

Такой точки зрения придерживается М. Белова: «Для него (А. Яковлева. — *В. С.*) Боков — случайный в революции человек, хотя и вознесенный ею на вершину власти. Пока революция давала выход его разрушительным инстинктам, эта случайность не была заметна. Более того, на каком-то этапе он в состоянии был принести известную пользу ей. Но, поставленный у власти, целью которой было совместное с народом созидание новых форм жизни, Боков должен был обнаружить и обнаруживает свою несостоятельность»[6].

Однако с этим утверждением полностью согласиться нельзя. Случайность если и есть, то только в том, что Гараська оказался председателем ревкома: в силу стечения обстоятельств он мог попасть на этот пост, но мог и не попасть — его могло пронести мимо. Между тем стихийный боковский порыв — закономерное порождение эпохи революционной ломки, и то, что А. Яковлев про-

слеживает «повольную» традицию боковского рода, отмечая непременное участие Боковых во всех революционных потрясениях прошлого, как раз и создает *закономерную* связь — цепь исторической преемственности, задача которой — увенчать это историческое движение образом Гараськи Бокова, причем, увенчав, тут же и развенчать, поскольку в повести показано, во что может вылиться бунтарская стихия. Тем самым утверждается неизбежность и взрыва бунтарской стихии в эпоху великих социальных катаклизмов и перерождения этой стихии, коль скоро она не несет в себе внутреннего стремления к организованности.

Гараська Боков и представляемая им «повольная» мужицкая силища испытания на прочность не выдерживают, как не выдерживают этого испытания «силы мужицкие дуба столетнего» в повести «Андрон Непутевый». Для А. Яковлева совершенно очевидно, что «мирское» патриархальное сознание, с одной стороны, порождает мечту о «вольной волюшке», а с другой — не дает этой мечте организующего обоснования: выдвинув Гараську Бокова, крестьянская округа оказывается не в силах с ним справиться.

Так в результате «повольное» начало закономерно приводит к гибели Гараську Бокова в «Повольниках»; так наивная патриархальная мечта о «воле» толкает мужиков на бессмысленный разгром купеческой усадьбы в неверовских очерках «В глухих местах» и на трагически бесперспективный бунт в «Андроне Непутевом» А. Неверов и А. Яковлев здесь ощущают величие и размах раскованной социальной энергии крестьянских масс, но вместе с тем они скептически оценивают степень зрелости исторического сознания этих масс. Поэтому неверовская формула: «Не жалеть нельзя и жалеть нельзя» может быть распространена и на повесть «Повольники».

Эта исполненная глубочайшего драматизма антиномия не находит пока положительного разрешения. Вопрос остается открытым, поскольку стихия и разум оказываются вынесенными по отношению друг к другу на противоположные полюса. Однако поиск положительного решения этой проблемы не ограничивался у А. Яковлева и А. Неверова только теми произведениями, о которых у нас уже шла речь. Поиск проходил и в произведениях, посвященных теме голода, — в таких, как рассказ А. Яковлева «Терновый венец» (1921), рассказы и очерки А. Неверова «За хлебом» (1921), «Далекий путь» (1922), «Великий поход» (1922) и в повести «Ташкент — город хлебный» (1923).

В отличие от очерков «В глухих местах», повестей «Повольники» и «Андрон Непутевый», «Терновый венец», «За хлебом», «Далекий путь», «Великий поход» и «Ташкент — город хлебный» воплотили в себе стремление А. Яковлева и А. Неверова найти *нравственное* разрешение проблемы соотношения стихии и разу-

ма, социально-исторической по своей основе, по своему существу. В произведениях на тему голода крестьянская масса проходит испытание на нравственность.

В рассказе «Терновый венец» вновь оживает старинная крестьянская легенда о том, как Микола Можайский, Сергий Радонежский и Савва Сторожевский, узнав, что Господь «стал... собирать небесные воинства с мечами огненными» (II, 37), чтобы истребить русскую землю за грехи, пошли и попросили отсрочки, пообещав найти праведников, которые своим поведением искупят грехи соотечественников и тем самым спасут их. И отсрочка дается с условием: святые угодники должны в голодном краю набрать одну холщевую сумку милостыни — тогда крестьянская Русь спасена. «Будем подавать, будем помогать — спасемся. Не будем — пропала русская земля» (II, 98).

Интересно, что А. Неверова — автора статьи о творчестве А. Яковлева — не убедила старинная вновь ожившая легенда о мужицких угодниках. А. Неверов считает, что настроение этого рода «в большей своей части характерно не для современного крестьянства в лице молодого наслоения, прошедшего империалистическую и гражданскую войну, а для самого художника...» (IV, 223).

Между тем в неверовском очерке «За хлебом» во время спора о виновниках голода появляется «маленький мохноногий мужичонка в рваной рубахе» (II, 182), который произносит знаменательную фразу: «...мы, как черти, глядим друг на друга» (II, 183). Этот «мужичонка в рваной рубахе», стремящийся утвердить нравственный эталон добра и взаимопомощи в годину всенародного бедствия, внутренне близок тем героям «Тернового венца», которые стараются подбодрить друг друга старинной легендой, мечтают приобщить к добру и взаимопомощи голодных ожесточившихся людей.

Однако в рассказе «Терновый венец» реальная действительность такова, что окажись здесь, скажем, Микола Можайский, Сергий Радонежский и Савва Сторожевский, они навряд ли встретят здесь помощь и понимание со стороны бегущих из голодного края мужиков. Не случайно, когда нищие подходят к крестьянским возам, Лизка, хозяйственная здоровенная девка, кричит: «Пошли вон, христосики! Головы намылю!» (II, 99).

Равным образом и в очерке А. Неверова «За хлебом» в подтверждение слов «мужичонки в рваной рубахе» о том, что люди глядят друг на друга, «как черти», возникает разговор:

«— Дяденька, брось мосолок!

— Я те вот брошу.

— Ну и нищих развелось!

— Я дома на крючок запираюсь от них» (II, 176).

Своеобразие конфликта этих произведений состоит в том, что

высокий нравственный идеал, организующая, объединяющая крестьян идея предстает лишь в облике благих пожеланий, страстной надежды на торжество идеалов бескорыстного добра и братства. Между тем композиционная структура рассказа «Терновый венец» и очерка «За хлебом» показывает, что побеждает другая сила — стихийная, неосмысленная, сила слепой жажды жизни, когда никому нет дела до ближнего.

В рассказе «Терновый венец» верх берет разрушительная, сама себя уничтожающая жестокость — толпа рвется на паром, перевозящий голодающих через Волгу, и перед нами возникает образ охваченной стихийным ужасом массы, «для которой не осталось ни бога, ни ада, ни пулеметов, ни тюрьмы, ни расстрелов»: «И толпа ринулась на паром... Вся. Весь берег.

— Берри!..

Оглобли трещали по черепам. Детей и женщин выбрасывали из возов под ноги взбесившихся лошадей» (II, 102).

Это побоище вынесено в финал не случайно — именно здесь кончаются надежды: «воет истошно» всегда веселая, уверенная в себе Лизка, умирает Кузьмич — один из персонажей сквозного действия, и от заходящего солнца, «от его огненного глаза полился красноватый свет — чья-то пролившаяся кровь» (II, 103).

Безрадостен итог и очерка «За хлебом». Ценой величайших усилий голодающие достигают сказочного Ташкента, где идут «сытые лошади», где местные жители «полные, здоровые», где въяве предстает царство обильной еды: «...медленно двигаются верблюды, навьюченные виноградом, арбузами, дынями. Сколько яблок, сколько груш! Кишмиш, курага, урюк, белая мука, почернее мука, рис, мясо, калачи — где конец?» (II, 183). И в самом деле, нет конца этому южному изобилию, но приходит конец многострадальным скитальцам.

«А у вокзала, у базаров, около грязных арыков, соткнувшись головами, под дождем, под негреющими дерюгами, как овцы, вповалку, лежат бузулукские, пугачевские, бугурусланские... Медленно, без крика умирают под высокими зелеными тополями, убаюканные громкими зазывными криками сартов:

«— Ой, хороший виноград!

— Ой, гараченький лапошка!» (II,184).

Таким образом, в рассказе «Терновый венец» и очерке «За хлебом» мотив движения неразрывно связан с мотивом предела. К ним примыкает и неверовский рассказ «Далекий путь», где трагический исход двух крестьянских семей завершается грязным перроном маленькой железнодорожной станции: дальше дороги нет. В рассказах «Терновый венец» и «Далекий путь» уже в пейзажных экспозиционных зарисовках появляется образ неласковой, черствой

земли, которая изгоняет своих детей, и они тянутся в страшную даль, таящую роковой предел за горизонтом.

Между тем в повести «Ташкент — город хлебный» вырисовывается иное решение конфликта. И это при том, что множество нитей связывают повесть А. Неверова с его собственными рассказами и очерками о голоде и особенно с рассказом А. Яковлева «Терновый венец», когда речь заходит о буйстве крестьянской толпы, борющейся за место на пароме или в поезде. Подобно тому, как у А. Яковлева происходит побоище на перевозе, где, по замечанию А. Неверова, «человек целиком переходит в звериное состояние» (IV, 223), в «Ташкенте — городе хлебном» через восприятие главного героя дается соотнесение ожесточенной грызни из-за куска хлеба стаи голодных собак и давящихся около поезда мужиков:

«Летит степью под застывшим месяцем собачья шерсть.

Горят глаза собачьи.

Щелкают зубы.

— В бога-мать — пусти!

— В крест-царя!..

— Товарищи!..

Завертелся Мишка, закружился.

Не пробить ему огромную людскую стену около вагонов» (III, 325—326).

Но все дело в том, что в «Ташкенте — городе хлебном» эпизодам этого ряда найдено иное место. Есть не только рвущаяся на поезд толпа, но и люди этой толпы, друг другу помогающие. В «Терновом венце» мужики оставляют в выжженной солнцем степи семью Плетневых, у которых обессилела лошадь. Сцена эта служит подтверждением слов одного из персонажей о том, что «зачерствел народ», и «всякому теперь только до себя» (II, 78). В противоположность «Терновому венцу» «Ташкент — город хлебный» показывает, как сквозь жестокость и равнодушие, сквозь голод и примитивный эгоизм светлым родником пробивается надежная забота Мишки Додонова о своем заболевшем друге Сережке, добрая взаимопомощь того же Мишки и Трофима — как, следовательно, люди массы, даже подчиняясь стихийным всеобщим импульсам, все же выдерживают испытание на человечность.

В образе прежде всего Мишки Додонова крестьянская стихия и патриархальное крестьянское сознание оборачиваются к читателю иной — сравнительно с рассказом «Терновый венец» — стороной. В неверовском герое открывается не просто инстинкт самосохранения, не просто стихийная готовность бежать, как все, от надвинувшейся беды в хлебный край, а разумная воля к жизни — та самая воля, которая позволяла русскому крестьянству выдерживать большие и малые испытания истории, в течение долгих столетий являясь становым хребтом общества.

Образ главного героя повести «Ташкент — город хлебный» проецируется на суммарно нарисованный образ крестьянской массы, мужицкой Руси, который возникает незадолго до финала, в двадцать девятой главе. Умирает от голода старик-крестьянин, и ему пророчески видится возрождение жизни на многострадальной земле — возрождение, совершаемое усилиями крестьянских «множеств». Если в рассказах «Далекий путь» и «Терновый венец» люди едины в своем бессилии перед голодом, то здесь, как, впрочем, и в рассказе «Великий поход», они монолитны в своей готовности и способности сообща, коллективно, победить голод:

«Подошло, опахнуло мужицкое и страшное горе народное, расцветает невиданной радостью: со всех сторон, со всех дорог идут-ползут трудящиеся из больших и малых сел, из больших и малых деревень. Каждый несет по зернышку, кладет свое зернышко в родную голодную землю. Цветет голодная земля колосьями хлебными, радуется, измученная, радостью измученных. Широко расходятся молодые весенние всходы, наряжается земля в зеленое платье» (III, 339).

Показательно, что в рассказе «Великий поход», написанном в первую половину 1922 года, мы видим и умирающего старого крестьянина, и людей, идущих на поля, и землю, которую человеческие руки должны сделать изобильной. При этом во главе идущих оказывается красноармеец, образ которого в соответствии с плакатной традицией тех лет символизирует организующую волю революции. В двадцать девятой главе «Ташкента — города хлебного», где использованы основные мотивы рассказа «Великий поход», образ предводителя отсутствует — люди идут в поле сами, единые в своем стремлении трудиться, возрождать жизнь. Вряд ли такая поправка случайна: А. Неверову важно было в данном случае подчеркнуть всеобщие начала крестьянской жизни и прежде всего могучую мужицкую волю, силу мужицкого сопротивления невзгодам и несчастьям, стихийную созидающую силу человека земли.

Но не только это отличает повесть А. Неверова от рассказа А. Яковлева и от неверовских произведений «голодного цикла» — таких, как «Далекий путь» и «За хлебом». В рассказах «Терновый венец» и «Далекий путь», в очерке «За хлебом» возникает трагическая параллельность сил: деревня — сама по себе, город — сам по себе. Нет помощи голодным людям, вчерашним кормильцам России, от городских людей, от городской цивилизации, приобретает ли она облик парохода («Терновый венец») или поезда («Далекий путь»). В безнадежности остаются на волжском берегу герои А. Яковлева, умирает на перроне Емельян («Далекий путь»), бредут от станции к станции голодающие («За хлебом»), поскольку им не нашлось места в поездах. Крестьянство здесь, следова-

тельно, предстает лишенным какой бы то ни было поддержки. Оно вынуждено рассчитывать только на себя.

Мы помним, что в таких произведениях, как «Голый год» Б. Пильняка и «Жених полуночный» А. Яковлева, рисуется деревня, живущая своей — замкнутой — жизнью, ни на кого, кроме как на себя, не надеясь, ни от кого не ожидая помощи. Этот деревенский автономизм воплощается и в «Терновом венце», и в «Далеком пути», и в очерке «За хлебом», ибо в голоде, как прежде в довольстве, деревня остается изолированной. В «Терновом венце» совмещаются мотивы крестного пути (на это указывает уже эпиграф из Евангелия: «И одели его в багряницу и, сплетши терновый венец, возложили на него») и Моисеева исхода — крестьянский обоз движется по безмолвной, выжженной солнцем пустыне, спасаясь от следующей по пятам голодной смерти. Путь этот, однако, не ведет мужиков ни к духовному очищению, ни к избавлению от голода. Люди земли здесь одиноки, слабы, предоставлены собственной судьбе.

Этот трагический автономизм деревни преодолевается в повести «Ташкент — город хлебный». Для А. Неверова здесь деревня и город связаны общей бедой и общими усилиями, направленными на то, чтобы из этой беды выбраться. Поэтому идейной основой композиции «Ташкента — города хлебного» является утверждение некоего синтеза двух социально-нравственных сил: стихийной внутренне целенаправленной «земляной силы» и городского, пролетарского, организующего и наделенного реальной силой разума.

Действие развивается таким образом, что человеческая забота и помощь приходит к голодающим от людей города как раз вовремя, когда, казалось бы, уже надеяться не на что. Застрял Мишка на станции с тяжело заболевшим Сережкой — сестра из санитарного поезда берет их в вагон. Умер Сережка, обессилел от голода Мишка — помог ему «товарищ Дунаев» — начальник «ортачеки». А когда совсем уж плохо стало Мишке, не сумевшему попасть на поезд, затерянному на глухой станции среди безлюдных казахских степей, ему на выручку приходит паровозный машинист «товарищ Кондратьев». Заметим, что в глазах Мишки все эти люди являются носителями реальной, «городской» по своим истокам, власти, что каждый из них может посадить на поезд, ведущий к спасению.

Если в «Терновом венце» и в очерке «За хлебом» мечта о взаимной выручке и всеобщем братстве остается лишь некоей идеальной возможностью, которая в рамках текста этих произведений реализации не получает, то в повести «Ташкент — город хлебный» эта мечта обретает плоть и кровь каждодневных человеческих отношений. Словно бы судьба передает Мишку из одних добрых рук в другие. Коридор вагона в санитарном поезде, котелок казенных

щей в помещении «ортачеки», бесплатно предоставленное место в вагоне, блаженное тепло, исходящее от паровозной топки, и черствая корочка, которой делится с Мишкой машинист «товарищ Кондратьев», — все это и есть те самые «куски», которые, по словам одного из яковлевских героев, должны наполнить холщовую сумку, чтобы спасти крестьянскую Русь от «огненных стрел» всеобщей погибели. Социальная конкретность помощи, которую получает Мишка, сообщает неверовской повести ту уверенность в завтрашнем дне, которой лишен рассказ А. Яковлева «Терновый венец».

Именно единство усилий и приводит к тому, что действие «Ташкента — города хлебного» идет по иному руслу, нежели в рассказе «Терновый венец». Развитие действия в неверовской повести — путь конечных преодолений. Например, нечаянное расставание Мишки с Трофимом (когда Мишке не удалось прыгнуть на ходу в поезд) уравновешивается встречей с машинистом Кондратьевым: таким образом, друг потерян, но друг и обретен. Соответственно — поражение Сережки, его гибель предшествуют Мишкиной конечной победе, по контрасту подчеркивая и оттеняя ее.

Встречи с «хорошими людьми» укрепляют Мишкину веру в лучшее будущее, и Мишка стремится внушить эту веру окружающим. Вспомним, как на одной из станций «мужичонка в рваной рубахе» говорит: «Ленин нам пишет: «братцы, братцы», а мы, как черти, глядим друг на друга» (очерк «За хлебом»), однако эти сетования тонут в жестокой толчее, где каждому дело только до самого себя. Между тем Мишкина вера в лучшее, его призыв к деятельной человечности получают эмоциональную поддержку повествователя, когда главный герой рассказывает на одной из станций собравшимся мужикам о встрече с Кондратьевым: «Потом попался машинист товарищ Кондратьев, посадил его на паровоз, поил чаем из своего чайника и хлебца немножко давал. Будь таких людей побольше, давно бы все доехали» (III, 349). Более того, чтобы усилить обобщающее звучание Мишкиного: «Давно бы все доехали», А. Неверов заставляет повествователя сказать о главном герое, что тот «стоял среди мужиков, как маленький проповедник, укрепляющий верой и бодростью на далекий неоконченный путь» (III, 349).

Но как бы ни был далек Мишкин путь, дальше Ташкента и его округи неверовскому герою уехать не суждено, в отличие от платоновских скитальцев из повести «Сокровенный человек» (1928), где мы встретим и калеку, ездившего за хлебом в Аргентину, и «баб Тверской губернии», которые «о государствах рассказывали, как про волостное село в базарные дни», и знали «только цены на все продукты Анатолийского побережья...»[7]. Здесь, конечно, и заострение, и специфическая платоновская ирония, однако для нас

важно другое. Как бы ни скитался Мишка Додонов, ему, в отличие от платоновских путешественников, принадлежит отнюдь не весь мир, а только пашня в Бузулукском уезде. Все дело в том, что «крепко привязан человек к земле, не легко ему уходить с нее»: «Из рук наших сделаем сохи, из пальцев — бороны» (III, 22).

Это слова «немногих бодрых духом» из рассказа «Великий поход». Они намечают путь Мишки Додонова, который если и ушел от земли, то лишь для того, чтобы с новыми силами к ней вернуться, чтобы «заново заводиться» (III, 359). Этим неверовский герой близок Калистрату Ефимовичу по повести Вс. Иванова «Цветные ветра» (1921), где к финалу «один на один теперь свободный мужик со свободной пашней»[8]. Освобожденная революцией, истерзанная войной и голодом пашня требует и у Вс. Иванова и у Неверова приложения сил — тех трудовых навыков, которые связаны, между прочим, и с тысячелетней традицией патриархального крестьянства. Так Неверов-художник уточнял, корректировал позицию Неверова-критика, которому, как мы помним, казалось, что патриархальность — это лишь косность и застой[9].

А. Неверов как автор рассказа «Великий поход» и повести «Ташкент — город хлебный» утверждает высокое социальное и нравственное значение исконной крестьянской верности земле. Отказавшись от пассивной патриархальности таких, как Непчелинцев («Дома», 1917), писатель теперь стремится показать активное жизнеутверждающее начало в народном характере — начало, коренящееся не только в новых, революционных веяниях, но и в патриархальных традициях. При этом очень важно заметить, что патриархальная традиция оказывалась для А. Неверова творческой созидательной силой по преимуществу в сфере каждодневного крестьянского труда и была немыслима без естественной связи с организующей силой революционного, пролетарского города. Именно эта связь становилась для писателя залогом дальнейшего плодотворного развития.

Та «дорога дальняя», которая открывается перед главным героем в финале повести «Андрон Непутевый», открывается и Мишке Додонову, готовому «заново заводиться». Мишке и стоящим за его спиной крестьянским «множествам» А. Неверов не полагает предела во времени. Герой «Ташкента — города хлебного» повернут к созиданию, и в этой его воле к созиданию не только социальная целесообразность, но и важный итог *исторического* развития. «Ташкент — город хлебный» воплотил *историческую* устойчивость народного характера, поскольку сквозь судьбу крестьянского мальчика, у которого упорство и ум оказались сильнее отчаяния, просвечивала судьба народа, устремленного в будущее.

Так прорезывался историзм неверовского ви́дения, который представал и как явление индивидуальной писательской судьбы,

и как выражение общей тенденции развития русской советской прозы 20-х годов. В эту общую тенденцию, разумеется, вливалось и творчество А. Яковлева. Правда, ему не удалось сделать художественное открытие, равное по силе идейно-эмоционального воздействия «Ташкенту — городу хлебному», но он сказал правдивое, выстраданное слово об опасностях, которые таит в себе стихия крестьянской патриархальной жизни, — о том, насколько необходима для русской деревни выработка внутренней организующей сознательности, являющейся залогом плодотворного социально-исторического развития.

В этом обоим писателям по пути. Им по пути также и в утверждении необходимости деятельного добра как важнейшего достояния нового, послереволюционного общества — доверия, дружбы и милосердия, которое, как сказал в 1927 году М. Горький, «более всего иного — заслужено человеком».

---

[1] Вл. Лидин. Александр Яковлев. В кн.: Александр Яковлев. Избранные произведения. М., ГИХЛ, 1957, стр. 3.

[2] Цит. по кн. М. П. Белова. Человек и революция в творчестве А. С. Яковлева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов, 1968, стр. 6.

[3] Александр Яковлев. Полное собрание сочинений. Том второй. М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1929, стр. 123. В дальнейшем все ссылки на это издание см. в тексте; римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

[4] Анна Тамарченко. Талант, раскованный революцией. «Нева», 1967, № 1, стр. 186.

[5] Л. Гладковская. Рождение эпопеи. «Железный поток» А. С. Серафимовича. М.—Л., Изд-во «Советский писатель», 1963, стр. 59.

[6] М. Белова. Повесть А. Яковлева «Повольники». В кн.: «От жизни к образам». Сборник статей. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1965, стр. 138. Эта точка зрения в более развернутом виде воспроизведена в кн.: М. П. Белова. Творчество Александра Яковлева. Изд-во Саратовского университета, 1967, стр. 35—36.

[7] Андрей Платонов. Избранное. М., Изд-во «Московский рабочий», 1966, стр. 77.

[8] А. К. Воронский. Всеволод Иванов. В кн.: А. Воронский. Литературно-критические статьи. М, Изд-во «Советский писатель», 1963, стр. 140. Последующая ссылка на эту книгу приводится без выходных данных.

[9] Необходимость внести некоторые коррективы в неверовскую оценку творчества А. Яковлева представляется тем более настоятельной, если учесть, что мнение А. Неверова было поддержано литературоведами последующих лет. Так, Е. Ф. Никитина утверждает, что «из всех критиков, кто подходил к творчеству Яковлева, его больше всех понял собрат по перу, вышедший из той же крестьянской среды, Неверов» (Е. Ф. Никитина. В мастерской современной художественной прозы. Том второй. М., Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1931, стр. 117). Тридцать с лишним лет спустя к этой оценке присоединился А. И. Овчаренко: «Превосходную статью о ранних рассказах писателя напечатал А. Неверов» (А. Овчаренко. Александр Яковлев и его творчество. В кн.: Александр Яковлев. Октябрь. Повести и рассказы М., Изд-во «Художественная литература», 1965, стр. 373).

А. И. Ванюков

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ ПОВЕСТИ А. НЕВЕРОВА «ТАШКЕНТ — ГОРОД ХЛЕБНЫЙ»

„ТАШКЕНТ — город хлебный» А. Неверова отражает процесс художественного совершенствования русской повести начала 20-х годов, расширение ее диапазона, усиление психологизма.

Но своеобразие художественной структуры этого произведения было понято не сразу. Интересный инцидент произошел на заседании литературной организации «Кузница», членом которой состоял А. Неверов. В протоколе заседания от 22 декабря 1922 года об этом сказано скупо: «Предложить Неверову дать (в альманах. — *А. В.*) рассказ «Андрон Непутевый», возвратить ему «Ташкент — город хлебный»[1]. Сын писателя Б. Неверов-Скобелев в своих воспоминаниях «У истоков «Ташкента...» писал, что «повесть была осуждена как малохудожественная и ненужная»[2].

Подобное непонимание творческого замысла и художественного своеобразия повести обнаружилось и в первых рецензиях на нее. Так, В. Правдухин «постоянным недостатком творчества А. Неверова» и повести «Ташкент — город хлебный» считал «отсутствие художественного замысла, живой целесообразности развития действия» и сожалел, что не чувствуется, «куда идут... герои»[3]. Правда, он заметил, что судит только по отрывкам из повести и допускал, что, может быть, «замысел у автора есть».

В. Правдухин исходил из традиционного суждения об А. Неверове как о бытовике и сомневался «ведет ли автор к победе над бытом или просто стремится вызвать к ним (героям. — *А. В.*) жалость»[4].

В критических статьях и рецензиях А. Воронского, И. Кубикова, М. Лирова и др., появившихся уже после выхода «Ташкента — города хлебного» отдельным изданием, была дана в основном правильная оценка повести, высказан ряд верных мыслей по вопросам ее идейного содержания, тематики, сделаны некоторые замечания о художественной форме.

В работах современных исследователей творчества А. Неверова — Н. Страхова, В. Скобелева, Л. Берловской — более глубоко, проблемно ставятся вопросы и идейно-тематического, образного анализа повести и изучения ее поэтики.

Однако неверовская повесть и теперь еще иногда рассматривается в отрыве от сложных художественных исканий всей советской прозы начала 20-х годов, да и от эволюции художественного мастерства самого писателя. До последнего времени оставались наименее разработанными, в частности, вопросы жанра, композиции, сюжета повести.

В одной из записных книжек А. Неверова 1923 года среди других заметок, важных для выяснения творческой истории и самого процесса работы писателя над повестью, есть одна, раскрывающая основной принцип повествования: «глазами детей, глазами автора»[5].

Часто обращалось внимание на то, что основные события показаны в повести глазами двенадцатилетнего мальчика Мишки Додонова. При этом забывалось, что и сам Мишка, и его путешествие, и все люди, встречающиеся ему на пути, даются еще и «глазами автора», воплощают «художественную целесообразность» в развитии сюжета повести, в движении художественного замысла писателя. Этот принцип повествования — «глазами детей, глазами автора» — образуя сложное единство, является и изобразительным, и сюжетообразующим, и композиционным.

* * *

Уже в самом инверсированном заглавии повести — «Ташкент — город хлебный» — выделено главное — проблема хлеба, проблема жизни, которые в условиях начала 20-х годов имели большое значение не только для охваченных голодом поволжских губерний, но и для всей страны в целом. Через все произведение — от трагического зачина до буднично-героического финала — проходит мотив дороги, размышления над путями к новой жизни.

Мотив дороги тесно связан в сюжете повести с мотивом Ташкента.

Хлеб — дорога — Ташкент — образуют единый художественный комплекс будущего, которое постепенно вбирается настоящим, приближается к нему упорством и волей «хороших людей». Уже в начале определяется одна из коллизий повести, которая опирается на традиционную форму народного творчества, воплощенную в «путешествии», преодолении испытаний пути, ведущего к заветной цели. «Хлеб очень дешевый там, только добраться трудно. Туда две тысячи верст, оттуда две тысячи верст» (III, 259).

Ташкент входит в сюжет повести в сугубо практическом ключе — «хлеб очень дешевый там» (III, 259), и сразу же, с первых же страниц к образу этого города в сознании и Мишки, и лопатинских мужиков присоединяется эпитет «хлебный». По мере развития действия город, расположенный «за две тысячи верст», начинает обрастать выдумками, в которых, тем не менее, главное — реальность, хлеб: «Опять мужики на улице говорили про Ташкент.

Кружились в мыслях около невиданного, слушали про сады виноградные, дразнили себя пшеницей двух сортов: поливной и богарной. Цены невысокие. Рай!» (III, 263).

Эти почти невероятные в условиях голодающего села сведения приобретают сказочный облик в детском восприятии Мишки. Потому, «как в сказке, стоял перед ним Ташкент — город хлебный» (III, 263). И в самые трудные минуты, когда, казалось, уже нет сил карабкаться на поезда, цепляться за подножки вагонов, идти от одной голодной степной станции к другой, вставал в воображении Мишки, да и не только его одного, — «Ташкент невиданный» — и рядом с ним, в связи с ним — хлеб и семена.

Тема будущего в повести неотделима от образа посева, имеющего конкретное, хозяйственное выражение: посев на будущую весну, «спелая пшеница под теплым лопатинским ветерком» (III, 300) — образа, означающего налаженное хозяйство, жизнь и вместе с тем несущего в себе нечто обобщающее — посев новых убеждений, новых мыслей, воспринимаемых и детской душой Мишки, и всей народной массой.

Движение к Ташкенту — городу хлебному все время корректируется размышлениями Мишки и повествователя о селе Лопатино, о голоде, разрухе, запустении в крестьянских хозяйствах. Исследование противоречий «движения» от настоящего к будущему сообщает повествованию особый драматизм. В тяжелые, решающие моменты путешествия Мишка разрывается «в отчаянии между Ташкентом и Лопатином» (III, 301). Но это противоречие снимается укрепляющейся верой в «Ташкент», причем перед Мишкой все явственнее с каждым новым преодоленным препятствием возникает

«город невиданный:
сытый,
хлебный,
улыбающийся» (III, 324).

Меняется даже ритм повествования. Графические средства, постоянные эпитеты, инверсия — все призвано к достижению одной цели: усилению надежды, мечты, веры в будущее.

Ташкент в повести А. Неверова — отнюдь не «царство с молочными реками и кисельными берегами»[6], он — надежда изголодавшихся, измученных людей. Если внешне Ташкент, по пригородам которого проезжает Мишка, еще сохраняет экзотические черты и основа их — «невиданное»: «ехали чудные невиданные телеги (арбы) на двух огромных колесах. На лошадях верхом сидели чудные, невиданные люди с обвязанными головами» (III, 355), — то внутренняя, «дорожная», сущность образа Ташкента уже подвергается сомнению, меркнет. И здесь «на станции лежали мужики, бабы: голые, полуголые, черные от ташкентского солнца, больные, умирающие» (III, 356).

Действие повести не заканчивается приездом Мишки в Ташкент, оно продолжается. Однако о жизни Мишки в Ташкенте писатель говорит немного, в тонах, подчеркнуто бытовых.

Ташкент — и цель путешествия, и не цель, он скорее всего средство для достижения цели. Цель другая — это хлеб, это — засеянная зерном лопатинская и иная земля, о чем мечтает и Мишка, и умирающий в степи по пути в Ташкент старик. По мере развития сюжета писатель обращает внимание не только на страдания народа (от них он никогда не отворачивается), но и на укрепление веры, неисчерпаемость запаса душевной прочности в людях. Усиливается лиризм авторского повествования. Особенно характерна в этом отношении двадцать девятая главка, данная как бы непосредственно от автора и ставшая гимном неодолимому движению вперед.

Образы хлеба, дороги в сюжете повести значительно шире, объемнее образа Ташкента. Дорога приобретает конкретные, реальные черты железных дорог России начала 20-х годов, с разрушенными станциями, старыми паровозами, красноармейцами, «орта-чека», толпами голодающих, но образ ее наполняется и другим звучанием: это дорога к хлебу, дорога к «невиданному» будущему. Не случайно дорога постоянно ассоциируется у А. Неверова с полетом, ощущение которого присутствует не только в переживаниях Мишки Додонова, но и в авторской передаче движения вперед Красной России.

Размышляя о Ташкенте, Мишка прикидывает, как ему лучше туда добраться, и получается, что «две тысячи верст — совсем недалеко: сесть на чугунку — в три дня долетишь» (III, 260). И паровоз в повести становится какой-то сказочной птицей, «несущейся со всем народом по воздуху», и Мишке с Трофимом кажется, что «плывут они по воздуху, над землей, над степью» (III, 327).

Какая же сила и куда несет Мишку и других персонажей повести? На эти вопросы и отвечает движение сюжета.

Неверовская Россия (паровоз — «птица»), ведомая «хорошими людьми» — коммунистом Дунаевым, машинистом Кондратьевым — несется в хлебное будущее. «Новая Русь Советов» летит вперед в поисках страны, «где не будет страды людской и прежде всего детской»[7].

Дорога не кончается в Ташкенте, потому что нет конца пути к хлебу, к будущему, и потому в последней главе — своеобразном эпилоге, написанном по принципу «глазами автора», — опять появляются образы хлеба, дороги: «мешки, нагруженные тяжелым, желтым зерном, тихо поплыли по узенькой полевой дороге в прозрачную тишину опустевших полей» (III, 358). Впереди — новые заботы, новые дороги, новые трудности. Тем самым сюжет повести «Ташкент — город хлебный» развернут в будущее. Разрешаются одни

конфликты, впереди ждут другие. Но у народа, вынесшего тяжелое испытание — голод, хватит сил справиться с любыми трудностями.

Эта уверенность в будущем сообщает повести оптимистическое звучание, если можно так выразиться, окрыляет ее.

* * *

Мотив дороги, движения вообще характерен для советской литературы 20-х годов.

В 1924 году вышла повесть С. Григорьева «С мешком за смертью» («Железный путь»), сюжетом которой явилась, по словам автора, «экспедиция голодных мурманских рабочих за хлебом в Тамбовскую губернию»[8] в 1918 году. С. Григорьев стремился показать «большие события... через детское восприятие»[9], но увлекся авантюрными, приключенческими элементами в развитии сюжета.

Повесть А. Неверова начисто лишена авантюрных элементов. Показывая трагическое событие народной жизни, она всем развитием действия утверждает жизненную силу народа — и самим движением народных масс, и тем путем, который прошел Мишка Додонов.

В этом смысле «Ташкент — город хлебный» ближе к «Железному потоку» А. Серафимовича, который, кстати сказать, произвел на А. Неверова огромное впечатление. Известно, что он, услышав «Железный поток» в чтении автора, участвовал затем в обсуждении услышанного[10].

Как мы знаем, «Железный поток» воплощает движение народных — крестьянских — масс к новому состоянию, к укреплению сознательности, выдержки, дисциплины. А. Серафимович строит повествование, «навивая» его «вокруг движения»[11], в котором объединяется движение народной массы, ее развитие, а также эволюция героев из народной массы. Эти принципы лежат и в основе неверовского «Ташкента — города хлебного».

Поэтому следует согласиться с мыслью о том, что «Ташкент — город хлебный» отражает поиски всей советской литературой начала 20-х годов «пути к эпическому повествованию... через сюжетное действие, через типические обстоятельства и главное через судьбы героев»[12].

7 ноября 1922 года, незадолго до начала работы над повестью, А. Неверов писал П. Коныжеву: «...человек, человеческая душа, мысли, чувства и настроения имеют свое движение. И Вы слова, обозначающие эти движения, ставьте так, чтобы, читая их, читатель чувствовал, какое состояние они передают» (IV, 278).

В «Ташкенте — городе хлебном» А. Неверов как раз «передает» движение чувств, мыслей, настроений Мишки Додонова, развитие

его характера в процессе преодоления трудностей пути, в стремлении к «хлебному» будущему.

Своеобразие повести заключается в том, что перспектива времени раскрывается здесь и в движении народного потока, и в движении характера одного из представителей народной массы — крестьянского мальчика Мишки Додонова, в образе которого сливаются судьба человеческая и судьба народная.

Жизнь героя необыкновенно насыщена и напряжена с самого начала повествования. Напряжение создают трагические обстоятельства: голод в селе, голод в семье. А. Неверов показывает высокое чувство ответственности героя не только за свою жизнь, но прежде всего за жизнь и будущее своих близких: «Крепко задумался Мишка. Семья большая, работники маленькие. Он самый надежный. Отец так и сказал перед смертью:

— Ты, Миша, за хозяина будешь» (III, 259).

Именно чувство ответственности заставляет Мишку взять на себя нелегкое решение спасти семью от голодной смерти. В свободе выбора определяющим является чувство «хозяина», которое наполняется высоким гуманистическим смыслом: мальчик становится не только «хозяином» несуществующего хозяйства, но главное — хозяином своей судьбы, ответственным за судьбы родных. Писатель показывает переплетение, подвижную связь в Мишкиной душе психологии человека, еще не вышедшего из детского возраста, и тех изменений, которые вызваны уже присущим ему чувством хозяина. Самостоятельность решения Мишки поехать в Ташкент за хлебом опирается на весь его нелегкий опыт хозяйствования: «целое лето плугом пахал заместо отца, лошадей запрячь умеет» (III, 260). В то же время мальчуган наивно, по-детски, рассуждает о том, как поедет в Ташкент, как «на крыше два дня продержаться можно»: «Лазал он на деревья за грачиными гнездами, это похуже, чем крыша, все-таки не падал...» (III, 260).

Для того, чтобы полнее и глубже передать внутреннее психологическое состояние героя, показать движение человеческой души, писатель органично вводит в повествование внутренний монолог, который ведется одновременно и «от автора» и «от Мишки». Своеобразие повествования в том, что и события, и внутреннее состояние героя даются и «глазами автора» и «глазами мальчика», эти две точки соприкасаются, сливаются. Интеграция двух потоков позволяет передать драматизм ситуаций, драматическое напряжение внутренней жизни героя.

А. Неверов показывает плотную насыщенность времени, отразившуюся во внутреннем мире человека, в самом складе его мышления. Эта насыщенность передает новый характер взаимодействия личного и общественного, судьбы человека и народной судьбы в пореволюционный период. Характер времени особенно ясно просту-

пает в детской психологии. Уговаривая Сережку ехать в Ташкент за хлебом, Мишка приводит неотразимый аргумент, почему «не надо бояться», великолепно передающий глубокие сдвиги в крестьянском сознании: «Теперь красноармейцы везде, они не прогонят. Узнают, что мы голодающие, хлебца дадут» (III, 260). Эта убежденность, это доверие к новому основывается на общественном опыте, перешедшем в «личную» сферу психологии. Личное в повествовании о путешествии в далекий Ташкент неотделимо от общественного.

Так определяется своеобразие художественных приемов, с помощью которых исследуется развитие характера.

Глубина исследования времени и человека достигается тем, что писатель стремится передать диалектику связи и противоборства в конкретно-исторической действительности, движение и драматические столкновения старого и нового в Мишкином сознании. А. Неверов показывает народную крестьянскую основу характера героя, опирающегося на сложившиеся в крестьянском быту морально-трудовые нормы и традиции, и вместе с тем вскрывает двойственную их природу: с одной стороны — здоровую, трудовую, с другой — индивидуализм, эгоизм, патриархальные предрассудки.

Движение сюжета повести передает процесс постепенного освобождения Мишки от старых, патриархальных норм и привычек. Этапами роста нового в Мишкиной душе являются встречи в самые трудные моменты его путешествия с «хорошими людьми». Построены эти важные для развития действия сцены по принципу контраста. Коллизии между старым и новым в Мишкином сознании усиливают напряженность и драматизм повествования. Внутренне контрастными являются и сцены, в которых Мишкины раздумья и поступки соотносятся со старой моралью (не случайно в этих ситуациях возникают образы его родных, отца, дяди Никанора, их житейская философия), и сцены встречи Мишки с «хорошими людьми».

Заболел Сережка на одной из станций, не попали ребята на поезд. Мишка в отчаянии, и, как обычно в такую минуту, вспоминается ему отец. «Отец покойный всегда говорил: — С нашего брата — давай, нашему брату — нет. Стиснул Мишка голову обеими руками, окаменел. — Умирай наш брат — никому не жалко». Но как раз тут-то и «попадается» ему «городская, в беленьком платочке — сестра милосердная» (III, 290). «Сестра милосердная» помогает устроить Сережку в вагон, затем в больницу, делится с Мишкой хлебом. Так входит в сознание героя убеждение: «...есть на свете хорошие люди...» (III, 290).

Привлекательность «хорошего» тем сильнее, чем контрастнее сопоставляется опыт прошлого с опытом настоящего, приобретаемым Мишкой по дороге. Образ «сестры милосердной» получает в Мишкином восприятии такую убедительность и жизненность потому, что невольно соотносится с образом барыни «финтиклюшки»

(III, 283), бросавшей голодным мальчишкам мосолки и хлебные корки.

Возмужание героя складывается и проверяется в «путевом» движении: происходит сложный процесс испытания традиционных моральных, нравственных понятий, утверждаются правила подлинной человечности.

По тому же принципу строится встреча Мишки с чекистом Дунаевым. Вот милиционер ведет Мишку в «орта-чеку»: «Идет он на страшный суд — все поджилочки прыгают. Вспомнил отца покойного, дядю Никанора, который лучше всех на кулачки дрался, вскипело сердце обидой великой на Сережку.

— Из-за него приходится терпеть» (III, 295).

Внутреннее психологическое состояние Мишки в данном случае выявляется через привычные, естественно входящие в его опыт традиционные понятия, опирающиеся на некий «крестьянский кодекс»: здесь и мотив терпения, и мотив вины, и стремление выгородить себя, и страх, и самооправдание. Этот пласт духовного опыта мальчика «снимается» настоящим, направляется в новое русло представлений о человеке и мире. Узнавание нового в «дорожном» времени соотносится с новым в деревне, опять-таки ясным и понятным для героя. Потому естественно следует далее: «А в орта-чека и не страшно даже — как в исполкоме у них.

Стол большой, за столом самый главный в кожаном пиджаке. Сбоку револьвер прицепленный, на фуражке звезда большевистская» (III, 295).

Мишкина душа раскрывается перед «хорошими людьми», отношение которых к себе он чувствует, уже опираясь на собственный опыт современника революции. Еще одна встреча с Дунаевым происходит в самый решающий момент Мишкиного путешествия, помогает ему поверить, что на «самом деле народ такой есть»... (III, 303). Мишка уже почти сломлен надвинувшимися на него дорожными невзгодами: украли мешок, «последнюю радость, надежду последнюю» (III, 300), умер Сережка, нет хлеба. Так приближается к нему смерть, не только физическая, но и нравственная, ибо Мишка теряет веру в людей — «все равно никто не пожалеет» (III, 302). И как раз в этот момент приходит ему на помощь чекист Дунаев, приходит потому, что иначе и быть не могло. «Вон и звезда красноармейская у него, наверное, как Иван их — коммунист» (III, 302),— думает Мишка, вверяя свою судьбу Дунаеву. Органично входит в понятие «хорошие люди» и дунаевское теплое, человеческое утверждение: «Хороший ты мужик, Михайла Додонов» (III, 303).

Драматизм повествования не спадает до последней, финальной главки «Ташкента — города хлебного», и в то же время по мере «развертывания» Мишкиной «одиссеи» усиливается лирическое напряжение повести.

Преодолевая трагизм обстоятельств, звучит в последних главах повести мотив человеческого счастья. Что человеку нужно для счастья? Хлеба? Не хлебом единым жив человек. Кроме хлеба, нужно ему еще многое. Возникнув незадолго до разговора с мужиками на одной из станций, мотив человеческого счастья пронизывает всю эту сцену, важную для выяснения взаимосвязи героя и народной массы. Мишка говорит мужикам о своем путешествии, о «хороших людях»: «Будь таких людей побольше, давно бы все доехали.

Рассказывал Мишка спокойно, голосом уверенным, твердым, и сам от этого казался ростом выше. Мужики слушали внимательно, задние подвинулись ближе, смотрели в лицо рассказчику, а он... стоял среди мужиков, как маленький проповедник, укрепляя верой и бодростью на далекий неоконченный путь» (III, 349).

Внутренний мир героя дается писателем в сложном пересечении трех линий в движении чувств и мыслей.

Это, во-первых, переживания, связанные с опытом старого мира, привычным крестьянским «кодексом» поведения, философией «отца покойного» и дяди Никанора.

Вторая линия психологического рисунка образа связана с настоящим, «дорожным» временем. А. Неверов всесторонне исследует влияние «настоящего» на детскую психологию, не ограничиваясь констатацией внутренних изменений в душе крестьянского мальчика, открывающего для себя огромный мир борьбы и испытаний.

Глубина неверовского подхода к изображению детской психологии особенно заметна в сравнении, например, с уже упоминавшейся повестью С. Григорьева «С мешком за смертью». Напомним, что процесс внутренних изменений подростка Марка Граева в повести С. Григорьева только констатируется, вместо «движения» мыслей, переживаний, настроений ребят автор дает либо описание: «дети исхудали и странно заметно мужали, будто все тянулись вверх»[13], либо простое указание на внутренние изменения: «прошло немного дней, а Марк был уже не тот»[14].

Движение «настоящего» в психологии неверовского героя вбирает в себя и те изменения, которые произошли в деревне после революции. Опыт нового наиболее ярко и непосредственно отражается именно в детской восприимчивой душе, в характере психологического «перелома», определяемого встречами Мишки с «хорошими людьми». Соотношение прошлого и настоящего, психологического и исторического передает сущность огромных изменений, происшедших в национальной жизни. В судьбе Мишки Додонова раскрывается судьба народная, глубокие изменения в строе дум, чувствований, переживаний, в которых аккумулируется новый исторический опыт, выдерживающий испытания в тяжелых, подчас трагических ситуациях голода.

Своеобразие неверовской повести в том, что писатель воссоздает не только процесс осознания героем общенародной трагедии, но и процесс преодоления этой трагедии мощью народного характера, новые грани которого с особой силой проявились в революционный период. Эпоха начала строительства новой жизни в повести А. Неверова овеяна духом революционных преобразований, наложивших яркий, неповторимый отпечаток на детскую душу.

«Ташкент — город хлебный» — повесть о детстве нового мира, детстве суровом и трудном. Личная судьба героя проецируется сквозь объектив общенародной трагедии, потока жизни на движение его сознания и корректируется героическим пафосом преодоления трагедии, преодоления отчаяния и страданий.

Так и на этом уровне реализуется художественный принцип повести: «глазами детей» и «глазами автора». И так возникает еще одна — третья — линия психологического «времени»: будущее, которым определяется борьба в душе героя настоящего с прошлым.

Мысли, чувства героя, связанные с будущим, даются не только как предполагаемый исход борьбы во внутреннем плане, но и как исход, реализуемый уже в движении настоящего. В финале повести связывается внешний план путешествия за хлебом — возвращение Мишки Додонова в родное село с двумя мешками пшеницы, и внутренний — возмужание героя, преодолевшего трудности дороги и стоящего перед новыми трудностями: «заново заводиться» (III, 359). Характер героя, раскрывшийся в «дорожном» времени, несет в себе огромный потенциал дальнейшего развития, которое и обусловливается будущим.

Углубляет психологический рисунок повести, усиливает ее динамизм переплетение яви и мечтаний, предчувствий, снов Мишки Додонова. Мишкины сны возникают в самые трудные, узловые моменты его путешествия, помогают раскрыть внутренний мир героя, полнее, объемнее обозначить движение его переживаний, связанных с воспоминаниями о доме и с мечтой о Ташкенте. В снах отражается «прежний», «лопатинский», опыт Мишкиной жизни, дорожная реальность и мечты о будущем; на стыке этих линий характера и исследует писатель движение сознательного и бессознательного в натуре героя. Сны-воспоминания, в которых появляется родное Лопатино, лопатинская речка, мать, братья, поддерживают Мишку в пути, предостерегают в трудную минуту, напоминают о цели.

Сны героя вписываются в движение повествования, в «дорожный», «путевой» план развития действия. Вот Мишка находит на станции потерявшегося было Сережку, они засыпают, утомленные первыми испытаниями. Перед этим Мишка упрекал своего друга в том, что тот хочет возвратиться домой: «Иди, если не боишься. А таких товарищей я не люблю, которые пятятся» (III, 271). Сам

Мишка, как мы помним, не «пятится», потому что он твердо решил добраться до Ташкента, привезти хлеб. И в этой ситуации возникает сон-мечта о хлебном Ташкенте.

«Представился Мишке Ташкент невиданный и два мешка с кусками. В одном мешке — белый хлеб, а в другом мешке — черный хлеб. В третьем мешочке — пшеница — фунтов десять. Это на семена. А пшеница не как наша. Крупная! Глядит Мишкина мать в два мешка, от радости плачет.

— Ах, Миша, Миша! Какой ты хороший, сынок, заботишься о нас. Ляг маленько, усни. А вы, ребята, не шумите.

Открыл Мишка глаза невидящие, опять закрыл» (III, 271).

Сон-предчувствие об окончании дороги и возвращении домой снится Мишке на паровозе, уже перед Ташкентом.

«Спал Мишка в эту ночь хорошо и спокойно. Во сне видел мать, Яшку с Федькой, лопатинских мужиков с бабами. Мать ему истопила баню, подошла будто к кровати, тихонько сказала:

— Спишь или нет, Миша? Сходи, сынок, помойся после дороги, вот я и рубашку припасла тебе...

Вымылся Мишка, даже попарился веником — очень уж натомилось тело за долгий путь — пришел из бани большим, неузнаваемым. Сел за стол на переднюю лавку, начал рассказывать про товарища Кондратьева» (III, 354).

Образ Мишки, возникающий в снах-мечтах, соотносится и с дорожным настоящим, и с будущим. Структура снов «уплотняет» повествование, помогает глубже раскрыть внутреннюю жизнь подростка, связывает воедино самоощущение, самовосприятие героя в реальности и во сне, представление и мнение о нем встречаемых им людей, субъективный и объективный взгляд на мир и человека.

Характерно, что «большой, неузнаваемый» в своем сне Мишка, возвратившись домой наяву, предстает перед матерью именно таким, каким видел себя во сне («стоял около матери, черный, большой, неузнаваемый», III, 359).

Стиль снов органически входит в стиль авторского повествования. Он углубляет драматический и лирический колорит «дорожного» сюжета, намечает еще одну грань изображения потока жизни «глазами детей», «глазами автора».

Передавая эмоциональное состояние и мысли деревенских мальчишек, писатель стремится к простоте, лаконизму, краткости фразы, воссозданию «детскости» ее построения и звучания. В стилевой ткани повести отражаются и форма мышления героя, и взгляд автора, передающего малейшие подробности движения детской мысли, настроений. А. Неверов вообще очень точно и тонко чувствует «возрастную» психологию, умеет показать внутреннее состояние во внешних проявлениях. Вот авторские обозначения настрое-

ний Сережки, из которых возникает наивная, детски непосредственная, нерешительная, мягкая его натура.

«Сережка не сразу поверил»; «Сережка нерешительный. Ковырнул в носу два раза, говорит...» (III, 260); «У Сережки глаза загорелись от радости» (III, 261); «Шмыгнул Сережка носом от обиды, глаза кулаком потер» (III, 270); «Сережка заплакал» (III, 286) и т. п.

В изображении народного потока, массовых сцен А. Неверов опирается на фольклорную поэтику: глаголы действия, движения нередко стоят в предложении на первом месте, определения, традиционные эпитеты — после определяемого слова; встречаются отрицательные сравнения и параллелизмы, повторы и т. п.

«Поднялись мужики с сундуками, поднялись бабы с ребятишками. Вскинули мешки на плечи, загремели ведра, чайники, самовары. Выгнулись спины мужицкие, растрепались головы бабьи...

Не река сорвалась в половодье — народушко прёт со всех сторон, со всех концов... Захрупали крыши вагонные под сотнями ног. Заревела темнота предутренняя сотнями голосов» (III, 273).

В этой картине, данной «общим планом», сочетается и взгляд повествователя с его традиционной народной поэтикой, и предполагаемый взгляд крестьянских детей, которые могут именно так «видеть» посадку на поезд. В то же время определяющим является авторский взгляд — и на мужиков и баб, рвущихся на поезд, и на детей, «капли» этого народного потока. Не случайно и стилевое единство этой сцены: повествование о детях в народной массе дается в том же поэтическом ключе:

«Тащит Мишка Сережку перепуганного, ныряет под вагонами, стукается головой о колеса.

— Скорей.

А двери вагонные высоко. А Мишка с Сережкой никак не достанут до вагонной двери, никак не залезешь» (III, 273).

Так в поэтику повествования о народе входят сразу и непосредственно элементы психологического анализа, «голос» детей. Это единение и определяет одну из важнейших особенностей стиля повести «Ташкент — город хлебный».

Что касается голоса повествователя, то он не просто излагает и комментирует события и происшествия. Он звучит как голос народного сказителя, выражающего свое отношение, заинтересованность в судьбе героя, радующегося его радостью и страдающего его страданиями. Вот у Мишки украли бабушкину юбку — Мишка плачет, упав на рельсы. Маленького Мишку автор сравнивает с «ягненком под острым ножом» (III, 300). Сравнение из крестьянского быта свидетельствует о близости повествователя народным традициям, передает трогательно-нежное отношение к герою. А вот Мишка идет проститься к лежащему в больнице Сережке, думая о тяжести своего положения. И голос повествова-

теля прямо врывается в размышления героя, создавая атмосферу сопричастности народному горю, судьбе человека:

«Людям не больно нужно, и увидит кто, нарочно отвернется. Много, скажет, ихнего брата валяется, пускай умирает...

Ты, солнышко, не свети — огнем не обрадуешь.

И ты, колокол, напрасно на церкви звонишь.

Тяжела печаль — тоска человеческая.

Хлебца бы» (III, 301)

В повести органически соединяются авторское, народное осмысление времени и детское восприятие пути, движение сознания героя. Автор, находясь вне повествования, вместе с тем активно входит в него, сочувствуя и помогая своему герою. Авторский голос звучит и как предостережение: «Не надо воровать, терпи маленько...» (III, 272), и как одобрение: «Так, ребята, так!..» (III, 329), и как размышления вместе с героем, моральная поддержка: «А плакать нельзя.

Кто увидит Мишкины слезы, если кругом нет ни одного человека?

Кто поможет Мишке, если стоять на одном месте целый день?» (III, 341) и т. д.

В письме к П. Коныжеву А. Неверов наметил целую программу художественного, музыкального звучания слова в литературном произведении: «...каждое слово имеет свой размер, запах, вкус и цвет... в художественном произведении каждое слово поет своим голосом, и в общем получается музыка, то грустная, то смешная, веселая... нужно много работать над своим художественным слухом, чтобы почувствовать диссонанс» (IV, 276—277).

В «Ташкенте — городе хлебном» поражает богатый музыкальный контрапункт повествования, сущность которого заключается в сочетании двух музыкально-словесных течений: «путевое» музыкальное (в него входит звучание детской и народной мелодии), и «авторское» (инструментирующее их, соотнесенное по самой своей природе с первым).

«Художественная мера», глубина повествования достигаются в повести и точным использованием художественных деталей, и реалистической символикой, раздвигающей горизонты бытовых художественных образов. Справедливо отмечает Л. Берловская, что «мастерство детали у Неверова выражается в ее органическом подчинении ведущим идеям произведения»[15].

Следует, однако, уточнить роль и функции некоторых деталей неверовского повествования, о которых пишет Л. Берловская. Так, она утверждает, что такая деталь в повести, как дуга, «обусловила создание кольцевой законченности композиционного рисунка»[16]. Между тем представляется, что композиционную завершенность повести придает образ хлеба, который возникает в зачине, проходит

через весь сюжет, указывая направление его развития, и завершает финальную сцену (Мишка «встал около мешков с пшеницей», III, 359). Только внутри этого емкого образа-концепции, определяющего движение повествования, можно обозначить функцию других деталей-образов, раскрывающих отдельные грани содержательности художественной формы повести.

Деталями-образами, способствующими глубокому раскрытию судьбы героя в движении, в пути к Ташкенту, являются некоторые части его дорожной экипировки, снаряжения: отцовский пиджак, солдатский отцовский ремень, складной ножик, широкий отцовский картуз с разорванным козырьком. Эти детали, проходя через весь сюжет, выполняют роль некоего «заграждения», охранительной силы против голода, голодной смерти, угрожающей Мишке во все время его путешествия за хлебом. Функция этих деталей соотносится с функцией волшебных вещей (гребень, платок и т. п.) у сказочного народного героя, уходящего от своих врагов, преследователей. В голодной степи Мишку, словно в сказке, спасает от смерти отцовский пиджак, проданный за две тысячи. Уже в Ташкенте своеобразным заграждением против смерти выступают складной ножик и солдатский ремень: Мишка «проел ножик с ремнем...» (III, 357). И только отцовский картуз возвращается вместе с молодым хозяином из далекого и трудного путешествия домой: «К мешкам подошел плотный, загоревший мальчишка в большом разорванном картузе...» (III, 357).

* * *

«Я всегда думаю, что самое лучшее впереди. Даже в литературной работе самое лучшее впереди» (IV, 275), — писал А. Неверов 7 ноября 1922 года П. Коныжеву. «Ташкент — город хлебный» и явился этим «самым лучшим» произведением А. Неверова, вершиной его творчества.

Идейно-художественная концепция неверовской повести оформляется и закрепляется в утверждении «дней новых», «людей новых» революционной эпохи, «новой жизни»[17]. Гуманистический, созидательный пафос «Ташкента — города хлебного» органически входит в социалистическую литературу нового мира. В повести «Ташкент — город хлебный» окончательно закрепляются, поднимаются на качественно новый художественный уровень основные творческие принципы писателя: изображение не только «лица жизни», но и воссоздание самого процесса «творчества жизни», не только изображение быта, но и выражение внутренних исторических закономерностей потока жизни через характер человека нового мира, соотносящихся с выражением народного бытия, судьбы народной. Сам писатель хорошо осознавал шаг, сделанный им от рассказов, написанных до повести, к «Ташкенту — городу хлебному».

17 ноября 1923 года, собирая бандероль со своими книгами для пересылки М. Горькому, он писал ему: «Я был бы очень благодарен, если бы Вы нашли время указать мне мои достижения и промахи. В советской прессе книги получили хорошие отзывы, но должен сказать, что книгой рассказов «Лицо жизни» я недоволен, ибо рассказы в ней подобраны не одинаковые по своей ценности. Есть даже, на мой взгляд, определенно слабые, но мне как-то нужно было собрать их воедино, чтобы увидеть свое лицо. Более ценной я считаю «Ташкент — город хлебный»[18].

Глубокое проникновение писателя в изображение эпохи, мастерство лепки детских образов, гуманистический пафос повести «Ташкент — город хлебный» были отмечены критикой 20-х годов.

Так, Г. Л-ский, указывая на заслуги А. Неверова в «изображении русской послереволюционной деревни», писал о глубокой «художественной правде»[19] повести «Ташкент — город хлебный». Художественные рубежи, достигнутые А. Неверовым в повести, четко определил Ф. Гладков: «В период 1923 года он создает свою лучшую вещь: «Ташкент — город хлебный», полную подлинного трагизма. Это не только голодная мужицкая одиссея, это не только голый быт вымирающего Поволжья. Это — героическое массовое движение за завоевание жизни, величайшая борьба за господство над стихией. Это — молодая революционная деревня, которая сама ищет свой путь к новым берегам»[20].

Отмечая выход десятого издания «Ташкента—города хлебного» в 1926 году, газета «Комсомольская правда» поставила повесть в ряды «лучших произведений современной литературы»[21].

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 1638, оп. 1, ед. хр. 25, л. 4.

[2] Б. Неверов-Скобелев. У истоков «Ташкента». «Литературная газета», 1968, 27 ноября.

[3] «Сибирские огни», 1923, № 3, стр. 204.

[4] «Сибирские огни», 1923, № 3, стр. 204.

[5] ЦГАЛИ, ф. 337, оп. 1, ед. хр. 179, 3.

[6] А. Берзер. Победа Мишки Додонова. «Новый мир», 1957, № 9, стр. 257.

[7] А. Воронский. Литературно-критические статьи, стр. 231.

[8] С. Григорьев. Черты моей жизни. В кн.: С. Григорьев. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М., Детгиз, 1961, стр. 458.

[9] Там же, стр. 456.

[10] См.: Федор Гладков. А. С. Неверов В кн.: Федор Гладков, О литературе. М., Изд-во «Советский писатель», 1955, стр. 184.

[11] «История русского советского романа», кн. I. М.—Л., Изд-во «Наука», 1965, стр. 111.

[12] История русского советского романа. Кн. I, стр. 98—99.

[13] С. Григорьев. Собр. соч., т. 3, стр. 105.

[14] Там же, стр. 152.

[15] Л. В. Берловская. Повесть А. С. Неверова «Ташкент — город хлебный». (К вопросу о мастерстве художественной детали.) Труды Одесского университета, т. 152. Серия филологических наук, вып. 1962, стр. 49.

[16] Л. В. Берловская. Повесть А. С. Неверова «Ташкент — город хлебный»... Там же, стр. 53.

[17] Александр Неверов. Полн. собр. соч. в 7 томах, т. 5, М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1926, стр. 20.

[18] Цитируется по кн. Н. Н. Фатов. А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества. Л., Изд-во «Прибой», 1926, стр. 50.

[19] «Бюллетень литературы и жизни», 1924, № 1, стр. 18.

[20] Федор Гладков. Александр Сергеевич Неверов. «Рабочий журнал», 1924, № 1, стр. 116.

[21] «Комсомольская правда», 1926, 29 декабря.

Т. А. Никонова

О ЖАНРОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ РОМАНА А. НЕВЕРОВА «ГУСИ-ЛЕБЕДИ»

А. НЕВЕРОВ принадлежит к числу писателей, творчество которых с предельной ясностью отразило сложности периода становления советской литературы.

В начале 20-х годов не только закладываются основы идейно-политического единства нового искусства слова, но и начинают оформляться его основные художественные приемы. Эти годы отмечены тяготением большинства писателей к созданию эпоса нового времени. Масштабы фигур, участвующих в событиях революции и гражданской войны, мыслились грандиозно-величественными, рассказ о них велся в героизированных, порой даже библейски приподнятых тонах, предопределяя совершенно особый отбор художественных средств. Начинают складываться новые литературные формы, в корне отличные от приемов литературы XIX века. Интересно, что опубликованные тогда «История моего современника» В. Г. Короленко (1921), «В тупике» В. В. Вересаева (1922), отвечающие требованиям русской реалистической прозы XIX в., не стали живым литературным и общественным явлением для своего времени. Когда заходит речь о прозе начала 20-х годов, неизменно вспоминают несовершенный роман В. Зазубрина «Два мира» (1921), «Голый год» Б. Пильняка (1921), «Падение Даира» А. Малышкина (1922), «Перегной» Л. Сейфуллиной (1922), «Андрона Непутевого» А. Неверова (1922), «Железный поток» А. Серафимовича (1924) и т. д.

Ставя рядом в порядке перечисления такие резко противоположные друг другу книги, как «Железный поток» и «Голый год», мы отнюдь не уравниваем их между собой по значению. Основное направление статьи, а также ограниченность ее объема не позволяют нам специально останавливаться на соотнесении идейной структуры повести А. Серафимовича и романа Б. Пильняка. Скажем только, что в «Голом годе», как и в ряде других произведений, поэтизирующих исконную, замкнутую в себе «мужицкую силу», оказалась смещенной историческая перспектива.

Перечисленные выше произведения интересны для нас в данном

случае с точки зрения того, *как* намечается в них путь к «большой форме» русской советской прозы.

Революционная действительность требовала не только идейно-тематической переориентации прежней литературы, но и пересмотра привычных, устоявшихся, внешне нейтральных жанровых форм. Именно поэтому мастерски написанные, «ровные» в художественном отношении произведения В. Короленко, В. Вересаева и не были восприняты современниками с должным вниманием. Советская литература искала свои эпические формы, проходя через былинно-фольклорную стилизацию («Андрон Непутевый» А. Неверова), через увлечение хроникой («Страда», «Недавние дни» А. Аросева), через приподнятое изображение мужицкой стихии («Голый год» Б. Пильняка), через преодоление натуралистических черт («Два мира» В. Зазубрина)[1].

Однако увлечение тем или иным приемом, не сообщая произведению цельности, еще не являлось само по себе завершением сложного процесса становления новой литературы. Опыт прошлого искусства, его эстетическое давление вступали подчас в трудноразрешимые конфликты с замыслом художника. Именно необходимость создания особых форм героического эпоса с учетом достижений традиционного реализма обусловила особую трудность работы А. Неверова над романом «Гуси-лебеди».

По свидетельству самого автора, повесть (первоначальное жанровое обозначение) была задумана «еще в 1918 г. Бесконечно переделывалась, редактировалась. Было переписано на машинке около 90 страниц. Сегодня (1 марта (1922 года, — *Т. Н.*), прочел ее мельком, она меня не удовлетворила. Почувствовал длинноты и, скрепя сердце, решил переделывать в тысячу первый раз. Повесть эта — камень, который ношу четвертый год. Что получится?»[2].

Знаменательно, что «получаться» стало лишь в 1922 году, когда были опубликованы первые отрывки из романа. Именно к этому времени наметился качественный сдвиг в советской прозе и в творчестве самого Неверова. Роман «Гуси-лебеди» оказывается интересным свидетельством поисков художника, если учесть то обстоятельство, что параллельно с романом создаются повести «Андрон Непутевый» (1922) и «Ташкент — город хлебный» (1923), произведения цельные по замыслу и воплощению, сыгравшие важную роль в становлении советской прозы.

Роман «Гуси-лебеди», неся на себе явные следы поиска, неровен, перекликается отдельными эпизодами с произведениями других жанров. Это настолько очевидно, что один из исследователей творчества А. Неверова — Н. Фатов заключил, что «Гуси-лебеди» неосновательно и неудачно названы романом[3]. Его точка зрения не лишена оснований. Н. Фатов смотрит на произведение А. Неверова глазами человека, художественный вкус которого сформирован

литературой XIX века. И с этой точки зрения роман не выдерживает критики.

Однако следует учесть, что в начале 20-х годов происходит наполнение старого термина «роман» новым содержанием. Принципиально важным становится отказ от центрального, психологически разработанного характера, от пластичности повествования. Оттого традиционные термины старой литературы в известной мере теряют свой смысл, если они не восприняты с учетом значительных поправок, внесенных временем.

Роман А. Неверова — произведение, соединившее в себе многие черты советской прозы тех лет. Его можно рассматривать как попытку выйти из остро воспринятого художником противоречия между новым, революционным материалом и сковывающей его традицией.

Как и большинство произведений начальной поры, роман А. Неверова тяготеет к изображению массы, хотя и не в таких обобщенных формах, как «Падение Даира» А. Малышкина или «150 000 000» В. Маяковского. В центре произведения — деревня в ее трудном поиске правды нового времени. Масса у А. Неверова качественно отличается от «множеств» А. Малышкина или миллионов В. Маяковского. Если эти художники идут по пути синтезирования разрозненных судеб в «молот множеств» или по пути чисто зрительного, предельно гиперболизованного образа, то первое впечатление от романа А. Неверова иное. Его деревня складывается из *отдельных героев*, в чем-то близких, но довольно ясно отделяющихся друг от друга. Однако, если мы сочтем, что индивидуализация героев в романе доведена до степени реалистической широты и объемности, то погрешим против истины. Противореча своим современникам (А. Малышкин, В. Маяковский, Б. Пильняк) во внешней манере письма, А. Неверов совершенно солидарен с ними в стилевых исканиях, связанных с изображением *психологии массы*.

Привычное для старой русской прозы внимание *к индивидуальному* миру героя теряет свой прежний смысл на фоне героической «вселенской» истории. Поэтому «молот множеств» в «Падении Даира» при всей необычности зрительного впечатления психологичен в новом, классовом понимании, ибо он несет в себе и мотивировку событий, продиктованную пониманием естественно-исторического развития, и авторское, личностное отношение к происходящему. Это обобщенная психология целого класса, понятая человеком иного мировосприятия. В ней нет мотивировок личной судьбы, единица принципиально не важна.

Здесь уместно сказать об особом понимании психологизма литературой 20-х годов, о его известной ограниченности и полемичности по отношению к XIX веку. Б. Пильняк писал в романе «Голый год»: «...в исполкоме собирались — знамение времени — кожаные

люди в кожаных куртках (большевики!) ...Из русской рыхлой, корявой народности — лучший отбор. И то, что в кожаных куртках, — тоже хорошо: не подмочишь этих *лимонадом психологий*, так вот поставили, так вот знаем, так вот хотим, и — баста!»[4].

«Лимонад психологий» и четкость в проведении поставленных задач полемически противопоставлены. Психологизм в этой системе отсчета становится классовой характеристикой, поглотив возможные оттенки мысли. Б. Пильняку принципиально важна сведенность «кожаных курток» к набору немногих черт. А. Неверов же не может так легко отказаться от психологизма старой прозы, ибо он стремится воспринять героя нового времени в возможной полноте человеческого характера. Именно поэтому, подчиняясь сложившейся в XIX веке форме романа, писатель показывает общее на внешне индивидуализированных образах, расходясь с Б. Пильняком в способе подачи героев. Однако общая тенденция времени — увлечение «множествами» — приглушает в персонажах «Гусей-лебедей» особенное, свое, индивидуальное. Последнее обстоятельство представляется принципиально важным. Общее стало индивидуальной чертой личности. На это обстоятельство не всегда обращается внимание критики.

Так, Н. Страхов, отождествив общий рисунок образа Федякина с индивидуальным содержанием, пишет: «...внутреннюю сущность образа писатель выявляет всесторонне. Федякин наделен недюжинным умом, способностями пропагандиста и организатора. Он прост, чуток к людям, смел и решителен, когда надо действовать немедленно, осторожен и осмотрителен, когда обстановка меняется, становится более сложной»[5].

Исследователем подчеркнуты в герое именно типологические черты, которые рисуют его облик как большевика. Федякин сознательно поставлен А. Неверовым в ряд своих суммарно-плакатных современников, хотя в отличие от последних он подан более традиционно. В этом плане рисунок образа у Неверова эклектичен: новое содержание до известной степени нейтрализуется старой формой, чем и объясняется отмеченная многими исследователями схематичность образа большевика[6].

Однако, на наш взгляд, о схематизме можно говорить не только применительно к Федякину, но и к другим персонажам романа. Причина подобного явления не в том, что А. Неверов в данном случае выполняет роль первопроходца[7]. А. Неверов *сознательно* идет на известную схематизацию своих героев, дабы выяснить до конца их *классовую* суть. Ведь совершенно не случаен тот факт, что автор, овладевший приемами реалистической прозы, оставляет многих своих героев *статичными*. Психология каждого определена прежде всего его участием в общем конфликте, который дан подчеркнуто обобщенно.

«Федякин был большевик, сеял вокруг большевистские зерна, а главный козырь, с которого выхаживал он против Марьи Кондратьевны с дьяконом, — это мир, заключенный большевиками с Германией. Слово это ловили, подхватывали, готовы были поднять на руки, если бы можно было поднять его. Оно отражалось в глазах, чувствовалось в улыбках, звенело в приподнятых голосах...

Никанор со своей компаньей сеял другие семена. Одни говорили, что большевики станут снимать колокола с церквей, жить с чужими бабами, как со своими. Другие уверяли, что большевики всех угонят на фабрики, на заводы, сделают мужиков «пролетариями»...

Мужики отупели. Дождик пролил из другой тучи. Заливаново проросло небылицей, как жирная, плохо обработанная десятина» (IV, 27).

Облик деревни, несмотря на свою сложность, внутренне статичен. Он охватывает *общее* направление событий, не конкретизируя его для отдельного мужика. Из всей массы выделены лишь классовые противники: большевик Федякин и поп Никанор. Причем и в них отмечено лишь то, что может интересовать автора в развивающемся общем конфликте.

Так, в Никаноре подчеркнуты его жадность, корыстолюбие, всепоглощающий страх — постоянные черты его сословия, осмеяние которого берет свое начало еще в народных сказках. Оттого поп воспринимается как олицетворение стяжательства — не больше. «В спальной перед иконой горела лампадка, двигая маленькой тенью, уползающей в потолок. Никанор плотно занавесил окно одеялами, запер дверь, осторожно щелкнул нутряным замком у сундука, поморщился. — Как звенит! — Оглянулся, прислушался. Так же осторожно приподнял тяжелую сундучную крышку, покрытую старой дерюжкой, и, вбирая ноздрями гнилой, закупоренный воздух, пропитанный нафталином, встал перед сундуком на колени, как перед распятием в пасхальную ночь...» (IV, 14).

Запертая горница Никанора оказывается лишь внешним ограничением пространства. О «тайне» попа знает все Заливаново, не веря жалобам скупого на бедность. Но самое интересное в другом. Ценности прежнего мира утрачивают свой смысл. «Смешно, — говорит племянник Никанора Сергей, перешедший на сторону большевиков. — Двадцать лет копил серебро с золотом... Все косяки в дверях утыкал пробоями, запираясь от воров, вся душа ушла в собирание рублишек, *а появились большевики — и запереться нечем»* (IV, 53—54). (Курсив наш. — *Т. Н.*)[8].

Место героя в общем конфликте определено его классовой принадлежностью. Наиболее ярко это сказывается на образах двух женщин — крестьянки и учительницы, — судьбы которых оказываются связанными со смертью их возлюбленных — белочехов.

Одна из них, крестьянка Наталья, перед тем как задушить карателя, «даже не думала об этом. Шла по улице с ним, беззаботно скалила молодые смеющиеся зубы. Чех вел ее под руку, говорили о любви, о молодости. Ушли на гумно с ним, долго кружили между ометами. Целовал ее чех, и она целовала чеха. Потом почувствовала стыд. Подошел к ней Федякин, мысленно строго сказал:

— Что же ты делаешь, Наталья? Эти люди приехали убивать нас, а ты с ними целуешься?

Взглянула она, пораженная, в глаза чеху, увидела улыбку на тонких губах, внутренне задрожала. Кто она? Бедная вдова-солдатка, у которой убили мужа в германскую войну, а Федякин не раз говорил, что бедные должны стоять за большевиков, и сам он большевик, потому и прогнали его из села, чуть не убили на площади» (IV, 103—104).

Кажется, что поступок Натальи продиктован Федякиным, силой его слова. Однако суровые речи большевика приходят на память и учительнице Марье Кондратьевне, которая мучается от неопределенности своего положения, но не переходит на сторону мужиков. В ситуации, подобной Натальиной, она, словно против своей воли, отвечает на ухаживания чешского офицера:

«Не любит Марья Кондратьевна офицера Братко, только понять не может, как это случилось» (IV, 106).

В данном случае поведение Марьи Кондратьевны имеет очень мало общего с поступками индивидуализированных героев литературы XIX века. Неверовская героиня—часть своего сословия прежде всего. Именно этим определены ее жизнь и место в конфликте романа.

Судьба Марьи Кондратьевны свидетельствует о том, что писателем осваивается мысль о социальной природе столкновений и в жизни, и в искусстве. Она воспринята им как существенная часть мировосприятия нового времени. Именно поэтому пример Федякина не убеждает Марью Кондратьевну, именно поэтому не сумела стать большевичкой Валерия, дочь попа Никанора. Их сословная принадлежность заглушила возможные ростки нового сознания.

Однако размышления А. Неверова над судьбой интеллигенции в революции не исчерпываются только образами Марьи Кондратьевны, Валерии.

Марья Кондратьевна в силу целого ряда обстоятельств личной судьбы (нечеткость общественной позиции, расплывчатость социального идеала, непонимание своей роли в событиях) не нашла своего места в стане большевиков. Однако А. Неверов знает интеллигентов, выбравших путь отличный от «позиции» Марьи Кондратьевны. Авторская мысль в данном случае получает воплощение не в одном герое, а в столкновении различных психологий в реальных

жизненных обстоятельствах. Поэтому поведение каждого героя — не столько индивидуальная судьба, сколько сущность отношения определенной социальной группы к главному конфликту.

Через столкновение Кондратия Струкачева и Сергея, племянника попа, А. Неверов показывает недоверие крестьянина к интеллигенту — «барину» в его представлении. И если подобное отношение справедливо относительно Марьи Кондратьевны, то применительно к Сергею эта мысль звучит трагически.

Мотив непонимания мужиком порывов интеллигента может рассматриваться как продолжение темы вековой розни между барином и крестьянином. Однако у А. Неверова человеческая сложность старого конфликта обнаруживается лишь при прямом, ситуативном столкновении героев. Ни одна из сторон не отражает истинной сложности авторской мысли. О позиции А. Неверова мы можем судить лишь при условии знания о *двух* героях — и о Кондратии, и о Сергее.

Вот крестьянин-середняк Кондратий: «Все стали злейшими врагами, на всех кипело затравленное сердце. Неведомая сила то перебрасывала к самостоятельным, то снова толкала в маленький лагерь Федякина. А когда младший Лизаров ударил его рычажком по шее, Кондратий несколько секунд стоял на площади, как бык с посаженным в шею ножом, припомнил старые обиды на богатых мужиков и домой вернулся с мыслью отомстить. Думал долго, упорно, но случилось так, что все обиды зашевелились против Сергея с учителем.

«Им чего надо? Ну, зачем они лезут в мужицкое дело? Не иначе, польза какая. Жалованье, что ли, платит кто?» (IV, 76—77).

Скопившаяся вековая мужицкая злоба порой безадресна, она действует чисто стихийно. Кондратию трудно уловить разницу в позициях Марьи Кондратьевны и Сергея. Он слушает и соглашается с Петунниковым (эпизод в сарае, где сидят арестованные белочехами учитель и крестьянин), а позже — убивает Сергея. В Петунникове Кондратий почувствовал сходную с его, мужицкой, обиду на прошлую жизнь, поверил в страдания интеллигента. Однако, как показывает А. Неверов, нужны более убеждающие средства, чем слова, — нужны поступки, в конечном счете, жизнь, отданная таким, как Кондратий.

Тема интеллигенции и звучит у А. Неверова с той степенью трагичности, которую трудно найти у других авторов. Писатель поднимает вопрос о подвижничестве, которое должна проявить интеллигенция, чтобы быть принятой революцией на равных с мужиком правах.

Учитель Петунников или Николай Иванович, некогда открывший Федякину глаза на сущность социальной борьбы, идут в революцию *сознательно,* отказываясь от тех немногих привилегий, которые пре-

доставляла им старая власть, идут не от нужды, а по высоким идейным побуждениям.

Однако стать на сторону народа для них лишь первый шаг. Нужно заслужить доверие многих Кондратиев, убедить их в чистоте своих побуждений, нужно доказать им, привыкшим все мерить своей полоской земли, что на смерть можно идти не только за свое хозяйство и свой покой.

Петунниковы и Николаи Ивановичи ценой своей жизни должны разрушить представление об интеллигенте как пособнике властей в духовном закрепощении народа. Образование, полученное от старого общества, отдалило его от мужика, привычно и справедливо сомневающегося в абстрактной истине, преподносимой, скажем, Марьей Кондратьевной, мечтавшей «объединить мужиков в одно целое, неделимое, внутренне родное» (IV, 52), где интересы богача Лизарова и солдатки Натальи должны быть магически примиренными.

Положение сельского интеллигента — в известном смысле «между классами» — обусловило сложность и противоречивость его поведения в гражданской войне.

Просветительская роль интеллигентов, ставших на сторону народа, не исчезает, не снимается трагической заостренностью личных судеб. Писателем подхвачена и в новых исторических условиях пересмотрена высокая традиция народовольцев 70-х годов. Время внесло в их подвиг свои коррективы, отсеяло ненужное, оставив самое главное — высоту их нравственного самопожертвования.

Мысль о «жертвенном» служении интеллигента революции принадлежит не только А. Неверову. Ее принимают и разделяют многие писатели 20-х годов. В данном случае речь идет о характере неверовского психологизма, как он сложился в романе «Гуси-лебеди».

При внешней ориентации на классические образцы А. Неверов не мог избежать известного влияния романа 20-х годов, стремящегося к явному смещению планов и разрыву логических, хроникальных связей между эпизодами.

После вступления белочехов в село Заливаново его жизнь сразу распалась на отдельные неслаженные судьбы. К Матрене, жене Федякина, с известием о муже приходит поздно вечером Иван Матвеевич, псаломщик заливановский:

«Торопливо говорил Иван Матвеич, прижавшись у порога, шапку не снимал, на лавку не садился. Длинный, сутулый, с белыми светящимися зубами, не был он похож в темноте на прежнего знакомого псаломщика, читающего в церкви» (IV, 105).

Одновременно с этим «около Никанорова палисадника громко разговаривал Каюков. Братко под руку уводил Марью Кондратьевну» (IV, 105).

«Синьков с Ледунцом тащили по земле голое тело

убитого человека (чеха, задушенного Натальей, — *Т. Н.*). В беспомощной покорности висели вывернутые руки, мягко стукалась по кочкам стриженая голова» (IV, 105).

Действие происходит в одном селе, но в разных аспектах, где действуют несовпадающие законы психологического восприятия. Псаломщика Ивана Матвеевича его новое положение подпольщика приподнимает над бытом. Оно придает значительность его образу, включенному теперь в систему героизированного повествования о большевиках и их борьбе. Каюков и Братко, существующие рядом с ним, написаны совершенно иначе: сухо, в подчеркнуто житейском плане. Зловеще символично звучит третья сцена. Новизну формального приема Неверов снимает за счет введения деталей, свойственных традиционному роману. Так, тщательно зафиксирована поза убитого Натальей чеха.

Единство психологической картины не достигается. Роман А. Неверова протяжен в плоскости, как и большинство повестей начала 20-х годов, и — с точки зрения классических норм — одномерен. Его герои непосредственно связаны с большим миром, и рассказ о мире и революции оказывается одновременно их характеристикой. Психологизм А. Неверова стремится к тому, чтобы не быть монополией *одного* образа или героя. Он — монополия *автора,* который сталкивает персонажей, извлекая из их расстановки необходимые выводы и обобщения.

Однако, в начале романа особенно, писатель стремился удержаться на прежних, традиционно реалистических позициях. Так, в иных сценах он прибегал к помощи героя для передачи информации о происшедшем. Поп Никанор, например, вначале подслушивает разговоры мужиков на улице, затем, быстро перескочив через дорогу, подсматривает в щель окна: «На полу лежали мужики, упершись бородами в половицы. За двумя столами сидела заливановская «шантрапа». В стороне, на скамеечке, — учительница Марья Кондратьевна, рядом с ней — Лелечка, Никанорова дочь» (IV, 12).

Эпизод закончен тем, что его действие опять возвращено к Никанору, хотя *индивидуализированное* восприятие никак не сказалось на изображении. Сценка в школе, увиденная глазами персонажа, ровным счетом ничем не отличается от собственно авторского повествования: тот же нейтральный язык, та же добросовестность в передаче реплик и интонаций. Внешние границы Никанорова восприятия нарушают именно здесь введенные в текст мысли учительницы, о которых, естественно, не может знать поп, к тому же мало расположеный к аналитическому мышлению.

Прием рассказывания через героя соблюден А. Неверовым в известной степени формально, что и позволит автору позже совершенно от него отказаться. Разрушение жанра традиционного рома-

на идет по линии усиления открытой условности, которая позволяет пренебрегать житейской достоверностью эпизода.

К концу романа разноплановость повествования становится принципом. Из поля зрения автора постепенно исчезают поп Никанор, его дочь, Марья Кондратьевна, которые, как казалось вначале, должны были бы занять центральное место в бытовом романе на тему деревенской жизни.

Меняется и сам способ выражения авторской оценки того или иного события: усиливается символическая многозначительность эпизодов. Поступки героев, не отраженные в их индивидуальной психологии, перестают свидетельствовать за или против человеческой, единичной ценности характера. Нечто звериное, темное, проснувшееся в Кондратии, убивающем Сергея, выводится автором за пределы внутреннего мира крестьянина-середняка. «Волчьими прыжками Кондратий настиг его (Сергея. — *Т. Н.)* возле канавки, молча ударил кулаком по виску, подмял под себя и большим лохматым коршуном просидел несколько минут верхом на Сергее, расклевывая ему голову» (IV, 181).

Кажется, в человеке победило звериное, хищное. Догадка подтверждается тем, что Кондратия позже охватывает ужас: он «в тоске смертной зарычал глухим звериным рыком» (IV, 182). Но раскаяния, оказывается, мало: герой гибнет сам и в бреду видит свою лошадь, для которой живет мужик: «Кондратий почувствовал на себе неимоверную тяжесть и, открывая левый глаз, увидел, как подошла к нему его собственная лошадь и широким некованым копытом больно ударила в грудь. Он попробовал замахнуться, а лошадь стала вдруг черной, волосатой, с красными глазами — никогда у Кондратия не было такой лошади, — вскидывая задние ноги, ударила по лбу. Задрожали светлые городские огни играющими дорогами, кто-то рядом крикнул: «О-о-о!» — и Кондратий полетел над степью без боли и страха» (IV, 182).

Поступок Кондратия бесчеловечен, — словно бы хочет сказать автор. Но для него гораздо важнее индивидуальной сущности героя социально-всеобщее, что стоит за ним. Сергея убил «мужик с нечесаной бородой, *грязная ломовая лошадь, работающая весь век на других»* (IV, 181. Курсив наш. — *Т. Н.)*. Темная злоба рабьего сознания — вот что погубило попова племянника.

К концу романа усиливается лиричность повествования, сказовая напевность авторской речи, щедрый разлив которой, как известно, образует ткань повести «Андрон Непутевый».

Вот как рассказано о смерти одного из героев романа:

«Только Синьков упорно не хотел умирать.

Бросив ненужную больше винтовку, для которой не осталось ни одной пули, с револьвером в руке, летел он, подхваченный невидимой силой, — стальной, несокрушимый, широко разинув за-

дохнувшийся рот. Над головой его тонко попискивали пули, под ногами горела земля в кровью налитых глазах, но он не хотел умирать. Когда почувствовал близость погони, скачущий топот копыт, быстрее чем в одну секунду, на последней черте между жизнью и смертью, его озарило мужество отчаяния» (IV, 187 — 188).

Однако этот отрывок свидетельствует не только о тяготении А. Неверова к героизации реального жизненного факта, но и о стремлении к максимальной точности. Неверовские «Гуси-лебеди», как и многие другие произведения русской советской прозы 20-х годов, оказались точкой, в которой столкнулись и слились в противоречивом единстве субъективная и объективная тенденции повествования. Это и сообщает произведению А. Неверова известную «двойственность», которая сказывается даже в отдельном предложении, в микрообразе («летел он, подхваченный невидимой силой, — *стальной, несокрушимый*. широко *разинув задохнувшийся рот».* (Курсив наш. — *Т. Н.*). Ощущается эта двойственность и в более широком плане. С одной стороны, «Гуси-лебеди» — художественное произведение, в котором главной реальностью становится обобщенное, типизированное представление писателя о мире, с другой, — в романе совершенно отчетливы переклички с *очерками* А. Неверова 1918 г. «В глухих местах». Переработка совпадающих отрывков чисто внешняя (заменены имена, поправлен язык), осмысление же фактов совпадает полностью. На наш взгляд, это не просто обычное тематическое «родство» в творчестве одного писателя. Сходство позиции автора в очерках и в романе свидетельствует, нам думается, о более важной черте складывающейся литературы — о ее тяготении к непосредственной проверке своих размышлений фактами, тяготении к документальности, к своеобразной поэтически осмысленной хронике. У А. Неверова эта черта едва намечена, ощутима лишь при исследовательском интересе к роману, однако она весьма характерна и любопытна.

«Гуси-лебеди» позволяют проследить не только кризис старой романной формы XIX века. На наших глазах происходит распадение прежнего мира героев, состоящего из ярко выписанных индивидуальностей. Мир предстал перед художником в его огромности, в многоликости и даже нерасчлененности массы, рассказ о делах которой требует особой манеры повествования. Поиск А. Неверова в общем плане совпадает с магистральным развитием советской прозы 20-х годов, которая и в индивидуализированных образах шла через героизацию действительности к индивидуальным характерам, теперь уже качественно отличающимся от характеров классического романа XIX века. Проза 20-х годов стремилась увидеть в индивидуальности прежде всего общее, опоэтизировать его, сделать подчиняющим и определяющим индивидуальность. Процесс поисков

новых приемов изображения мира и отражает роман «Гуси-лебеди».

---

[1] См. об этом: Ю. А. Андреев. Революция и литература. Л., Изд-во «Наука», 1969, стр. 79—113.

[2] Цит. по кн. Александр Неверов. Избранные произведения. М., ГИХЛ, 1958, стр. 710.

[3] Н. Н. Фатов. А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества, стр. 114.

[4] Бор. Пильняк. Голый год М.—Л., ГИЗ, 1927, стр. 41. (Курсив наш.— Т. Н.).

[5] Н. Страхов. Александр Неверов. К 75-летию со дня рождения. Куйбышев, 1961, стр. 59.

[6] См., например, ст.: П. И. Лебедев-Полянский. Александр Неверов. (Роман «Гуси-лебеди»). В кн.: Александр Неверов. М., Изд-во «Никитинские субботники», 1928, стр. 184.

[7] Так, например, Л. Берловская пишет: «Федякин, главный герой романа «Гуси-лебеди», несомненно, еще не отличался полнотой жизненной плоти, он еще был очень далек от какой бы то ни было полноты психологической зарисовки, но это был первый образ сельского большевика в советской литературе». Л. Берловская. У истоков советской романистики. (Роман А. С. Неверова «Гуси-лебеди».) В кн. Zeszyty naukowe uniwezsytetu Lódzkiego Nauki humanistyczno—Spoteznel Seria 1, zeszyty 54, Lódz, 1968, s. 33.

[8] Мотив полной незащищенности человека старого мира перед временем — достояние не одного А. Неверова. Например, М. Булгаков в «Белой гвардии» без оттенка сочувствия проводит своего «стяжателя» Василису через сцену с грабителями (см.: М. Булгаков. Избранная проза. М., ГИХЛ, 1966, стр. 292—299). Однако решена она средствами старой поэтики, внешним поводом к грабежу послужила оплошность Василисы — неплотно закрытое окно.

Этот же мотив совершенно иной смысл получает в повести А. Малышкина «Падение Даира»: «...вот еще миг, и вдруг погаснут смех и разговоры, и коптилками освещенные стены; и вот а-а-а-а!.. кричать, зажать голову, лицо руками, бежать прямо туда — в ужас, в безглазое и поджидающее, подставляя под удары, под топоры мозг, тело...» (А. Малышкин. Соч. в двух томах. Том I, М., 1965, стр. 128). Смерть обреченных, их незащищенность приобретают здесь совершенно иной, надындивидуальный смысл: дело не в личной участи одного из «последних», а в их общей судьбе.

Л. Е. Кройчик

РАССКАЗ А. НЕВЕРОВА «МАРЬЯ-БОЛЬШЕВИЧКА» (Герой и автор, особенности сказа)

РАССКАЗУ «Марья-большевичка» в творческой биографии А. Неверова отведено этапное место: написанный в 1921 году, этот рассказ, по мнению критики, посвящен изображению того, как побеждает в деревне «великая правда революции», как «множатся ряды сторонников Советской власти, активных участников ее преобразовательской деятельности»[1]. История деревенской бабы Марьи Гришагиной, натуры незаурядной и сильной, ищущей свое место в новой жизни, воспринимается в качестве удачной попытки писателя создать «глубоко народный, жизненный героический тип новой женщины»[2].

Приведенные высказывания естественным образом укладываются в традиционную концепцию поисков А. Неверовым своего героя: личности не просто деятельной, но крепко уходящей корнями в родную почву, личности пробуждающейся, освобождающейся от предрассудков прошлого, сознающей необходимость своего участия в созидании новой жизни на политой потом и кровью земле. Эта творческая задача подкрепляется и словами самого А. Неверова, сказанными уже в 1923 году: «...искусство на грани двух эпох должно быть именно героическим, и художник-писатель должен выбирать для своих работ величественное и прекрасное, нисколько не закрывая убожества и глупости, которыми богата наша действительность» (IV, 221).

И все же вряд ли следует рассматривать «Марью-большевичку» однолинейно, имея в виду лишь идейное содержание само по себе. Неслучайность обращения писателя к сказовой форме повествования, иронически-недоуменная интонация, на которую справедливо указывает В. Скобелев в своей работе о Неверове, заставляют обратить внимание на своеобразие авторской позиции в рассказе, на специфику сказа и вытекающие из этой специфики особенности системы образов. Без этого невозможно говорить о характере конфликтов «Марьи-большевички» — одного из наиболее популярных в свое время произведений А. Неверова.

Форма всегда содержательна. Эта старая истина с максимальной очевидностью реализуется в сказе, прибегая к которому, писатель получает возможность решить ряд сложнейших идейно-художественных проблем. «Сказ, — пишет М. Бахтин, — вводится именно ради чужого голоса, голоса социально определенного, приносящего с собой ряд точек зрения и оценок, которые именно и нужны автору»[3]. «Если я иногда искажаю язык, то условно, поскольку мне хочется передать нужный мне тип, который почти не фигурировал в русской литературе», — так определяет задачи сказа М. Зощенко[4].

Литературовед и писатель говорят, по существу, об одном и том же. Сказ позволяет ввести в повествование *героя*, активность которого прямо и недвусмысленно регулируется *автором*. («Именно и нужны автору», «нужный мне тип»). М. Бахтин говорит также о диалоге: автор — герой, и мы еще вернемся к этой проблеме. Но сейчас необходимо отметить, что структура сказа не исчерпывается лишь двумя этими — сюжетной (герой) и внесюжетной (автор) — точками приложения движущих повествование сил.

Сказ — не просто призма, сквозь которую пропускается действие. Сказ, как отмечал Ю. Тынянов, нужен писателю не для того, чтобы лучше и удобнее скрывать свое лицо: «Сказ делает слово физиологически ощутимым, весь рассказ становится монологом, он адресован каждому читателю — и читатель входит в рассказ, начинает цитировать, жестикулировать, улыбаться. Он не читает рассказ, а играет его. Сказ вводит в прозу не героя, а читателя»[5]. Последнюю фразу вряд ли следует принимать в столь категорическом варианте. Ю. Тынянов прав, говоря о читателе, вводимом в сказ, но герой (в данном случае условный герой-рассказчик), «пододвигаясь» и давая место рядом с собой читателю, тем не менее, сохраняет за собой право на неприкосновенность своей точки зрения.

Не следует забывать также, что обращенный к читателю монолог, за которым стоит автор, заключает в себе определенное развитие действия, то есть он связан с проявлением сюжетной активности какого-то числа персонажей. Иными словами, сказ придает повествованию объемность, позволяя увидеть события: глазами автора — в косвенной форме (через систему образов и ситуаций); глазами условного героя-рассказчика — в прямой форме (через непосредственное повествование); глазами персонажей — в комбинированной косвенно-прямой форме (через скорректированное изложение повествователя); глазами читателя — в том восприятии, которое неизбежно возникает при чтении произведения.

Здесь важно оговорить два обстоятельства.

Первое. Повествователь в сказе далеко не всегда фигура условная. Зачастую он «офактурен», наименован и введен в действие.

Но для формы сказа сюжетная активность или неактивность повествователя принципиального значения не имеет. Монолог рассказчика в любом случае служит средством самохарактеристики.

Второе. Точка зрения автора и точка зрения читателя на описываемые события подчас бывают далеко не идентичными, хотя автору, несомненно, хотелось бы, чтобы его позиция совпадала с позицией читателя. Активное «вовлечение» читателя в сказ, «вовлечение», схему которого дает Ю. Тынянов, та ощутимость слова, без которой сказовая форма немыслима, носит, как правило, индивидуально-психологический характер. Отсюда — непонимание (нередко и неприятие) авторского замысла, как это было с читателем многих рассказов М. Зощенко.

Все это необходимо учитывать при анализе рассказа А. Неверова «Марья-большевичка», который был одним из первых в русской советской литературе опытов освоения сказовой формы повествования.

Еще в 1921 году, говоря об изображении А. Неверовым деревенского быта, П. Яровой отмечал, что в неверовских произведениях оказались связанными воедино распад общественного уклада и распад семьи[6]. Такова, в частности, пьеса «Бабы», которую не без оснований можно считать «предтечей» «Марьи-большевички». В одной из героинь пьесы — Домне, женщине энергичной и своенравной, есть качества, которыми позже будет наделена Марья Гришагина.

Но Марья предстает перед нами не в объективно развернутом автором действии, а в восприятии некоего словоохотливого мужика-односельчанина. Образ оказывается скорректированным, причем значение коррекции тем существеннее, чем заметнее «непослушность» рассказчика авторской воле.

А. Неверов рассказывает довольно традиционную для того времени историю превращения «мужней жены» в активную общественную деятельницу. Марья Гришагина давно уже тяготилась своей зависимостью от мужа. Бунтарство бродило в ней и раньше. Нет-нет да и предупреждала она: «Эх, ты, Козон, Козон! Плюсну вот два раза, и не будет тебя... Ты думаешь, деревянная я?» (II, 210). Реплика рассказчика: «Раньше меньше (Марья. — *Л. К.*) показывала характер» (II, 210) также свидетельствует о каких-то осложнениях в семейной жизни Марьи и Козонка. Социальные перемены лишь активизировали героиню.

Так задуман характер, такова ощутимая заданность его. Очевидно, эта заданность импонировала тем читательницам рассказа, которые, восприняв Марью как совершенно реальное лицо, просили Анну Караваеву: «Напиши ты ей... пожалуйста, напиши, одоб-

ряем, мол, ее линию, желаем ей здоровья, научила, мол, нас она, как женщине настоящим человеком стать»[7].

Но сказ, как уже отмечалось, — специфическая форма повествования. Позиция автора здесь далеко не всегда идентична позиции повествователя. М. Бахтин не случайно отмечал диалогический характер сказового монолога. Как бы ни был подчас условен рассказчик, он обладает известной долей самостоятельности.

Одним из моментов, подчеркивающих самостоятельность рассказчика, является безусловное несовпадение времени действия и времени рассказа: для рассказчика время действия давно завершено, конечный результат известен, оценка совершившегося носит не предварительный, а окончательный характер.

Рассказчик лишь воспроизводит событие в известных ему границах. Эти границы очерчены как самой продолжительностью событий, так и точкой зрения рассказчика — очевидца или участника. В этом смысле сказ выступает как своеобразная форма репортажа, с той только разницей, что репортер стремится к максимально объективной достоверности в передаче происходящего, а повествователь в сказе озабочен в первую очередь тем, чтобы выразить свою точку зрения.

Именно потому, что в сказе важно выражение своей точки зрения повествователем и автор вынужден с этим считаться (таково требование формы), рассказчик здесь предельно самостоятелен. Однако нельзя не заметить, что эта самостоятельность все же ограничена общими законами прозы, которые предполагают изначальный примат автора над повествователем.

Возвращаясь к анализу рассказа «Марья-большевичка», важно подчеркнуть, что рядом с Марьей Гришагиной центральное место в структуре произведения занимает безымянный повествователь, который значит чрезвычайно много для выяснения идейно-художественного наполнения рассказа.

«Рассказчик, — пишет В. Скобелев, — отнюдь не враждебно настроенный человек, однако ему в какой-то степени присущ консерватизм мышления, привычка к традициям деревенского быта»[8]. Характеристика справедливая, хотя и требующая некоторой расшифровки. Кто же он, этот рассказчик? Очевидно, не случайно А. Неверов не облек его в «плоть и кровь», оставив за собой возможность показать не столько индивидуализированный характер, сколько тип — тип, так сказать, «мужика с завалинки», достаточно наблюдательного, чтобы подметить сущность описываемых им событий, достаточно подготовленного, чтобы вписать эти события в определенную социальную атмосферу, и достаточно остроумного, чтобы не быть банальным в оценках.

«Мужик с завалинки» отчетливо ощущает свою принадлежность к деревенскому миру. То «свое», что он говорит, — это точ-

ка зрения общества, к которому он принадлежит и частицей которого себя считает: «Была такая *у нас*» (курсив здесь и далее мой. — *Л. К.*); «Козонком *зовем* его»; «Ну, *думаем*, хватит ее прямо на митинге»; «*Мы* так и покатились со смеху»; «Глазам не верим *мы*» (II, 209, 210, 214) и т. д. Характерно, что на протяжении всего рассказа повествователь так и не переходит на личные местоимения единственного числа. «Мы», «нас», «нам» — таковы субъектные речевые формы повествования, позволяющие рассматривать героя-рассказчика как выразителя определенной субъектной группы. Даже в тех случаях, когда множественное число личного местоимения выполняет сугубо грамматическую функцию («Месяцев пять служила она *у нас*», «Так и кроет всех *нас* «товарищами», II, 214), оно воспринимается как выражение все той же групповой субъектности.

Повествователь Марью не одобряет. Это неодобрение тем заметнее, что «завалинка» посмеивается над никудышным Марьиным мужем и даже в какой-то степени сочувствует стремлению Марьи освободиться от подчинения незадачливому Козонку. Тем не менее, повествователь недоволен героиней. Во-первых, она не только ведет себя «не по правилам», но и сбивает с толку остальных деревенских баб. («В мужицкое дело полезла... Выдумала какой-то женотдел», II, 211, 211—212). Во-вторых, Марья оказывается духовно сильнее многих мужиков, во всяком случае тех, которых представляет повествователь. Марья активнее их, динамичнее. Та стремительность, с которой восприняла Гришагина социальные перемены, вызвала в деревне, с одной стороны, зависть и удивление («В тупик загнала мужика»; «Глядим, одна баба пристала, другая баба пристала, что за черт!»; «Приходим в Совет поглядеть на нее — не узнаешь», II, 211, 212, 214), а с другой стороны — безусловное осуждение («Вроде стыд потеряла», II, 210).

Но корни неодобрения повествователем линии жизни Марьи Гришагиной уходят глубже — «завалинка», в сущности, не принимает тех перемен, которые принесла в село революция. Не выступая против них активно (то ли в силу инерции, то ли из чувства самосохранения), повествователь, однако, достаточно четко выражает свое отношение к происходящему: «...появились большевики со свободой да начали бабам сусоли разводить...»; «у них (у большевиков. — *Л. К.*) уж мода такая — с бабами нянчиться»; «комиссар, конечно, бабью руку держит — программа у него такая»; комиссар Марье «мысли путает в голове» (II, 210, 211, 212).

Любопытно проследить, как меняет повествователь свое отношение к Марье на протяжении рассказа. Хотя события, о которых говорит «мужик с завалинки», произошли какое-то время тому назад, и оценка Марьиного поведения у него сложилась, по-видимому, давно (в момент рассказа он эту оценку лишь воспроизводит,

восстанавливая в памяти недавние события), герой-рассказчик по мере развития действия прибегает ко все более резким и определенным выражениям.

Повествование начинается нейтрально: «Была такая у нас. Высокая, полногрудая, брови дугой поднимаются — черные! А муж с наперсток... Так, плюгавенький — шапкой закроешь» (II, 209). Марья безусловно вызывает к себе сочувствие, ибо женщина она видная, и герою-рассказчику она нравится. Но вот речь заходит о поведении героини. Спокойные интонации сменяются иронически-осудительными: «Подошла раз к оратору и глазами играет, как девка»; «Начала Марья газеты с книжками таскать из союзного клуба. Развернет целую скатерть на столе и сидит, словно учительница какая, губами шевелит. Вслух не читает» (II, 210, 211).

Обратим внимание на то, как стремится унизить Марью повествователь: газеты и книги она «таскает», а не «берет», не «носит». Газетный лист — «целая скатерть», «сидит, словно учительница какая». И, наконец, последний довод: «вслух не читает». Традиции домашнего деревенского чтения, конечно же, требовали чтения вслух. Но Марья исключала Козонка из круга своих интересов. И это вызывало уже не столько сочувствие Козонку, сколько возмущение поведением Марьи.

Далее повествователь отзывается о Марье все более и более резко. Поступки Марьи вызывают протест и осуждение: «А Марья все больше да больше озорничает»; «Прямо сумасшедшая стала. С комиссаром не стесняется»; «А она и голос, проклятая, другой сделала» (II, 212, 214).

Марья Гришагина потому, видимо, и «проклятая» с точки зрения тех людей, к числу которых принадлежит повествователь, что они, во-первых, оказались невосприимчивы к изменениям, вносимым в жизнь деревни революцией, а во-вторых, «человек с завалинки» и его единомышленники почувствовали свою уязвимость, увидели, как выходит из-под их влияния простая баба, как увлекает она своим примером других («та фыркнет, другая фыркнет, двое совсем ушли от мужьев», II, 214), как расшатывает ранее казавшиеся неколебимыми устои прежнего быта.

Вот почему повествователь, вспоминая заново все происшедшее, безоговорочно осуждает Марью: «Месяцев пять служила у нас — надоедать начала... Думали, не избавимся никак от такой головушки...» (II, 214).

Таким предстает нам повествователь, чья интонация является в значительной степени определяющей для уяснения идейного смысла «Марьи-большевички». Однако как бы отчетливо ни обозначалась его позиция, она не является в рассказе единственной. «Сказ мотивирует второе восприятие вещи... Получается два плана: 1) то, что рассказывает человек, 2) то, что как бы случайно

прорывается в его рассказе. Человек проговаривается», — так определял характерную особенность сказа В. Шкловский[9].

«Человек проговаривается» здесь не случайно; эти оговорки «организованы» автором. Самоопределение повествователя в сказе неразрывно связано с процессом формирования активного отношения к рассказу со стороны читателя. Активность эта формируется автором, остающимся «за кадром» повествования. Мы уже говорили о диалогичности сказового монолога. Диалог осуществляется по двум направлениям: повествователь — читатель, повествователь — автор.

В первом случае формальные признаки диалога отсутствуют. Лишь интонационные, стилистические и другие признаки свидетельствуют о непосредственной обращенности повествования к определенной группе слушателей.

В «Марье-большевичке» повествователь не просто делится фактами из жизни родного села. Важно обратить внимание на то, как рассказывает герой-повествователь. Слог его прост, синтаксис несложен («Любо ему — баба ухаживает, нос кверху дерет, силу большую чует»; «Бывало, шутит, по шабрам ходит...»; «Около — секретарь с бумагами строчится» (II, 209, 211, 214).

Такая манера изъясняться характеризует не только рассказчика — в неменьшей степени она характеризует и слушателей, к которым обращен рассказ: «мужик с завалинки» явно рассчитывает на сочувствие слушателей. Иными словами, диалог «читатель — повествователь» фиксируется в сказе не внешними признаками, а той интонацией рассказчика, теми коррективами (скрытыми от глаз), которые вносит повествователь, добиваясь максимального эффекта. Очевидно, если бы повествователь в «Марье-большевичке» обращался не к своему брату — крестьянину, тон рассказчика — при сохранении общей ситуации — был бы иным.

Диалог «автор — повествователь» в сказе подчиняется общим законам художественной прозы, но выявляется в более причудливой форме. Эта причудливость связана со стремлением рассказчика к известной автономии при безусловном господстве авторского замысла. В сказе, повторяю, эти причудливые взаимоотношения осложнены необходимостью дать герою «проговориться». Так возникает диалог.

Ключевой сценой «Марьи-большевички» является короткий разговор между Козонком и женой: «А книжки да газеты, известно, засасывают человека, другим он делается, на себя не похожим. Марья тоже дошла до этой точки. Уставится в окно, глядит. Мне, говорит, скушно...

— Чего же ты хочешь?

— Хочу чего-то... нездешнего...» (II, 211).

В этой небольшой сценке — ответ на многие вопросы. «Незде-

шнее» — все, что не похоже на устоявшийся деревенский уклад. «Нездешнее» — это ожидание перемен. «Нездешнее» — это стремление изменить свою судьбу. Желание «нездешнего» — это мостик, по которому идет Марья от житейских женских обид («Не обидно терпеть от такого гриба?..». II, 210) к достаточно четко осознанному стремлению стать полноправным представителем общества («Я послужу, товарищи. Не обессудьте, если не сумею — помогите», II, 213).

В структуре же ранее приведенной сценки угадывается в нужный момент сказанное автором слово: «А книжки да газеты, известно, засасывают человека. Другим он делается». Разговорное «известно» не меняет существа дела — это всего лишь маскировка под живую речь. «Мужик с завалинки» вряд ли способен на столь откровенно сформулированные выводы. Он говорит подсказанное автором, а от себя добавляет: «Марья тоже дошла до этой точки. Уставится в окно, глядит» (II, 211).

Для А. Неверова совершенно очевиден исход того конфликта, в который оказались вовлеченными и Марья Гришагина, и муж ее, и неведомый повествователь. Писатель знает, что путь Марьи будет тернист и сложен. Он понимает, что возврата к прежней жизни нет, потому что большевики открывают перед Марьей Гришагиной такую социальную перспективу, какой она не могла иметь прежде. Этим и объясняется то противостояние автора повествователю, которое ощутимо в рассказе.

* * *

Один из ранних истолкователей творчества А. Неверова писал: «Перед нами бытовик, который стремится стать отобразителем жизни со всеми ее скорбями. Но пока что сфера его наблюдений не охватывает жизни во всей ее сложности и глубине. Перед нами часто картины очень маленького захвата»[10]. Сказанное справедливо только отчасти, ибо нельзя не видеть того, что в наиболее значительных своих вещах писатель стремился преодолеть «маленький захват» точностью характеристик, правдиво отображаемой глубиной конфликтов. Деревенский уклад жизни, взрываемый извне и изнутри, нашел в лице А. Неверова вдумчивого летописца, смелого исследователя.

---

[1] В. Скобелев. Александр Неверов. Критико-биографический очерк. М., Изд-во «Советский писатель», 1964, стр. 70. В дальнейшем все ссылки на это издание даются без выходных данных.

[2] А. Ванюков. В поисках героя. В кн.: «Проблемы советской литературы», Саратов, 1968, стр. 98.

[3] М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М.,, Изд-во «Советский писатель», 1965, стр. 256.

[4] М. Зощенко. Сборник материалов. Л., Изд-во «Academia», 1928, стр. 8.

[5] Ю. Тынянов. Литературное сегодня. «Русский современник», 1924, кн. 1, стр. 300—301.

[6] П. Яровой. Быт в произведениях А. Неверова. «Красная новь», 1921, № 2.

[7] Анна Караваева. Александр Неверов. В кн.: Александр Неверов. Избранные произведения. М., ГИХЛ, 1958, стр. 4.

[8] В. Скобелев. Александр Неверов, стр. 70.

[9] В. Шкловский. О Зощенко и большой литературе. В кн.: М. Зощенко. Сборник материалов. Л. Изд-во «Academia». 1928, стр. 17.

[10] И. Кубиков. А. Неверов. Лицо жизни. «Печать и революция», 1923, № 5, стр. 290.

Л. Г. Тамашин

НЕОКОНЧЕННАЯ ПЬЕСА А. НЕВЕРОВА «АННА»

А. НЕВЕРОВ в послереволюционные годы создал девятнадцать пьес. Они не равноценны. Среди них имеются и значительные произведения и мелкие. Пьесы написаны в разных жанрах и подчас столь разными творческими почерками, что кажутся принадлежащими различным авторам. Но это не эклектизм, не бездумное шараханье из стороны в сторону. Это плод долгих и мучительных поисков наиболее подходящего, наиболее действенного вида театра.

Путь А. Неверова характеризуется неустанным стремлением совершенствовать свое искусство, создавать отвечающие задачам современности произведения, вырабатывать формы, которые в максимальной степени соответствовали бы новому революционному содержанию. Драматургия была для А. Неверова творческой лабораторией, в которой он оттачивал перо, пробуя свои силы в неизведанных областях творчества. Нащупывая магистральную творческую дорогу, он часто отходил в сторону, обшаривал «боковые тропки», пытаясь отыскать в них нечто ценное, что можно взять с собой и использовать, он чутко откликался на новые художественные веяния, разведывал все возможные для себя направления, чтобы выбрать из них главное.

Наиболее ценным и значительным в театральном наследии А. Неверова оказалась бытовая драма, в которой он нашел себя, и это главное направление в его работе для сцены было одним из основных в последующем развитии русской советской драматургии.

Путь А. Неверова-драматурга, его поиски, его находки и потери, достижения и неудачи — это путь ранней советской драматургии с ее неизбежными болезнями роста, постепенно преодолеваемыми. Пьесы А. Неверова в той или иной мере отражают общие линии развития советской драматургии первых послеоктябрьских лет[1].

Особое место в драматургическом наследии писателя занимает неоконченная пьеса «Анна», работа над которой шла в 1920—1922 годах. Однако прежде чем непосредственно обратиться к анализу

этого произведения, представляется целесообразным напомнить об одноактной пьесе «Красный Октябрь», над которой автор трудился в то же примерно время.

Перед нами эпизод из жизни рабочей семьи в дни наступления на город белых. Писатель стремится показать самоотверженность рабочих, безраздельно отдающих себя революционному долгу. Уходят на фронт все способные держать в руках оружие. Уходит рабочий Стеклов, хотя дома у него умирает ребенок. Жена Анна мужественно отпускает его. И только меньшевик Черенков, считающий себя «рабочим писателем», остается.

«ЧЕРЕНКОВ. Никак не могу представить того, что творится. Голодные, холодные, вшивые. Закрою глаза — на меня лезет что-то кошмарное. Горы трупов... Вы извините меня, Анна Васильевна, я смотрю на вещи по-своему. Наши рабочие-большевики немножечко ошибаются. Они встают на такой путь борьбы, по которому можно идти долгие годы и в конце концов прийти на прежнее место.

АННА. Ну что же теперь делать? Не мы хотим воевать, нас собираются задушить.

ЧЕРЕНКОВ. Надо мириться с положением вещей, идти путем постепенного развития. Разве мы готовы вести борьбу с капиталом?

АННА. Я ничего не понимаю у вас, ни одного вашего слова. Когда говорите — хорошо выходит. Стану думать после — досадно становится»[2].

Но «Красный Октябрь» интересен не только темой героизма, революционного энтузиазма пролетариата. Для нас сейчас важнее другой замысел, связанный с этой пьесой.

Среди рукописей А. Неверова имеется несколько черновиков пьесы, озаглавленной «Анна». Наброски эти двух видов. Одни явно представляют собой первоначальные варианты «Красного Октября», другие — совершенно иное произведение, также незаконченное. Из всех рукописей лишь одна озаглавлена «Красный Октябрь». Судя по всему, замысел А. Неверова остался незавершенным, ибо хотя в этой рукописи и значится: «драматический эскиз в одном действии», однако, после перечня действующих лиц следует надпись: «Действие 1-е». Совершенно очевидно, что первоначально Неверов задумал пьесу в нескольких актах, но затем он ограничил ее одним (при этом забыв зачеркнуть слова «Действие 1-е») и переменил название «Анна» на «Красный Октябрь».

В архиве писателя сохранилась важная запись. Она гласит: «Пьеса «Анна» задумана в 1919 году. Первый набросок был сделан зимой, потом несколько раз переписывался летом и весной 1920 года. Долго не мог поставить Анну в определенное положение, чтобы не сделать ее ходульной, митинговой. Ночью 6-го ноября шел из города. Образ Анны как-то особенно отчетливо встал

передо мной и, придя домой, я принялся за пьесу с мыслью написать Анну такой, какой та живет у меня, рожденная художественным преломлением жизненной правды. 7. XI — 1920 г.»[3].

Таким образом, по замыслу автора, в центре пьесы должен был находиться образ Анны, с ней должны были быть связаны основные события пьесы. Можно предположить (отчего — будет видно из дальнейшего), что Анна должна была превратиться в сознательного активного борца, вставшего на место своего мужа, который, по-видимому, погибал.

Почему же А. Неверов не осуществил своего замысла, если, как он свидетельствует, долго не дававшийся ему образ внезапно стал для него ясным? Потому, что этот замысел был «перекрыт» другим, более интересным: то, что писатель успел создать по первоначально задуманному плану — первое действие, — он сделал самостоятельным произведением «Красный Октябрь» (которое так и не доработал до конца) и приступил к реализации второго замысла, составившего содержание другой пьесы, за которой он сохранил прежнее название — «Анна». Что именно такова была история создания произведения, подтверждают и даты. Рукописи первого варианта пьесы, т. е. впоследствии «Красного Октября», относятся к 1920 году, а рукописи «Анны» — к 1921—1922 годам.

А. Неверов перенес действие в другую среду и обострил ситуацию, осложнив путь прихода своей героини к революции, но тем самым глубже показав его неотвратимость.

«Анна» — последняя пьеса А. Неверова, не завершенная им. Заплатив дань условно-аллегорической поэтике драмы («Стена»), писатель возвращается к присущей ему психологически бытовой манере, творчески обогащенный предшествующими драматургическими опытами, возвращается политически зрелым, преданным революции художником.

Можно вполне согласиться с Н. Фатовым, который писал об «Анне»: «По замыслу и мастерству выполнения она представляет исключительный интерес. Если бы эта пьеса была доведена до конца так, как она начата, то, может быть, это было бы лучшее драматическое произведение Неверова»[4].

Действительно, замысел пьесы глубок и значителен. Содержание ее первых двух действий (второе не окончено) таково.

Семья расстрелянного большевиками белого офицера. Вдова ненавидит Советскую власть, но вынуждена скрывать это. Одна из дочерей, Варвара, под влиянием коммуниста Гадалина, которого она любит, отреклась от прошлого и целиком стала на сторону революции. Вторая дочь, Анна, становится членом контрреволюционной подпольной организации. Желая отомстить за отца, она берет на себя задание шпионить за Гадалиным и похитить у него важные документы. С этой целью она приходит к нему на

квартиру, но выполнить поручение ей не удается. После разговора с Гадалиным Анна признается ему в любви. Гадалин тоже любит ее, но, говоря ей это, он в последний момент со словами: «Уйдите, я не хочу» отталкивает ее.

На этом рукопись обрывается.

Поскольку черновиков последующих действий не сохранилось, хотя, по свидетельству писателя, они имелись, можно представить себе две возможности течения событий.

Либо объяснение Анны с Гадалиным — игра с ее стороны, преследующая цель войти в доверие к нему и выполнить порученное задание. Формально второе действие логически продолжает первое, показывая, как претворяется шпионский план, задуманный вначале, и последняя реплика Гадалина как будто свидетельствует, что он догадывается о сути происходящего.

Либо — под влиянием Гадалина в Анне происходит перелом, ее чувство к нему, как и все, что она говорит ему, искренно, а реплика Гадалина вызвана естественной, но в данном случае излишней подозрительностью, или же характерным для многих героев пьес той поры «аскетизмом» — нежеланием отдаваться личному чувству из боязни, что это помешает выполнению гражданского долга.

Можно с уверенностью сказать, что справедливо второе предположение, что именно так должно было по замыслу А. Неверова развиваться действие.

«Анна» — меньше всего детектив. Это — произведение сугубо психологическое. Автора интересуют в нем не внешние события, а прежде всего образ человека, судьба личности. В центре пьесы — характер ее главной героини.

Анна — натура сложная, несравненно более глубокая, нежели ее сестра Варвара. Действие пьесы застает ее в момент, когда внутренняя вера в правоту дела отца выветрилась, осталось лишь формальное сознание дочернего долга и... духовная пустота. Почти гамлетовская тема проходит в пьесе, тема трагического переживания героя, для которого «распалась связь времен» и который ищет своего места в перевернувшейся жизни. На чьей стороне правда? — вот вопрос, который мучит Анну и в разгадке которого — смысл и условие ее дальнейшего существования.

Анна — тот же неверовский правдоискатель, что и Домна («Бабы»), Григорий и Надежда («Захарова смерть»), только перенесенный в другую среду, поставленный в иные условия. Те герои не знали пути, искали его, Анна его видит, перед ней открыты две возможности, она не ищет, она выбирает. Выбрать необходимо, без этого жить она не может, и самое страшное в том, что Анна не умеет поступать наугад. Она должна понять, поверить всем своим существом в один из путей и тогда уже связать с ним свою судьбу. Об этом мучительном процессе внутреннего прозрения

глубоко честного перед самим собой человека, о том, как постепенно убеждается он в правоте своих врагов, и должна была быть написана пьеса.

«Была бы вера во что-нибудь...» — мечтает Анна[5]. Вера — вот что ей нужно. Но сама собой вера не приходит. Легкости, с которой сменила свои убеждения Варвара, Анна завидует, но за это же она презирает и ненавидит сестру. Как лейтмотив, проходит по всей пьесе это слово «вера», синоним слова «правда», которое так часто произносили герои других пьес Неверова. «Веры у меня нет. А я не могу без веры... Господи, помоги моему неверию!»[6]. И Гадалину Анна говорит: «Вложите в меня кусочек вашей веры»[7].

Анна пока еще не понимает большевиков, но уже чувствует их силу, инстинктивно тянется к ним.

«Знаете, почему я оправдываю большевиков? — говорит она офицеру-заговорщику. — Размах у них, бесконечная вера... Вы понимаете меня? Верится! Есть что-то узывающее... Невольно пьянеешь от их удара...»[8].

И вот, наконец, большой диалог Анны с Гадалиным во 2-м действии.

«АННА... Все свои, партийные, а я, как овца, забежала в чужое стадо. Чего я ищу?

ГАДАЛИН. Вы об этом никому не говорите?

АННА. Да, я об этом никому не говорю. Только думаю. Ах, как много я думаю (*пауза*). Знаете что, Михаил Петрович?.. (*пауза*). Все равно скажу. Смейтесь, шутите надо мной, называйте глупой девчонкой. Мне иногда хочется положить вам голову на колени, тихонько поплакать. Вы такой сильный, здоровый, несете с собой новую правду, верите в будущее, ради которого живете, а я, как дерево без листьев. Дунул ваш Октябрь на нашу жизнь — иных сломал, иных выдернул с корнем. Одна я стою, неприкрытая. Ни веры в душе, ни надежды. Зачем живу? Кому нужна моя жизнь?

ГАДАЛИН (*серьезно*). Вы думаете, я не страдаю?.. Не верю я тем, кто легко переходит к нам, а вы вот мучитесь. Мало вам того, что глазами видите, лезете в сердцевину, ищете особенную правду, крепкую. Возмущаетесь, чем и я возмущаюсь. Сколько чиновников развелось среди нас. Настоящих циркулярных людей. Не нужна им внутренняя правда, какую ищете вы, была бы только выгода, власть. Вы и на меня так смотрите: бывший рабочий, теперь чуть ли не головка губернской власти. Нужна ли ему какая-то правда? Если бы это было так, я бы опять ушел на завод. Поверьте. Не для славы, не для власти сижу. Правду хочу воплотить, огромную, общечеловеческую, в которую верю. Может быть, не все поймут сразу, время не подошло, чтобы целиком воплотить ее в жизнь, — кто виноват? Разве мы? Вы видите, как противники

бросаются на нас со всех сторон. Можно ли тут говорить о воплощении нашей правды? Злыми приходится быть, винтовкой отстаивать свою правду. Люди думают, что нас не волнует вся эта кровь, все это разоренье. Нет, мы не хотим этого, а жизнь складывается так, что нам приходится посылать мужика на мужика, сына — на отца. Все несчастья падают на нашу голову. Кто поймет нас? Только тот не бросит камнем, кто сердцем чувствует нашу правду, видит ее впереди за ужасами нищеты и разоренья. Вы скажете, нужно сойти с этого пути, выбрать другой, более легкий, а для нас нет другого пути. Тяжелый он, непосильный, но его не избежать»[9].

Так возникают точки соприкосновения между двумя людьми, стоящими на разных, противоположных позициях, протягивается ниточка между ними. Анна честна и Гадалин честен, а честные люди не могут не найти общего языка, не могут не понять друг друга. Они оказываются близкими. Гадалин не только понимает Анну, но понимает ее лучше, чем она сама. Жертвы, кровь — все это претит ему, но другого выхода нет. Да, много зла вокруг, много плохих, недостойных людей присосалось к революции, но разве это пятнит ее самое?

Уже приведенный монолог Гадалина создает образ большевика, которого еще не было в драматургии до А. Неверова: человека большого ума, благородства, кристальной душевной чистоты, человека большой силы воли, собранности, целеустремленности. Это образ подлинного рыцаря революции, воплощение ее величайшего гуманизма, образ человека, который самим фактом своего существования переубеждает тех, кто, подобно Анне, является пока врагом революции. Советская драматургия несколькими годами позднее создала этот образ во всей его завершенности (Кошкин — в «Любови Яровой», Годун — в «Разломе», Пеклеванов — в «Бронепоезде 14—69), и в том, что впервые черты его были намечены в «Анне», — историческая заслуга А. Неверова.

И то же можно сказать о самой Анне. В пьесах первых послеоктябрьских лет мотив перехода лучших, наиболее честных и преданных народу представителей интеллигенции в лагерь пролетариата встречается довольно часто, но впервые он именно у А. Неверова был разработан с такой яркостью и психологической глубиной. И в этом отношении «Анна» предвещает и предвосхищает лучшие драматические произведения середины 20-х годов — такие, как «Любовь Яровая» и «Разлом».

Теперь становится окончательно понятным, почему А. Неверов оставил первоначальный замысел пьесы. Ему важнее было показать, как превращается в борца интеллигентка, нежели работница-пролетарка, ибо в нелегкой судьбе интеллигенции, в сложности и противоречивости ее пути раскрывалась для писателя

притягательная сила гуманистических идеалов революции.

«Анна» продолжала основную тему А. Неверова-драматурга, развивая ее на новом материале и по-новому. Она как бы подвела последнюю черту под драматургическим творчеством писателя, в ней воплотилось то, что хотел сказать А. Неверов всеми своими предшествующими пьесами. А хотел он сказать именно о том, что подлинная, высокая человечность неизбежно должна привести к принятию революции, к признанию ее. «Бабы», «Захарова смерть», «Стена» были подступами писателя к тому воплощению этой темы, которое она получила в «Анне». От тягот жизни и стихийного бунта, через мучительное правдоискательство к беззаветной отдаче себя революционным идеалам — вот путь, который проделали неверовские герои, и проделали его вместе с самим писателем. Это он, А. Неверов, страдал, как его Катерина, Филипп и Домна, он, подобно Григорию и Надежде, мучительно искал выхода и теперь, как его Анна и Гадалин, обрел свою «веру» и укрепился в ней.

«Анна» одна из ярких страниц творческой биографии писателя, волнующая исповедь, рассказывающая о том, как изживались сомнения и колебания А. Неверова. В образы Анны и Гадалина писатель вложил много собственных чувств и переживаний. То, что Гадалин говорит Анне во втором действии, — это мысли самого А. Неверова. И Гадалин страдает от того, чем больна Анна и чем был «болен» А. Неверов. Но его здоровье в такой же мере показатель «выздоровления» А. Неверова, «выздоровления» полного и окончательного.

Завершена дорога идейных исканий, и теперь, в «Анне», твердо стоя на почве нового мировоззрения, писатель оглядывается на пройденный путь и подводит итоги. Да, он колебался и совершал ошибки, но это потому, что он был честен перед собой и перед людьми. Он не сразу понял революцию, не сразу перешел в ее лагерь. Но он и не мог этого сделать. Ведь мало увидеть, надо влезть «в сердцевину», как говорит Гадалин, а на это нужно время. Да, он видел много страшного вокруг и пугался. Но теперь он понимает, что «злыми приходится быть» для того, чтобы воплотить правду, огромную, общечеловеческую, в которую верит. И тем, кто еще не пришел окончательно к революции, кого отпугивает страшное в ней, писатель говорит словами того же Гадалина: «Только тот не бросит камнем, кто сердцем чувствует нашу правду, видит ее впереди за ужасами нищеты и разоренья. Вы скажете, нужно сойти с этого пути, выбрать другой, более легкий, а для нас нет другого пути. Тяжелый он, непосильный, но его не избежать».

Трудно сказать, почему А. Неверов не закончил пьесы. Может быть, потому, что ему было трудно писать об интеллигенции, жизнь которой он знал сравнительно плохо, во всяком случае гораздо хуже, чем жизнь крестьянства. Может быть, потому, что главное

было уже сказано в первых двух актах. Может быть, его отвлекли другие замыслы. А скорее всего, писатель прекратил работу над произведением потому, что в 1922 году для него это был уже пройденный этап. 1919 год, когда задумывалась пьеса, был тем переходным для А. Неверова временем, когда он вставал на позиции революции. «Анна» и была свидетельством внутреннего, духовного принятия писателем большевизма, преодоления им своих колебаний и сомнений. Возможно, проблематика «Анны» казалась автору уже неактуальной, и если это в самом деле так, то он глубоко ошибался, очевидно, даже не понимая всей значительности своего замысла.

«Анна» не только не «опоздала», но, наоборот, появилась «раньше времени». А. Неверов «инстинктивно» дошел в ней до той проблематики, которая стала главной в советской драматургии несколько позднее; до того глубокого художественного осмысления революции, ее существа, причин ее победы, которого еще не знала драма первых послеоктябрьских лет и которое воплотилось лишь в драматургии середины и второй половины 20-х годов. В начале же 20-х годов еще не было для этого необходимых предпосылок, потому, видимо, несвоевременной и оказалась «Анна». Но именно по всем этим причинам она и является глубоко знаменательным произведением, достойным завершением драматургического творчества А. Неверова.

---

[1] См. об этом подробнее: Л. Тамашин. А. Неверов-драматург. «Русская литература», 1960, № 3; Л. Тамашин. Советская драматургия в годы гражданской войны. М., Изд-во «Искусство», 1961.

[2] Александр Неверов. Полн. собр. соч., в 7 томах, т. IV, М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1926, стр. 126.

[3] ЦГАЛИ, ф. 337, оп. 1, ед. хр. 159.

[4] Н. Н. Фатов. А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества, стр. 199.

[5] Александр Неверов. Полное собр. соч. в 7 томах, т. IV. М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1926, стр. 174.

[6] Там же, стр. 183.

[7] Там же, стр. 185.

[8] Там же, стр. 181.

[9] Там же, стр. 189—190.

Н. В. Соколова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗОБРАЖЕНИЯ А. НЕВЕРОВЫМ СЕМЕЙНОГО БЫТА И МОРАЛИ 20-х ГОДОВ

А. НЕВЕРОВ отразил важнейшие моменты общественной жизни первых послеоктябрьских лет. Он — яркий, самобытный художник. Не случайно современный исследователь говорит о «линии Неверова и Сейфуллиной» как об «...особенно плодотворной для советской литературы»[1]. Задача данной статьи — в общих чертах проследить, как советская действительность начала 20-х годов понуждала художника определить свои позиции и как воссоздавал он существенные стороны этой действительности в своих произведениях.

Задача художника революционного времени, считает А. Неверов, «записывать» действительность. В своих письмах и статьях он не раз говорит о том, что литература призвана оставить на память потомкам каждую деталь этих неповторимых лет. Вот что, например, говорится в письме А. Неверова к литератору И. Лаврентьеву в годы гражданской войны: «Вы должны писать на клочках, на обрывках, клочками, обрывками — должны. После будете жалеть... Многое растечется, уплывет из памяти бесследно». «Вы, искренний, честный бытописатель, должны показать и светлое и черное в современной деревне в тяжелое, переходное время. Вы должны приготовить такой дневник крестьянина, чтобы будущее десятилетие имело документ не ложный... Это ваш *долг*» (IV, 263).

Писатель постоянно противопоставляет бесхитростные свидетельства людей, занятых практической деятельностью, произведениям профессиональных литераторов, отдавая предпочтение первым. Главное его требование — подлинное знание жизни. «Перед Вами тысячи лиц, не прикрашенных, не изуродованных пером «бойкого» человека», — пишет он тому же И. Лаврентьеву (IV, 263).

Мысль о первичности и важности наблюдений уточняется: наблюдать надо в самых глубинах русской жизни. Об этом говорится в письме к начинающему литератору П. Коныжеву: «Пишите небольшие картинки из деревенской жизни, наблюдайте молодежь,

женщин и из их жизни давайте корреспонденции или рассказики, картинки» (IV, 270); «Из каждого случая старайтесь что-нибудь клюнуть, запечатлеть, *перевоплотить художественно*... (Курсив наш. — *Н. С.*). Вы сидите в самой гуще теперешней жизни, и все это для Вас, как для художника, целое богатство. Знать жизнь в ее неприкрашенном виде необходимо, и такого знания многие писатели не имеют, сидя в городах» (IV, 272).

Не успел А. Неверов и года прожить в Москве, как его потянуло «в жизнь». «...Похожу там по селам, понаблюдаю, погляжу на мужиков» (IV, 283), — мечтает он, готовясь к поездке в родные места. В этом плане характерна творческая история рассказа «Шкрабы» — одного из самых оптимистических произведений писателя.

Осуществив летом 1923 года свое желание «походить», «понаблюдать» за жизнью села, А. Неверов увидел в нем бедность, неустроенность, тяжелое положение своих товарищей — сельских учителей. Первым побуждением писателя было рассказать об этом в печати: так возник исполненный безнадежности очерк «У сельских учителей»[2]. Писатель выступает в нем как «фактограф», добросовестно изображающий положение увиденной им учительской семьи: подслеповатая изба, нет дров, нет хлеба, жалованье маленькое, да и то платят нерегулярно. Жена учителя замучена лишениями, болезнью ребенка и ни о чем, кроме своих бед, говорить не в состоянии.

Характерно, что при жизни писателя очерк не был опубликован и, вероятно, не только потому, что автор в силу тех или иных причин не смог это сделать. Благодаря привычке А. Неверова датировать свои рукописи, можно установить, что, завершив очерк 24 сентября, он, по-видимому, сразу же принимается за его переделку. Так появляется очень близкий к очерку по сюжету, настроению, образам, деталям набросок «Шкрабы. Записки». А уже семнадцатым октября помечены первые главки рассказа «Шкрабы».

Прошло всего три недели — пишется новое произведение, в основе которого тот же жизненный материал, тот же полуголодный нищенский быт сельского учителя. Но тон повествования совершенно иной: оптимистический, мажорный.

Одни и те же события акцентированы писателем различно. В очерке — безысходность, будущее рисуется героям в самых мрачных красках. В рассказе «Шкрабы» — оптимизм, вера в завтрашний день, человек становится «выше сытости», перед ним открывается светлая перспектива. «Неужто только деньги? — Есть вещи, за которые совсем не платят деньгами и никто никогда заплатить не сумеет (III, 188)», — так рассуждают сельские учителя. «Да, плохо! Да, трудно! И все-таки она (учительница Катерина Васильевна. — *Н. С.*) не такая, чтобы падать духом» (III, 171). Жизнь на-

полнилась новым содержанием, в ней не только трудности, но и преодоление их.

Приведенный выше пример — одно из многих свидетельств активной позиции художника, силы и определенности его надежд.

А. Неверова раньше многих других писателей начинает интересовать формирование новой, советской морали, ее своеобразие, проявление в быту, в отношениях людей.

Какими же теперь должны быть эти отношения, в том числе семейные — супругов, отцов и детей, — в новом обществе? А. Неверов обращается к этим проблемам в своей переписке тех лет.

«Интересны у Вас в рассказе старики... — пишет он М. Волкову. — Где же молодежь?» (IV, 269). «Пишите небольшие картинки из деревенской жизни, наблюдайте молодежь, женщин...» (IV, 270). «Возьмите какую-нибудь боевую бабу или девицу...» (IV, 276). советует он П. Коныжеву.

А вот еще выдержки из писем к П. Коныжеву: «Напишите стихотворение хорошее о крестьянке. Есть ли у Вас комитет взаимопомощи, как он работает? Есть ли детский дом, когда и кем он организован? Здорово ли мужики колотят своих баб? Есть ли газеты в деревенских избах? Борются ли женщины с самогонкой?.. Одним словом, давайте летопись деревенской жизни, горя, радости и обиды» (IV, 281—282). «Принимают ли участие женщины в культурной работе и как, в каком виде? Как смотрят на это отцы и мужья и просто мужики? Не бывает ли у женщин схваток с мужиками, из-за чего, кто побеждает, почему побеждает...» (IV, 282).

Любопытны и другие советы, обращенные к тому же П. Коныжеву: «Сколько раз я просил Вас написать что-нибудь маленькое из жизни деревни, где бы фигурировали крестьяне или крестьянки вкупе с мужчинами на общей работе. Если нет у Вас боевых баб, выдумайте их. Ведь теперь везде по селам происходят женские волостные и уездные конференции... Да ведь если покопаться, да подумать, да маленько выдумать, присочинить, — пальчики оближешь потом!» (IV, 282).

Для А. Неверова важно «выдумать, присочинить», «покопаться да подумать», опираясь на типическое явление («везде по селам...»). Здесь на передний план выступает уже не «записывание» действительности, а стремление осмыслить ее, пронизать четким авторским отношением, сделать взгляд концептуальным.

В уже упоминавшихся «Шкрабах», в рассказах «Марья-большевичка», «В садах», «Головка», «Полька-мазурка», в незаконченной «Повести о бабах» А. Неверов вторгается в новую для него и чрезвычайно сложную область человеческих отношений — в сферу нравственно-психологическую, интимную.

Новой была эта сфера и для всей советской действительности.

Здесь были и свои споры, и свои нигилистические крайности.

Несколько позже ультралевых «героев», выдающих себя за подлинных революционеров в вопросах нравственности (их появилось довольно много в литературе середины двадцатых годов), критик тех лет назвал бандой «полупьяных неврастеников, вконец ошалевших от половой проблемки»[3]. С этим нельзя не согласиться.

А. Неверов показал несколько таких «ошалевших»: «комиссара исполкомского» Гаврюшку Кочина («Повесть о бабах»), «секретаря исполкомского», проповедующего: «Скучно, понимаешь, с одной женщиной жить! Нынче не такой порядок...» («Головка», III, 88).

Отрицательное отношение автора к этим персонажам не вызывает сомнения. Оно чувствуется и в ироническом изображении их попыток применить теорию «свободы любви» на практике, и в деталях портрета («оскаленный рот, лезущий целоваться...» III, 88), «большие красные губы улыбаются сразу двум», «весело так, радостно так улыбается ей красными мясистыми губами» (IV, 197).

Показательно и то, что положительные герои А. Неверова не разделяют этих взглядов, резко отрицательно относятся к их носителям.

Не так уж трудно было найти в тогдашней жизни примеры крушения старой морали: распад семьи, уход от нелюбимого супруга, конфликты отцов и детей, «непочтение» молодых к старикам и т. д. Об этом писали многие, в том числе и А. Неверов. Но вот что придет на смену сломанному, какую новую мораль принесет с собой революция, — об этом сказать было трудно.

Однако уже в 1921 году писатель рисует крестьянку — активную участницу революции, помощницу коммунистов («Марья-большевичка»). Очевидно, беспросветность жизни так велика, что Марья не выжидает, не взвешивает «за» и «против», а решительно идет на столкновение со старым миром.

Пристальный интерес А. Неверова к положению женщины в новой деревне можно отчасти объяснить биографическими причинами. Писатель работает в «Крестьянской газете», он близок к журналам «Работница», «Крестьянка»... Но его произведения печатаются и в других изданиях, которые не уделяли особого внимания судьбе женщины, — в таких, как «Красная новь», «Прожектор». Следовательно, в интересе писателя к так называемому «женскому вопросу» проявилась и его необыкновенная зоркость, чуткость к новому, в частности в области быта, нравственности, любовных отношений.

Вс. Иванов рассказывает, как однажды он упрекнул Ив. Касаткина, великолепного знатока деревенской жизни, в том, что хотя действие его рассказов происходит в деревне, среди мужиков, в них не затрагивается любовная тема: «...разве мужики не любят,

разве им не свойственны любовные страдания и радости?...» Ив. Касаткин ответил: «Прежде, видя эту чудовищно страшную жизнь мужиков, мне, знаешь, как-то даже было стыдно писать о любви. В ней ведь есть какая-то отрада. А мне прежде всего хотелось рассказать именно о страшном». Для того чтобы в полный голос говорить о любви в крестьянской жизни, по мнению Ив. Касаткина, надо было «сделать совершенной жизнь русского мужика, такой совершенной, чтобы рассказ о любви среди мужиков не казался надуманным, пустым!»[4].

Имея в виду прежде всего новую деревню, Л. Сейфуллина говорила о том, что «надо писать и о любви, и о женской ласке, о радостях и страданиях извечных — рождении, смерти»[5].

В рассказе А. Неверова «Полька-мазурка» перед нами — история любви крестьянина-вдовца к городской девушке Тоне. В высказываниях героини намечена как бы программа новой жизни: Тоню не устраивает все, начиная с внешнего облика Гурьяна, внутреннего убранства его избы и кончая его духовным миром.

Пространные описания дома, двора призваны подчеркнуть, что все это — неподвижное, грязное, застывшее, как и вся прошлая жизнь главного героя. До встречи с Тоней жизнь представлялась Гурьяну даже хорошей: жене своей обновки покупал, бил ее не сильно, только под пьяную руку, работал от зари до зари, даром, без выгоды для себя, шага не делал.

А. Неверов прибегает к прямому контрастному сопоставлению: крестьяне трудятся на земле от зари до зари — Тоня оторвалась от повседневных деревенских дел и интересов; мужики ценят прежде всего вещи и деньги — Тоня относится к этому беззаботно; мужики привыкли видеть в женщине существо подчиненное, «работницу» — Тоня не согласна на ту роль, которую отводит ей патриархальная традиция.

Степенный, хозяйственный Гурьян, казалось бы, должен строго следовать старым моральным правилам. Однако именно он готов их нарушить, потому что «революция нынче: понравился человек, и живи, сколько хочешь, невенчанным...» (III, 108). Никакого почтения уже нет у него к тем обычаям, которым он прежде следовал и которые еще святы, например, для его старухи-матери.

Тоня не только разрушает старую Гурьянову жизнь, но и закладывает фундамент новой. Она, человек, несомненно, передовой, серьезно относится к жизни — ей нужно прочное супружество, на любовь и семью она смотрит очень ответственно, ей нужна духовная близость с мужем.

Гурьяну пока еще вполне достаточно внешнего усвоения новых обычаев, начиная от белых занавесок на окнах, покупки книг и кончая посещением клуба, где нужно танцевать «польку-мазурку». Об остальном герой рассказа и не думает — все для него просто.

Иначе настроена Тоня, которая спрашивает:

« — А воля моя как?

— Какая воля?

— Если я вздумаю уйти от тебя, когда не понравишься ты своим характером?

— Это видно будет там, сейчас не узнаешь. Может быть, и бежать не придется» (III, 138).

Гурьян, уверенный в себе хозяин, становится послушным, готовым на любые уступки ради любимой женщины.

«— А венчаться как? — спросила Тоня.

— Как сама велишь?

— В церкви я не стану...

— На это наплевать! — обрадовался Гурьян. — Ты не станешь, и я не буду — дело маленькое» (III, 138).

Любовь делает человека иным, помогает ему преодолевать патриархальные привычки и традиции. Гурьян, как и учитель Сергей Иванович из рассказа «Шкрабы», оказывается сильнее застойного быта, сильнее власти обстоятельств.

Своими произведениями 20-х годов А. Неверов художественно подтверждал, что социалистическая революция, как писал В. И. Ленин, «ломает все старые препоны, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни»[6]. Отчетливо видя темное и светлое в повседневной действительности 20-х годов, он писал во имя торжества этого светлого, неизменно веря, что лучшее — впереди.

---

[1] В. Г. Охитин. Пути развития русского советского рассказа 20-х годов. В сб.: «Советская литература 20-х годов». Материалы межвузовской научной конференции. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1966, стр. 125.

[2] Очерк «У сельских учителей» см.: Александр Неверов. Собр. соч., не вошедших в семитомное издание «Земли и фабрики», т. 2, М., Изд-во «Современные проблемы» Н. А. Столляр, 1926.

[3] С. Карташов. То, что нам нужно. «Прожектор», 1928, № 9 (121), стр. 24. См. об этом также: Р. Ф. Куллэ. По «собачьим» переулкам литературы. «Вестник знания», 1927, № 10.

[4] Вс. Иванов. Иван Касаткин. В кн.: Ив. Касаткин. Избранные рассказы. М., ГИХЛ, 1957, стр. 7—8.

[5] Л. Сейфуллина. Собр соч, т. 1, М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 282.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 199.

Фриц Мирау

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДОКУМЕНТ...»

(А. Неверов в Германии 1925—1933 гг.)

I

ВОСПРИЯТИЕ советской литературы в период Веймарской республики с самого начала было отражением политических споров о всемирно-историческом значении Октябрьской революции. Концепция человека в советской прозе стала аргументом в пользу реального гуманизма социалистической революции. Книги Александра Неверова «Ташкент — город хлебный» и «Лицо жизни», появившиеся в немецких переводах в 1925 году, приобретали особое значение в классовой борьбе 20-х годов благодаря новому пониманию русского крестьянина[1]. Verlag für Literatur und Politik, которое выпустило сборник рассказов «Лицо жизни», напечатало редакционную заметку, где обозначились те широкие рамки, в которых рассматривался А. Неверов:

«Эти двенадцать рассказов из жизни простых рабочих и крестьян, возникшие в России в обстановке борьбы и социалистического строительства, проникнуты духом новой пробуждающейся жизни, они обнажают перед нами новое, еще мало знакомое лицо русской жизни. Они свидетельствуют о том, что лицо русской жизни, которое мы знали раньше, стало иным. Мистика Достоевского и толстовский пассивизм уступили место простым русским крестьянам, рабочим, красноармейцам, которые хотят завоевать новое бытие, новый мир»[2].

Полемическая острота этой оценки, которая была направлена против абсолютизации определенных сторон в творчестве обоих великих реалистов, становится понятной, если рассматривать эту оценку в литературно-политическом контексте. В буржуазной интерпретации Октябрьской революции решающую роль играла «каратаевщина» и идея Ф. Достоевского о русском народе как о «народе-богоносце». Появившееся в 1922—1923 годах двадцатидвухтомное издание сочинений Ф. Достоевского (Piper—Verlag, Мюнхен) было составлено и прокомментировано именно под этим углом зрения. Например, центральным пунктом предисловия, написанного Д. Мережковским для тома «Политических статей» Ф. Достоев-

ского, является история о «мужике Марее» из статьи «О русском народе» (1876*). Подлинная сила крестьянина Марея, говорит автор предисловия, состоит в единении крестьянства с христианством, правды земной с правдой небесной, — в единении, пока еще не осуществившемся, но, однако же, возможном[3].

Насколько широким было влияние этого мистифицированного, социально индифферентного образа русского крестьянина на общую концепцию культуры и революции даже в кругах прогрессивной буржуазной интеллигенции, становится ясным из послесловия к гончаровскому «Обломову», которое принадлежало перу либерального писателя Альфонса Паке́ и которое увидело свет в том же самом 1925 году, когда А. Неверов стал известен в Германии.

«Мы только сегодня замечаем, — пишет Паке́, — что в России земледельческий тип всегда оставался решающей силой. Он является единственным носителем национального волеизъявления. В России Ленина класс индустриальных рабочих, конечно же, может стать носителем идеологии — пробудившейся силой, которая провела бы, так сказать, техническую работу по осуществлению переворота, но в качестве единственного носителя народной мощи, утверждающей исторические процессы, за спиной рабочего обнаруживается русский крестьянин с его растущим, исторически перспективным самоутверждением»[4].

Эту недооценку сущности происшедшего в России социалистического переворота можно объяснить прежде всего тем, что мистико-мессианский образ предреволюционной буржуазной России проецировался на новую реальность. Несоответствие с подлинным положением вещей становится особенно заметным, если учесть, что XIV съезд ВКП (б), состоявшийся в 1925 году, принял решение об индустриализации страны и тем самым определил и судьбу крестьянства. Не случаен тот факт, что информационное письмо ЦК ВКП(б) о решениях партийного съезда (от 13 января 1926 года), которое было направлено во все секции Коминтерна, появилось на первых страницах того самого номера «Jugendinternationale», в котором напечатана редакционная заметка издательства о неверовском сборнике «Лицо жизни». В информационном письме проведена точная социально-политическая дифференциация:

«Съезд решительно осудил «боязнь середняка», заявив, что эта «боязнь» объективно приводит к подрыву пролетарской диктатуры.

Съезд разъяснил, что «борьба против кулачества должна ид-

* Речь идет о февральской книжке «Дневника писателя» за 1876 год («О любви к народу. Необходимый контакт с народом». «Мужик Марей»). Примечание составителей.

ти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедняка с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака»[5].

Такое положение дел позволяет понять, почему неверовский «Ташкент — город хлебный», трижды выходивший отдельными изданиями и пять раз публиковавшийся в газетах из номера в номер, а также рассказы из сборника «Лицо жизни», увидевшие свет во многих газетных перепечатках, принадлежали к числу самых любимых немецкими рабочими советских книг. После отдельного издания 1925 года[6] «Ташкент — город хлебный» вышел из печати вместе с «Железным потоком» А. Серафимовича в 1929 и 1930 годах[7]. «Bergische Arbeiterstimme», «Der Klassenkampf», «Sozialistische Republik», «Sächsische Arbeiterzeitung» и «Tribüne» опубликовали «Ташкент — город хлебный» уже в 1925 году, печатая его с продолжением из номера в номер[8]. Многократно перепечатывались в рабочей прессе рассказы из книги «Лицо жизни»[9]. Отдельные неверовские рассказы в 1927 и 1930 годах были опубликованы на немецком языке в Москве Центральным издательством народов СССР[10].

II

Александр Неверов стал известен в Германии, когда в восприятии немецкого читателя уже сложился более или менее законченный образ ранней советской прозы. В 1922 году появились «Партизаны» Вс. Иванова, в 1923 — двухтомник «Русские повести» («Russische Erzählungen»), куда вошли произведения А. Малышкина, А. Серафимовича, Л. Сейфуллиной, А. Яковлева, Н. Никитина. В том же году появились «Бронепоезд 14—69» и «Цветные ветра» Вс. Иванова, «Неделя» Ю. Либединского, «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» И. Эренбурга; в 1924 году — «В тупике» В. Вересаева, «Шоколад» А. Тарасова-Родионова. В одно время с А. Неверовым в 1925 году в Германии были изданы «Железный поток» А. Серафимовича, «Виринея» и «Правонарушители» Л. Сейфуллиной, а также «Трест Д. Е.» И. Эренбурга[11]. К этому времени коммунистическая литературная критика уже обрисовала в общих чертах процесс образования большой социалистической литературы. В статье «Пролетарский роман» (1925) мы читаем:

«Новые художественные произведения, которые примерно с 1923 года появляются в немецких переводах и в которых изображается русская революция, проникнуты пролетарским духом

времени; в них становится реальностью освобождение от буржуазной идеологии. Сам пролетариат предстает здесь как герой, безымянный герой этой новой пролетарской литературы. За маленькими рассказами и героическими стихотворениями В. Маяковского, Вс. Иванова, Демьяна Бедного и др. последовали первые большие романы, один из которых выйдет теперь в немецком переводе»[12].

Здесь речь идет о «Железном потоке», однако, эта характеристика может быть распространена и на «Ташкент — город хлебный», который, как уже было сказано, в 1929 и 1930 годах издавался в одном томе с произведением А. Серафимовича.

В творчестве Александра Неверова и особенно в «Ташкенте — городе хлебном» немецкую критику интересовали прежде всего следующие три аспекта: образ социалистического человека, проблемы крестьянской жизни и художественное воплощение документально-достоверного. В одной из первых рецензий в журнале «Das Neue Rußland», органе Общества друзей новой России, эти три аспекта предстают в едином целом:

«Это яркое, захватывающее повествование о приключениях двенадцатилетнего мальчика, который отправляется в хлебный город — заветную цель всех голодающих, чтобы привезти хлеба, знакомит нас с глубинами народной жизни сегодняшней России. Чуждый какой бы то ни было сентиментальности, автор дает нам почувствовать перенесенную боль и твердую волю той с малых лет начинающей трудиться молодежи, которая преодолевает все препятствия и строит для себя новый мир. Перед нами *человеческий, социальный и художественный документ...»*[13].

Новый *образ человека,* образ советской молодежи, созидающей достойную человека действительность, увидел в неверовской книге критик газеты «Die Rote Fahne», центрального органа Коммунистической партии Германии. Резюмируя, рецензент пишет: «Такова молодежь Советской России, строящая новый мир»[14].

Мысль об образе нового человека получила наиболее законченное воплощение у Ильмы Лукач в «Internationale Pressekorrespondenz», органе Исполкома Коминтерна, который тогда начал издаваться в Берлине.

Безжалостными, по мнению критика, являются неверовские описания нужды, бедствий, преступлений и горя. Однако в этом страдании возникает великая вера в новый мир, который может смотреть правде прямо в глаза. Новому человеку это под силу, так как благодаря всевыносящей идее, благодаря истинному знанию он становится настолько сильным, что может сеять новое, какие бы препятствия ни ставил ему враждебный мир. Основная идея книги вложена художником в уста умирающего старого крестьянина: «Подошло, опахнуло мужицкое и страшное горе народ-

ное, расцветает невиданной радостью: со всех сторон, со всех дорог идут-ползут трудящиеся из больших и малых сел, из больших и малых деревень. Каждый несет по зернышку, кладет свое зернышко в родную голодную землю. Цветет голодная земля колосьями хлебными, радуется, измученная, радостью измученных. Широко расходятся молодые весенние всходы, наряжается земля в зеленое платье. Улыбается старик зеленому полю — замирает улыбка на вытянутых посиневших губах: — Кормилица, уроди!»[15].

Это было важное художественное открытие А. Неверова, которое произвело очень сильное впечатление на читателей и рецензентов, — именно открытие, потому что удалось показать трудное путешествие Мишки Додонова в двойном освещении — с точки зрения приключений и ответственности, с позиций двенадцатилетнего мальчика и двенадцатилетнего крестьянина, спора из-за гайки и «заветной мужицкой мечты». Мишка играет и творит историю. Конечно же, есть нечто ребяческое в его действиях, но это ребяческое приобретает национальное значение. Это национальное значение Мишка, разумеется, осознает не полностью, он всегда остается ребенком. Но даже ребенок оказывается в пределах внутринациональных столкновений. Таким образом, все то, что предпринимает мальчик, проверяется на деле в масштабах целой нации.

Перед нами диалектическое снятие истории о мужике Марее Ф. Достоевского, — снятие, для А. Неверова явно неосознанное, но совершенно очевидное с точки зрения литературного развития. Когда в «Мужике Марее» мальчику — девятилетнему Достоевскому — почудился крик: «Волк бежит!», он бросается за помощью к крепостному крестьянину Марею, у которого и находит утешение; и когда однажды в годы ссылки в сознании писателя снова прозвучал этот предостерегающий крик, ему вспомнился крестьянин Марей, всегда готовый прийти на помощь. Крику, предупреждающему об опасности, голоду и нищете А. Неверов противопоставляет действие, которое завершится удачей, если множество единомышленников выступит против множества же врагов и перед которым в конце книги еще только встанут самые большие задачи.

Для новой концепции человека мне представляется чрезвычайно показательным то место из двадцатой главы, где в Мишкиной, иронически сочиненной им для доверчивых мужиков «автобиографии» заявляют о себе элементы возникающего социалистического ощущения истории и человеческой общности: «Отец в орта-чека служил полтора года — из коммунистов он. Ну, убили его белогвардейские буржуи, теперь им пенсию высылают за это. А который сажал Мишку на той станции, товарищ отцу приходится, самый главный начальник. И письмо от него везет Мишка тому самому дяде, который в Ташкенте комиссаром служит» (III, 308).

Для того чтобы показать, насколько сильным было влияние неверовского героя на иностранного читателя, необходимо привести высказывание, приписанное Густавом Яноухом Францу Кафке. Владислав Скобелев одним из первых обратил внимание на это высказывание в своей монографии[16]. Мы позволим себе в этой связи еще раз процитировать важную для нас фразу. Франц Кафка якобы сказал: «Народ, имеющий таких ребят, как этот в книге, такой народ невозможно победить»[17]. Однако необходимо уточнить, что «Ташкент — город хлебный» к моменту этих бесед Кафки с Яноухом (1920 — начало 1924 годов) не был издан отдельной книгой ни по-немецки, ни по-чешски. Оба перевода появились только в 1925 году, через год после смерти Кафки. Нет никаких доказательств того, что были до этого времени журнальные или газетные публикации. В примечаниях и пояснениях к книге Густава Яноуха, составленных Альмой Урс, на странице 133 имеется сообщение о том, что книга А. Неверова появилась в 1921 году в Берлине, в «Malik—Verlag». Сообщение комментатора явно не соответствует действительности. Можно предположить, что Ф. Кафка читал перевод неверовского произведения в рукописи или слышал его в пересказе.

Но даже если приведенное высказывание и не принадлежит Ф. Кафке, это не снижает ценности свидетельства. Скорее напротив. Рассказанная А. Неверовым история Мишки Додонова в качестве индивидуальной модели реального гуманизма советской литературы, очевидно, так сильно волновала все умы, что Густав Яноух, вспоминая свои беседы с Кафкой, связал его размышления о созидательных началах жизни Советской России именно с «Ташкентом — городом хлебным».

Итак, образ человека как *образ крестьянина.* Через несколько номеров после первого отклика журнал «Das Neue Rußland» вновь возвращается к неверовской книге, называет ее «сенсационным романом», разъясняет соотношение между народностью и партийностью в совсем молодой русской советской литературе и пишет, в частности, следующее:

«Пробуждение русского крестьянина нигде не представлено столь очевидно, как в неверовском изображении переворота, происшедшего в русской крестьянской душе под влиянием революции. Эта литература не является народной в том смысле, если рассматривать ее с точки зрения опыта старых русских писателей, изображавших народную жизнь, или наших авторов «Деревенских рассказов» середины прошлого столетия. Новые русские народные писатели отличаются гораздо более сильной реалистичностью, более живым изображением, но прежде всего классово-осознанным пониманием проблем. Они хотят не только пассивно поучать и радовать, они пытаются непосредственно воздействовать на актив-

ность массы; они более критичны, более основательны, иногда, быть может, фанатичны, но разве они не могут быть такими после грандиозных переживаний и переворотов? Новая литература лучше, чем все декреты и теоретические рассуждения, показывает пробуждение русского крестьянина. Только так ее можно понимать и расценивать. Эти произведения являются художественным, политическим и культурным документом одновременно»[18].

Однако эта оценка представляется слишком недифференцированной. Она с самыми добрыми намерениями рассматривает сложный процесс развития русской деревни как нечто целое, не считаясь с быстро сменяющими друг друга, но вместе с тем четко различаемыми этапами, с теми переходами, которым А. Неверов отводит значительное место в обеих своих книгах. Аладар Комьят обратил на это внимание в рецензии, увидевшей свет летом 1926 года. По мнению критика, в рассказах сборника «Лицо жизни» классовая борьба в деревне предстает главным образом «как столкновение разных поколений в крестьянской среде...»[19]. Однако при всей верности этой характеристики Комьят недоучел опять-таки конкретных исторических условий, когда упрекает А. Неверова в том, что тот показал «поверхностно действие и противодействие в Октябрьской революции», поскольку в рассказах не получили, например, отражения «героические усилия классовой солидарности», направленные против голода и нищеты.

Ведь как раз здесь и было воздвигнуто на узком повествовательном пространстве социально-психологическое основание русских характеров, которые и делают двенадцать рассказов сборника («Лицо жизни») репрезентативным документом социалистической литературы!

Особенно трудно было понять это левым буржуазным рецензентам, которые, хотя и симпатизировали борьбе пролетариата, однако не были связаны с ней в политическом и практическом отношении. Так, например, Макс Германн-Нейссе, поэт и прозаик из круга экспрессионистов, высказавшийся в двух обстоятельных рецензиях об обеих книгах А. Неверова, разграничил исторически между собой переплетенные, наслаивающиеся друг на друга явления, которые А. Неверов показал именно в их противоречивом единстве. Макс Германн-Нейссе особо выделил «Случай из жизни» как «действительно прекрасный, сильный в пропагандистском отношении... подлинный бунт на семи страницах» и отмечал, в частности, следующее:

«Эти двенадцать рассказов представляют собой несколько очерковых зарисовок из жизни нынешней России — зарисовок, выполненных сжато, с внешней безучастностью, как бы со стороны, а именно — не помпезные, героические сцены или большие политические события, а лишь мелкие черточки бытия, которые восходят

к чему-то большому... Сильные и слабые стороны русского человека, доброе и злое в нем выступают в таком изображении еще более разительно; перед нами боевое товарищество, исполненный самопожертвования коллективизм, который непосредственно смыкается с ужасающе тупой и грубой стадностью, с фаталистическим жестоким равнодушием; вспышки добрых и жестоких инстинктов не поддаются учету»[20].

В этой интерпретации одного из друзей и сторонников Советского Союза слились безусловное высокое уважение к «борьбе пролетариата и его воле к победе»[21] и остаточные явления скепсиса — скепсиса постороннего наблюдателя. Становится совершенно очевидным, что приятие социалистического переворота во всей его исторической сложности не могло быть делом только литературы, каким бы сильным ни было ее влияние на политические решения.

На фоне прогрессивного исторического развития Советского Союза восприятие А. Неверова по-прежнему находилось в зависимости от политических воззрений тех, кто писал о нем; об этом свидетельствует различная реакция буржуазной, социал-демократической и коммунистической прессы на переиздание «Ташкента — города хлебного» в одной книге с «Железным потоком».

Рецензент «Vossische Zeitung», выражавшей интересы крупной буржуазии, рассматривает поступки и судьбу Мишки как «исключительное явление»[22]. В социал-демократическом «Sozialistishe Monatshefte» Макс Хохдорф определил тему «Ташкента — города хлебного» как тему «беспризорности русской молодежи»[23].

Только коммунистическая пресса обратила внимание на ту внутреннюю связь, которая существует между двумя этими произведениями, посвященными изображению гражданской войны. По мнению «Sächsische Arbeiterzeitung», в «Ташкенте — городе хлебном» автор показывает «не только отдельную судьбу... не просто голодающую Россию — он показывает внутренние пружины, толкающие человека на борьбу. Он учит нас понимать... «Я» и «Мы». В вводной части рецензент дает специальную историческую характеристику изображаемой эпохи:

«Повествование возвращает нас к временам почти десятилетней давности, к тому, что непосредственно последовало за мировой и гражданской войнами, когда Советская Россия в отчаянной борьбе за построение новой жизни из-за повсеместного неурожая, гибели подавляющей части посевов вследствие засухи (царизм ничего не делал для орошения земель, постоянно обрекая подверженные засухе области ужасу голодной смерти!) оказалась в столь трудном положении, что должна была вступить в дело международная рабочая помощь для преодоления тяжелейших труд-

ностей. Этот период давно позади — он уступил место *социалистическому строительству*, которое надо рассматривать в свете пятилетнего плана»[24].

В этой статье «Ташкент — город хлебный» рассматривается отдельно. В более ранней же рецензии, опубликованной той же газетой, оба произведения, вышедшие в одном томе, оцениваются как некая внутренняя целостность. В заключительной части этой рецензии мы читаем:

«Издательству пришла в голову хорошая мысль — объединить в одном томе эти произведения А. Неверова и А. Серафимовича. Потому что как бы ни были интересны оба произведения тем, что в них выразились два оригинальных писательских дарования, здесь важнее другое — то, что и тут и там русский народ сам рассказывает о своей борьбе и страданиях с той заостренностью и объективностью, которые выходят за пределы собственно исторического свидетельства. Через сто лет авторы этих непритязательных повествований будут для народа тем же, чем стал для греков слепой Гомер[25].

Эта проблема эпической объективности, соотношения *документа* и вымысла в новом *реализме* пронизывает высказывания всех немецких авторов о советской литературе. А. Неверов тоже рассматривался с точки зрения историзма, как он проявился в его манере изображения. Однако знаменательны различия в интерпретации этого основного качества советской литературы. Если, например, у Густава Яноуха Франц Кафка говорит: «Всякое подлинное искусство — документ, свидетельство»[26], то остается открытым вопрос: что же становится предметом документации, что, следовательно, является критерием эпохи.

Критика была единодушна в понимании того, что новый реализм образуется из обостренного восприятия литературой, находящейся в стадии становления социалистической действительности. «Vossische Zeitung» писала применительно к «Ташкенту — городу хлебному» об «исполненной любви деловитости, с которой А. Неверов... из голых фактов творит отдельную человеческую судьбу» и, используя «удобные возможности репортажа», создает «литературно-художественный документ»[27]. В другой буржуазной газете также было подчеркнуто отличие неверовской прозы от репортажа — только на этот раз на материале рассказов из сборника «Лицо жизни»:

«Умелой рукой написанные, очерченные немногими штрихами, выступают здесь нужда, глупость, иллюзии, вера, стремления, борьба и просвещение в послереволюционной действительности, которая предстает более убедительно нарисованной и более верно понятой, чем это могло бы получиться у какого-нибудь репортера, заброшенного в самую глубь этой страны»[28].

Для понимания общей ситуации, в которой было встречено новое издание «Ташкента — города хлебного», показательным является то, в какие рамки поставила эту книгу социал-демократическая газета «Vorwärts». Альфред Клейнберг применительно прежде всего к положению, сложившемуся в немецкой прозе, писал:

«Внутренняя неуверенность, охватившая прозаиков, отмечена крайностями: одни не в ладах с искусством реалистического изображения действительности и потому обращаются к неприкрашенному, необработанному человеческому документу или к романтическим биографиям исторических личностей; другие же отдаются лирике и фантастике и тем самым заставляют вновь зажурчать источник романтического искусства, который долго не был слышен»[29].

Затем критик рассматривает «Анну» Ивана Ольбрахта, один из первых романов чешской пролетарской литературы*, и «Ташкент — город хлебный», видя в них явления новой литературы. Альфред Клейнберг определяет книгу А. Неверова как «проникнутую новым ритмом, захватывающую и волнующую картину жизни, как «Одиссею», страшную и трогательную».

Однако в то время как в статье Клейнберга оплакивалось состояние немецкой прозы вообще, при поддержке Союза пролетарских революционных писателей и социалистической прессы возникла немецкая социалистическая проза (Анна Зегерс, Ганс Мархвица, Карл Грюнберг, Вилли Бредель, Адам Шаррер, Людвиг Турек), которая не только ориентировалась на советскую литературу, но и сама развивала новую манеру письма, исходя из собственной национально-исторической практики и из опыта немецкой литературы[30].

В процессе образования социалистической немецкой национальной литературы обе книги А. Неверова способствовали тому, чтобы немецкие писатели могли понять и перенять новые качества реализма советской литературы. Макс Германн-Нейссе очень точно охарактеризовал эту заслугу А. Неверова, когда в 1925 году под рубрикой «Литература для трудящихся» (Literatur für Arbeitende) писал по поводу первого издания «Ташкента — города хлебного»:

«Очень приятно в новейшей русской литературе — литературе, которая, будучи исполнена добрых намерений, оказывается у истоков современного реализма, то, что она не приукрашивает, не привносит розово-красный колорит, говоря об изменившихся отношениях, не окутывает эти отношения покровом дутой славы, но, напротив, в полном соответствии с правдой изображает тяжелое

---

* В русском переводе роман И. Ольбрахта называется «Анна-пролетарка». Примеч. составителей.

положение, причем в рамках этого положения и вопреки ему она охвачена верой в светлое будущее. Но это отнюдь не бесцветная, абстрактная, предвзятая вера в догму: напротив, вера здесь здоровая, несокрушимая, литература не боится ничего, не считается ни с чем, в изображении нынешних страданий она не утаивает ни одну из самых ужасающих подробностей, мужественно и с юношеской непосредственностью на деле творит новую жизнь. Это оптимистическое, не поддающееся смерти, преодолевающее все преисподние мира убеждение с наибольшей характерологической полнотой проявилось в произведении А. Неверова, которое является образцом враждебного всякой сентиментальности *антипатетического героического эпоса*, где воплощена история хождения по мукам пролетариата. Предельно скромно, без больших излишеств, при помощи проникновенной и деловито-сдержанной манеры изображения дается маленький эпизод страдного пути русского народа. Не отличаясь какими-либо художническими изысками, избегающая нарочитой символизации, эта бесхитростная история вырастает до размеров свидетельства, которое повествует о всех тяжких кругах восхождения и самоутверждения русского пролетариата и пролетарских масс всего мира»[31].

Перевел с немецкого В. П. СКОБЕЛЕВ.

---

1 В. П. Скобелев прямо указывает на это в своей монографии: «Этот успех (успех повестей А. Неверова,—*Ф. М.*) в 20-е годы обусловливался не только их художественными достоинствами, но также и тем, что повести эти несут на себе печать времени, отзвук той огромной созидательной работы, которая развернулась в нашей стране после окончания гражданской войны» (В. Скобелев. Александр Неверов, стр. 169.).

2 Jugendinternationale 7. Jahrgang (1926-1927). Heft 6 (Februar-März) nach S. 48.

3 F. M. Dostojewski, Sämtliche Werke. Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereshkowski, herausgegeben von Moceler van den Bruck, Zweite Abteilung, Dreizehnter Band, München, 1922, S. XXVIII.

4 J. Gontscharow, Oblomow. Deutsch von R. V. Walter, Berlin, 1925, S. 775,

5 Jugendinternationale, 7. Jahrgang (1926—1927), Heft 6. (Februar—März), S. 4 См. также: «Коммунистический Интернационал», 1926, № 1, стр. 7.

6 Alexander Newerow, Taschkent, die brotreiche Stadt. Aus dem Russischen übersetzt von Maria Einstein, Berlin Neuer Deutscher Verlag. 1925, 129. S. Preis: Broschiert 1, 25; Pappband 1, 50; Halbleinen 2.

7 Alexander Newerow, Taschkent, die brotreiche Stadt und eine Erzählung aus der Bürgerkriegszeit von A. Serafimowitsch, Der eiserne Strom. 2. durchgesehene Auflage (11—15. Tausend). Berlin, Neuer Deutscher Verlag. 1930, 379 S. Preis: Broschiert 3, 50, gebunden 5, —.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что произведение А. Неверова было дважды затем переиздано на немецком языке в Советском Союзе: Alexander Neverow, Taschkent, die brotreiche Stadt, Engels Deutscher Staatsverlag, 1935, 142 S. (Schulbibliothek) und Engels, Deutscher Staatsverlag, 1938, 119 S.

В то время как в СССР продолжалось ознакомление немцев с произведениями А. Неверова, в самой Германии писатель был запрещен фашистами. В «Перечне вредных и нежелательных сочинений. По состоянию на 31 декабря 1938 года» (Лейпциг, 1939) произведения А. Неверова отнесены к числу тех, «которые наносят ущерб национал-социалистическим культурным устремлениям» и распространение которых запрещено (S.102). В Германской Демократической Республике «Ташкент — город хлебный» вышел в 1962 году (Dietz—Verlag).
Рассказ «Красноармеец Терехин» опубликован в антологии «Zeitwende. Die Oktoberrevolution im Spiegel der frühen sowjetischen Prosa». Herausgegeben und mit einem Vorwort von Nyota Thun, Berlin und Weimar Aufbau—Verlag 1967, S. 19—28. То же самое издательство подготавливает в настоящее время книгу избранных произведений А. Неверова — наиболее полную по сравнению с предыдущими изданиями.

[8] Vgl. H. Fliege, Sowietliteratur und Sozialistische deutsche Arbeiter bewegung, in: Zeitschrift für Slawistik, Band XIV (1969), Heft 3, S. 421. Bergische Arbeiterstimme (Solingen) vom 22.4—3. 6. 1925; Klassenkampf (Halle) vom 9. 5 — 24. 6. 1925; Sozialistische Republik (Köln) vom 8. 6—27, 7. 1925; Sächsische Arbeiterzeitung (Leipzig) vom 24. 9.—5.11. 1925; Tribüne (Magdeburg) vom 8.10.— 25.11. 1925.

Поскольку на сегодняшний день исследована в основном лишь центральная и саксонско-тюрингийская пресса Коммунистической партии Германии с точки зрения восприятия советской литературы, наши сведения являются неполными. Студентка Эрфуртского педагогического института А. Шюлер в своей государственной экзаменационной работе на тему: «Die Newerow—Rezeption in Deutschland bis 1933», Pädagogisches Institut Erfurt 1963—1964, указывает на то, что в немецкой коммунистической прессе 1925—1930 гг. имеются многочисленные рекомендации, что читать, где наряду с В. Маяковским, М. Шагинян, К. Фединым, Н. Огневым и Ф. Панферовым обращалось внимание и на А. Неверова.

[9] Das Antlitz des Lebens. Erzählungen. Herausgegeben und übersetzt von Maria Einstein, Wien und Berlin, 1925. Verlag für Literatur und Politik, Preis: Broschiert 1,80; Pappband 2,50; Geschenkband 4,50. В эту книгу входят следующие произведения: «Андрон Непутевый»; «Красноармеец Терехин», «Об Ивановой душе», «Я хочу жить», «По-новому», «Страдание», «Далекий путь», «Бабы», «Марья-большевичка», «Случай из жизни», «Колька», «Яшкина скука», а также неверовская автобиография. Х. Флиге в своей диссертации «Коммунистическая партия Германии и советская литература 1919—1933» (Иена, 1969) отмечает, что было тридцать три перепечатки из этой книги на страницах четырнадцати газет КПГ.

[10] Alexander Newerow, Zwei Erzählungen: Ich will leben, Rotarmist Terechin—Bibliothek kleiner Erzählungen, Band 1, Moskau. Zentralverlag der Völker der Sowjetunion, 1927, 24 S. Alexander Neverow, Die Weiber haben's durchgesetzt, Moskau Zentral—Völker—Verlag, 1930, 16 S.

[11] Vgl. hierzu: F. Mierau, Die Rezeption der sowjetischen Literatur in Deutschland 1920—1924; in: Zeitschrift für Slawistik, Band III (1958), Heft 2—4, SS. 620—638.

[12] Das Arbeiterbuch, Berlin, Nr. 2. vom 1. Oktober 1925, S. 1.

[13] Das Neue Rußland 2. Jahrgang (1925), Heft 3—4, S. 51.

[14] G.G.L. (d. i. Gertrud Alexander), Eine neue russische Erzählung. Die Rote Fahne, 8. Jahrgang (1925) vom 27.3. 1925.

[15] Internationale Pressekorrespondenz, 5. Jahrgang (1925). Nr. 89, S. 1222

[16] В. Скобелев. Александр Неверов, стр. 166—167. Е. Полякова использует часть этой цитаты в своей статье «За землю, за волю...» (См. «Новый мир», 1967, № 4, стр. 213).

[17] G. Janouch, Gespräche mit Kafka, Frankfurt, 1951, S. 59.
[18] Das Neue Rußland, 2. Jahrgang (1925), Heft 9—10, S. 44.
[19] Internationale Presskorrespondenz, 6. Jahrgang (1926), Nr. 81, vom 4. Juni, S. 1304.
[20] Die literatische Welt, 2. Jahrgang (1926), Nr. 36, vom 3. September, S. 5.
[21] Там же.
[22] A. Kantorowicz. Aus dem russischen Bürgerkrieg, Vossische Zeitung Nr. 152, vom 30. März 1930.
[23] M. Hochdorf. Dokumentarische Epik, Sozialistische Monatshefte, 35. Jahrgang (1929) vom 16. Dezember, S. 1164.
[24] Betta, Taschkent, die brotreiche Stadt von Alexander Neverow. Sächsischc Arbeitzeitung, 9. Jahrgang (1929), Nr. 285, vom 9. Dezember.
[25] Zwei russische Erzählungen. Sächsische Arbeiterzeitung, 9. Jahrgang (1929) Nr. 237, vom 10. Oktober.
[26] G. Janouch. Gespräche mit Kafka, Frankfurt, 1951, S. 59.
[27] A. Kantorowicz. Aus dem russischen Bürgerkrieg, Vossische Zeitung Nr. 152 vom 30. März, 1930.
[28] M.K.A. Newerow, Das Antlitz des Lebens. Berliner Tageblatt. Abendausgabe Nr. 354, 1. Beiblatt vom 29. Juli, 1926.
[29] Dr. Alfred Kleinberg. Zwischen Wirklichkeit und Romantik, Vorwärts, Nr. 563 vom 1. Dezember, 1929.
[30] Vgl Die Außerungen hierzu in: Aktionen Bekenntnisse Perspektiven, Berichte und Dokumente vom Kampf um die Freiheit des literarischen Schaffensin der Weimarer Republik. Berlin und Weimar. 1966.
[31] Die Aktion, 15. Jahrgang, Juli—Doppelheft 1925, Spalte 391.

ВОСПОМИНАНИЯ

Подготовлены к печати и прокомментированы Н. И. Страховым.

А. С. Панкова-Скобелева

СЕСТРА О БРАТЕ

Воспоминания сестры А. Неверова Александры Сергеевны Панковой-Скобелевой (р. 1896) написаны в 1928 году. До сих пор не публиковались. Их оригинал и машинописная копия хранятся в ЦГАЛИ (ф. 337, оп. 1, ед. хр. 274). Приводятся по рукописи в сокращенном виде.

Среди пятерых детей я — меньшая. Росли мы в обширном деревенском доме гостеприимного и хозяйственного деда по матери — Николая Семеновича Елисеева. Старшие — брат Иван и сестра Мария, младшие — Степан и я, средний — Александр, Саша.

Маму, Матрену Николаевну, я не помню, так как осталась после нее двух лет. Со слов Саши знала, что мама была неграмотная крестьянка с мягким, отзывчивым сердцем. Отец, Сергей Иванович, выпивал и нередко обижал маму. Всю любовь она перенесла на нас, детей; особенно любила Сашу. Да и было за что любить его. Он отличался добротой, был честным и правдивым.

Помню, Саша часто сидел со мною на печи, рассказывая мне сказки, которые сам слышал от сверстников или от бабушки, не чаявшей в нем души. Сказки были о ведьмах, скачущих на помеле, о чертях и домовых. От страха я иногда плакала, но слушала с интересом. Порою забирался на печь и дедушка. Он вспоминал, как их с бабушкой порол барский староста Антон Иванович (дед и бабка в прошлом были

крепостными помещика Лазарева). В такие минуты я не узнавала Сашу. Сжимались кулаки, глаза загорались ненавистью. Он спрашивал: «А если бы, деда, дали нам волю, сладили бы мы с ними (т. е. с господами) или нет?» И когда дед отвечал уклончиво: «Нет, Сашка, воля ихняя и теперь!» — Саша становился задумчив.

Наш дом был приютом заезжих и странствующих людей, знавших Николая Семеновича и любивших его за простоту обращения, начитанность и хлебосольство. У бабушки вечно толклись свои посетители: старухи, нищие, монахи «с Афонской горы»... Гостей хозяева встречали неизменно приветливо. Саша слушал их разговоры, дружил с некоторыми из них. Особую привязанность проявлял Саша к одному татарину — бездомному бродяге, которого впоследствии приютил дед. Этот человек выполнял у нас домашнюю работу: носил воду, колол дрова. Умный и чуткий, он отличался мягким характером, делился воспоминаниями о своей прежней бродяжнической жизни, пел заунывные татарские песни.

Нередко Саша бегал на «винный завод» (так почему-то называлась в селе старая лазаревская, уже заброшенная усадьба), пропадая там по целым дням. Однажды он прибежал оттуда испуганный, взволнованный и заявил деду, что хотел поджечь старый барский дом, но ему помешал какой-то мужик. Пожурив внука, дед велел ему забыть об этой затее...

За селом красовалось богатое именье симбирской купчихи Конуриной, или Конурихи, как ее звали в селе. Саша с ребятами наведывался и туда. Там он, как челнок, сновал среди дворни, прислушиваясь к разговорам о жизни сытых и праздных людей. Он не любил их, но интересовался ими.

Будучи от природы очень способным, Саша научился грамоте еще до поступления в школу. Книги с ранних лет приковывали его внимание, он читал без разбора все, что попадало под руку.

Дед, радуясь способностям Саши, задумал «пустить его по торговой части». Он надеялся, что из грамотея-внука со временем выйдет хороший торговец. Так Саша оказался в должности «мальчика» при галантерейной лавке купца Никифорова в селе Старая Майна, за 18 верст от Новиковки. Потом дед перевел его в посад Мелекесс в мануфактурный магазин купца Березина.

Но недолго пришлось Саше служить «по торговой части». Судьба сулила ему, даровитому юноше, иное. В 1903 году он, не спросившись деда, покинул березинский магазин и ушел пешком в село Озерки, чтобы продолжать ученье. В Озерках в то время была второклассная учительская школа, готовившая учителей для церковных «школ грамоты». Саше удалось поступить туда и стать стипендиатом.

Потом он учительствовал в «школах грамоты». На лето приезжал в Новиковку. Как сейчас помню лето 1907 года. Вечер... Вся

наша семья взволнована: у нас обыск. Саша в кругу товарищей-учителей... Пристав швыряет книги, поднимает половицы в конюшне, ищет что-то... Я стояла на коленях на скамейке около Саши и плакала. Он гладил меня по голове, успокаивал. Кончилось тем, что пристав не нашел ничего. Пригрозив нам, он ушел к Конурихе.

После я узнала от Саши, чего искал пристав. Ему нужны были доказательства революционной агитации, которую брат вел в деревне Новый Письмерь, где он учительствовал.

В 1908—1909 годах я жила у Саши в деревне Камышовке, куда его перевели из Нового Письмеря. Он взял меня к себе, чтобы подготовить к поступлению в Ставропольскую второклассную учительскую школу. Грустно, «без цветов», протекала его молодая холостяцкая жизнь. Комнатка при школе, которую он занимал, была крохотной. Я была за кухарку и за прачку. Саша много работал. Днем учил детей грамоте, занимался со мной, ночи просиживал за писанием рассказов и чтением. Нередко в минуты отдыха пел и меня заставлял петь вместе с ним.

Бывало, Саша шутил, смеялся. Помню, он говорил мне:

— Погоди, сестренка, придет время — заживем и мы! Будем надеяться, что мы с тобой станем самыми счастливыми людьми на свете!

Или:

— Потерпи, сестренка, вот я пойду куда-нибудь и найду кошель с деньгами. Будем мы с тобой сыты и одеты.

А сытыми и одетыми быть, конечно, хотелось. Ведь жалованье Саша получал грошовое — десять рублей в месяц. Жили мы на эти деньги вдвоем. Иной раз и хлеба не было. Спал Саша в тужурке, сорочки не имел. Обо мне же заботился по-отцовски и в Камышовке, и позднее, когда я уже училась в Ставрополе. Вот строки из одного его письма: «Милая, глупая сестренка, чего тебе надо? Я пришлю. Я не брошу тебя, как бросил нас отец, чего ты боишься? Сам пропаду с голодухи, а тебя не брошу». И не «бросал». Как сейчас помню, получив гонорар за рассказ «Учитель Стройкин», Саша отправил мне большую посылку: туфли, пальто, полотна на белье и платье, шарф и т. д. Строгая начальница школы, увидев все это, сочла поступок брата за «баловство».

Возвращаясь к жизни в Камышовке, нельзя не заметить, что Сашу, как и ранее, волновали крестьянские нужды, влекла к себе общественнная деятельность. Крестьяне были частыми гостями Саши. Вечера в его каморке при школе коротались в беседах о деревенских делах, о расправах царя с народом, о неизбежности новой революции. Саша давал гостям какие-то книжечки. Одна из них под заглавием «Шапка-невидимка» случайно попала мне в руки. С каким душевным трепетом читала я ее! Как нравилось мне написанное там про революцию и свободу! Саша, увидев меня за

чтением, отобрал эту книжечку, сказав, что я мала еще читать подобные вещи. Потом я узнала, что большую связку таких книжечек, по просьбе Саши, прятали у себя во дворе, «на свесах», крестьяне дядя Петр и дядя Герасим — фамилий не помню.

В Камышовке Саша написал немало рассказов и в их числе — «Под песнь вьюги». Прототипом героя этого рассказа послужил бедняк-крестьянин Арефа, замерзший по дороге из Озерок в Камышовку.

В школе, несмотря на запреты, брат создал драматический кружок. Ставили инсценировку «Авдотьиной жизни». Я исполняла роль Авдотьи.

В праздники Саша ездил в деревню Андреевку к учительнице Пелагее Андреевне Зеленцовой, в которую был влюблен. С нею он делил радости и невзгоды, к ней нес «на суд» новые рассказы. И она, надо сказать, была для него лучшим другом, первым помощником, внимательным слушателем, бескорыстным рецензентом.

Через несколько лет, когда Пелагея Андреевна стала женой Саши и служила в Березовом Враге, мне случалось бывать у нее. Саша, служивший тогда в Супоневе, приезжал в Березов Враг по субботам. Помню, с каким волнением ждала она его, сидя на крылечке и прислушиваясь, не заскрипят ли полозья саней. Она горячо любила Сашу. И много значила для него.

Такими встают в моей памяти годы детства и молодости. Таким сохраняется в ней светлый образ брата.

А. И. Свидерский

ДВА ГОДА В ОЗЕРСКОЙ ШКОЛЕ

Алексей Иванович Свидерский (р. 1883) — учитель сельских и городских школ. Ныне — пенсионер. Был близко знаком с А. Неверовым в течение ряда лет. В ЦГАЛИ (ф. 337, оп. 1, ед. хр. 279) хранятся его неоконченные воспоминания о писателе, которые не публиковались. Настоящий вариант воспоминаний, охватывающий 1904—1906 годы, представляет литературную запись, сделанную со слов автора в июле 1959 года. В текст записи включено несколько отрывков из писем автора Н. Страхову, относящихся к 1958—1961 годам.

ЛЕТОМ 1904 года, по окончании Обшаровской учительской семинарии, я был назначен учителем второклассной мужской школы в село Озерки Ставропольского уезда Самарской губернии. Здесь и состоялось мое знакомство с Сашей Скобелевым — будущим писателем Александром Неверовым.

Прежде чем перейти к воспоминаниям о нем, вкратце расскажу о селе и школе, где мне пришлось служить около двух лет.

Озерки были волостным центром. Три четверти населения — крестьяне. Остальные жители принадлежали к мещанскому и в единичных случаях — к дворянскому сословиям. Село большое, раскинулось по берегам крутого, поросшего тальником оврага. Вокруг — степь, в полуверсте — дубовая рощица. В селе были две школы (уже названная второклассная и земская начальная), две церкви и две торговые лавки: Кандашева — хозяйственная и Слепцова — бакалейная. Богатый крестьянин Клюев держал кабак. Небольшая больница находилась в восемнадцати верстах. Больных обычно пользовали знахари и «костоправы».

Главной улицей села считалась Панская. Проходила она по левому берегу оврага. Здесь жили бывшие государственные крестьяне, или, как их называли, «панки». Отсюда и название улицы. Когда-то «панки» имели приличные земельные наделы, но хронические неурожаи, обременительные налоги и поборы, а вдобавок — пьянство вконец разорили их. «Панки» за бесценок продавали свою землю кулакам и переходили в категорию бедноты.

На правом берегу оврага было несколько обществ бывших крепостных крестьян. Названия улиц здесь еще хранили имена помещиков: Петянкова, Хотева, Соковнина, Аверкиева и других. Их

усадьбами и землею владели теперь новые хозяева — купцы и кулаки. Сами же помещики, разорившись, либо перемерли, либо оказались в городах, влившись там в ряды служилого люда. Таким образом, крестьянские земельные участки находились в окружении уже не барских, а купеческих и кулацких массивов. Как и «панки», бывшие крепостные крестьяне были вынуждены закладывать и продавать свои наделы. Впрочем, и сохранение наделов не приносило ничего хорошего: с увеличением членов семейств они без конца дробились, пока хозяйство не становилось, в сущности, безземельным.

Жизнь подавляющего большинства озерских крестьян была очень тяжелой. Основным источником существования сотен семейств являлась продажа рабочих рук. Одни крестьяне батрачили у местных богатеев, другие с весны уходили за реку Черемшан на работу в имения крупных посевщиков-хлеботорговцев. По зимам мучили голодовки. В хлеб нередко подмешивались лебеда, желуди, древесная кора. Развивались нищенство и воровство.

Словом, Озерки были к тому времени селом, где ускоренно развивались капиталистические отношения. Несколько иначе обстояло дело в окрестных селах. Там тоже вырастал «чумазый», но влияние барина еще сохранялось.

Устроившись на жительство, я стал знакомиться со школой, в которой предстояло служить, с преподавательским составом и учащимися.

Озерская второклассная школа готовила учителей для деревенских «школ грамоты». Это было типичное учебное заведение церковного ведомства. Деятельность школы, как и предусматривалось уложениями Святейшего синода, была подчинена воспитанию учащихся в духе строгого исполнения требований церкви, верности царскому престолу, послушания духовным и светским властям. На первом месте стояло изучение «священной истории», церковнославянского языка, катехизиса, заучивание молитв. В праздничные дни учащимся полагалось по очереди участвовать в церковном богослужении на правах псаломщика, в стихаре.

Объем преподаваемых дисциплин был очень ограниченным. Курс русской истории откровенно ориентировался на прославление самодержавия. Из русского языка учащиеся получали лишь элементарные сведения по морфологии и синтаксису. В области отечественной литературы программа ограничивалась хрестоматийными стихотворениями и отрывками художественной прозы.

Заведующим школой, законоучителем и катехизатором был благочинный А. М. Сунгуров — человек, до мозга костей пропитанный монархическими настроениями, обскурант и сыщик. Иезуитски хитрый, в зародыше улавливавший и безжалостно глушивший любое проявление инициативы, превыше всего ставивший «обучение

розгой и линейкой» и к тому же косноязычный, — он не пользовался никаким авторитетом среди учащихся. Его боялись, втайне ненавидя и презирая. Правой рукой Сунгурова был старший учитель М. М. Панормов, по-холопски бездумно выполнявший все желания своего патрона. Я не ошибусь, если скажу, что именно эти две фигуры воплощали в себе и глубоко консервативное содержание учебного процесса, и тот отуплявший, тормозивший развитие учащихся режим, который царил в школе.

Были, к счастью, среди учителей и люди прогрессивные, искренне заинтересованные в расширении и углублении получаемых учащимися знаний. Например, П. В. Васильев. Он много сделал, чтобы пробудить у своих воспитанников тягу к книге, к художественной литературе, к театральной самодеятельности, и, конечно, пользовался у них уважением.

В трех отделениях школы обучалось более шестидесяти человек в возрасте от 13—14 до 18—19 лет. Большинство учащихся составляли дети крестьян, уже успевшие приобрести первые трудовые навыки в хозяйстве отцов. Среди них были очень способные ребята, ставшие впоследствии настоящими слугами народа. Таковы А. И. Морозов, А. И. Евтеев, Г. Г. Николаев, И. Г. Кочергин, хорошо поработавшие на ниве народного просвещения до и после революции и удостоенные наград, И. А. Пирогов, получивший в дальнейшем медицинское образование и почетное звание заслуженного врача РСФСР, и другие. Конечно, рост этих людей менее всего был результатом школьного обучения. Роль школы сказалась, пожалуй, в другом, обратном — в пробуждении у многих «второклассников» жажды самообразования и революционно-демократических настроений. Недаром спустя полтора года церковные власти были вынуждены отметить, что Озерская школа выпускает учителей, «не признающих ни бога, ни царя».

Однако самым способным в числе учащихся был Саша Скобелев. Когда я поступил в школу, он учился во втором отделении. Это был паренек среднего роста, кряжистый, крепкого телосложения, с открытым живым взглядом серых глаз, с густой и волнистой шевелюрой. Он отличался от многих сверстников начитанностью и знанием жизни. Умел логически стройно выражать свои мысли. Вскоре покинувший школу П. В. Васильев говорил мне, что Саша влюблен в художественную литературу и вообще способен необычайно. Присматриваясь к нему, я и сам в этом убедился.

Чтение — вот что, кажется, больше всего увлекало Сашу. Школьная библиотека была небогатой, да и состояла она из книг религиозно-монархического направления. Поэтому приходилось добывать книги, где случится. Их привозили из Ставрополя, Мелекесса, Симбирска и Самары бывшие ученики школы Ф. Е. Комаров (П. Яровой), Г. Н. Саров, брал я почитать у коллег-учителей.

Бывало, едешь в Ставрополь или Мелекесс к друзьям и обязательно получаешь наказ Саши:

— О книгах не забудьте, Алексей Иваныч!

Помню, когда мы сдружились, были не раз показаны мне списки прочитанной Сашей литературы (он аккуратно вел их). Книг в списках значилось много: однотомники Жуковского, Пушкина, Крылова, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Никитина, Некрасова, произведения Тургенева, Помяловского, Решетникова, Н. и Г. Успенских, Левитова, Писемского, Гаршина, Златовратского, Каронина, Засодимского, Салова, Достоевского, Короленко, Чехова, Горького, Л. Андреева, Бунина, Куприна. Интересовала его и приключенческая литература: Майн Рид, Жюль Верн, капитан Мариэтт, Стивенсон, Фенимор Купер.

Много стихов и отрывков прозы Саша знал наизусть и декламировал. Тут были и глава «Чуден Днепр...» из «Страшной мести» Гоголя, и пушкинское «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», и никитинская «Жена ямщика», и некрасовская «Орина, мать солдатская», и горьковская «Песня о Буревестнике». С чтением стихов Саша выступал на литературных вечерах, которые устраивались по инициативе П. В. Васильева. На этих вечерах ставились, кроме того, инсценировки известных рассказов и одноактные пьесы. Саша бывал в таких случаях едва ли не ведущим артистом. Помню, что в инсценировке «Злоумышленник» по Чехову он с большим успехом исполнил роль крестьянина Дениса Григорьева.

О своих литературных опытах Саша сообщил мне, когда узнал, что я пописываю в журналы и газеты короткие рассказы из крестьянского быта под псевдонимом «А. Одинокий». Перелистав журнал «Вестник трезвости», где был напечатан мой рассказ «Под корешок», он удивился, просиял и заговорил быстро-быстро:

— Да неужто это вы написали, Алексей Иваныч? А стихи слагаете? Я — все больше стихи... Хотите — покажу...

Принес несколько тетрадок. Почитав, я сказал, что написано, по-моему, недурно, но для меня предпочтительнее проза — она гораздо свободнее стихов. Посоветовал и ему испробовать силы в жанрах рассказа, очерка. Он спросил:

— А как писать — из головы?

— Не только из головы, — ответил я, — но главным образом с натуры. Всматривайся и срисовывай людей, природу, различные происшествия... Обдумывая, конечно...

Кроме страсти к чтению и литературному творчеству, была у Саши еще одна резко выраженная особенность. Он любил жизнь и человека, относился к ним с жадным любопытством. Школьникам не разрешалось общаться с местным населением. Класс, церковь, общежитие — вот пределы, которыми ограничивалось их местопребывание. Тем не менее Скобелев и другие ученики не считались с

этими ограничениями. Они нередко разгуливали по улицам села, встречались с местной молодежью, посещали сходки, крестьянские избы.

Летом, когда общежитие закрывалось, Саша либо уезжал в Новиковку к деду, либо поселялся в избенке крестьянина В. Ф. Долганова, помогая ему по хозяйству. Долгановы были очень бедны, но никогда не унывали, надеясь на «лучший день». Саше нравились простота и бескорыстие Василия Филипповича и его жены Аграфены. К тому же хозяин знал множество смешных историй из крестьянского и солдатского быта, которые мастерски передавал «в лицах», вызывая восхищение квартиранта.

По субботам в Озерках происходили базары, на которые съезжалось крестьянство и мещанство со всей округи. Торговля шла бойко. Продавались бондарные, скобяные, шорные, гончарные изделия, ситцы и сатинеты, платки и полушалки, калачи и крендели. Крестьяне, имевшие засевы, сбывали на базарах часть зерна, безземельники расходовали на покупки свой заработок. Особенно людно было у клюевской винной лавки. Водка отпускалась только «в розлив», и тут же распивалась «под таранку с сайкой». Сиделец Трофим Мигин метался, как угорелый, не успевая наполнять бутылки и кружки. К обеду пьянство становилось повальным, затевались ссоры, драки. Беднота, плача горькими слезами, срамила богатеев, старшину. Усмирением базарников занимался урядник по прозванию «Пуга» — здоровенный рябой мужчина, не расстававшийся с ременной плетью.

Побродить по базару, послушать, о чем там говорят, а нередко и завязать беседу с приезжими было для Саши Скобелева обычным делом. Его чуть ли не каждую субботу приходилось видеть в базарной толчее.

В общении с людьми разного достатка, разных взглядов и настроений любознательный Саша постигал жизнь, ее противоречия.

Я уверен, что именно озерские наблюдения легли в основу его первых рассказов. История с мужиками, которые везли кому-то разобранный сруб и по дороге, в Озерках, пропили его, нашла своеобразное преломление в рассказе «Горе залили». В рассказе «Свой человек» отразились впечатления от выборов озерского волостного старшины, происходивших в 1904 году. Прототипом Хапова послужило реальное лицо — мельник Зубков. Черты знакомых мне по Озеркам лиц запечатлелись и в некоторых персонажах более поздних произведений писателя. Так, особенности характера крестьянина В. Ф. Долганова легко узнаются в образе Витуля из одноименного рассказа. И уж любой озерский старожил подтвердит сходство попа Сунгурова с чагадаевским попом Никанором из романа «Гуси-лебеди».

Уже осенью 1904 года, когда я прибыл в Озерки, всюду чувствовалось приближение революционной бури. С этим, несомненно, был связан интерес к политическим вопросам, наблюдавшийся в учительских кругах. Я тоже интересовался политическими веяниями и — более того — старался вызвать такой интерес в среде учащихся. Первую половину урока обычно отводил прохождению программного материала, а потом читал вслух революционные брошюры и листовки. Саша Скобелев однажды сказал мне по этому поводу:

— Когда вы начинаете урок, вид у вас бывает невеселый, а когда вынимаете из кармана запретную книжечку, — сразу веселеете...

Как я уже говорил, среди учащихся было много детей крестьян. От отцов и дедов им передавалась мечта о земле, отрицательное отношение к помещику, попу, чиновнику. И естественно, брошюрки, в которых говорилось о революции, о свободе, о необходимости справедливого распределения земли, производили на них огромное впечатление. Со временем революционная литература стала попадать и в руки учащихся. Ее привозили из городов бывшие второклассники. Это были книжки, листовки, отдельные номера газеты «Борьба»[1]. Кое-что давал ребятам и я, в частности «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса. Помню, возвращая мне эту книгу, Саша сказал:

— Читали все вместе и обсуждали прочитанное.

Потом, уже в дни революции, группа школьников, в которой был и Саша, посещала меня на дому. Засиживались за полночь. Читали статьи по аграрному вопросу, спорили о том, к чему приведут революционные события. В программах политических партий ни я, ни мои собеседники толком не разбирались: нас стихийно захватила и подняла всеобщая волна возмущения существующими порядками.

С осени 1905 года в уезде резко усилились революционные действия. Бастовали железнодорожники. Предавались огню барские имения и хутора в Борковке, Никольске-на-Черемшане и других селах. Крестьяне захватывали землю и хлеб у помещиков. Естественно, что вести об этих событиях вдохновляли учащихся нашей школы, обостряя у них чувство протеста против церковно-монархического школьного режима.

На уроках попа Сунгурова раздавались возгласы: «Упразднить закон божий!», «Долой законоучителя!». Саша Скобелев, пускаясь в споры с Сунгуровым, заявлял, что вера в божественное творение мира основана на людской несознательности и темноте, а церковные службы есть не что иное как театральные представления. Негодованию Сунгурова, конечно, не было предела. Он чаще обычного прибегал к «воспитанию линейкой», стращал учащихся «божьей

карой», исправником и становым приставом. К Саше Скобелеву он относился с нескрываемой ненавистью, видя в нем зачинщика «школьной смуты».

Но его уже никто не боялся. Ученики теперь открыто и в любое время покидали школу. Саша и его друзья еще более сблизились с революционно настроенной крестьянской молодежью. Они посещали так называемые «собрания сочувствующих», проходившие в дубовой роще, читали их участникам вслух революционные брошюры. Эти собрания потом разгонялись, но вначале, поскольку полиция была из местных жителей, проходили как-то безнаказанно.

Между тем обстановка в самой школе все более накалялась. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, явилось то, что торговец Слепцов сбыл для школьной столовой червивое мясо и тухлую рыбу. Учащиеся решили бастовать.

Однажды вечером Скобелев пришел ко мне и, сообщив о готовящейся забастовке, показал текст составленной им «петиции», которую предстояло вручить администрации школы. В петиции говорилось, что в школе царит ужасная атмосфера, заглушающая светлую мысль и добрые порывы учащихся — детей крестьян, стремящихся к знанию и деятельности на благо народа. Годы «церковной науки» не наделяют будущих учителей теми знаниями, которые они могли бы передать своим питомцам, чтобы помочь им в усвоении трезвых взглядов на жизнь. Школа научает лишь одному — умению покорно нести «тяжкие цепи грубой тьмы, тяжелого гнета и нравственного уродства». Далее обрисовывалось невыносимое положение учителей — выпускников школы: нужда, голод, грошовая оплата труда. «Петиция» требовала превращения школы из церковной в общеобразовательную, передачи ее в ведение земства, бесплатного обучения, расширения программы за счет гуманитарных и естественных наук, улучшения питания и т. д. Прочитав текст, я сказал Саше:

— Ну, что ж, написано неплохо. Советую действовать.

Кстати сказать, я, с согласия Саши, снял с «петиции» копию и на другой день послал ее в Санкт-Петербург в редакцию небольшого учительского журнала либерального направления, где она и была напечатана[2].

События в школе развертывались так. Поутру, в час начала занятий, учащиеся пригласили учителей в одну из аудиторий. Скобелев, по поручению товарищей, вслух прочел «петицию» и заявил, что учащиеся объявляют забастовку и не приступят к занятиям до тех пор, пока их требования не будут выполнены. В случае же отказа удовлетворить эти требования, они все до единого покинут школу. Сунгуров был буквально ошеломлен таким поворотом дела. Оправившись от смятения, он прибегнул к увещеваниям, потом

к угрозам, но ничего не добился. Схватив шляпу, он под свист и улюлюканье выбежал из класса.

Вскоре на дому у Сунгурова состоялось спешное заседание школьного совета, на которое прибыли земский начальник помещик Волков и становой пристав Саперский. Я отказался явиться на заседание, письменно мотивировав это тем, что совет, в нарушение существующих правил, созван вне стен школы и с участием посторонних лиц. Как потом стало известно, совет отверг требования учащихся и решил ходатайствовать о закрытии школы после завершения учебного года. Затрагивался вопрос об аресте «главарей забастовки» Скобелева и Свидерского, но это было признано «несвоевременным», так как могло вызвать возмущение в селе. Пристав ограничился обысками у Саши и у меня. А ночью шайка черносотенцев выбила окна в доме, где я жил, что преждевременно свело в могилу моего больного отца.

Характерно, что Саша, узнав о выходке черносотенцев, решительно заявил мне:

— Мы, Алексей Иваныч, отомстим за это. Завтра же у попа не останется ни одного стекла в окнах!

— Нет, дорогой Саша, — сказал я, — это — недостойный, анархический прием борьбы. Ценю твою честность и смелость, но от такой мести рекомендую воздержаться.

Когда учащимся объявили, что их требования отклоняются, они, собрав пожитки, гурьбой, с песнями про «консерватора Сунгурова», которые сочинил Саша, покинули школу и разбрелись по родным селам и деревням. Волна революционного движения в уезде постепенно спадала, и через какое-то время второклассников вызвали в Озерки. Занятия продолжались. В начале лета состоялся последний выпуск школы. Группа учащихся третьего отделения, в том числе и Саша Скобелев, получили звание учителя «школы грамоты». Школу закрыли, ее здание по частям продали и развезли в окрестные села.

Но дело этим не закончилось. В феврале 1906 года поведение Скобелева как «богоотступника» и обладателя «малых верноподданнических чувств» обсуждалось Самарской духовной консисторией. С того времени он и я оказались на подозрении. Мне было запрещено учительствовать в Ставропольском уезде. Попало, к слову говоря, и попу Сунгурову за «халатность»: его лишили наградных выдач, подвергли экзамену по богословию и понизили в должности[3].

Конечно, теперь, по прошествии полувека, я отчетливо представляю себе ограниченный, наивно-либеральный характер озерской забастовки. Разве можно было искоренить царивший в школе казенный дух, надеясь на «петиции», обращенные к школьной администрации, и не затрагивая основ существующего строя? Ко-

нечно, нет. А ведь второклассники с моего одобрения именно так и действовали.

И все же школьная забастовка, по-моему, не прошла даром. С нею было связано гражданское возмужание ряда учащихся и прежде всего — Саши Скобелева. Он потом говорил мне, что учение в Озерках, закончившееся забастовкой, расширило его кругозор, дало немалый запас жизненных наблюдений, заставило всерьез задуматься над контрастами современной действительности.

Здесь, в Озерках, начался его писательский путь. Еще до окончания школы в журнале «Вестник трезвости» появился первый рассказ Саши «Горе залили». Надо было видеть его радость! Он буквально не расставался с номером журнала, в котором был напечатан рассказ. С ним и снялся на фотографии выпускников...

Жизнь моя сложилась так, что после Озерок я не раз близко соприкасался с Александром Неверовым. Но это уже особая тема для воспоминаний.

---

[1] «Борьба» — нелегальная большевистская газета, издававшаяся Самарским комитетом РСДРП в 1906 году.

[2] Петиция была опубликована в журнале «Вестник учителей», СПб, 1906, 7 мая.

[3] Постановление Самарской духовной консистории см. в кн.: Н. Страхов. Александр Неверов, стр. 44—45.

Д. И. Акимов

А. НЕВЕРОВ В НОВОМ ПИСЬМЕРЕ

Даниил Ильич Акимов (р. 1893) — крестьянин, живший до революции в деревне Новый Письмерь Ставропольского уезда Самарской губернии. Его воспоминания об А. Неверове даются в литературной записи, сделанной в 1958—1959 годах. Публикуются впервые.

ДЕРЕВНЯ Новый Письмерь была небольшая — дворов пятьдесят. Расположилась она на землях, арендованных пришлыми безземельными крестьянами в Удельном ведомстве. Земли не хватало, а из-за леса и пастбищ у мужиков шли постоянные распри с местной администрацией ведомства.

Свое название деревня получила по речке Письмерке, протекавшей вблизи. Еще называли ее — Заведенье, что значило: тут завелись хозяйством.

Люди жили в бедности и темноте. Многие оставались совершенно неграмотными. Правда, года за два до первой революции, после настойчивых хлопот группы передовых крестьян, в деревне открыли «школу грамоты». Но что это была за школа! Четыре-пять столов в полуразвалившейся крестьянской избе, несколько учебников, которыми ребята пользовались по очереди. Тетрадок — в обрез. К середине зимы обычно шли в ход старые, исписанные тетрадки: в них писали между строк. Знания школа давала очень ограниченные. Закончивший ее мог с трудом читать, писать и считать до тысячи. Но и в такой школе училось не более половины всех детей[1].

Ранней осенью 1906 года по деревне разнеслась весть: приехал новый учитель, Скобелев Александр Сергеевич. Скоро все его перевидали. Молодой, сероглазый, немногословный, в потрепанной стеганой куртке, на ногах — ступни[2]. Пожитков нет, только связка книг. Обратили внимание, что он не стал, как прежние учителя, квартировать у богачей Царевых, хотя те, слышно, его приглашали. Поселился он в семье бедного крестьянина Н. М. Иванова. Новописьмерцам это понравилось, но объяснение такому поступку давалось разное. Кто говорил, что новый учитель богачей не уважа-

ет, кто полагал, что жить у Царевых ему «не позволяет жалованье», на что, дескать, сетовал и его предшественник. Царев-старик посмеивался в бороду:

— Фамилия генеральская, а с нищим схож...

Припоминается первый мой разговор с учителем. Когда ребятишки осенью пошли в школу, я тоже пошел, хотя уже имел свидетельство об ее окончании и считался «мужиком». По наивности мне думалось, что раз приехал новый учитель, значит, можно учиться «дальше». Скобелев выслушал мои доводы, глянул свидетельство и рассмеялся:

— Тебе, брат, тут делать уже нечего. Я сам чуть побольше твоего знаю...

Потом отправился он со мной к отцу и стал советовать ему отдать меня в Мелекесс на дальнейшее ученье. Отец ответил, что и рады бы, да не по карману, а в хозяйстве нужны работники. На том и кончилось.

Ребятам учитель понравился: все у него понятно, не дерется, интересно рассказывает про зверей и птиц, про небо и звезды. Последнее означало беседы по естественной истории, ради которых учитель «урезал» уроки всем надоевшего «закона божия». Говоря «про небо и звезды», он пояснял, что сотворение мира богом в семь дней — сказка, а чудес на свете не бывает.

Скоро учитель Скобелев сблизился с крестьянами, особенно с теми, которые были у властей на дурном счету. Так сошелся он с моим старшим братом Василием, человеком прямым и резким. Кстати, Василий уговорил его переселиться в дом нашей тетки — там было попросторнее и почище, чем в избенке многодетного Иванова. Друзьями учителя стали также Иван Чумаков, Михаил Шмелев, Кузьма Забралов, Осип Казаков, Семен Большаков, Павел Грачев и другие сознательные крестьяне, настроенные против существующих порядков.

О Павле Грачеве следует сказать особо.

Ему было лет пятьдесят. В деревне его по справедливости считали самым начитанным и осведомленным человеком. Он выписывал газеты. Не только новописьмерцы, но и крестьяне окрестных сел обращались к нему за советами и разъяснениями. Грачев был неутомимым ходоком по мужицким делам. Добиваясь «правды для общества», он не раз побывал в Самарском удельном округе и даже в Удельном департаменте в Петербурге. В Новом Письмере и поныне помнят слова, которые он любил повторять: «Я ее из-под земли вытащу, под водой найду, эту самую правду». Не знаю, каким путем он убедился, что «ходить» за правдой бесполезно, но знаю, что в конце концов это произошло. Может быть, сказалось влияние Скобелева.

За выступления против властей Грачева не раз подвергали обы-

скам, арестам. О своей вере в революцию, несмотря на это, он говорил открыто и безбоязненно:

— Пятый год воротится, попомните мое слово.

Павел Грачев умер в первые советские годы, а его сын, большевик, хорошо сражался против белых в гражданскую войну[3].

Все эти люди, окружавшие учителя Скобелева, составляли что-то вроде кружка. Собирались они по вечерам в избе Шмелевых, потом у нас. Окна завешивались одеялами, дерюгами. При свете маленькой лампы учитель читал мужикам вслух какие-то листовки и брошюры, вел долгие беседы. Меня на эти собрания не пускали. Когда, как-то дождавшись прихода мужиков к нам, я спрятался на полатях, брат Василий приказал:

— Ну-ка, марш на гумно за соломой!

Возвратившись с гумна, я уже не попал в избу — она оказалась запертой на крючок изнутри.

Бабы в таких случаях сами уходили к соседям.

Конечно, и при известной конспирации многие знали, о чем идет речь на тайных собраниях. Знал кое-что и я. Мой двоюродный брат Николай, побывав однажды вечером у Шмелевых, пришел к нам и при мне заявил отцу:

— Брось, дядя Илья, посты признавать — бога нет.

Отец всполошился:

— Как — бога нет?

А Николай ему:

— Так. Бога нет и царя скоро не будет. Это нам учитель сказал...

Василий помалкивал, зато Михаил Шмелев на вопрос отца: «Про что вы там калякаете?» ответил:

— Про войну с богатыми.

Как потом выяснилось, на собраниях мужики, под впечатлением прочитанного, рассказывали учителю о своей горькой жизни, о притеснениях, которые они терпят от купца Хайдорова и управляющего 2-м Сахчинским имением Удельного ведомства Икорникова. Об этих «живодерах», как их называли в деревне, Скобелев написал несколько статей в газету «Симбирские вести». Статьи напечатали, скрыв фамилию автора (наверное, по его желанию). Когда газеты пришли в деревню, Павел Грачев зачитывал статьи мужикам, собравшимся возле его избы[4].

Осмелев, мужики пошли в «наступление» против утеснителей. Они дотла разметали плотину, которой Хайдоров самовольно запрудил речку Письмерку, лишив крестьянский скот водопоя. А потом толпой направились на усадьбу Удельного имения, где во дворе находилась их скотина, загнанная лесником Маркеловым, — несколько десятков лошадей и коров. Загонялась она по приказу

Икорникова с лесных порубок «за потраву», хотя формально пасти скот на порубках разрешалось. Крестьян в связи с этим буквально замучили штрафами.

Придя ко двору, толпа стала требовать «освобождения» скотины без штрафных. У ворот стоял лесник Маркелов. Размахивая ружьем, он кричал:

— Не лезьте, стрелять буду!

Тогда брат Василий — он был богатырской силы человек — на моих глазах вырвал у Маркелова ружье и переломил его о колено. Толкнув лесника так, что тот отлетел на сажень, он сбил замок, открыл ворота и крикнул в толпу:

— Не бойся, народ, царских собак! Забирай скотину!

Понятно, что вся эта «смута» не осталась без последствий. При этом злоба «пострадавших» обратилась прежде всего против учителя Скобелева. Хайдоров, живший в Мелекессе, не нашел ничего лучшего, как самолично явиться в Новый Письмерь, чтобы «отходить писаку кнутом». Но мужики, прослышав об этом, окружили школьную избу, где шли занятия, кто с вилами, кто с топором, кто — с оглоблей. Увидев, что за кнутобойство можно поплатиться головой, направлявшийся было к школе купец повернул назад и, не мешкая, отбыл в Мелекесс.

Иначе поступил Икорников. Он обратился в редакцию «Симбирских вестей» с «опровержением», которое вскоре было напечатано. В нем, как я помню, говорилось, что сведения о неправильных действиях его, Икорникова, и других служащих Удельного имения, приведенные в газете, являются будто бы сплошной ложью. Икорников настаивал на привлечении редактора газеты и автора статей к судебной ответственности наряду с «потравщиками», которые, по его же милости, уже с полгода значились подсудными.

Получив газету с «опровержением», новописьмерские крестьяне собрались на сход и единогласно вынесли приговор, в котором подтвердили правильность статей. Газета и его опубликовала, сделав приписку, что, дескать, вот какая штука получается: лжет не автор статей, а господин управляющий имением.

Приговор, как мне впоследствии рассказал брат, составляли Скобелев и Грачев. Я не могу целиком восстановить его в памяти, но некоторые моменты запомнились на всю жизнь. В нем говорилось, что жители села, мужики и бабы, предъявляют Икорникову обвинение во лжи и насилии над крестьянами, над автором статей и редактором газеты. Сход уполномочивал Павла Грачева выступить от его имени на суде с разоблачением хитростей и «прижима» крестьян. А заканчивался приговор тем, что все новописьмерское крестьянское общество выражало готовность явиться в судебный зал, чтобы защитить правду и заклеймить позором господина

Икорникова. О том, кто является автором статей, в приговоре, конечно, не было сказано ни слова[5].

То ли до схода, то ли после него крестьяне, прихватив охотничьи ружья, двинулись к удельному имению. Подступив на близкое расстояние, они долго палили по лесным кордонам имения пулями и «волчьей» дробью. Ребятишки и теперь, полвека спустя, еще находят в стенах бывших караульных помещений крупные дробины.

Тут уж дело приняло серьезный оборот. О новописьмерском «бунте» стало известно в Самаре. В деревню нагрянул карательный отряд. Началось дознание. Частью мужиков перепороли, частью арестовали и увезли в Ставрополь.

Особенно усердно каратели искали «смутьяна Скобелева» и моего брата Василия. Старшие чины перекопали бумаги учителя, ходили по дворам и под разными угрозами требовали указать, где он прячется. Потом, видно, убедившись в отсутствии Скобелева в деревне, заставляли крестьян дать показания, что именно он является автором статей, направленных против «достойных личностей» и вызвавших «бунт». В деревне любой знал, кто писал статьи, но никто не выдал учителя. Как ни строго велись допросы, крестьяне говорили одно и то же: «Про статейки знаю, кто сочинял — не знаю». Думаю, что не дали показаний против учителя и два-три деревенских богатея: они боялись мести со стороны населения и вели себя тихо.

Куда девались Скобелев и брат Василий я узнал только через несколько лет. Оказывается, когда прошел слух, что едут стражники, учитель сказал Василию:

— Дуй поскорей из деревни, а я — за тобой.

Василий в ту же ночь тронулся, никому не сказавшись, в Мелекесс. Скобелева же вывез кружным путем, тоже ночью, Семен Большаков в село Старую Бесовку, где он хоронился у знакомых.

Потом был суд в Ставрополе. Чем он закончился, в точности сказать не могу. Только несколько участников «бунта», в том числе Павел Грачев, долго сидели в тюрьме. Учителя Скобелева в Новом Письмере мы больше не видели, и пострадал ли он — я до сих пор не знаю[6].

За полвека в нашей деревне сменилось немало учителей. Были среди них очень хорошие. Они пользовались уважением крестьян. Но самую дорогую память оставил по себе все-таки Александр Сергеевич Скобелев, хотя служил он у нас только восемь-девять месяцев. Эта память переходит из поколения в поколение. Отцы передают ее сыновьям, деды — внукам. И любой знает, что был в темные годы произвола и насилия в нашей заброшенной деревушке честнейший человек, живший с крестьянской беднотой душа в душу и защищавший ее интересы, подвергая себя опасности.

Конечно, добрая память об учителе Скобелеве связана и с тем, что в дальнейшем он, как мы узнали после революции, стал видным советским писателем Неверовым и создал замечательные книги о крестьянской жизни.

---

[1] «Школы грамоты» — начальная ступень наиболее консервативной, церковно-приходской, системы образования в царской России. Школой заведовал священник. В ней были два отделения или класса (в полной церковно-приходской школе — три). Особое внимание в таких школах обращалось на религиозно-нравственное воспитание учащихся.

[2] Ступни — разновидность лаптей. Носились без обор и онуч и напоминали галоши.

[3] Павел Грачев впоследствии был выведен А. Неверовым в рассказе «Пропавшая страна» (1914) под своим именем. См.: I, 232.

[4] Корреспонденции А. Неверова из Нового Письмеря см. на стр. 15—22 настоящего сборника.

[5] Как установлено, оба этих документа — «Опровержение» и «Приговор крестьян общества деревни Нового Письмеря» — были опубликованы в № 344 и 362 газеты «Симбирские вести» за 1907 год.

[6] В связи с новописьмерским «делом» А. Неверов, по предписанию начальника Самарского губернского жандармского управления от 11 июля 1907 года, был подвергнут обыску. Обыск происходил 15 июля 1907 года в Новиковке. (Государственный архив Куйбышевской области, ф. 468, оп. 1, ед. хр. 1394). Каких-либо улик, недостававших для судебного преследования А. Неверова, при обыске, по-видимому, не было собрано. См. об этом: А. Панкова-Скобелева. Сестра о брате, стр. 187—190 настоящего издания.

В. Ф. Чуваева

В НОВИКОВКЕ

Васса Фроловна Чуваева (1886—1961) многие годы была учительницей на родине А. Неверова — в селе Новиковке Ставропольского уезда Самарской губернии (ныне — Старо-Майнский район Ульяновской области), где и познакомилась с писателем. Впервые ее воспоминания об А. Неверове под названием «Душевный человек» появились в старомайнской районной газете «Ленинская искра» 20 августа 1958 года. Ниже публикуется переработанный и дополненный текст этих воспоминаний с включением в него отрывков из писем В. Ф. Чуваевой Н. Страхову. В неполном виде приводимый текст был напечатан в газете «Волжская коммуна» (г. Куйбышев), 26 октября 1969 года.

С АЛЕКСАНДРОМ Сергеевичем Неверовым я часто виделась в летние месяцы 1907—1910 годов. Будучи тогда учителем «школы грамоты» в деревне Камышовке Ставропольского уезда, он каждое лето навещал родную Новиковку.

Однажды вечером, кажется, в 1907 году, мы сидели с подругой учительницей в опустевшей на время каникул школе и о чем-то беседовали. Вдруг в дверь сильно постучали и раздался басовитый мужской голос:

— Именем закона — открывайте!

Переполошившись, мы не сразу поняли, что это — шутка Александра Сергеевича.

— Что, не нравится? — спросил он, входя в класс и смеясь. — А я начинаю привыкать к полицейской манере обращения. Так сегодня кричал у дверей моего «кабинета» становой пристав. Обыскивали, все перерыли... Потом требовали какую-то бумагу подписать, тоже «именем закона». Я, представьте себе, ни читать, ни подписывать не стал...

Еще со школьной скамьи Александр Сергеевич находился у властей на подозрении, и органы полиции и жандармерии нередко беспокоили его. В описываемые годы у него было в Новиковке несколько обысков — дневных и ночных. Производили их пристав и урядник с понятыми.

Что касается так называемого «кабинета», то под него писатель приспособил пустовавшую на усадьбе деда конюшню. Из ста-

рых досок сколотил «стол» и «диван», соорудил полки для книг. Стены оклеил газетами. Здесь он писал и читал.

Книги тогда в селах были редкостью, и он покупал их на свое грошовое жалованье в Самаре и Симбирске, главным образом у старьевщиков. Привозил с собой по две-три связки. С радостью рассказывал об удачных покупках, гордился, что владеет «целым кладом» — почти всеми сборниками «Знание», выходившими тогда под редакцией М. Горького[1]. Составлял каталог, куда аккуратно заносил каждую раздобытую книгу.

Нам с подругой учительницей Александр Сергеевич нередко читал вслух. Чтецом он был замечательным... Всех вещей, которые он читал, я не помню, слушательницы мы были молодые и не очень внимательные... И времени с тех пор утекло много. Помню только, что это были произведения «подмаксимовиков» (так тогда называли «знаньевцев») и чаще всего Бунина — два или три томика, с которыми Александр Сергеевич не расставался. Наши захолустные «культурные силы» почитали Леонида Андреева, Арцыбашева зачитывали «до дыр», а его увлекал Бунин. В отношении к крестьянству и учительству Александр Сергеевич не соглашался с ним. Захлопнет книжку и скажет: «Ну, не так же, не так, а за душу берет. А вы что думаете по сему поводу, барышни?» Нам, конечно, трудно было с ним тягаться в знании изящной словесности. Я торопилась предложить: «Давайте чай пить».

Вообще он читал много и все, бывало, оценивал: что так, что — не так. Любил «Печаль полей» С. Сергеева-Ценского и его стихотворение в прозе «Погост», в котором, как он считал, верно изображена серая учительская жизнь. Запоем читал М. Горького, интересовался творчеством В. Муйжеля, С. Гусева-Оренбургского, В. Вересаева, И. Шмелева, Е. Чирикова[2].

Каждое лето Александр Сергеевич выпускал в Новиковке рукописный журнал «Полушка». Это были тощие тетрадочки в осьмушку писчего листа, исписанные его мелким, но разборчивым почерком. В журнале помещались короткие зарисовки из жизни крестьян, духовенства, учителей. Были также стихи, эпиграммы и раскрашенные цветными карандашами карикатуры. Знакомясь с очередным номером «Полушки», мы не раз дивились способности Неверова подметить в человеке какую-нибудь характерную черточку, схватить в нем то, что отличает его от других. Журнал переходил из рук в руки, читали его и грамотные крестьяне.

Александр Сергеевич очень любил театр, сцену. Я слышала, что в деревнях, где ему приходилось учительствовать, действовали школьные драматические кружки, включавшие и окончивших школу парней и девушек. В описываемые годы он долго носился с мыслью образовать в Озерках драматическую труппу из учителей (там их насчитывалось с десяток) и подбирал для нее репертуар

из «серьезных» пьес, называя «Грозу» и «На бойком месте А. Островского, «Женитьбу» Н. Гоголя, «Савву» Л. Андреева. Сам Александр Сергеевич мечтал создать и поставить в Озерках драму из крестьянской жизни и, кажется, уже работал над ней. Однако его затея организации «Озерского театра», поддержанная друзьями-учителями, не была осуществлена.

В Новиковке Неверов готовился к сдаче экстерном экзаменов за несколько классов гимназии. Экзамены предстояло держать в Ставрополе[3]. Прошли они успешно. Александр Сергеевич, волновавшийся накануне, вернулся домой в приподнятом настроении и, потирая руки, говорил:

— Нам, мужикам, положено образование своим горбом зарабатывать. Ну, что же, так прочнее, надежнее....

Последний раз я виделась с Неверовым в августе 1923 года, когда он — уже известный писатель — приехал в родные места из Москвы. Вид у него был неважный: лицо осунувшееся, болезненное, только улыбка светилась по-прежнему. Вспомнили о минувшем, посмеялись, погрустили. Больше встретиться не пришлось. В конце декабря газеты принесли весть о его кончине...

---

[1] Сборники выпускались книгоиздательством «Знание» в Петербурге в 1904—1914 годах и пользовались большой популярностью. Содержание сборников определялось лучшими произведениями русской демократической литературы того времени. В частности, в них были впервые опубликованы «Мать», «Городок Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина» М. Горького, «Вишневый сад» А. Чехова, «Поединок» А. Куприна.

[2] Муйжель В. В. (1880—1924), Гусев-Оренбургский С. (1867—?), Вересаев В. (1867—1945), Шмелев И. С. (1873—1950), Чириков Е. Н. (1864—1932) — русские писатели.

[3] Речь идет об испытаниях, которые А. Неверов сдавал в Ставропольском городском трехклассном училище летом 1908 года. Сдав их, он получил звание «учителя начальных училищ» и право занимать учительские должности в земских школах и школах Министерства народного просвещения. См. по этому вопросу: Н. Н. Фатов. А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества, стр. 25—26.

Ф. П. Муромцев

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Федор Петрович Муромцев (1883 — ?) — сельский учитель, поэт. Печатался в журнале «Жизнь для всех». В дореволюционные годы был близко знаком с А. Неверовым. Его воспоминания написаны в 1926 году и хранятся в ЦГАЛИ (ф. 337, оп. 1, ед. хр. 273). Публикуются впервые, не полностью (три главки из пяти).

Наше знакомство

Литературными способностями А. С. Неверов-Скобелев отличался еще на школьной скамье. Позднее имя его из уст в уста передавалось в той округе, где все мы скромно служили на ниве просвещения и в большинстве своем либо увлекались чтением художественной литературы, либо пробовали писать сами. Я принадлежал к числу последних и искал случая познакомиться с Неверовым.

Как-то во время каникул, кажется, в 1907 году, мне пришлось побывать в Самаре. Зайдя жарким летним днем в «Общежитие учительских детей», я увидел, как незнакомый юноша со светлыми пышными волосами и чуть пробивающимися усиками усердно красил белилами комнатную дверь. Он был бос, одет в синюю рубаху, поношенные штаны, прикрытые спереди промасленным фартуком. Словом, типичный подмастерье, а лицо — интеллигентное, одухотворенное, с искоркой любознательности в серых внимательных глазах.

— Скажите, пожалуйста, — обратился я к юноше, — можно ли видеть заведующего общежитием Петра Васильевича Васильева?[1]

— Он куда-то ушел, — ответил тот.

— Жаль. До свидания.

— А как доложить о вас?

— Скажите, что был Муромцев. Он знает.

И я вышел. Но пройдя шагов тридцать по панели, вдруг слышу оклик:

— Федор Петрович! Федор Петрович!

Оглядываюсь. Подмастерье бежит ко мне, размахивая руками. Волосы развеваются, лицо радостное...

— Позвольте с вами познакомиться: я, кажется, вспомнил ваше имя. Ведь вы тот Муромцев — учитель?

— Да.

— А я — Скобелев Александр. Тоже учительствую. Много слышал о вас...

И он крепко пожал мне руку.

— Так это вы Скобелев-Неверов?

— Я самый. Давно хотелось встретиться...

— Очень рад, так как и я искал этой встречи. Но как вы здесь очутились в роли маляра? Вам пером бы работать...

Тут Неверов рассказал мне вкратце о своем невеселом житье-бытье, о том, как ему приходится добывать кусок хлеба. О своих «пробах пера» говорил просто и чрезвычайно скромно, будто конфузясь. Раскаленная панель жгла его босые ноги, и он, засунув руки за фартук, поднимал то одну ногу, то другую... Расстались мы дружески, точно давно уже были знакомы.

Потом стали переписываться на излюбленную тему — о литературном творчестве. Казалось, что Неверов ничем больше не интересовался тогда, кроме литературы. Стиль его писем был лаконичен и прост, и я читал их с удовольствием. Иногда в письмах были стихи. Мне очень грустно, что вследствие различных обстоятельств эти письма не сохранились...

Зимними ночами

Когда Неверов служил в Камышовке[2], он иногда приезжал с мужицкими обозами ко мне в гости.

...Вот она, зимняя деревенская ночь: загудела, завыла на тысячу ладов метелица, белым вихрем понеслась вдоль убогих избушек и метнулась в поле. Уныло скрипят ржавые петли полуразрушенных ворот. Дует и в окна, и в двери, и сквозь стены. С колокольни слышится медленный, дребезжащий звон, как вопль изнемогшего путника, затерявшегося в далекой степи. Жутко, должно быть, выйти в этакую пору за околицу села и потонуть в бушующей стихии...

Я читаю Неверову свои стихи:

...Вот с колокольни послышался звон,
Сердце сжимающий медленный стон;
Полночь пробил уже сторож-старик, —
Страшен мне вестника медного крик.
Будто о чем-то он вспомнить велит,
Что-то пророчит, зловещее сулит.
Как-то невольно среди темноты

Взор представляет могилы, кресты...
Нет, еще рано! Мне хочется жить
И постепенно свой путь завершить...

Он внимательно слушает и потом рассказывает со всею картинностью о своем одиночестве в деревеньке Новый Письмерь, куда судьба забросила его учительствовать в 1906 году. Место теперешней службы — Камышовка — кажется ему уже не таким глухим и заброшенным, и он рад этому.

Но чаще всего в долгие зимние ночи мы беседовали о литературе. Он искал товарищеской поддержки и сочувствия в своих литературных занятиях, побуждал писать и меня.

Вспоминая теперь об этих встречах, я должен сказать, что Александр Сергеевич всего себя отдавал родной литературе. Было в нем что-то особенное, какой-то вечно не гаснущий творческий огонек. Внешне он производил впечатление рассеянного человека. И для меня как будто существовало два Неверовых: один — наружный, который двигался, нервно ходил по комнате, ерошил свою блондинистую шевелюру, говорил и смеялся; другой же Неверов глубоко и затаенно сидел в первом и был весь охвачен неутолимой страстью творчества...

Но он не сторонился общественности, не замыкался в кругу литературных интересов. Напротив, болел и мучился народными нуждами и невзгодами, хлопотал, защищал, домогался правды для темной крестьянской массы. Помню, один раз ему удалось разоблачить какое-то тонкое, очень чувствительное для крестьян той деревни, где он служил, злоупотребление власть имущих. Неожиданно в печати появилась изобличающая корреспонденция, но вместе с этим возник и сыск: кто написал? Редакция запрашивает автора, тот обращается ко мне за советом. В конце концов имя автора осталось втайне...

Не нужно забывать, что все это было во времена свирепой реакции, когда заступничество за мужика грозило немалыми опасностями.

Первый крупный успех

Не помню, в каком году, в «толстом» журнале «Современный мир» появился рассказ Неверова «Музыка»[3]. Он произвел сенсацию в наших учительских кругах и был безусловно хорош. Пишущий эти строки до сих пор убежден, что по простоте фабулы, социальной заостренности и яркости обрисовки персонажей «Музыка» остается в ряду лучших произведений Неверова. Как бы там

ни было, в ту пору этот рассказ начинающего писателя всецело говорил в пользу его таланта.

Неверов сразу вырос в наших глазах в определенную литературную величину, и мы стали советовать ему со всей серьезностью продолжать творческую деятельность. К сожалению, некоторые жизненные трудности и обстоятельства, как мне казалось, отчасти суживали размах его творчества.

Так мы дружили лет семь. Потом грянула мировая война, начался период бешеных мобилизаций, и мы потеряли друг друга из виду. Личное общение между нами оборвалось, переписка както заглохла...

А все же Александр Сергеевич не забыл старого друга. В 1923 году я жил в Бугурусланском уезде, в глуши. Вдруг получаю бандероль и в ней — повесть «Ташкент — город хлебный» с надписью: «Дружески на добрую память Федору Петровичу Муромцеву. А. Неверов. 5.X-23 г., Москва».

И сейчас, когда я пишу эти строки, неверовский подарок лежит передо мной на столе...

---

[1] До заведования «Общежитием учительских детей» в Самаре П. В. Васильев был учителем Озерской второклассной школы, где учился А. Неверов. См.: Н. Страхов. Александр Неверов, стр. 30, 32, а также стр. 193 настоящего издания.

[2] В деревне Камышовке Ставропольского уезда Самарской губернии А. Неверов учительствовал в 1907—1910 годах.

[3] Рассказ А. Неверова «Музыка» был напечатан в августовской книге журнала «Современный мир» за 1909 год.

П. А. Скобелева-Неверова

ШТРИХИ БЫЛОГО

Воспоминания жены А. Неверова Пелагеи Андреевны Скобелевой-Неверовой (до замужества —Зеленцовой, 1886—1971) были написаны в 1928 году и опубликованы в журнале «Народный учитель», 1929, № 3, стр. 16—31. Они охватывают период с 1909 года по день кончины писателя — 24 декабря 1923 года. В дальнейшем текст воспоминаний неоднократно подвергался авторской доработке. В настоящем издании приводится первая часть воспоминаний (дооктябрьские годы) с учетом исправлений, сделанных после журнальной публикации. Приводимый текст в 1970 году заново просмотрен автором.

ПРОШЛО уже пять лет после ужасной смерти, но мое горе почти все так же остро и мне все так же не хочется верить, что его нет и не будет больше с нами.

Нелегко копаться в памяти прошлого. Это значит — бередить незажившую рану. Еще боюсь я, что могут обвинить меня в пристрастности, сентиментальности. Ведь я близкий ему человек — жена. И все же прошлое не дает покоя, само просится на бумагу.

Познакомилась я с Александром Сергеевичем в 1909 году, когда служила учительницей церковно-приходской школы в деревне Андреевке Ставропольского уезда Самарской губернии. Александр Сергеевич учительствовал в «школе грамоты» деревни Камышовки, в двенадцати верстах. Деревни были маленькие, глухие. По зимам избенки заваливало снегом наравне с крышами. Скука — смертная. Единственным развлечением считалось пойти в соседнее село или деревню к товарищам-учителям. Накануне праздников я обычно уходила к своей подруге в деревню Дурасовку, оставаясь там на ночлег.

Однажды весной, в субботу, подруга сообщила мне, что среди недели приходили к ней трое учителей и один из них писатель — Скобелев-Неверов. Сказала еще, что они уговорились с ним завтра встретиться в колмаюрской церкви у обедни. Потом пойдут к священнику.

Колмаюр — чувашское село между Андреевкой и Камышовкой, где была церковь. Священник там — чувашин, скромный и смирный человек, каким я его помню. Матушка пекла очень вкус-

ные пироги, и учителя из окрестных деревень иногда после обедни заходили в дом священника попить чаю с пирогами.

На этот раз вместе с подругой пошла в Колмаюр и я. Та обещала познакомить меня с учителем-писателем.

В церковь мы заявились ко времени. Вскоре мимо нас прошел на клирос и он. Помню хорошо — на нем была черная пара. Тужурка нараспашку, видна красная рубашка с белым горошком. Лицо простое, грубоватое, волосы длинные, пышные.

После обедни, как и предполагалось, пили чай у священника, потом гуляли за селом. Подруга была из увлекающихся, новый знакомый, как видно, тоже. По дороге они весело болтали — чувствовалось, что им приятна эта встреча. Я же была очень застенчива, особенно с теми, кого видела в первый раз, и, идя чуть поодаль, рвала цветы. Александр Сергеевич мне не понравился...

Все же и я приобщилась к разговору. Помнится, он временами приобретал деловой характер. Говорилось об устройстве учительской кассы взаимопомощи. Александр Сергеевич предлагал установить сумму отчислений — столько-то копеек в месяц с каждого члена кассы, а кассиром рекомендовал выбрать товарища своего — Ф. Е. Комарова (П. Ярового), человека трезвого и честного. Жил тогда Комаров недалеко от нас — в Озерках.

Соблазнял нас учитель-писатель и летней поездкой в Крым. Он уверял, что денег понадобится мало — только на дорогу и скромное питание. «Будем, — говорил он, — ходить везде пешком, а ночлежничать по пословице: «Летом каждый кустик ночевать пустит». Глаза Александра Сергеевича при этом горели верой, что побывать в заветном Крыму очень просто, лишь бы все согласились.

Мы, конечно, были согласны участвовать в обоих задуманных предприятиях, но я сомневалась: сбудется ли все это, как ему хотелось. Так и вышло. Касса, не помню почему, погибла в самом зачатии, на юг тоже не поехали — наверное, не хватило денег.

Увидеться с Александром Сергеевичем той весною мне больше не пришлось: школьные занятия кончились, и мы все разъехались, кто куда. Но летом я была назначена на учительские курсы в Самару. Здесь мы встретились с ним как старые знакомые. Подруга из Дурасовки на курсы не попала, зато нашлись другие подруги, и Александр Сергеевич оказался в нашей компании.

На курсах учителя давали пробные уроки. Давал урок и Александр Сергеевич, не помню, по какому предмету, помню только, что духовное начальство курсов высказалось в его адрес резко осудительно. Он ходил мрачный, съежившийся. Многие коллеги заступались за него, считая, что нападки несправедливы. Начальство же возражало, особенно учительницам, вполне серьезно полагая, что их заступничество вызвано «греховными помыслами», неравнодушием к пышной шевелюре учителя Скобелева.

Кончились курсы, и я уехала на родину — в село Мусорку. Здесь вскорости получилось от Александра Сергеевича письмо с его фотографической карточкой. На обороте — надпись латинскими буквами: «На память хорошей, скромной девушке, которую полюбил».

Осенью на место моей подруги в Дурасовку был назначен Н. М. Моллер, с которым Александр Сергеевич скоро очень подружился. Почти каждую субботу или воскресенье они вдвоем добирались до Андреевки, иногда пешком, невзирая на плохую погоду. Засиживались у меня до полуночи. Александру Сергеевичу всегда не хотелось уходить. Товарищ ворчал на него, сердился. Выйдя, наконец, в прихожую, мой ухажер не находил галош, руки у него никак не попадали в рукава пальто. Товарищ, шутя, поддразнивал его, и они уходили.

В то время я выписывала журнал «Современный мир», и мы часто читали что-нибудь вслух. Иногда я пела гостям романсы под гитару.

Моллер приходил франтом. Пара у него — точно «с иголочки», рубашка выглажена. Александр Сергеевич, наоборот, одевался неважно. Костюм его, купленный на гонорар за рассказ «Музыка», напечатанный в 1909 году, имел уже потрепанный вид. Красная рубашка с белым горошком была старая, помятая, а видела я его почти всегда в ней. Моллер держался джентльменом, Скобелев был неловок, как будто мужиковат на вид, но я все более чувствовала к нему симпатию...

Однажды мои гости явились необычно возбужденными. Я пошла на кухню ставить самовар и когда вернулась и села за стол, то увидела перед собой тоненькую книжечку под заглавием «Серые дни» с надписью: «Посвящается П. А. Зеленцовой». Это был оттиск неверовского рассказа из журнала «Русское богатство». Не подготовленная к такому сюрпризу, я смутилась. Александр Сергеевич тоже был немножко смущен,- но глаза его блестели от удовольствия.

Я поблагодарила, рассказ прочли вслух. Оказалось, что в нем описана моя комната, моя красавица-кошка. «Похожей на меня» представилась учительница Валентина, но автор уверил, что это не так.

Принят был в «Русское богатство» и другой неверовский рассказ — «Преступники». Радости Александра Сергеевича не было предела. Бедный учитель, писатель-самоучка — и вдруг в лучшем столичном журнале! Но вскоре пришло разочарование. В. Г. Короленко писал, что рассказ принят по недоразумению и напечатан не будет. Однако знаменитый писатель просил молодого собрата не падать духом от неудачи, советовал ему упорно работать[1]. Все же Александр Сергеевич тяжело переживал случившееся.

Трудно было ему совершенствовать свой талант, живя в глухих деревушках. Там некому было научить, поддержать творческое горение, дать полезный совет. Мешали и жизненные невзгоды. Слыхала я, что в особенно горькие минуты он выпивал с мужиками, жаловался им на свою судьбу, а те, жалея его, говорили: «Эх, и голова у тебя, Александр Сергеевич, только пропадешь ты здесь с нами».

Осенью 1911 года Александра Сергеевича неожиданно перевели в деревню Колодную Самарского уезда, за сто верст от меня. Очутился он без друзей и знакомых, один на один с нуждой и заброшенностью. Школьные занятия в то время были бесцветны, день проходил вяло. По ночам писал рассказы. Мне он часто жаловался в письмах на одиночество и неудачи.

Иногда загоралась вера в свои силы, в будущее, и Александр Сергеевич делился замыслами, намереваясь создать что-то большое, значительное. Здесь, в Колодной, он написал рассказ «Учитель Стройкин», который с одобрения В. Г. Короленко появился в «Русском богатстве». В рассказе о жизни одинокого учителя было много личного.

Весной 1912 года Александр Сергеевич приехал в Дурасовку к Моллеру погостить. Он часто бывал у меня один или с товарищем, все вместе мы навещали знакомых, и он везде называл меня своей невестой. Пили за наше будущее счастье, но пожениться мы решили только летом: нужно было еще получить разрешение на брак у начальства — наблюдателя церковных школ.

Венчанье состоялось в июле. Мне пришлось купить жениху к венцу рубашку и пиджак, так как вид у него был далеко не «жениховский»...

Осенью нам судьба улыбнулась. По протекции одного высокопоставленного лица нас перевели в Самарское земство, но к тому времени двухштатные земские школы были уже заняты, и устраиваться на службу пришлось в разных школах — за 17 верст друг от друга. Наскоро уложились и двинулись в путь сначала на лошадях, а потом на пароходе по Волге до Самары. Отсюда, снова на лошадях, повезли нас вместе до села Красное Поселенье, где наши дороги расходились врозь: Александр Сергеевич направился в село Супонево, я — в Березов Враг.

Деревня моя оказалась меньше той, где я служила ранее. Кругом степь, глушь, ни одной «культурной души». Крестьяне встретили меня радушно. Давно им хотелось иметь школу для своих детей, и я первая из учителей приехала к ним. Только дивились они, что учить ребятишек будет не мужчина, а женщина, и смотрели на меня как на диковинку.

Скоро сняли избу под школу, другую — для меня, и я взялась за работу. Не было ни парт, ни книг, ни бумаги. Набрали по де-

ревне столов, скамеек. Учеников выявилось очень много — с восьми лет до восемнадцати. Последние среди зимы, не закончив первого класса, уходили жениться. Нашлись кое-какие учебники и тетради, так как здесь иногда занимались с ребятами проходившие по «волчьему билету» студенты. Крестьяне за это кормили их по очереди.

Вскоре приехавший ко мне Александр Сергеевич рассказал, что Супонево больше Березового Врáга, школа уже налажена, а в нескольких верстах — базарное село Кошки, где можно кое-что купить. Рассказал еще, что как только он заявился в Супонево, к нему пожаловал пьяница-урядник и, куражась, объявил о полученном приказании взять под надзор вновь назначенного учителя. За такую «откровенность» пришлось угощать его водкой.

Тут надо заметить, что писатель как «политически неблагонадежный» на основании приказа самарского губернатора находился под негласным полицейским наблюдением вплоть до Февральской революции. От наблюдателей — урядников, попов, псаломщиков — зависела его судьба. Правда, попадались хорошие люди и в этой среде. В большинстве же случаев наблюдатели приносили Александру Сергеевичу неприятности и огорчения. Они и доносы слали, и обыски устраивали, и вообще смотрели на учителей пренебрежительно, свысока. Александр Сергеевич нервничал, сердился, но был вынужден относиться к ним почтительно и осторожно.

В Супоневе писатель закончил рассказ «Без цветов». Прочел мне при встрече и сказал:

— Давай посвятим его нашему будущему сыну. Мы назовем его Борисом, и он тоже будет учителем.

Я согласилась. Рассказ был напечатан в «Жизни для всех» с посвящением. Весной 1913 года у нас родился сын, которого назвали Борисом.

В том же году мы получили назначение в двухштатную школу села Елань. Жили на севере губернии, теперь предстояло спуститься на юг, к границе Николаевского уезда.

Елань, в сущности, была таким же захолустьем, как и Камышовка, Колодная, Супонево. Почта находилась за двенадцать верст в селе Студенцы, больница — там же. Счастье было только в том, что на сельской площади, возле церкви, стояла новая школа. Два класса — большие и светлые, раздевальня, квартира для учителя... Мы, конечно, ликовали, что выбрались из мрачных и грязных изб, где до этого приходилось жить.

Александр Сергеевич взялся за школьное дело, как всегда, с увлечением. Ребят он любил. В большую перемену играл с ними около школы в лапту и снежки. Дети тоже любили своего учителя. После уроков он обучал ребят хоровому пению. Накануне разучи-

вал по нотам на скрипке какую-нибудь песню, а на другой день дирижировал хором.

В Елань не замедлил заявиться из Студенцов урядник. Приехал он утром, когда в школе шли занятия. Александр Сергеевич увидел его в окно и, не мешкая, запел гимн «Боже, царя храни». Ребята звонко подхватили. Когда урядник входил в класс, пели гимн уже вторично, а при нем, для вящей убедительности, спели и в третий раз. После Александр Сергеевич, смеясь, сказал мне:

— Теперь не скоро приедет: наслушался вдоволь.

Урядник и в самом деле долго не появлялся.

С вечера писатель брался за литературную работу и нередко просиживал за рукописями до утра. Бабы, идя утром доить коров, недоумевали:

— Чего это учителю не спится? До третьих петухов у него огонь горит...

Написанное Александр Сергеевич всегда читал мне. Я была, можно сказать, его первым читателем и критиком. Чаще всего написанное мне нравилось, и я говорила:

— Хорошо!

Но он не удовлетворялся этим и переделывал каждый рассказ по три-четыре раза. Меня удивляло его терпение, и я обычно задавала ему один и тот же вопрос:

— Зачем опять переделываешь?

— Не могу, — говорил он, — не нравится.

Однажды прочел рассказ «От неизвестных причин». Я заметила, что описание природы во время засухи и картина молебствия как будто не имеют прямого отношения к содержанию рассказа, к его идее. Он подумал и согласился. Описание засухи и молебствия в дальнейшем послужило началом нового рассказа — «Последнее средство».

Иногда Александр Сергеевич отрывался от работы и прибегал ко мне со словами:

— Потри-ка вот здесь скорее!

Он указывал на плечо сзади, ближе к шее, и ежился от боли. Я растирала плечо рукой, и через несколько минут боль проходила.

— Нервное это, — говорил он и снова садился за работу.

Не мне судить о значении и художественных достоинствах произведений писателя Александра Неверова — это дело специалистов-литературоведов. Но одно я сказать вправе: создавались эти произведения ценой напряженнейшего труда.

В моем представлении Александр Сергеевич был великим тружеником, писателем-подвижником. Многое увлекало его. Бывало, за что ни возьмется, все делает споро, старательно. Грядки в огороде разобьет ровные и аккуратные, плетень заплетет — любой мужик позавидует. Ловко и быстро рубил хворост на дрова. От-

лично переплетал книги. Шил на швейной машине. За все это брался с охотой и любовью, но увлечение все же скоро проходило. Только в литературной работе было у него какое-то неизмеримое и неизменное упорство. Он мог, взявшись за рукопись, не спать несколько ночей подряд, забывал есть и пить, не слышал, о чем его спрашивали...

Живя в Елани, Александр Сергеевич, как и ранее, очень много читал. Книги и журналы он выписывал и брал у знакомых. Кроме того, вел большую переписку с литераторами И. Е. Лаврентьевым[2] и П. Яровым. Переписывался также с В. Я. Муриновым и В. А. Поссе[3], который был в то время редактором «Жизни для всех». Люди эти поддерживали его творческие порывы. Получение журналов и писем было для него праздником.

Непринятие рукописей редакциями действовало на Александра Сергеевича угнетающе. Он делался мрачным, молчаливым. С ним было трудно говорить в такие часы, и я всегда не тревожила его, а выжидала, когда настроение улучшится и он снова заразится надеждой на успех. Свои чувства выливал в письмах. В ноябре 1916 года он писал Лаврентьеву: «Жить нельзя, дышать трудно нашему брату... Мы вошли в литературу, но оказываемся в ней лишними, ненужными в той среде, которая составляет особую касту. Мы любопытны, как выходцы из крестьян, но не интересны. На нас смотрят, но о нас не думают...»

Пришла страшная весть о войне с Германией. Народ заволновался. Мужиков увозили на войну прямо с поля, со жнитва. Много слез было, много горя. Взяли и нашего друга Моллера. Александр Сергеевич значился «ратником ополчения», которых еще не брали. Он ждал своей очереди.

Осенью нашу школу должны были обшить тесом и покрасить. Стали возить от земства доски, краски, гвозди. Александр Сергеевич как заведующий школой все это принимал, расписываясь на документах. Потом явились плотники, маляры.

Под впечатлением ремонтных работ был начат рассказ «Новый дом». Когда я ознакомилась с его первой главой, то сразу узнала знакомую картину. Над рассказом писатель продолжил работу уже в годы революции, изменив его содержание. Прежним осталось только начало.

Зимой 1914 года, кажется, перед «святками», Александр Сергеевич был призван в армию. Его направили в 690-ю пешую дружину, которая стояла недалеко от Самары в поселке Иващенкове. Условия жизни солдат были тяжелейшие. В казармах — теснота, грязь. Спать приходилось на полу. Муштра, грубость, издевательства какого-нибудь зазнайки унтер-офицера, «руки по швам» — все это убийственно действовало на впечатлительную натуру писателя. Письма он слал мне почти каждый день и все жаловался,

что нет никакой возможности работать, невыносимо чувствовать себя «человеком-нулем».

Я понимала его, но помочь было нечем. Да и то сказать: других гнали прямо на фронт, в пекло войны. Значит, и в тяготах тыловой службы была все же доля «счастья».

Как человека хорошо грамотного Александра Сергеевича назначили ротным писарем. Стало немного полегче. Добыл он себе кровать, купил керосиновую лампочку и стал по ночам работать. В 1915 году ему прислал три письма М. Горький. Письма были теплые, ободряющие[4].

Вскоре Александра Сергеевича определили на фельдшерские курсы в Самаре, а после их успешного окончания — на должность ротного фельдшера при местном военном лазарете. Будучи человеком нервным, с добрым и ласковым сердцем, он не мог равнодушно относиться к стонам раненых, к грубому обращению с ними, которое тогда не было редкостью. Сам обращался с ранеными бережно и внимательно, и они любили его. Тяжелее всего было вскрывать трупы умерших, что вменялось фельдшерам в обязанность. Первый раз при вскрытии с Александром Сергеевичем случился обморок. В дальнейшем стал привыкать. Бывало, придет ко мне (я наезжала к нему из Елани и жила поблизости от лазарета) и спросит, показывая руки:

— Пахнет покойником? Я сегодня вскрывал...

И при этом поморщится.

Повторялись порой приступы той боли, от которой я растирала ему плечо и шею. Как-то, выслушав его, лазаретный врач сказал:

— Если будешь заниматься умственным трудом чрезмерно и много курить, у тебя разовьется грудная жаба и ты можешь умереть внезапно.

В лазарете военный режим был слабее, но все же «козырять» и держать «руки по швам» приходилось. Этого требовал начальник лазарета, человек мелкий и вздорный, которого прозвали Бородой. Однажды Борода спросил Александра Сергеевича:

— Ты, кажется, пишешь? — Начальник всем говорил «ты».

Тот от неожиданности смутился, и рука его стала поправлять ремень гимнастерки. Тогда Борода закричал:

— Стоять перед начальством не умеешь, пшел!

В дни Февральской революции это начальство притаилось и долго не объявляло о случившемся. Все же потом собрали служащих и объявили. Александр Сергеевич выступил на собрании с речью. И досталось же от него Бороде! Он был смещен с должности, а фельдшера Скобелева как самого смелого и сознательного выбрали в Самарский городской Совет военных (впоследствии — солдатских) депутатов

Осенью 1917 года Александр Сергеевич вместе с другими учителями был отпущен со службы и вернулся домой. Крестьяне, узнав, что он — фельдшер, повалили к нему со своими болезнями. Пришлось запастись кое-какими лекарствами — хиной, валерьянкой, йодом, фенацетином и т. д. В возможной медицинской помощи он никому не отказывал. Результаты лечения нередко бывали удачными, и бабы совали «лекарю» яйца, хлеб, пироги.

С крестьянами Александр Сергеевич часто беседовал на политические темы, помогал разобраться в трудных вопросах. Помню, как в начале 1918 года он собрал возле школы женщин и долго объяснял им, какие права дает женщинам-труженицам Советская власть.

Зимой, после святок, он ездил в Самару по какому-то делу, на обратном пути ночевал на постоялом дворе около станции и заразился сыпным тифом. Вернулся в состоянии недомогания: знобило, лихорадило. Потом стало хуже. Помню его, сидевшего на стуле. Лицо серое, больное, на плечи накинута моя теплая шаль. Лежать в постели не хотел, думал «побороть болезнь».

Когда положение ухудшилось и начался бред, я повезла Александра Сергеевича в Студенцы — в больницу. Но больница за неимением дров была закрыта. Пришлось ехать в Самару — сорок верст на лошадях и верст пятьдесят на поезде. Здесь после долгих мытарств по больницам я с большим трудом и слезами приместила своего больного в тифозный барак. Врач сказал мне, что кризис болезни уже миновал. Больной стал постепенно поправляться. Я устроилась на квартире и каждый день навещала его. Недели через три вернулась в Елань.

Уже вскоре после Октябрьской революции Александр Сергеевич задумал перебраться в Самару, чтобы заняться исключительно литературным трудом. На революцию он смотрел как на событие огромной важности, сулившее и расцвет родной литературы. Болезнь задержала отъезд до весны 1918 года. Поправившись, он двинулся в дорогу.

Начиналась новая жизнь...

---

[1] См. об этом: В. Скобелев. Александр Неверов, стр. 18—21. Н. Страхов. Александр Неверов, стр. 83—97.

[2] Лаврентьев И. Е. (1879—1941) — сельский учитель, литератор, сотрудник журнала «Жизнь для всех».

[3] Мурнинов В. Я. (1863—1919) — литератор, член редакции «Жизни для всех». Поссе В. А. (1864—1940) — литератор, редактор ряда дореволюционных журналов, в том числе журнала «Жизнь для всех».

[4] См. об этом: В. Скобелев. Александр Неверов, стр. 42—44.

Н. Г. Виноградов-Мамонт

ХУДОЖНИК ЯРКОГО ДАРОВАНИЯ

Николай Глебович Виноградов-Мамонт (1893—1967) — драматург и театральный деятель. Офицер царской армии, в 1917 году перешел на сторону Советов. Участвовал в гражданской войне в качестве командира Красной Армии. Его воспоминания об А. Неверове написаны в 1961 году и были опубликованы в литературно-художественном альманахе «Волга», 1962, № 26, стр. 86—101, под названием «А. С. Неверов. (Из воспоминаний.)» Приводятся по рукописи, в сокращенном варианте.

1

В ДЕКАБРЕ 1919 года я был направлен на Туркестанский фронт в распоряжение М. В. Фрунзе. Штаб фронта стоял тогда в Самаре, но Фрунзе уже уехал в Ташкент. В штабе фронта я получил назначение: формировать конно-артиллерийский дивизион Туркестанской кавалерийской дивизии. Выдали мне приказ, трехдневный «сухой паек» и ордер на комнату в доме № 110 по Шихобаловской улице.

Зашел в редакцию газеты. Узнал, что здесь существует литературный кружок «Звено», который собирается по средам в канцелярии университета на Самарской улице. В первую же среду в 7 часов вечера я направился туда...

Дымная комната. Раскаленная «буржуйка». На стульях лежит человек, плотный, лет пятидесяти, накрывшись картой Европы.

Я представился. В ответ услышал:

— Проректор... профессор Хвостов (или Хитров — точно не помню). Вам «Звено»? Местные Гоголи и Толстые скоро соберутся. Здесь, в этой комнате.

(Профессор оказался при дальнейшем знакомстве весьма приятным человеком... Жил бобылем. Откуда-то эвакуировался).

Скоро появились члены «Звена». Вошел Н. А. Степной. Протянул мне руку.

— Из Москвы? Ну, как Москва? Бурлит? А я лекции читаю красноармейцам. Начинаю с псалмов Давида, перехожу к былинам и заканчиваю Горьким!

— Есть драматурги в «Звене»?

— Неверов. Пьесу «Бабы» на конкурс послал. Помяните мое слово — первую премию схватит! Я пришлю его к вам почитать. Дайте ваш адрес.

18 декабря, в канун моих именин, жена моя, Калерия Арсеньевна напекла сдобных лепешек, достала меду вместо сахара — целый пир для нас, изрядно поголодавших москвичей.

Вдруг — стук в дверь. Входит человек среднего роста. «Манчжурская» папаха. Толстая суковатая палка в руках. Сердитое моложавое лицо. Бирюк да и только!

— Я — Неверов.

Он снял папаху, пальто. Остался в дешевом костюме неопределенного цвета. Жена предложила горячих лепешек, Неверов сурово посмотрел на нее. Отошел к окну. Перелистав рукопись пожелтевшими от махорки пальцами, спросил:

— Можно начинать?

— Пожалуйста.

Через минуту мы услышали бабьи, подлинно крестьянские голоса:

— «Эх, кума, и вшей у тебя — полна голова!» — «Вши с печали».

Мы вздрогнули от удивления: перед нами — неподражаемый чтец.

Неверов окончил первый акт. Впервые взглянул на нас. Заметил наше волнение. Наивно спросил:

— Никак, хорошо?

Радостная улыбка осветила его лицо и согнала маску «бирюка». Явился настоящий Неверов — радостный, светлый, человек редкостной, правдивой души... Пожал руку мне. Обратился к моей жене:

— А лепешечек можно?

Он был явно голоден. Но, съев три-четыре лепешки и проглотив полстакана чаю, умоляюще спросил:

— Можно дочитать?

Читал Неверов вдохновенно. У него был высокий голос баритонально-тенорового оттенка, чуть с хрипотцой от простуд и курения. Лицо подвижное, мимически богатое, способное отражать любую «натуру», — женскую и мужскую, девичью и стариковскую. Неверов не читал, а *играл* свои образы. Изредка прибегал к жесту, скупому, точному и выразительному, — всю силу вкладывал в интонации. Интонации его были бесконечны по разнообразию и удивительно верны по характеру. Перед вами вставали люди, выхваченные из живой действительности, и навсегда входили в вашу душу. Но главная особенность неверовского чтения — громадная эмоциональность. Женская печаль шептала вашей душе неизъяс-

нимое обаяние грусти. Мужской гнев — («Замолчь!») — был страшен. В этот момент глаза Неверова налились кровью, лицо побледнело, кулак сжался до синевы в ногтях. Натуралистические подробности текста умело скрадывались. Художник! Щедро одаренный природой художник!

Чтению и актерской игре Неверов нигде не учился. Иногда он играл в любительских спектаклях. Я много раз просил его прочитать других авторов. Но он категорически отказывался. Возможно, что так — поистине великолепно — он читал только свои произведения.

С этого чтения «Баб» мы подружились. Всю зиму, до самой весны, Неверов через день-два заходил к нам после работы в редакции и сидел до полуночи.

2

В первых же беседах с Неверовым я убедился в яркой талантливости писателя. Богатство жизненных наблюдений, особая способность (иногда бессознательная) все видеть, все слышать, все впитывать в себя. Начитанность, но однобокая... Знания литературного ремесла, литературной формы — не хватает. Пока «все под спудом», «все подо льдом»...

Я с горячностью молодости (мне было двадцать шесть лет) пытался раскрывать перед ним «тайны» мастерства классиков. Неверов жадно слушал. При каждом свидании речь шла о разных писателях. Интерес к «тайнам мастерства» заразил и других членов «Звена». Мы даже организовали «поэтическую академию»... у меня в комнате.

А «Звено» продолжало свои собрания уже на квартире Б. Краснослободского[1]. Здесь встречались: прекраснодушный старик А. К. Гольдебаев[2], бывший нотариус А. А. Треплев-Смирнов[3], пригревший когда-то фельетониста Иегудиила Хламиду, поэт Я. М. Тисленко[4], поэт Н. Ф. Жоголев — с ясно выраженной лирической музыкальностью, пивший из светлых родников фетовской поэзии... Поэт А. Колосов[5], чьи стихи постоянно твердил Н. А. Степной...

А сам восторженный Степной увлекался не только «псалмами царя Давида». Как-то, часа в два ночи, он настойчиво постучался ко мне.

— Не спите? Ах, спали. Ну, ничего. Важное дело: какой будет литература в пятидесятых годах? Как вы думаете?

И что же? Я выгнал его? Послал к черту? Нет. Я для приличия накинул на плечи шинель и вступил в жаркую дискуссию

«о лигературе, которая будет у нас через тридцать лет». Время было особое, неповторимое. Утро Революции. Вся страна, голодная, нищая, мобилизованная в единый военно-трудовой лагерь, отбивала врагов на многочисленных фронтах и содрогалась в спорах о будущем, в мечтах о коммунизме, раздумывала о завтрашнем дне искусства и науки.

Все члены «Звена» говорили о будущем искусства, «искали новые формы», часто подменяя поиски литературной болтовней. Но в своем творчестве за зиму почти все они не подвинулись ни на волос.

Только Неверов проделал стремительный взлет.

Я с изумлением наблюдал, как Неверов через каждые три-четыре дня поднимался на новую и новую ступень в своих творческих исканиях. Сегодня говорим о Чехове и Бунине. А через три дня Неверов приносит отрывки новой прозы, где вместо тягучего, «ватного» периода пробивается динамическая, лаконичная, красочная, музыкальная, почти афористическая неверовская фраза, расцветшая потом в «Ташкенте — городе хлебном», в симфонии «Андрона Непутевого». Раздумывали о роли коллектива, читали Уитмэна, — завтра стихотворение в прозе «Коллектив». Спорили, каким будет театр в конце XX века, — смотришь, написана пьеса «Гражданская война».

В декабре 1919 года я встретил провинциального многообещающего литератора. В июле 1920 года расстался с большим и зрелым советским писателем... Поразительный рост!

3

Я по профессии драматург и режиссер. Естественно, Неверов сразу засыпал меня вопросами о театре и драматургии.

— Правильно ли пишу пьесу?

— В драматурге живут одновременно два мастера: архитектор и живописец.

— Что это значит?

— Архитектор строит композицию всей пьесы, каждого акта, каждой сцены. Строит в зависимости от характеров действующих лиц. Строит во имя основной идеи пьесы. Нет четкой, глубоко продуманной идеи — нет и стройной, гибкой, гармонической композиции.

— А живописец?

— Живописец — красками лепит и расписывает и «воздух пьесы», и внутреннюю атмосферу, и характеры действующих лиц. Язык — важнейшая краска.

— А кто же я?

— Вы, по-моему, хороший живописец и плохой архитектор.

Неверов опечалился.

— А как строил пьесы Островский?

Мы занялись Островским, Гоголем, Мольером, Шекспиром (о Шекспире Неверов даже сделал небольшой доклад в «Звене»).

Неверов со страстью занимался «анатомией» пьес. Особенно пришелся ему по душе Мольер (мы разобрали «Скупого»). Мольеровская ясность, геометрическая точность композиции, мастерство интриги, «шутки, свойственные театру», увлекли Неверова. В 1923 году он говорил мне, что «по мольеровской учебе» писал «Смех и горе»...

Изучая Мольера, Неверов подметил реплики мольеровских персонажей — ясные, точные, динамичные и краткие — одна-две строки.

— У меня в «Бабах» куда длинней.

— Не совсем так.

— Не понимаю. Объясните, пожалуйста.

— Прочтите начало «Баб».

Неверов прочел наизусть:

— «Эх, кума, и вшей у тебя — полна голова!» — «Вши с печали».

— А в тексте «Баб» написано по-другому: «ПРАСКОВЬЯ. Недавно завшивела. Как проводила Василия на войну, так и пошли. Сроду не было. АВДОТЬЯ. Это с печали они. ПРАСКОВЬЯ. Ну да, с печали».

Неверов удивился:

— Сокращаю при чтении? В одном месте?

— Нет, часто. Очень часто. Пишете длинно, а читаете кратко.

— Что лучше?

— На сцене — краткость. Больше пауз. Чаще и резче перемена ритма. Быстрее «перескок» мыслей и чувств. Отсюда — динамика. Сценическое время протекает с неимоверной быстротой. Все это вы чувствуете и соблюдаете в чтении. Отсюда — сила и выразительность вашего чтения.

Неверов крепко задумался.

— Вот какая штука... Вычеркивать надо.

Набрасывал он в эти дни новую пьесу: «Захарова смерть».

— Вы любите театр, драматургию до самозабвения? — спросил я его.

— Драматургию люблю... Но до самозабвения люблю прозу...

4

Той зимой Неверов читал мне первые главы романа «Гуси-лебеди». Я увидел, что роман еще «сырой». Основные массивы пока неясны. Ситуации не обострены. Образы не выверены. Акценты на

важнейших персонажах не поставлены. Но все-таки был запев романа значительного, многообещающего и необычайно свежего по жизненному материалу, романа большого общественного звучания. А главное — это было начало первого советского романа о деревне в революции.

Мы вместе поужинали. Вина не было. Чокнулись чаем — за успех романа.

— Не почитать ли в «Звене»? — спросил Неверов.

Тут я совершил непростительную глупость:

— Да. Надо читать.

Я не знал, что при успехе Неверов расцветал, и творческие силы его били фонтаном, при неуспехе — увядал и, к несчастью, надолго.

В начале февраля 1920 года он читал роман в «Звене».

Уже само известие о романе было встречено неодобрительно. Многим казалось, что затея с романом — легкомысленная.

— Роман? Советский роман? О наших днях? Жизнь еще не устоялась. Как тут писать роман?

Наиболее воинственно витийствовал Д. Спасский[6]:

— Роман вообще устаревшая форма. Новый роман невозможен, немыслим! Да и романист должен быть человеком *широко эрудированным*.

В такой обстановке Неверов начал чтение романа.

Я сам не верил себе... Пошептался с Калерией Арсеньевной, проверяя свое впечатление. Да! Великолепный чтец Неверов струсил, скис. Не читал, а шамкал, как беззубый старик. Не только красок, эмоций, даже верных логических ударений не было.

Нависла свинцовая скука.

Нервный Неверов сразу почувствовал реакцию. Голос его потухал. Перешел на полушепот. И на половине фразы он прервал чтение.

— Плохо, братцы... Не могу дальше читать. Извините.

И закурил.

Началось «обсуждение», точнее — перепалка.

Д. Спасский ястребом клевал роман, зло высмеивал ряд эпизодов. К его оценке присоединились и другие. Я, своим широким горлом и ораторскими способностями завоевавший в «Звене» некоторый «авторитет», бросился на защиту романа. Напрасно! Сам прочитал вслух несколько мест из него. Напрасно!

— Да, конечно, есть яркие места. Но в общем плохо, провал, — слышались голоса.

Калерия Арсеньевна, я и Неверов молча возвращались домой.

Я «по-командирски» наорал на Неверова:

— Шляпа! Баба! Трус!

Но Калерия Арсеньевна была проницательнее меня. Она тихо сказала:

— Прекрати. Не видишь, что с Александром Сергеевичем?

Мы ввели Неверова в нашу комнату. Раздели, положили на кровать. Калерия Арсеньевна, кое-что понимавшая в медицине, определила:

— Сердечный приступ.

Она отходила Неверова. Тот пришел в себя.

— Что у вас?

— Порок сердца.

— Почему не лечитесь?

— Я сам фельдшер. Все понимаю.

— Часто припадки?

— Бывают, но скоро проходят.

Он выпил горячего чая.

— Иногда я думаю... Написал писатель хорошую книгу. Читатель восторгается каждой страницей. А в этот час писатель свернулся калачиком на диване — и помер...

Я вызвал из дивизиона дежурного лекпома и санитарную линейку. На линейке мы отправили Неверова домой. Утром лекпом доложил мне, что довез Неверова только до угла его улицы. Потом он пошел пешком. Не хотел пугать жену и детишек.

Я был молод, здоров, силен. Не знал, что такое болезнь сердца. Не понял, какая опасность угрожает здоровью и жизни большого писателя. Не настоял на правильном систематическом лечении.

5

Был ли Неверов марксистом? Вопрос сложный и трудный. В те годы сердца наши были целиком отданы пролетарской, социалистической революции. Но теоретически мы знали марксизм-ленинизм только по брошюрам. Я, например, стал основательно, систематически, по первоисточникам изучать марксизм только после гражданской войны. Думаю, что и Неверов знал его не больше меня.

Но сама жизнь «подковывала» нас. К нам относились знаменитые слова Маяковского:

Но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.

Вот любопытный факт.

В моей самарской квартире жила старуха, бывшая купчиха.

Вероятно, до революции владела всей квартирой. А теперь жила в трехметровой комнатке без окна. Стены сверху донизу увешаны иконами, перед каждой — лампадка.

Как-то Неверов вышел на общую кухню покурить. Раздался условный стук в дверь. Старуха открыла. И, зарыдав, упала на грудь вошедшего офицера. Этот офицер — в шинели со срезанными погонами — был ее сын, колчаковец.

Часа через два на кухне мы беседовали с ним. В 1918 году он ушел из Самары к Колчаку — «по убеждению». В феврале 1920 года, после развала колчаковщины и расстрела самого Колчака, как и тысячи других офицеров, сдался в плен.

— Думали, нас к стенке... Так нам и надо, дуракам. А нас послали на двухнедельные курсы. Политику читали и красноармейский устав. Потом зачислили военспецами в части Красной Армии. Дали недельный отпуск побывать у матери.

Мы спросили:

— Ну, как было у Колчака?

Тут бывший колчаковец разразился такой отчаянной бранью, что, вероятно, в комнате старухи сразу потухли все лампадки. Нужно было видеть его ожесточение, гнев, слезы обиды, проклятия по адресу белогвардейских верхов и союзников по Антанте! Эта встреча многому научила и меня, и Неверова...

Неверов работал в редакции. Приходя ко мне, делился политическими и фронтовыми новостями. Он часто встречался с делегатами, возвращавшимися из Москвы и видевшими Ленина. Образ Владимира Ильича, который ему хотелось воплотить в творчестве, дополнялся новыми и новыми драгоценными штрихами. Мы жили революцией, Лениным — вот в чем проявлялся в нас тогда марксизм.

Говорили (Н. Степной, П. Яровой, А. Дорогойченко[7] и другие), что Неверов посещал Самарский университет. Слушал лекции по марксизму. Изучал труды Маркса и Ленина. Вполне возможно. Но это было после моего отъезда из Самары.

6

Покинув Самару в июне 1920 года, я вновь встретился с Неверовым в ноябре 1923 года в Москве.

Я увидел его на Тверской улице. Он заметно постарел, пожелтел. Лицо суровое. Глаза усталые. Улыбнулся своей широкой неотразимой улыбкой. Крепко взял под руку и повел к себе на Большую Полянку.

У Неверовых было две комнаты. Одна — небольшая, проход-

ная — для тещи. Другая — большая, светлая — для всех остальных. В углу — столик с машинкой и рукописями.

Узнав, что я еще не имею жилья, Неверов предложил перебраться к нему. Прожили мы в его семье дней восемь. В первый день Неверов прочитал «Андрона Непутевого». Великолепная поэма в чтении автора запечатлелась в моем сердце навсегда. Во второй день он читал «Польку-мазурку». Перед чтением — авторское предисловие:

— В Москве считают, будто я не закончил «Польку-мазурку»... Просто оборвал. А по-моему, она по композиции завершена. Попытался кое-что приписать — ни черта не выходит.

— Текст дайте.

— Нет! Я буду читать вслух. И когда, по вашему мнению, конец рассказа, сделайте знак рукой...

Неверов читал с воодушевлением необычайным. Но зорко следил за моим лицом, за моими глазами. Когда он прочел: «Эх, мазурка-мазурка! Придется, видно, всю жизнь под коленку теперь — ничего не поделаешь...» — я ударил ладонью по столу:

— Стоп!

Неверов даже подпрыгнул от радости:

— Тут и конец!

А через минуту прибавил:

— Люблю я «Польку-мазурку». Горжусь ее композицией. Недаром мы поработали тогда, в Самаре...

Неверов дал мне только что написанных «Шкрабов».

— Как?

— Вещь неверовская. Прелестна Катенька. Хорош Пирожков. Но чувствуется утомление автора. Письмо Сергея Ивановича отдает Чеховым, чеховской «Супругой». Хромой красноармеец Егорка переполз сюда из других ваших рассказов.

— Утомление? Да, пожалуй, есть утомление, — с грустью согласился Неверов.

Потом я получил квартиру, и он навестил меня.

За стеной — звуки рояля и удивительное пение. Печальное и гармоничное...

— Кто поет? — спросил он.

— Соседка по квартире. Надежда Андреевна Обухова[8]. Голос несравненный.

— Что поет?

— Любашу из «Царской невесты».

Неверов сидел неподвижно на синем диване, жадно слушал пение. Зимние вечерние сумерки легли на его лицо. И в этой сумеречной дымке, пронизанной музыкой и пением, он был прекрасен.

Я не видел, что за спиной Неверова уже стоит смерть...

[1] Краснослободский В. Л. — литератор, жил в Самаре.

[2] См. примеч. на стр. 91 настоящего сборника.

[3] Треплев-Смирнов А. А. (1867—1943) — литературный критик. Жил в Самаре. В 1895—1896 годах работал вместе с М. Горьким в «Самарской газете».

[4] Тисленко Я. М. (1885—1921) — поэт-самарец.

[5] Колосов А. И. (1897—1956) — советский поэт, прозаик. Впоследствии многие годы работал в «Правде».

[6] Спасский Д. (Медынский Д. П., р. 1899) — писатель, литературный критик, жил в то время в Самаре.

[7] Дорогойченко А. Я. (1894—1947) — советский писатель, автор сборника рассказов «Бурьян», романов «Большая Каменка», «Живая жизнь» и других произведений о деревне. Во второй половине 20-х годов — один из руководителей Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП).

[8] Обухова Н. А. (1886—1961) — солистка Государственного академического Большого театра Союза ССР, впоследствии народная артистка СССР.

П. Яровой

НА СЛУЖБЕ У РЕВОЛЮЦИИ

П. Яровой (Федот Емельянович Комаров, 1887—1951) — советский писатель, автор многих рассказов и очерков, романа «Жизнь цветет», пьесы «Муки кузнеца» и других произведений. В течение двадцати лет дружил с А. Неверовым. Опубликовал ряд мемуарно-биографических материалов о нем («Александр Сергеевич Неверов» — сборник «Неверову — алый венок от Коллектива рабоче-крестьянских писателей», М., Государственное изд-во, 1924, стр. 7—36; очерк, начинающийся словами: «24-го декабря, в 8 часов вечера...» — «Наш путь», сборник литературы, драмы и критики, № 2, М., Изд-во Коллектива рабоче-крестьянских писателей, 1924, стр. 102—104; «Человек, художник...». Альманах «Волжская новь», кн. 10, Куйбышев, 1940, стр. 252—265 и другие). Часть мемуарно-биографических работ П. Ярового об А. Неверове не опубликована.

Мы приводим отрывок из его очерка «Человек, художник...» по тексту, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. 337, оп. 1, ед. хр. 289). Отрывок дается в новой литературной редакции и с небольшими сокращениями.

— Иногда я путаюсь в трех соснах, многое мне кажется неясным. Но вот сажусь писать, все как-то проясняется, встает на свое место; и я чувствую себя большевиком.

Так говорил Саша, когда кто-нибудь спрашивал, каковы его общественно-политические взгляды, убеждения.

Дело было в начале 1919 года. Мы с Сашей сидели в холостяцкой комнате молодого писателя Алексея Дорогойченко. Он — коммунист, бежал из Уфимской тюрьмы через фронт. Я уже работал в политотделе Самарского губвоенкомата. Он был заведующим издательством, я — секретарем. Саша только что начал службу в Средневолжском союзе потребительских обществ.

Алексей решил перетащить его в издательство. Пока говорили о тем о сем, он пытливо рассматривал Сашу из-под пенсне и порой чему-то усмехался. В усмешках, однако, не было зла, иронии, наоборот, они делали Алексея добродушным, смягчали обычно суровое выражение его лица. Не менее пытливо рассматривал Алексея и Саша. Видимо, они нравились друг другу, и настойчивость, с которой Алексей, после не шедших к делу разговоров, стал приглашать Сашу работать в издательстве, была, пожалуй, излишней.

Оба они имели привычку кусать ногти. Алексей делал это в минуты раздумья, устремив взгляд в пространство. Саша кусал ногти в минуты хмури, нерешительности. В тот раз кусание прекратилось как только Алексей заговорил о журнале. Черствоватый по натуре, он становился ласковым и мечтательным, когда дело касалось литературы. Сашу эта черта в нем подкупила. А журнал уже существовал и назывался он «Красная Армия»[1]. Разговор шел о его качестве, о высоте художественной части, и, стремясь к этому, Алексей возлагал на Сашу большие надежды. Это было естественно, так как Александр Неверов в то время считался настоящим художником.

— Значит, мы договорились. Ты переходишь к нам... — заключил Алексей.

— Что ж, поработаем, — откликнулся Саша. — Вместе так вместе, радость и горе — пополам...

После этого мы поговорили о литературе. Алексей в то время писал стихи, рассказы. Один из рассказов, если не ошибаюсь, был им написан в тюрьме. В нем, как говорил тогда Алексей, утверждалось, что классовый инстинкт подсказывает рабочему и красноармейцу правильный путь борьбы. Его героизм — выражение революционной страсти к победе. Но это не слепая страсть, она имеет под собой прочную основу, классовую по своей сущности и зовущую к новым берегам, к светлому будущему. Будущее же для него — не абстракция, а конкретность: созидательный творческий труд всех во имя блага всех. Философия Алексея заинтересовала Сашу. Если она и не была новой для него, то во всяком случае была изложена в непривычной форме. Когда мы шли домой, я почувствовал, что он воспринял нечто ценное. Дорогой он молчал. Так бывало всегда, когда нес в себе новые впечатления, новые мысли.

— Значит, работаем? — спросил я, чтобы хоть что-нибудь услышать от него.

Он пожал мне руку и сказал:

— Я люблю людей, которые увлекаются. Алексей, кажется, как раз такой человек.

Работали втроем. Комната была большая, в ней — горы бумаги, вышедшие листовки, связки журналов, подготовленных к отправке. Сидели мы одетыми — холод бывал постоянным гостем. Работа не ограничивалась исполнением наших прямых обязанностей. Мы были и корректорами, и выпускающими, и грузчиками. Писали статьи и рассказы для журнала, выпускали листовки, воззвания, плакаты. Каждый день был наполнен трудовым содержанием, посвящен служению революции.

Часто к нам приходили начинающие поэты и писатели из красноармейцев. Известный теперь поэт С. Щипачев, кажется,

впервые напечатался в нашем журнале. Скромно входил он в редакцию, вынимал из кармана шинели листочки бумаги и говорил несмело:

— Вот, скажите, что получилось...

Новички обычно попадали к Саше. Он любил с ними возиться. Усаживал гостя напротив себя, и по-простецки начинал беседу. Первое слово обязательно о том, любит ли автор литературное дело. Саша уверял, что дело без любви — мука, дело с любовью — радость и чистейшая польза. И если выходило, что парень действительно увлечен литературным творчеством, Саша брал его тетрадку и разбирал по косточкам: какие мысли и образы любопытны, что серо, банально, сколько запятых и точек не поставлено.

— Тут надо обо всем по совести, — говорил он.

Однажды пришел зазнавшийся, «упрямый» автор. Он уверял, что писать уже научился, давно «перерос» деревенские условия, и просил взять его в Самару, где можно «развернуться». Саша неодобрительно качал головой, слушал. Потом сказал:

— Вот какая была история. Короленко когда-то похвалил меня за рассказ «Серые дни». А я — сразу нос кверху и бац ему письмо. Так и так, дескать, Владимир Галактионович, еду на жительство в Петербург. Тоже — чтобы «развернуться». Ведь в деревне, пишу, культуры хоть шаром покати... Ну, послал письмо и жду, когда Короленко мне навстречу тройку коней вышлет. А он меня — по носу. Верно, пишет, мы твой рассказ напечатали и парень ты, будто, с талантом, только кто знает — выйдет ли что в дальнейшем. Поживи-ка лучше еще в деревне, проверь себя, на жизнь хорошенько погляди. А в Петербурге тебе пока нечего делать...

— Так и было? — спросил гость.

— Так и было, — ответил Саша. — Я ничего не прибавил, кроме насмешки над собой.

С гостя вся самоуверенность слетела. Тогда Саша перешел к его рукописи.

— У тебя есть за что зацепиться. Исправь-ка вот тут-то и тут-то и приноси вновь... Я помогу, может быть, и напечатаем. Только не задавайся, нос не задирай...

Нам думалось: в красноармейских театрах не хватает пьес. Москва еще не обогатила их репертуаром, а где же мы, провинциалы? Саша с Алексеем завели об этом речь, вдоволь покусали ногти. Потом закурили. Я тоже не мог удержаться и вынул из кармана пачку «Явы». Три облака дыма поплыли в серой мгле комнаты.

— Ну, вот что, Александр, без твоей пьесы сборника «Крас-

ноармейский театр» не выпустим, — заключил Дорогойченко. — Как хочешь...

Саша озорно прищурился и, подмигнув мне, сказал:

— Мы, конечно, спрос учитываем. Я могу предложить целых две.

— Две? — удивился и обрадовался Алексей. — Тем лучше. Значит, две и пустим. Кашу маслом не испортишь. Одну даст Яровой, одну Ломакин из Тоцкого. Это уже хорошо. Подберем стихи для декламации...

Покончив с планом «Красноармейского театра», Алексей снова закурил. Очередь была за составлением номера журнала.

— Александр, у тебя, слышно, и рассказы есть?

Саша опять перемигнулся со мной и ответил:

— На меня с Яровым и тут можно рассчитывать. Спросишь по одному рассказу — дадим по два. Первый от меня получай хоть сейчас, а второй — вылеживается. Хочу сделать его высшим сортом...

Первый рассказ назывался «Красноармеец Терехин». Второй — «Я хочу жить». Этот последний мне казался программным для Саши. Запомнились наизусть слова красноармейца, встающего на защиту революции и вновь обретенной Родины: «И оттого, что я хочу жить, оттого, что нет иного пути сделать это проще и легче, — любовь моя к жизни ведет меня в бой». Я чувствовал, что это декларация самого Саши.

— Теперь ты мне целиком понятен, — сказал я ему, прочитав рассказ «Я хочу жить».

Он улыбнулся.

— Может быть, я и сам себе стал больше понятен...

Он стал ласковым, обнял меня за плечи, посмотрел в глаза.

— Знаешь, друг, все мне стало как-то светло и ясно. Ведь я плотью и кровью вошел в своего парня... Я верю: каждый красноармеец идет в бой с таким чувством, с таким убеждением, потому что нельзя не идти... Потому что проще и легче поступить невозможно... Это — истина. Тут я ничего не выдумал... Я даже на волосок не отошел от правды...

На Уфимском фронте начались неудачи. Колчаковцы пробивались к Самаре, чтобы, захватив ее, устремиться на Москву.

В душевной бодрости и стойкости Саши я в те трудные дни не сомневался, но все-таки иногда думал: отчего он хмур, неразговорчив? У меня к нему было ревнивое отношение. Хотелось, чтобы он в моих глазах всегда оставался большим человеком и неколеблющимся художником. Иногда жалость к людям переходила у него грани, принимая абстрактный, внесоциальный характер, и Саша потом, овладев собою, сердито бранил себя. Так было однажды, когда мы возвращались с ним из

политотдела. Навстречу двигалась группа арестантов под красноармейским конвоем. Саша смотрел на эту сцену расширенными глазами, а когда группа прошла, вопросительно посмотрел на меня.

— Вот скверно: тюрьма-то осталась...

Потом, как бы спохватившись и с сожалением, добавил:

— Да, еще многое осталось от прошлого. И во мне осталось. Досадно...

Итак, колчаковцы лезли на Самару. Саша меньше шутил, наши разговоры стали скупее, лаконичнее.

Кое-кто считал положение очень опасным, а кое-кто уже не таил намерения бежать.

Иногда я подходил к другу, чтобы передохнуть от напряженной работы.

— Движется? — спрашивал его.

Он понимал с полуслова, в чем дело, и отвечал:

— Вчера до утра сидел. «Гуси-лебеди» летят вперед и выше... Наталью отправил с большевиками в лес. Сегодня прочту всю главу. Кажется, удалось...

И ни слова об угрозе, точно его это не касается.

Только однажды окружающее задело его внимание. Он вдруг заговорил со мною небывало взволнованно:

— Сегодня я слышал неприятные вещи. Будто бы рабочие Самары плюнули на революцию и делают зажигалки... Может ли это быть?

О зажигалках ходили самые нелепые россказни. Я сам имел зажигалку, купленную на базаре. Там они продавались тысячами. До неудач на фронте смотрели на них как на естественное явление: в городе не было спичек, и зажигалка спасала. Теперь в них, как в маленьком фокусе, увидели упадок революционной бдительности рабочих, их отрешение от насущных требований времени. Как же получается, рассуждали паникеры, в Молоканских садах попы призывают к «крестовому походу» против большевиков, кулацкие шайки появились, Колчак приближается, а рабочие вроде в стороне. Значит, увяла их революционная решимость...

В словах Саши я тоже почувствовал что-то тревожное, недосказанное.

Как-то утром мы сидели вдвоем. Алексей ушел с докладом к комиссару. Работали молча.

Тихонечко отворилась дверь, и вошел Некто, памятный нам в позе «пламенного оратора». Некто любил выступать с речами. В азарте своего сладковатого красноречия он всегда «отдавал себя в распоряжение рабочего класса». Насчет его искренности Саша был невысокого мнения и говорил:

— Этому говоруну я не доверяю. Фальшь так и прет из него, как запах из навозной кучи...

Некто осмотрел комнату и сел со мною рядом. Его испуганная фигура насторожила Сашу, он стал прислушиваться.

— Дрянь дело-то, дрянь, — бормотал Некто. — Придется пятки смазывать. А вы?

Я ответил, как мог ответить всякий на моем месте:

— Пока не прикажут садиться в вагон, будем работать. Думаю, о пятках нет повода размышлять...

— Как — нет повода? — удивился Некто. — Не понимаю. Сегодня Колчак возьмет Кинель, а от Кинеля до Самары — рукой подать... Вот и попадем в жаркóе для «правителя всея Руси»...

— Так ли?

— Конечно, так, — уже петушился Некто. — Неужели вы не видите? Рабочие пассивны, заняты зажигалками...

Тут Саша, сердито покосившись на «пламенного оратора», быстро вышел из комнаты. Тот посмотрел ему вслед и заторопился.

— Я ведь между прочим сказал. Это не мое мнение... Надо же считаться с настроениями! Я рад, что у вас в военкомате еще спокойно.... Ну, побежал... Дела, дела...

Вернувшись, Саша на ходу спросил:

— «Шпиндик» ушел?

Усмешка у него была злая, какую я не часто видел. Он нервно продолжал:

— Сволочь, весь день мне отравил...

— А надо ли это принимать к сердцу? — испытал я его.

— Знаешь, почему я взбесился? Ведь «Шпиндик» всех по себе равняет... По его мнению, пролетарии — такие же «шпиндики»... Подумай-ка, куда это ведет. Значит, я солгал в рассказе «Я хочу жить»? Значит, нет таких рабочих, как мой?

В голосе Саши звучала боль. Он давно не чувствовал себя таким обиженным, как в этот раз.

Пришел Алексей и прервал его возбужденную речь.

— Сядем.

Сели, закурили.

— Коротко, — сказал Алексей. — Во-первых, устанавливаются ночные дежурства. Это касается и нас. Сегодня дежурю я. Во-вторых, надо срочно выпустить листовку — воззвание к рабочим и красноармейцам. Александр, начинай... Будем делать коллективно, чтобы к вечеру выпустить...

До сумерек сидели, не разгибаясь. Саша даже ногти не кусал. Несколько раз из политотдела приходили справляться о листовке. Нам говорили: рабочие спешат на митинги, организу-

ется рабочий полк, городские партийные организации мобилизуют все силы для разгрома колчаковских банд...

В сумерки мы с Сашей нарочно пересекли Самару вдоль и поперек. Хотелось знать, чем живет город.

— Понимаешь? — говорил Саша, прочитав уже расклеенное на заборе воззвание. — Ошибка это или нет? Но я ощущаю, как из каждого дома глядит тревога... Мне кажется, люди притаились, а некоторые даже спрятались. И совсем не странно, что на улице больше рабочих и красноармейцев... Они готовы к борьбе...

Когда же колчаковцев опрокинули и они откатились к Уфе, Саша не скрывал своего удовольствия. Оно сияло у него на лице, звучало в его озорном и заразительном смехе.

— Хорошо! Значит, рабочие действительно не похожи на «шпиндиков»... Чутье не обмануло меня...

---

[1] Журнал «Красная Армия» — литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник, выходивший в Самаре в 1919 году. Распространялся главным образом в Южной группе советских армий и служил действенным средством большевистской агитации и пропаганды. А. Неверов был душой и фактическим редактором журнала, часто печатал в нем свои произведения.

Н. Ф. Жоголев

ЧЕРТЫ ЕГО ОБЛИКА

Николай Федорович Жоголев (р. 1895) — советский поэт, автор ряда стихотворных сборников («Жигулевская березка», «Зеленый парус», «Черемуха цветет», «Ищу слова простые» и пр.). Фрагменты его воспоминаний об А. Неверове публиковались в «Волжской коммуне», 1959, 24 мая, альманахе «Волга», 1966, кн. 12, стр. 163—168 и других изданиях. Здесь они приводятся в наиболее полном виде, по рукописи.

ПОМНЮ: голубели дали, на прозрачной линии горизонта четко обрисовывались контуры Жигулевских гор. За Волгой, против Самары, густо покраснел вербовник.

По улицам города, разбрасывая щедрой рукой солнечные лучи и тепло, шествовал Март. Вслед ему в каком-то радостном исступлении пела свою извечную молодую песню капель. Неистово барабанили водосточные трубы. Весело перекликаясь, плескались в лужах воробьи.

Охваченный этой музыкой весны, я возвращался с работы. На перекрестке улиц Петроградской и Саратовской, ныне — Ленинградской и Фрунзе, вдруг услышал окрик:

— Эй, берегись!

Я остановился. Передо мной стоял, улыбаясь, гражданин в бараньей шапке, в стеганом пальто и намокших валенках. Через плечо перекинута мочальная веревка, привязанная к салазкам. На салазках — книги. Сверху прикреплена настольная лампа с зеленым абажуром.

— Испугал?

— Да нет, — говорю, — не очень.

Ответил я растерянно — то ли потому, что действительно испугался от неожиданности, то ли потому, что узнал этого гражданина.

— Вот, — показал он глазами на салазки, — переезжаю на новую квартиру, приходите на новоселье. Только, чур, по русскому обычаю, не с пустыми руками. Петухов у вас нет — приносите новые стихи.

Под полозьями салазок зашипел намокший снег. Слегка ссутулившись, гражданин продолжал свой путь.

Это был Неверов.

Я познакомился с ним ранее этой встречи. В памяти сохранилось немало более ярких моментов, характеризующих личность выдающегося писателя. Но когда я вспоминаю о нем, всякий раз встает передо мной именно эта встреча.

Почему?

Мне кажется, что в облике вот этого Неверова — в промокших валенках, с книгами на салазках и с такой добродушной улыбкой на лице, которая словно говорила, что, невзирая на невзгоды жизни, он все же безмерно счастлив, — что именно в этом его облике отразились и присущий ему оптимизм, и вера в завтрашний день, и приметы той удивительной, неповторимой эпохи. Этот облик как бы говорил мне: препятствий на пути много, а все-таки хорошо, брат, жить на свете! Потому что есть революция, есть Ленин, потому что пришла весна...

А познакомился я с Александром Сергеевичем так.

Самарское литературное общество «Звено» проводило «пятницы». Собирались большей частью у поэта Якова Тисленко. И на этот раз встреча была назначена у него.

Почти все уже были в сборе.

Сидел около стола похожий на Маркса бытописец Гольдебаев. Сцепив пальцы рук, прислушиваясь к разговорам, он слегка наклонился вперед, будто рассматривая на своих ногах глубокие калоши, которые почему-то никогда не снимал. На диване, в черной бархатной куртке, с гладко зачесанными назад волосами — Тисленко. Рядом — франтоватый, с белым платочком в боковом кармашке пиджака — поэт Алексей Колосов.

Я сидел в группе с Александром Каспием[1] и москвичом Евгением Лукашевичем[2]. Поблескивая золотыми очками, Лукашевич поучал нас, молодых:

— Стихи должны быть живые, чтобы трепетали, как золотая рыбка на ладони...

Точно измеряя комнату шагами, метался беспокойный, долговязый Николай Степной. Он потрясал кулаками, словно кому-то угрожал, и с задором выкрикивал:

— Да, поэзия, черт побери, — важная штука! Это — жизнь, это — солнце, это — музыка, черт побери! А как же?

Вот так, переговариваясь, переходя от группы к группе, поджидали мы остальных литераторов.

Жена Тисленко поставила на стол кипящий самовар.

— Кто хочет чаю, товарищи? Настоящий, китайский...

В этот момент, полуоткрыв дверь, не вошел, а как-то боком втиснулся в комнату не знакомый мне человек. Коротко остриженный, с большими залысинами над висками, на лоб свисает челка.

В черном костюме, черных ботинках и при галстуке. На лице — не то застенчивость, не то растерянность.

— Кто не знаком, знакомьтесь: Александр Сергеевич Неверов, — отрекомендовал вошедшего Тисленко.

Неверов обошел всех и пожал руки.

Я видел его в первый раз и назвал свою фамилию.

— Кажется, поэт? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил с улыбкой: — Хорошо, послушаем...

И подсел к чайку.

Внимание было обращено на него. Мы знали, что он печатался еще до революции, сотрудничал в «Современном мире» и «Русском богатстве», был в переписке с Короленко и Горьким, словом, знали, что он — настоящий писатель.

Читать должен был Колосов. Он встал, как-то театрально заложил правую руку за борт пиджака, а левую закинул за поясницу, приосанился и, подвывая, начал:

— Несомненно,
В мире тленном
Переменны времена,
Словно в бурю,
В море пенном
Переливная волна...

— Стойте, стойте, — перебил его Неверов, — чего это вы, как дьячок на клиросе? — И передразнил: — «Несомне-е-енно, в мире тле-е-енном...». Зачем это?

Колосов не смутился.

— А это, — говорит, — такая манера.

— Нехорошая манера. Ну, ладно, извините, что прервал...

Колосов прочитал несколько новых стихотворений.

Началось обсуждение.

Говорили Тисленко, Степной, потом взял слово Неверов. В своих суждениях он был прям, резок. Но как-то не задевал самолюбия критикуемого, не «обижал» его. Самые суровые, грубоватые слова будто теплели в его устах, теряя свою суровость, и особенно плотно укладывались в голове. Уж очень он был человечный, внимательный, предупредительный.

Так началось наше знакомство. Потом встречались часто. Когда бы я ни пришел к нему, его всегда можно было застать за рукописями. Работал много, самозабвенно.

Был охотник спорить. Прочтет, бывало, ему Яровой отрывок из своей рукописи, Неверов уловит что-нибудь несуразное — и закипел спор. Яровой обычно упирался, пытался доказать свое. Но, побеждаемый доводами и логикой Неверова, сдавался, говоря:

— Ну, и сила же ты, Александр!..

Любил Неверов читать товарищам свои только что написанные произведения. При этом просил, чтобы его критиковали.

— Я ведь читаю не для удовольствия, а чтобы получить помощь, — не раз повторял он.

Замечания товарищей выслушивал со вниманием. Но если в чем-то не соглашался с ними, — упорствовал и был неколебим. И делал он это не из заносчивости, а потому, что был уверен в своей правоте. И умел это доказать. Этим, в частности, и объяснялся его высокий авторитет среди писательской братии. На что уж горяч был Степной, и тот остывал под действием неверовской логики.

Немало горьких слов слышал я от Александра Сергеевича о своих стихах. Но зато он радовался, когда слышал удачные стихи. И в газете «Огни Поволжья», помню, написал обо мне: «Варит всех сортов мыло и пишет хорошие стихи». Насчет мыла — потому, что в то время все как-нибудь подрабатывали на житье-бытье. Я варил мыло.

Эта похвала Неверова, да еще публичная, в печати, и радовала и обязывала. После этого уже стыдно было приходить к нему с плохими стихами.

Превыше всего в писателе он ценил внимание к революционной современности. Требовал и учил писать о ней. Советовал отыскивать ростки новой жизни, постигать нового человека, подвергать осуждению все темное, старое, мешающее движению вперед.

А с каким воодушевлением говорил он о Ленине! Ему очень хотелось «написать Ленина» и не «планетарного», каким его тогда нередко изображали, а реального, живого. При мне он однажды восторженно рассказывал об этом своем намерении Яровому. А потом сказал самому себе:

— Вот переберусь в Москву, увижу его, услышу — а я обязательно увижу его! — и тогда уж...

К сожалению, этого своего намерения он не успел осуществить.

В апреле 1922 года Александр Сергеевич уехал в Москву. Отъезд его очень почувствовался нами. Мы, особенно те, кто близко стоял к нему, как-то осиротели...

---

[1] Каспий А. (Корягин) (?—1941) — писатель-самарец.

[2] Лукашевич Е. П. — литературный критик, живший в те годы в Самаре.

М. Н. Денисова (Аграномова)

ДРАМАТУРГ, РЕЖИССЕР, АРТИСТ

Мария Николаевна Денисова (Аграномова) (р. 1902) — одна из первых исполнительниц роли Татьяны в драме А. Неверова «Захарова смерть». Ее воспоминания о писателе подготовлены в 1959 году и были опубликованы в газете «Волжская коммуна», Куйбышев, 1966, 24 декабря. Здесь приводится расширенный вариант воспоминаний.

С АЛЕКСАНДРОМ Сергеевичем Неверовым я познакомилась в Самаре в суровые дни 1921 года, когда только что отгремели грозы гражданской войны и молодая Советская республика, в обстановке разрухи и голода, начинала строить новую жизнь.

С детства увлекаясь театром, я с первых же шагов театральной самодеятельности записалась в драматический кружок и все свободное время отдавала любимому искусству. Самым популярным драматургом в тогдашних кружках был М. Горький. Его пьесы, созвучные новому времени, ставились часто и исполнялись с большим подъемом. Но наряду с Горьким играли и Л. Андреева, и С. Найденова[1]. Пьес о революционной современности еще не было. Драмкружковцы ожидали их с нетерпением.

Однажды мне и Н. К. Симонову[2], тоже драмкружковцу, было сделано предложение поступить в труппу рабоче-крестьянского театра «Красноармеец». Театр этот должен был вскоре открыться. Готовилась первая постановка — драма Александра Неверова «Захарова смерть».

— Это пьеса о революции в деревне, — сказали нам, —а ее автор, писатель Неверов, один из организаторов и руководителей нового театра.

Мы оба с радостью согласились и в назначенное время пошли в бывший кинотеатр «Триумф», где предстояла встреча с автором пьесы. Робко переступила я порог театра: а вдруг передумают и не возьмут? В углу огромного, неуютного и холодного фойе (театры тогда не отапливались) сидела группа артистов. Мы представились, сказали, откуда и зачем пришли, и режиссер Шабловский сразу же поздравил нас со вступлением в труппу.

Завязалась беседа о новом театре, о будущей премьере. Неверова еще не было, его ждали с минуты на минуту.

Вдруг хлопнула входная дверь. Быстрыми шагами к нашей группе приближался худощавый мужчина, скромно одетый. У него была ласковая улыбка и живые, я бы даже сказала, какие-то озорные глаза.

— Здравствуйте, товарищи, я заставил вас ждать, извините, — заговорил он, поклонившись всем сидящим. — Неверов, автор пьесы, которую вам предстоит играть. Она еще в рукописи, но я вам ее почитаю, и мы вместе обсудим...

Неверов подошел к каждому из нас, поздоровался за руку. Когда очередь дошла до меня, я сильно смутилась (еще бы — первый раз в жизни видела писателя!) и невнятно пробормотала свою фамилию. Но Неверов весело, как бы не замечая моего смущения, сказал:

— А я вас немножко знаю. На сцене видел...

Все сразу почувствовали себя легко и просто. Писатель, видимо, обладал даром располагать к себе людей простотой и душевностью в обращении с ними.

— Ну, что же, может быть, сразу и начнем? — спросил он и огляделся вокруг. — Да, довольно мрачная обстановка... Пойдемте-ка на сцену, там будет поуютнее...

Через зрительный зал мы прошли на сцену, сели и приготовились слушать. Александр Сергеевич предупредил, что пьеса не похожа на многое из того, что мы играли до сих пор. В ней нет длинных монологов. И герои необычные — передовые люди деревни, ведущие борьбу с прошлым, отягощающим жизнь. Потом начал читать. Читал он выразительно, часто делая паузы, немного глуховатым голосом.

Все слушали с интересом. Пьеса действительно была необычна для театра тех лет, где еще удерживались так называемые «салонные пьесы». Это была смелая попытка проложить путь новому, революционно-реалистическому репертуару.

Но вот Неверов дочитал последнюю страницу. Несколько секунд стояла тишина, а потом мы сразу, перебивая друг друга, заговорили, выражая свое одобрение. Пьеса понравилась.

Александр Сергеевич поблагодарил нас, еще больше потеплел, однако заметил:

— Пожалуй, рано, товарищи, хвалить. Неизвестно еще, как примет пьесу зритель — он привык к другому товару...

Тут же приступили к распределению ролей. Неверов, обращаясь к режиссеру, сказал:

— Я в какой-то мере знаю артистов и советовал бы роль Татьяны поручить Марусе Аграномовой, а Григория — Коле Симонову: она для него писана.

Он так и выразился: Марусе и Коле.

Режиссер не возражал. Я горячо поблагодарила Александра Сергеевича, а он порекомендовал:

— Надо бы вам подумать над Татьяной. Женщина она сложная. Ее сразу, может быть, и не раскусишь...

Как шло дальнейшее распределение ролей — не помню, за исключением того, что роль Надежды (соперницы Татьяны) дали артистке Шабловской. Я была в восторженном состоянии и никого, кроме Неверова, не видела. В нем привлекало все: скромность, обаятельная улыбка, какая-то бережная манера обращения с товарищами.

Получив роль, я, как и советовал Неверов, долго думала над ней. Татьяна горячо любит своего мужа, а он ее разлюбил. Она не понимает, к чему он стремится в жизни, а вот та, другая, Надежда, которую он полюбил, наверное, понимает. Отсюда — злоба и ревность, доводящие Татьяну до помешательства.

В таком плане я и начала репетировать свою роль.

Неверов присутствовал на каждой репетиции. Садился в зале и внимательно следил за тем, что происходит на сцене. Он не надоедал режиссеру и актерам своими замечаниями, но в перерывах подходил к ним и говорил:

— Мне кажется, что эту сцену надо играть иначе: проще, без пафоса. Как вы думаете?

Или:

— Суетливость в этой роли, кажется, неуместна. Попробуйте вести себя сдержаннее.

Он был так захвачен идеей открытия театра, что, казалось, для него не так уж важен факт постановки его, Неверова, пьесы, а важно другое: чтобы со сцены театра была показана ярче и глубже борьба нового мира со старым, отжившим, и чтобы рабочий, крестьянский и красноармейский зритель, побывав в театре, проникся верой в конечный исход этой борьбы.

После одной из первых репетиций Александр Сергеевич обратился ко мне со словами:

— По-моему, вы, Марусенька, не так трактуете Татьяну. Вы решили, что ее основная линия — злоба и ненависть ко всем. Это легковесное решение. Татьяна очень любит мужа и очень страдает. Злость ее — способ скрыть свое горе, не показать его людям. Ей и больно, и стыдно, и, наконец, непонятно, почему от нее, молодой и красивой женщины, Григорий уходит к другой. Вы покажите в ней страдание и — недоумение. Она — жертва страшного мира, с которым борется Григорий. Ее трагедия начинается с неспособности постичь смысл борьбы.

Я согласилась, и образ Татьяны получился глубже и значительнее.

Никаких замечаний не делал Неверов только Симонову. Он восхищался его игрой и однажды сказал:

— Талантлив. Широко талантлив.

Время летело быстро. Приближался день открытия театра. Шли последние приготовления. Александр Сергеевич, в общем, был доволен работой коллектива.

Премьера состоялась между 20—25 марта 1921 года. В этот вечер мы все собрались намного раньше, чем следовало, не торопясь гримировались, повторяли роли и были в приподнятом настроении. Неверов держался, как обычно: шутил, подбадривал нас, сам проверял детали обстановки и реквизита, внимательно осмотрел костюмы. В театре было холодно, и мы, накинув на себя поверх театральных костюмов пальто и шали, старались согреться. Неверов подсмеивался над нами и говорил:

— Подождите, выйдете на сцену — жарко станет.

Но мы видели, что он далеко не так спокоен, как хочет казаться, и поэтому уверяли его, что все будет хорошо.

И вот занавес медленно раскрылся. Зал был полон. Спектакль начался. Дружные аплодисменты зрителей, раздавшиеся уже после первого акта, обрадовали нас, а когда спектакль закончился, в зале разразилась бурная овация. Мы много раз выходили с Александром Сергеевичем на вызовы. Он был бледен и взволнован.

Домой шли вместе с Неверовым и его братом, Петром Сергеевичем, горячо обсуждая спектакль и радуясь, что зритель его понял и принял...[3]

Когда я теперь, спустя четыре десятилетия, вспоминаю о Неверове, то представляю его не только даровитым прозаиком и драматургом, но и театральным режиссером, актером. Он тонко чувствовал театр, умело направлял творческие искания актеров, безошибочно определял главное в их индивидуальности. Играл же на сцене с таким глубоким проникновением в образ, что его игре позавидовал бы и хороший профессиональный актер. В «Захаровой смерти» ему приходилось иногда исполнять роль Захара, и мы все дивились его мастерству...

---

[1] Найденов С. (Алексеев С. А.) (1869—1922) — русский драматург, бытописатель купечества и мещанства.

[2] Симонов Н. К. (р. 1901) — актер, впоследствии народный артист СССР, Герой Социалистического Труда.

[3] В письме к Л. Клейнборту от 9 мая 1923 года А. Неверов писал о постановке «Захаровой смерти» в Самаре: «Публика была красноармейская и часть горожан, интеллигенции. Были самарские писатели... Я, признаться, очень трусил и боялся увидеть пьесу в исполнении, но с первого же действия был захвачен совершенно как лицо постороннее, а в конце... буквально не узнал своей пьесы, так как она переродилась, и ее художественная правда стала жизненной горькой правдой... Публика встретила пьесу очень хорошо» («Русская литература», 1967, кн. 3, стр. 210).

П. И. Воеводин

В КРАСНОЙ САМАРЕ

Петр Иванович Воеводин (1884—1964) — член КПСС с 1899 года, Герой Социалистического Труда. Его воспоминания относятся к началу 20-х годов, когда он работал заведующим Самарским государственным издательством и начальником Самарского губернского отделения РОСТА (Российское телеграфное агентство) и по роду своей деятельности много раз встречался с А. Неверовым. Воспоминания представляют собой литературную запись, сделанную со слов П. И. Воеводина в июне 1963 года. В неполном виде текст воспоминаний был опубликован в газете «Волжская коммуна», Куйбышев, 26 октября 1969 года.

СРЕДИ самарских литераторов начальных советских лет Александр Сергеевич Неверов выделялся своей талантливостью и стремлением запечатлеть в художественных образах неповторимые явления революционной современности.

— Жизнь движется вперед с необыкновенной быстротой, — говорил он, — и нам, писателям, надо поспевать за нею.

Мне всегда казалось, что едва ли не самое приметное в нем — интерес к людям. Он был прямо-таки жаден до людей и, конечно, до нас, губернских работников, особенно тех, кто прошел школу революционного подполья. Нет сомнения, что ему хотелось глубже постичь «душу» человека нового мира, большевика.

Иногда он заглядывал ко мне в губРОСТА. В начале разговора вроде мнется, стесняется, а потом давай сыпать вопросами: «А что вам известно о таком-то? Он когда вошел в партию? Где бы его можно было послушать? А какая, по-вашему, самая сильная черта у такого-то? Есть ли у него семья, дети?» Помнится, очень интересовался В. И. Лениным, спрашивал о моих встречах с ним, о том, что у него почитать. Я рекомендовал ему (и, кажется, дал) несколько последних ленинских брошюр.

Однажды ему пришлось по редакционным делам побывать у председателя губкомпомгола В. А. Антонова-Овсеенко[1]. Я спросил, какое он произвел на него впечатление.

— Чувствуется сила духа, интеллект, — ответил писатель. — Но сух, мрачноват...

Зная, что Неверов пишет только о коммунистах деревни, я както спросил его, почему он не попробует изобразить партийных и

советских деятелей более крупного масштаба, которых, несомненно, изучает.

— Это непросто, — отозвался Неверов. — О деревне писать легче, я ее вдоль и поперек знаю, ею рожден и вскормлен, а тут мне еще не все ясно. Образы, о которых вы говорите, — дело будущего. Ведь нет же их пока в нашей литературе...

— Вот вы и покажите пример.

— Вероятно, его покажет кто-то идущий за нами, первыми, — возразил он, но, помолчав, добавил: — Впрочем, и любой из первых вправе задуматься над вопросом: «Не мне ли дано начать?»

Видно было, что этот разговор задел его за живое. Он горячо и взволнованно стал излагать свои впечатления о людях, стоящих во главе красной Самары. Потом заговорили о том, что в литературу обязательно шагнет новый герой — большевик. Сравнивая большевиков с эсерами, которых знал, заметил:

— У тех все расплывается, течет, за фразой нет дела. Большевики же знают в точности, что надо делать, и делают. Подождите, с них спишут типов позначительней Пьеров Безуховых и Андреев Болконских. «Натура» за то говорит.

А спустя некоторое время сообщал мне «по секрету»:

— Ну, ваше назидание пошло впрок: намерен написать о губернском комиссаре... И «оригинал» уже подобрал... Знаете, кто это? Герасимов! Вот фигура! Рабочий, революционер, поэт, большевистский деятель. Все в одном: и идея, и ее воплощение в деле, и эмоции. Списывай, каков он есть, но клюя вокруг по зернышку, — и тип получится. Только, чур, молчок: друзья-писатели могут позавидовать, да и вдохновение спугнете...[2]

Мне долго казалось, что он не успел взяться за реализацию своего замысла. Но, прочитав (уже в начале 30-х годов) неоконченную неверовскую драму «Анна», я убедился, что это и есть задуманное писателем произведение. Герой драмы — губернский военный комиссар Михаил Петрович Гадалин — безусловно «похож» на самарского губернского военного комиссара Михаила Прокофьевича Герасимова своей идейной убежденностью, цельностью характера, темпераментом. Как и Гадалин, Герасимов в своих пламенных речах на митингах, помнится, оправдывал «революций кровавую Илиаду»[3] бешеным сопротивлением разбитых эксплуататорских классов.

Мне часто приходилось слышать чтение Неверовым своих произведений. Читал он ровно, без нажима, глуховатым голосом и при этом зорко наблюдал за аудиторией. Скажет фразу, другую — и окидывает взглядом зал, словно проверяя, как они восприняты. Так было на писательских сходках, в рабочих клубах, в здании губкома РКП(б) и губисполкома, где он выступал перед

партийным активом в присутствии В. В. Куйбышева и других руководителей губернии. Когда я сказал ему, что «паузы» в процессе чтения у него далеко не всегда оправданны, он заметил:

— Мне небезразлично, доходит мое слово до тех, к кому оно обращено, или не доходит. Как же тут без «пауз»? Я вот на сцене играю, роль веду, а сам и в этой обстановке не забываю за зрителем следить — как он там себя чувствует...[4]

Во время голода 1921—1922 годов его семья страшно бедствовала. Говорили: детишки у него при смерти. Чувствовалось, что и сам он истощен до крайности и держится лишь ценой нервного напряжения. При содействии губкомпомгола я несколько раз добивался выдачи ему небольших единовременных пайков — пшена, картофеля, сахара, постного масла. Он благодарил, но на личные невзгоды никогда не жаловался. Делу же борьбы с голодом вообще отдавал все свои силы: писал рассказы, пьесы, редактировал однодневные литературные газеты, доход от которых поступал в «голодный фонд», участвовал в работе над выпускавшейся губкомпомголом «Книгой о голоде»[5].

Кстати, при составлении плана этой книги один из литераторов высказался в том смысле, что надо бы пригласить к участию в ней американских деятелей, помогающих Поволжью в беде[6]. Неверов — я это хорошо помню — отнесся к такому предложению отрицательно.

— Миссионеры АРА и так себя достаточно расхваливают, — едко заговорил он, — не хватало еще, чтобы они про свою милостыню книжки писали... А милостыня какова? Сулят, как Христос, накормить тысячи голодных двумя хлебами и тремя рыбами, да и те еще в дороге...

Зато самоотверженная деятельность прогрессивной общественности Европы и Америки, в особенности Фритьофа Нансена[7], вызывала у него восхищение. Когда Нансен был в Самаре, Неверов путешествовал в Среднюю Азию, и ему не пришлось встретиться с ним. Вернувшись, он в моем присутствии читал напечатанные в «Коммуне» корреспонденции о посещении Нансеном голодных самарских сел. По его лицу текли слезы. Потом он говорил, что собирается послать Нансену свои рассказы и пьесы о голоде. Не знаю, были ли они посланы.

В памяти многое стерлось за сорок с лишним лет. И все же облик Александра Сергеевича Неверова и теперь встает передо мною, как будто живой. Светел душою, чист помыслами и неутомим в труде на благо советской литературы был этот духовно красивый и даровитый человек.

---

[1] Губкомпомгол — губернская комиссия помощи голодающим, орган, существовавший в Самаре и центрах ряда других губерний в 1921—1922 годах.

Антонов-Овсеенко В. А. (1884—1938) — видный деятель КПСС и Советского государства. Возглавлял Самарский губисполком и губкомпомгол.

[2] Герасимов М. П. (1889—1939) — рабочий, в 1905 году вступил в РСДРП. Неоднократно арестовывался. В 1907 году эмигрировал. Работал шахтером, слесарем, кочегаром во Франции, Бельгии, Италии. В 1915 году выслан в Россию за революционную пропаганду. В 1917 году — председатель Самарского Совета солдатских депутатов, член Самарского ревкома, впоследствии — губернский военный комиссар. Пролетарский поэт.

[3] Слова из поэмы В. Маяковского «150 000 000».

[4] В 1920—1922 годах А. Неверов многократно выступал на сцене в качестве исполнителя ролей в своих пьесах (Захар — в «Захаровой смерти», Крымзин — в «Богомолах», Хорохоренский — в «Смех и горе» и др.).

[5] «Книга о голоде» — литературно-художественный и документальный сборник, посвященный борьбе с голодом в Поволжье. Был выпущен губкомпомголом в 1922 году.

[6] Речь идет о деятельности в Советской России сотрудников АРА — Американской администрации помощи (American Relief Administration). Наряду с поставкой в голодные губернии некоторого количества продовольствия эта организация под вывеской благотворительности вела среди населения антисоветскую работу. (См. по этому вопросу: Н. Страхов. Александр Неверов, стр. 219—222).

[7] Нансен Фритьоф (1861—1930) — выдающийся норвежский ученый, путешественник и общественный деятель. Вел за границей агитацию за оказание помощи голодающему населению Советской России.

П. С. Скобелев

В ТРУДНУЮ ПОРУ

Петр Сергеевич Скобелев (1902—1957) — брат А. Неверова. В последние годы жизни писателя — студент, в дальнейшем — научный сотрудник Кинельской опытной станции, главный агроном Куйбышевского областного земельного управления, доцент Куйбышевского планово-экономического института. Воспоминания о брате написаны им в 1924 году и хранятся в ЦГАЛИ (ф. 337, оп. 1, ед. хр. 281). Варианты этих воспоминаний публиковались несколько раз («А. С. Неверов» — журнал «Волжская новь», 1930, № 1; «А. С. Неверов (Скобелев)» — альманах «Волга», 1945, № 2; «Страницы из воспоминаний» — газета «Волжская коммуна», 1956, 28 декабря и др.). В основу данной публикации лег текст рукописного варианта 1924 года с добавлением эпизодов и отдельных подробностей, которые содержатся в ранее печатавшихся воспоминаниях и в бумагах личного архива П. С. Скобелева. В подготовке текста принял участие В. П. Скобелев.

ВРЕМЯ идет. Воспоминания сглаживаются. Многое уходит безвозвратно.

Я позволю себе поделиться воспоминаниями о жизни и работе А. Неверова в Самаре в 1919—1921 годах. Но прежде чем говорить о наиболее знакомом мне периоде жизни брата, считаю нужным обратиться к отрывочным впечатлениям более ранних лет.

Первая моя встреча с А. Неверовым относится к 1910 году. Александр Сергеевич приехал к нам в Самару в связи со смертью отца, незадолго перед тем умершего от холеры. Мне семь лет. Помню нашу избенку в железнодорожном поселке (ныне поселок имени Кузнецова), помню Александра Сергеевича, одетого в черную тужурку и сидящего в переднем углу под иконами. Отчетливо вижу его пышную красивую шевелюру и обрамляющую лицо бородку. Он мне тогда почему-то показался дьяконом.

Гость сказал матери, что ему очень жалко нас — четырех маленьких братишек, но материально помочь он ничем не может: у самого ничего нет. Как учитель он получал тогда 10 рублей, на которые надо было жить самому и содержать младшую сестру.

Следующая встреча — уже в годы первой мировой войны. А. Неверов призван в армию, служит фельдшером в Самарском военном лазарете. Осталось в памяти одно из его посещений, когда он прошелся по двору, окинул грустным взглядом нашу

убогую «недвижимость» и процитировал знаменитые некрасовские строчки:

Есть и овощ в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

Помню и осень 1918 года — крах учредиловщины. В качестве сотрудника газеты «Народ» Александр Сергеевич должен был подчиниться приказу командования об эвакуации в Уфу. Весь день отъезда брат ходил подавленный: ехать не хотелось. Мы пришли на вокзал, забитый людьми (я — в роли провожатого). Царила полная неразбериха. Пути были заставлены эшелонами, куда с руганью и криками лезли военные и гражданские. Мы ныряли под вагоны, бежали куда-то в сторону депо...

Более связные впечатления остались от последующих месяцев, когда А. Неверов вернулся в Самару и начал работать в журнале «Красная Армия». Работа требовала огромного напряжения духовных и физических сил. Приходилось — главным образом вместе с А. Дорогойченко и П. Яровым — заниматься не только литературной работой, но и таскать на себе бумагу из подвала в типографию.

Тяжелы были и домашние условия. А. Неверов с семьей поселился у нас в избенке, площадь которой составляла сорок квадратных аршин. Там ютилось девять человек: одна комната, побольше, являлась и кухней, и столовой, и спальной для хозяев, а другую, маленькую, занимал Александр Сергеевич с женой и тремя детьми. Эта комнатка, кроме кровати, сундука и небольшого стола, ничего не могла вместить. На сундуке спали двое ребят, третий, грудной, помещался в люльке над кроватью. Духота, скученность, шум, детский крик — все это сопутствовало первым полутора годам жизни А. Неверова после возвращения в Самару.

Сейчас это трудно представить, но даже баня была проблемой. Помню, мы с Александром Сергеевичем ходили в душевую при железнодорожном депо (моя мать работала на станции в качестве чернорабочей). Каждый раз это носило не совсем легальный характер: ведь пользоваться душем имели право только железнодорожники.

Журнал (а потом и служба в других местах) отнимал большую часть времени (с 9 утра до 4—5 часов пополудни). Туда и обратно добираться приходилось пешком: трамвай в наш поселок ходил редко, надеяться на него было нельзя. Ограниченный средствами, Александр Сергеевич не мог купить керосину для лампы — приходилось работать при пузырьке-коптилке. К этому нужно добавить, что самая работа для писателя начиналась ночью, когда домашние улягутся. Примостившись на краю стола, брат работал до 4—5

часов утра. Именно в этих условиях создавались роман «Гуси-лебеди», пьесы «Бабы», «Захарова смерть», «Гражданская война», «Смех и горе», рассказы, статьи, стихотворения.

Помню, с каким особенным удовольствием трудился А. Неверов над символической пьесой «Стена». Работая над ней, Александр Сергеевич читал ее П. Яровому и другим литераторам, которые давали ей высокую оценку. Читал он ее и мне, причем по частям и неоднократно. Пьеса эта, проникнутая верой в бесклассовое общество будущего, мне пришлась по душе, и я выражал свое восторженное отношение к новому произведению. Хорошо помню, как мы вдвоем читали вслух по тексту рукописи роли действующих лиц: Кузнецов, Рабочих, Поселян, Проповедника, Странника, Нищего, Певцов, Музыкантов и др. Вряд ли мои восторги оказывали большое влияние на брата, однако, пьеса ему самому очень нравилась, и он поначалу придавал ей большое значение.

Чтение неоконченной пьесы по ролям было частным выражением устойчивого интереса А. Неверова к театру. Помню, что брат даже сдавал вступительные экзамены в студию существовавшего тогда в Самаре «рабоче-крестьянского театра», был принят, посещал занятия, но пробыл в студии недолго — загруженность основной работой не позволяла, да и поиски заработка сыграли свою роль.

Тяжелое материальное положение заставило А. Неверова и его друзей заняться устройством спектаклей. Создали небольшой драматический кружок из писательской братии (взяли туда и меня), поставили «Смех и горе». Священника Хорохоренского играл сам автор. Затем поставили одноактные пьесы «Богомолы» и «Женское засилье». Все эти произведения не требовали сложных декораций. Спектакли шли в клубах и народных домах с успехом. Особенно запомнился мне прием, оказанный нам слушателями инженерных командных курсов при постановке комедии «Смех и горе».

Однако, несмотря на успех, спектакли пришлось прекратить. Сказалось тут и отсутствие времени (писателям все-таки надо было заниматься своим основным делом!), и мелкие бюрократические придирки клубной администрации, и незначительный финансовый результат: один спектакль давал каждому участнику в среднем четыре-пять тысяч рублей — на них можно было тогда купить три-пять фунтов хлеба.

По-видимому, у А. Неверова было настоящее актерское дарование. Помню, как вместе с Н. Степным, П. Яровым, К. Мураном он устраивал литературно-художественные вечера в клубах и народных домах — писатели выступали там с чтением своих произведений. Неверовское чтение неизменно вызывало громкие аплоди-

сменты — читал он выразительно, живо, мне казалось — мастерски.

Стремясь к постоянному общению с читательской аудиторией, А. Неверов придавал большое значение и «цеховым» писательским встречам. До создания писательской организации в Самаре (Дом печати, ЛИТО) литераторы собирались на частных квартирах. Ни один из таких вечеров не проходил без участия А. Неверова. У него была постоянная потребность в живом общении, желание поделиться опытом с одними и поучиться у других — «заразиться», как он сам говорил неоднократно. Готовность выслушать советы, критические замечания обыкновенно брала верх над усталостью.

Тут, конечно, немалую роль играло и то обстоятельство, что Александр Сергеевич ощущал значительные пробелы в своем образовании. По той же причине он в качестве вольнослушателя посещал лекции на словесно-историческом отделении Самарского университета; интересовался теорией драмы; занимался стиховедением. Кстати сказать, на упражнения в версификации он истратил не одну ночь и шутя говорил:

— Подождите, друзья мои, скоро Неверов будет автором целого тома стихотворений — пусть удивятся!

Помню, как на столе у А. Неверова появился только что вышедший томик стихов Уитмэна в переводах К. Чуковского. Думаю, что не без влияния американского поэта было написано стихотворение «Пролетариям всех стран» и некоторые другие.

По-видимому, тогда же возник у А. Неверова и интерес к В. Маяковскому. Вернувшись из Москвы осенью 1920 года со съезда пролетарских писателей, он сказал мне:

— Вот бы тебе Маяковского послушать!

Об интересе Неверова к Маяковскому свидетельствуют и две книги поэта, привезенные им из Москвы в мае 1920 года, — «Все сочиненное Владимиром Маяковским» и поэма «Война и мир». Поэму он подарил мне с надписью: «Брату Петру Скобелеву от А. Неверова».

Сохранились в памяти отдельные высказывания брата о русских писателях предреволюционных лет. Помню, как А. Неверов, прочитав пьесу Е. Чирикова «Евреи», с грустной улыбкой задумчиво сказал:

— Чириков... Какая фамилия чирикающая... А какой писатель!

Не раз говорил мне об Ив. Вольнове, о том, как мужики чуть не сожгли его вместе со школой, как М. Горький помогал ему стать писателем. И при этом повторял:

— Много, много кошмарно-тяжелого, страшного пережил этот человек...

Кстати сказать, Ив. Вольнов в то время — в 1919 году — был в Самаре и часто встречался с А. Неверовым на литературных вечерах. Однажды Александр Сергеевич попросил меня отнести Ив. Вольнову записку в аптекарский склад (на территории бывшего Троицкого базара), где Иван Егорович работал как сотрудник эпидемиологического отряда по борьбе с тифом. Я буквально помчался с этой запиской, мечтая увидеть «своими глазами» писателя, встречавшегося с М. Горьким, жившего у него на Капри. Помню лишь холодное, неотапливаемое помещение склада и то, как приветливо встретил меня темноволосый, с густыми бровями человек среднего роста, одетый в серовато-зеленое демисезонное пальто и сидящий за конторским столом.

Много раз говорил А. Неверов о Н. Лескове — подчеркивал удивительную тонкость его мастерства «в плетении словесного кружева»; восхищался искусным построением чеховских рассказов, краткостью и отточенностью фразы в них.

Любовь к литературе, преданность ей были у А. Неверова подвижническими. Можно было удивляться его выносливости, упорству в литературной работе. Бывало, скажешь ему:

— Смотри, Саша, измотаешь, измучаешь себя окончательно.

А он улыбнется и ответит:

— Ничего, ничего, мне не надо жиреть, я не купец — толстой шеи не нужно.

Не раз, делясь со мной своими раздумьями о писательском труде, Александр Сергеевич говорил:

— Окружи меня на всю жизнь золотом, посади в роскошнейшие дворцы и скажи, чтобы я не писал неделю, месяц, — ни за что не соглашусь... Писатель должен стоять выше всякого богатства, писателю нужна душа, а не золото. Ведь каждому писателю хочется сказать что-то свое — тем более в такую эпоху, когда революция перевернула всю жизнь до дна... На нашу долю выпало чрезвычайное счастье быть свидетелями и участниками величайших событий, жить в такое время и правдиво, без искажений и прикрас, отобразить в своих произведениях хоть частичку российской революционной действительности.

Когда создавался рассказ «Веселые ребята» (1921), я узнавал эти мысли в рассуждениях действующих лиц, которые — замечу попутно — имели реальных прототипов: старый писатель, создававший «тридцать лет повести и рассказы» — А. К. Гольдебаев (Семенов), беллетрист Бегунок — сам А. Неверов.

Будучи уже довольно известным автором, удостаиваясь первых премий на различных конкурсах в Самаре и в Москве, А. Неверов очень критически относился к своему творчеству и был скромен до застенчивости. Для характеристики неверовской скромности расскажу о том, как Александр Сергеевич пытался пригласить

известного тогда писателя Скитальца на литературный вечер в кружке самарских писателей.

В 1919 или 1920 году (точно не помню) Скиталец приехал в Самару и выступал на платных литературных вечерах, заполняя всю программу их чтением своих беллетристических и поэтических произведений. Некоторые стихи Скиталец читал под аккомпанемент гуслей, которыми он великолепно владел.

Как-то получилось, что на литературном вечере Скитальца в кинотеатре «Фурор» (ныне «Первомайский») я, не сговариваясь с Александром Сергеевичем, хотя мы и жили вместе, встретился с ним и поэтом Я. Тисленко. После выступления Скитальца за кулисы к нему подошли почти одновременно А. Неверов, Я. Тисленко и я. Не зная, с каким намерением пришли к Скитальцу А. Неверов и Я. Тисленко, я выступил вперед и с молодой напористостью заявил о себе — представителе «дымных и пыльных окраин» — и сразу получил от Скитальца принципиальное согласие на выступление. В это же время, не назвав себя, с аналогичной просьбой к писателю обратились А. Неверов и Я. Тисленко. Скиталец, не особенно внимательно выслушав их, заявил: «Не могу, занят в рабочем клубе» и, показав на меня, произнес своим чудесным раскатистым басом: «Дал уже согласие вот этому товарищу — представителю рабочих». Идя домой, А. Неверов сконфуженно, но весело посмеивался с Я. Тисленко и несколько раз повторил:

— Он, наверное, принял нас за приказчиков из галантерейного магазина.

Наступило страшное для Поволжья лето 1921 года. Почти каждый день пыль, жаркое дыхание суховея. Ни капли дождя. Началось стихийное бегство населения в хлебные места — в Сибирь, в Среднюю Азию. Нашим семьям тоже нечего было есть. Решили ехать и мы.

Устроив Пелагею Андреевну воспитательницей в детский дом (детей она взяла с собой), Александр Сергеевич вместе с П. Дороховым, Н. Степным и со мной отправился в Ташкент, имея всех денег пуда на два хлеба по тогдашним ташкентским ценам. Захватили и кое-какие вещи...

Выехали 12 августа 1921 года. Ехали целый месяц, останавливаясь на каждой станции, где меняют паровозные бригады, на два-три дня. Всю дорогу Александр Сергеевич сильно болел малярией. Ехали мы в отдельном товарном вагоне в качестве «охранников» груза — согласно документам, которые были выправлены при активном содействии П. Дорохова.

Проезжая Актюбинск, Ташкент, Самарканд, мы устраивали литературные вечера, проходившие с большим успехом, но с незначительными материальными результатами. Местные газеты из-

вещали об устройстве вечеров. Приведу одно из таких извещений — ташкентское:

> **ТЕАТР И ЗРЕЛИЩА. Ц. Р. К. САД ИМЕНИ ЛУНАЧАРСКОГО**
>
> **Ассоциация пролетарских писателей и поэтов гор. Ташкента при участии поволжских поэтов и писателей тт. Неверова, Степного, Дорохова и декламатора художника слова Зеленцова[1], с участием старейшего московского пролетарского писателя Нечаева во вторник 6 сентября в 8 ч. вечера устраивает только один вечер ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕКЛАМАЦИИ и литературно-художественного чтения своих произведений в 3 отделениях»[2].**

В дороге мы видели много страшного. На остановках вагоны осаждались голодающими, которые надрывающим душу голосом тянули:

— Товарищи, посадите... Ради бога, пустите хоть одну станцию проехать.

Оборванные дети с жадностью бросались на брошенные арбузные и дынные корки, жалобно тянули:

— Дяденька, ко-роч-ку, хоть кро-шеч-ку...

Александр Сергеевич болезненно реагировал на детские мольбы, не мог в это время есть, отдавал нищим еду. Часто при этом говорил:

— Я не могу не подать. Может быть, мой Борька будет ходить с протянутой рукой по вагонам и так же просить *хоть крошечку.* Как только вспомню об этом — кровь ударяет в голову, сердце рвется на части...

Поездка длилась два с половиной месяца. Вернулись больные, грязные, оборванные до живописности. Александр Сергеевич, помнится, вернулся в шляпе и лаптях. Однако муку мы все-таки привезли. Правда, добытого (А. Неверов привез что-то около 15—20 пудов) хватило ненадолго, так как нужно было помогать родным и знакомым.

...Пережита страшная зима 1921—1922 годов. А. Неверову тесно становилось в Самаре — неодолимо хотелось в Москву. Однако ехать сразу с семьей брат не решался, а оставить семью в Самаре и ехать пока одному — тоже было боязно. В конце концов колебания преодолены. «Уж лучше быть последним в столице, — говорил он друзьям, — чем первым в провинции». И вот в конце апреля 1922 года А. Неверов переезжает в Москву — начинается наша переписка.

Читая его письма, я чувствовал, что работает он с огромным напряжением и, несмотря ни на что, радостно. Он посылал мне свои книги, отдельные произведения, выходившие в периодических

изданиях, приглашал в гости. Осенью я получил от него такое письмо:

«Здорово, Петруха!

Очень жалею, что не застал тебя в Москве, а в Самару я не попал. Думал было проехать обязательно, но задержался на целую неделю в Мелекессе, соскучился по Москве, порастрепался деньгами и дернул прямо с Симбирска в Москву. Но это, я полагаю, беда небольшая. Надеюсь, что никто из нас не помрет через три дня и мы, конечно, увидимся...»

Однако увидеться нам не довелось: не прошло и трех месяцев, как А. Неверова не стало...

---

[1] Зеленцов — под таким псевдонимом выступал с чтением стихов автор воспоминаний. Не смешивать с псевдонимом Борис Зеленцов, принадлежащим А. Неверову.

[2] «Известия» (г. Ташкент) — орган ЦК КПТ и ЦИК Советов Туркестанской республики, 1921, 6 сентября.

Н. Степной

ПОЕЗДКА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Н. Степной (Николай Александрович Афиногенов, 1876—1947) — советский писатель, автор романов «Пролетарий», «Семья», «Перевал», «Коммуна», многих рассказов и очерков. Варианты его воспоминаний об А. Неверове, с которым он дружил многие годы, публиковались неоднократно («Мы с ним работали вместе...» — «Наш труд», сборник литературы, драмы и критики. М., Изд-во Коллектива рабоче-крестьянских писателей, 1924, № 2, стр. 96—101; «А. С. Неверов» — журнал «Жернов», 1926, № 7, 2-я стр. обложки; «А. С. Неверов» — Н. Степной. Собр. соч. в десяти томах, т. 10, М., 1929, стр. 235—261; «Наши встречи» — альманах «Волжская новь», кн. 10, Куйбышев, 1940, стр. 266—270 и другие). Приводимые здесь воспоминания Н. Степного о его поездке вместе с А. Неверовым в Среднюю Азию были впервые напечатаны в сборнике «А. С. Неверов», составленном о-вом «Никитинские субботники», М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1924, стр. 27—34. В текст воспоминаний внесены некоторые исправления.

Это было в голодном 1921 году. Мы находились с Неверовым в десяти верстах от Самары в санатории и обдумывали, как быть дальше, чем кормить семьи.

Жара. Пыль. По дорогам скрипели телеги, днем и ночью двигались пешеходы. Люди, спасаясь от голода, что-то предпринимали, куда-то спешили. А мы пока еще только смотрели на них.

Александр Сергеевич с каждым днем все больше и больше волновался:

— Надо и нам что-нибудь делать.

А кругом говорили:

— За полпуда муки купить дом можно, за пятнадцать фунтов — лошадь.

Но говорили и о том, что есть такой город — Ташкент, где за одни сапоги дают три пуда муки, да не какой-нибудь, а настоящей крупчатки, за пиджак же — того больше.

— Надо и нам, брат, ехать, — осторожно начал Неверов.

— А где у нас вещи на обмен?

— Ну, что-либо найдем...

— А не отправиться ли нам читать лекции и рассказы вплоть до самого Ташкента?

— Это идея! — поддержал Неверов. — Захватим моего брата Петяшку. Он будет декламировать, ты — лекции читать, я — рассказы...

— Глядишь, за это нам и хлеба дадут.

— Но как быть с местами в поезде?

— Идем в город, там увидим...

И мы покинули санаторий...

С местами помог писатель П. Н. Дорохов, работавший тогда в губпотребсоюзе[1]. Он пристроил нас в одном из вагонов, в котором ехал сам вместе с уполномоченными от сельских кооперативов. Мы значились «охранниками кооперативных грузов».

Представьте себе простой товарный вагон, только имеющий двойные настилы — нары. Уполномоченные — человек восемнадцать бородатых мужиков — в одной стороне вагона. У них много вещей и, как потом выяснилось, — денег. Нам отведена другая сторона.

Мы разместили свои пожитки. Улеглись — сидеть было нельзя, над нами еще нары. Уполномоченным показалось подозрительным, что у нас мало вещей[2]. Они стали посматривать на нас враждебно. Но когда Дорохов сказал, что мы — писатели, их лица вытянулись в удивлении. Рыжебородый Семен, с маленькими синими бегающими глазками, не выдержал и брякнул от избытка нахлынувших чувств:

— От ортачека[3] нас выручат, потому что, видать, — пролетарии...

До Кинеля добрались быстро. Но там надолго остановились. Александр Сергеевич порывался уехать обратно. А у меня перед отправлением поезда в Самаре выкрали кошелек, и я боялся возвращения. Ведь без денег там, дома, пропадешь, а в дороге есть надежда на чтение лекций и продажу книг. Одному ехать дальше было рискованно, и я предпринимал разные меры, чтобы Александр Сергеевич не вернулся в Самару. На вопрос, когда же тронемся, отвечал: скоро, к вечеру обязательно, а там уж поедем без долгих остановок и недельки через две-три будем в Ташкенте...

Предложил Неверову пойти торговать книгами. Он пошел, но торговал плохо, все больше даром отдавал, советуя почитать. Охотников на даровщинку нашлось, конечно, немало — книги разбирали на курево. Пришлось его от этого дела отстранить. За торговлю принялся я сам, и она пошла в нужном направлении.

Через три дня наш поезд тронулся.

— Ну, теперь уж назад не вернемся! — облегченно вздохнули все. — Теперь один путь — вперед!

Помню, на какой-то станции крыша нашего вагона оказалась облепленной людьми. Уполномоченные-мужики решили во что бы то ни стало прогнать пассажиров с крыши, боясь, как бы они не

проломили ее. Все вылезли из вагона. Неверов глянул на крышу и робко заметил:

— А пускай едут, хоть до следующей станции.

Те, кто был на крыше, сразу повернули к нему головы. Люди словно ждали, что снова услышат от этого человека добрые слова, которые он произнес. И он уже смелее сказал:

— Пускай маленечко подъедут!..

Уполномоченные остановились в раздумье. Паровоз дал свисток, медлить было нельзя. Все вскочили в вагон.

На другой станции подошел к вагону кто-то из начальствующих и впустил к нам женщину с мальчишкой — до Ташкента. Уполномоченные загалдели, но начальствующий сказал, что это — приказ ортачека, и магическое слово закрыло им рты.

В Оренбурге решили устроить литературный вечер. Здешний Пролеткульт расклеил афиши, подготовил нам в помощь своих поэтов. Когда пришло время, я отправился на станцию за своими. Неверов выскочил из вагона навстречу мне и закричал:

— Скорей, скорей! Эх, ты, голова, где же ты пропадаешь? Ведь трогаемся!

— А как же вечер? Все устроено, билеты продают...

— Ну, и пусть продают. Сами выступят, а сбор пойдет в пользу голодающих...

Поезд тронулся.

— Уж и боялся я за тебя, — сказал мне Неверов. — Отстать — плохое дело. Надо друг за друга держаться в таком далеком пути...

Выступали мы в Актюбинске, Перове, Туркестане. Александр Сергеевич имел успех, особенно в Актюбинске. Читал он рассказ «Об Ивановой душе». После выступления слушатели окружили его, и полился поток вопросов, похвал...

В Ташкенте выступали в саду имени Луначарского — закрытого помещения было мало. Слушателей собралось свыше тысячи. В вечере участвовали и ташкентские поэты, но наибольшее впечатление оставил Неверов. Он вышел, встал за пюпитр, одернул свой «парадный» пиджак, который берег для выступлений на вечерах, хитренько улыбнулся и начал:

— «Коряга»...

Рассказ захватил всю массу слушателей. Читал Неверов мастерски.

В Самарканде за устройство литературного вечера в одной из красноармейских частей нам дали четыре пуда риса. Надо было видеть наше изумление и радость. Рис, чистый белый рис в пору голода... Нас четверо — по пуду каждому... Но Александр Сергеевич нерешительно протянул:

— Неужто мы все это себе возьмем? У нас есть и товарищи — дед Гольдебаев, Тисленко, еще кое-кто...

И он начал прикидывать, кому и сколько надо дать рису.

Я прервал его расчеты:

— Ты что, коммунист, что ли?

Он ответил:

— Нельзя так, надо и другим...

За второй вечер в Самарканде нам подарили по бутылке портвейна и хины...

В Джуме, где предстояло закупить и выменять хлеб, литературный вечер был назначен в саду Сокольских. Ярко-синее небо. Ни одного облачка. Тополя, уходящие ввысь, сливы, персики, виноград. Осмотрев место вечера, я побежал за Неверовым.

— Собирайся, брат, надо идти читать...

— А в чем я пойду?

Он был в одном белье. Выяснилось, что «парадный» пиджак он уже променял на муку для какого-то «пропущенного» самарского товарища...

Пришлось собирать, у кого что есть, чтобы кое-как одеть его.

Вечер прошел удачно. Неверов был в ударе и читал замечательно. Шла речь о повторении вечера, но мы уже получили уведомление об отправке поезда и потому отказались...

Поехали обратно.

После Оренбурга я захворал возвратным тифом и был переведен в другой вагон. Неверов принес мне свою бутылку вина.

— Знаешь что, выпей-ка... Не бойся, все будет по-хорошему... Немножко похвораешь и поправишься...

Вино поддержало меня. Свою бутылку я уже кончил.

Приехали в Самару. Неверов даже подскочил от радости:

— А-а, приехали!.. Теперь хлеб есть, дров наменяем, будем печь лепешки и работать, работать!..

Потом принялись делить привезенное. Александр Сергеевич все больше и больше находил людей, которым «нужно дать», и приговаривал:

— Ты жалей маленько, жалей!.. Каждый ведь человек...

---

[1] О П. Дорохове — см. на стр. 300.

[2] О «вещах», которые А. Неверов взял с собой для обмена на хлеб, он писал несколько месяцев спустя следующее: «Минувшим летом мы со Степным отложили чернильницы в сторону, набрались смелости, махнули в Самарканд... Кроме тезисов да собственных рассказов, захватили кое-что и покрепче... Я отвез самовар, мясорубку, экономическую печку, двое сломанных часов, полдюжину рюмок (не знал, что химсоюз откроет торговлю винами), восемь тарелок, бритву, помазок, мыльницу, «золотое яичко», отнятое у ребятишек, женины галоши, великолепный сафьянный бумажник...». (Газета «Огни Поволжья», Самара, 1922, апрель).

[3] Ортачека — ОРТЧК. Особая районная транспортная чрезвычайная комиссия — орган, ведавший в те годы охраной революционного порядка на железных дорогах. «Уполномоченные кооперации», среди которых были спекулянты, боялись «ортачека». Впечатления от совместной поездки с «уполномоченными» отразились в очерке А. Неверова «За хлебом». См. А. Неверов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 89—105.

Ф. В. Гладков

ОБ А. С. НЕВЕРОВЕ

Воспоминания Федора Васильевича Гладкова (1883—1958) написаны в 1940—1941 годах. Впервые опубликованы в газете «Волжская коммуна», Куйбышев, 1941, 20 июня. В несколько переработанном и сокращенном виде под заголовком «А. С. Неверов» вошли в кн.: Федор Гладков. Собрание сочинений в восьми томах, т. 8, М., 1959, стр. 408—412. Здесь воспроизводится текст первой публикации.

ЛЕТОМ 1920 года, изучая драматургическую литературу, я с особенным удовольствием прочел пьесу «Бабы». На обложке книжечки стояла фамилия А. Неверов — имя для меня новое. Пьеса привлекла мое внимание свежестью языка, яркостью характеров и молодой уверенностью автора. Несомненно, драматург хорошо знал деревню и умел чутко прислушиваться к душевной жизни крестьянина. Смелость молодого автора испугала тогда режиссера театра: ему показался чудовищным дерзкий натурализм некоторых сцен, особенно той сцены, где бабы ищут насекомых в голове друг у друга.

Через два года, в один солнечный весенний день, я зашел в ЛИТО Наркомпроса на Волхонке. Возглавлял его тогда А. С. Серафимович. Он очень ласково привечал начинающих писателей. В его кабинете я застал сухощавого, немного бледного, еще молодого человека в военной шинели. Хотя сидел он со скромным достоинством, чем-то озабоченный, но в маленьких горячих глазах его играли искорки лукавой улыбки. Серафимович назвал знакомую мне фамилию — Неверов. Я заявил, что знаю его по пьесе «Бабы». Он мгновенно оживился и с хитрецой в смеющихся глазах спросил:

— Ну, как вам они, мои «Бабы»? Понравились? Они никому не нравятся — вшивые.

И с самолюбивым беспокойством последил за моим лицом. Я ответил, что актерам, действительно, пьеса не нравится, а на меня она произвела сильное впечатление своей художественной яркостью, драматизмом и сочностью языка.

— Ну! Слава богу!.. — И он юмористически вздохнул.

Посмеялись, пошутили, и в комнате как-то сразу стало тепло, светло и задушевно. Вышли мы вместе и всю дорогу до его квартиры в Староконюшенном переулке, не умолкая, говорили, как старые друзья. В это время я жил в подвале рабочего клуба 1-го городка на Смоленском бульваре, а Неверов поселился у своего самарского товарища, писателя П. Ярового.

Удивительные были эти годы. Голодные, холодные, неуютные, они были насыщены огромной бодростью, жизнерадостностью и юношеской верой в близкое счастье. В сыром подвале я ютился, как в тюремной одиночке (даже окно у потолка было заковано железной решеткой), и с упоением работал над повестями и рассказами, мечтал о литературных успехах и не сомневался в своих силах. Неверов вместе с Яровым: один — в шубе, другой — в шинели сидели в дымной, закопченной комнате за одним столом и писали с ожесточенным упорством.

Сенгилеевские учителя[1], сочно окающие, выросшие в крестьянской среде, оба они, не похожие друг на друга, горели огнем вдохновения и трудились с утра до вечера.

Сблизились мы с Неверовым быстро и стали часто бывать друг у друга. Обычно он приходил со свертком рукописи и читал новый рассказ или повесть. Так прочитаны были «Полька-мазурка», «Андрон Непутевый» и каждая вновь написанная частица «Ташкента — города хлебного».

Читал он неплохо, но, увлекаясь и переживая, иногда приходил в восторг и с веселой хитринкой в глазах восклицал:

— Скажешь — плохо? Нет-с, милый мой, очень даже здорово. Молодец, Александр Сергеевич!..

А в самых интересных и острых местах поминутно отрывался от рукописи и проверял впечатление: дошло ли, поразило ли, понравилось ли прочитанное?.. И когда видел, что хорошо подействовало написанное, ликующе подмигивал. О «Ташкенте» мы много говорили с ним, кое-какие места обсуждали вместе.

Однажды мы были приглашены на литературный вечер А. С. Серафимовичем — кстати, редчайшим по задушевности человеком, очень неравнодушным к молодым литераторам. Он только что закончил свой «Железный поток» и решил прочесть его своим друзьям. Мы с Александром Сергеевичем, взволнованные, пошли к нему на Красную Пресню, где он жил тогда в Б. Трехгорном переулке. Собралось человек пятнадцать писателей. Серафимович читал часа три, но повесть так захватила нас, что эти три часа промелькнули незаметно. Это была не повесть, не роман в обычном смысле слова: в книге не было ни интриги, ни психологического, ни бытового сюжета, ни борьбы личных страстей. Это была скорее всего поэма о движении и борьбе народа, поэма о героическом «исходе».

На вечере у Серафимовича Неверов говорил много и горячо. Он горел от восторга, и лицо его тогда не играло улыбками, а было серьезно и даже строго. Искусство для него было священнодействием: он жил им и отдавался ему без остатка. Я редко встречал писателей, которые так целомудренно и вдохновенно горели бы литературой, как Неверов. Художественное творчество было для него его личным поведением. Он не допускал в оценках ни лжи, ни притворства, ни лицеприятия.

И когда он говорил у Серафимовича о «Железном потоке» с восторгом и волнением, лицо его было сурово от глубокого потрясения, и в нем я видел что-то вроде страдания, какое бывает у художника, который переживает душевное смятение.

По дороге домой он повторял, вздыхая:

— Ну и старик!.. Ну и наворочал же!.. Как далеко нам до него! Даже сердце щемит от зависти!..

И несколько дней он переживал сильное беспокойство, даже в глазах его горела лихорадка. В эти дни он писал с утра до ночи, не отрываясь от машинки. Еще на улице слышна была трескотня клавишей, и я знал, что он, Неверов, пишет новый рассказ или продолжает неоконченный роман «Гуси-лебеди»[2].

Общение с писателями для него было потребностью. Его никак невозможно было представить уединенным, всегда погруженным в работу за столом. Все свободное время он был в толпе литераторов. И всегда он был душою общества — шутил, смеялся, веселился, пел волжские песни.

Мы часто гуляли с ним по московским бульварам и переулкам. Москву он полюбил сразу же. Любуясь ею, он растроганно говорил:

— Хозяйственный, крепкий работник был русский человек. Надо понять и представить себе, с каким упорством и терпением завоевывал и строил он свое государство. Москву создал — это тебе не игрушка. Украсил ее, сотворил, великое, самобытное искусство сотворил. Сколько раз разрушали Москву татары, огню и грабежу предали французы, — а оживала и расцветала она еще богаче и пышнее. Замечательный русский человек — трудолюбивый, упрямый и патриот изумительный. Москва — самый бунтарский город на земле. И хочется мне изобразить русского человека, беспокойного искателя счастья... Много у него приключений, борьбы, но он все препятствия преодолевает... знаешь, как Илья Муромец или Васька Буслаев...

Как-то я обратил внимание Неверова на песенное построение его повествовательной фразы, где глаголы и определения располагались в конце предложений. Такая система построения предложения делает его речь рыхлой и народно-певучей и чувствительной. Наше боевое, энергичное искусство требует твердого

и уверенного ритма, противоположной структуры фраз. Мы должны идти не по пути Златовратского, а по пути Толстого и Чехова.

Он задумался, а потом быстрой скороговоркой решительно возразил:

— Мне былины нравятся: фразы в них, конечно, архаичны, но сила там необыкновенная. Мужик знает тайну могучего образа. Он не просто говорит, а эпопею поет: в ней и гроза сверкает, и гром гремит, и горе плачет, и гнев ревет, как буря, и разливанное веселье плещет... Мужик — поэт и песенник. Он плачет от сердца и веселится от души. Он ничего на веру не берет — скептик, но и бунтарь исторический. Язык у него богатый, певучий и мудрый. Говорит он и поет, как холсты расстилает...

Мне казалось, что Александр Сергеевич говорил это о себе.

Александр Сергеевич очень любил своих друзей и в дружбе был целомудренно верен. Прямой, искренний в вопросах искусства, он и в дружбе был благороден. Никогда он не позволял себе злословить о писателях, а если случалось, что слышал дурные слова о друзьях, бурно бросался на зоила с негодующим окриком:

— Это — безобразие! Вы не имеете права оскорблять такого-то. Я не выношу людей, которые осмеливаются мазать дегтем ворота у собрата...

Когда припадки грудной жабы были особенно мучительны, он не жаловался, не приходил в ужас. Он только замолкал и задумывался в странном и сосредоточенном недоумении. И все-таки не замыкался, не уходил в себя: продолжал посещать литературные собрания, спорить, устраивать дружеские вечеринки и словоохотливо мечтать о новых рассказах и повестях. Умер он под грузом богатых, многообразных замыслов — умер внезапно зимою 1923 года.

Рано утром ко мне пришел его сынишка и почему-то спокойно сообщил:

— Папа умер.

И в этом спокойствии мальчика было что-то жуткое.

Когда я пришел на квартиру Неверова на Полянке и увидел его неподвижно лежащего около стены у окна с едва уловимой знакомой улыбкой, мне почудилось, что он устроил очередную веселую шутку; лицо его было совсем живое, а бледность была у него обычной. Но руки на груди были уже мертвенно жестки и грудь не поднималась.

Я тогда долго плакал около его трупа: было горько и тяжело, что такой молодой и талантливый человек бессмысленно ушел из жизни в то время, когда он только что вступил на широкую литературную дорогу.

[1] По-видимому, описка автора. К Сенгилею и Сенгилеевскому уезду Симбирской губернии А. Неверов и П. Яровой прямого отношения не имели. Они — уроженцы и многолетние жители, если можно так выразиться, «Ставропольско-Мелекесской округи» Самарской и Симбирской губерний.

[2] Литературный вечер у А. Серафимовича с чтением «Железного потока», который носил в первом варианте иное название — «Борьба», состоялся в октябре 1923 года. См. об этом: «История русской советской литературы в четырех томах», т. I. М., Изд-во «Наука», 1967, стр. 762. В этой связи упоминание о том, что после вечера у А. Серафимовича А. Неверов продолжал работу над повестью «Ташкент — город хлебный», внесенное автором во второй вариант воспоминаний (Собр. соч. в восьми томах, т. 8, стр. 408—412), не находит подтверждения, так как повесть вышла в свет отдельным изданием в сентябре 1923 года. См. «История русской советской литературы в четырех томах», т. 1. стр. 761.

М. Л. Новикова

НЕВЕРОВ И НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Мария Людвиговна Новикова (р. 1890) — жена известного советского писателя А. С. Новикова-Прибоя. Приводимые воспоминания об А. Неверове подготовлены ею в 1969 году для настоящего сборника. В несколько иной редакции они вошли в работу М. Новиковой «Среди «Кузницы», опубликованную в книге «Воспоминания об А. С. Новикове-Прибое», М., Изд-во «Советский писатель», 1969, стр. 79—89.

ШЕЛ 1922 год.

Общежитие «Кузницы»[1] находилось на Арбате, в тихом, заброшенном Староконюшенном переулке, на третьем этаже дома № 33. В комнатах бывших хозяев этого особняка, больших, мрачных, с облезлыми, оборванными обоями, с лепными потолками, каких-то пустых и неопрятных, ютились семьи А. С. Новикова-Прибоя, Н. Н. Ляшко, П. Ярового, Г. В. Якубовского, В. Т. Кириллова, М. П. Герасимова и других «кузнецов». Каждая семья занимала, как правило, по комнате. Мебели ни у кого не было. Громадные высокие окна не имели ни занавесок, ни портьер. В доме каким-то чудом уцелела почти без повреждений перенесшая все удары времен революции и гражданской войны широкая беломраморная лестница, которая вела к парадной двери общежития.

Комнаты располагались в ряд, окнами на улицу. А во всю длину этажа тянулся темный коридор, служивший жильцам и кухней. Перед комнатами, у противоположной стены, стояли кое-как сколоченные из досок столы, на которых были размещены керосинки и другие кухонные принадлежности.

На полу лежали мешки с мороженой картошкой, раздобытой по «карточкам». Из мешков текла жидкость, издававшая неприятный прелый запах. Прибавляя к этой картошке немного отрубей, мы мастерили лепешки, которые пекли без масла — просто на раскаленных сковородках.

В полутьме коридора-кухни, с раннего утра и до поздней ночи, по обстоятельствам, жильцы не только готовили для семьи скудную пищу, но и стирали белье. Тут же над головами, в

несколько рядов, были протянуты веревки для сушки белья.

Люди жили тесно, крайне неудобно, голодно и холодно и все-таки не унывали. Они довольствовались тем, что имели крышу над головой, и это скрашивало их быт. Впрочем, невзгоды наши все же понемногу стушевывались. Становилась ощутимой продовольственная помощь государства. Нам выделялись ордера на одежду, обувь, дрова. Обо всем этом много заботился А. В. Луначарский.

В 1922 году весной к нам в общежитие прибыл из Самары писатель Александр Сергеевич Неверов, а через несколько месяцев прибыла и его семья: жена Пелагея Андреевна, сын Борис и дочь Нина.

Алексей Силыч Новиков-Прибой как-то очень быстро сдружился с Неверовым. Из живших тогда с нами писателей Неверов стал, пожалуй, всех ближе и роднее ему. Он оказался простым, веселым, сердечным и безраздельно преданным литературе человеком.

Его больше чем кого-либо другого можно было назвать настоящим товарищем.

В годы 1922—1923 Александр Сергеевич возглавлял Коллектив рабоче-крестьянских писателей и вел в нем литературную учебу, уделяя много внимания начинающим авторам. Эти занятия велись в одном из помещений Московского университета. Люди занимались с большой охотой, уважали и любили своего руководителя[2]. Вместе с тем Неверов играл весьма активную роль в деятельности «Кузницы»[3].

Творчески Неверов работал очень много. Долго по вечерам, иной раз за полночь, стучала его пишущая машинка. Алексей Силыч завидовал работоспособности друга. Он и сам не покладая рук работал, но писал медленно, трудно, без конца переделывал написанное. Поражала еще и другая особенность Неверова. Он мог одновременно работать над двумя, тремя произведениями. Обычно сосредоточившись над «основной» рукописью, он в то же время выполнял срочные заказы для разных газет и журналов. Алексей Силыч никогда не отвлекался от одной начатой работы и не переходил одновременно к другой, тогда как для Неверова такой переход не составлял трудности.

По вечерам друзья читали друг другу только что написанное, обменивались мнениями, спорили. Часто, поработав утром у себя в комнате, они после обеда вместе отправлялись в издательства и редакции. Почти всегда вдвоем ходили на собрания литературных организаций.

Частенько вечерами у нас или у Неверовых собирались друзья, читали и обсуждали свои произведения, говорили о литературе. А потом кто-нибудь из гостей снимал со стены гитару и начинал

играть. Остальные пели хором революционные песни или старинные романсы. В большие праздники — на Первое мая, в Октябрьские дни в наших семьях было особенно весело.

Осенью 1923 года семья Неверовых переехала на Большую Полянку, дом № 12. А 24 декабря Александр Сергеевич пришел к нам. Он не виделся с Алексеем Силычем месяца три-четыре, так как тот в это время ездил в Англию на пароходе «Коммунист». Понятно, что Неверову не терпелось расспросить друга о впечатлениях от поездки. Была и другая важная причина: Неверов должен был пригласить нас на празднование дня своего рождения.

Новикова-Прибоя он не застал дома и долго ждал его. В разговоре с ним меня поразило то, что он как будто предчувствовал угрожающую ему беду. Не раз повторял, что жить ему осталось немного и что хотелось бы «оставить Пелагеюшку обеспеченной». Я его утешала, разубеждала в предчувствиях, а он все твердил одно и то же: нет, жить ему осталось недолго.

Потом он ушел, а вечером того же дня, в восемь часов, скоропостижно скончался...

Смерть эта потрясла всех нас. Алексей Силыч не раз говорил, что он потерял любимейшего друга.

О большой любви Новикова-Прибоя к Неверову, пожалуй, лучше всего свидетельствует письмо Алексея Силыча к Ивану Вольнову, жившему тогда в Орловской губернии, от 5 января 1924 года. Вот строки из этого письма:

«...А теперь печальное. Твой поклон Неверову я не мог передать: он зарыт в земле на Ваганьковском кладбище. Вот кого до слез жаль. Умер действительно художник.

24 декабря в 4 часа дня он сидел у меня, поджидал, когда я вернусь из редакции... Но так и ушел, не дождавшись... А в 8 часов вечера этот совершенно здоровый и веселый человек внезапно скончался от паралича сердца.

А дальше обычное — хоронили торжественно, произносили речи.

Не могу больше писать, расстроился...»

---

[1] «Кузница» — литературное объединение пролетарских писателей, возникшее в 1920 году.

[2] После смерти А. Неверова Коллективу рабоче-крестьянских писателей было присвоено его имя. О Коллективе см.: В. Скобелев. Александр Неверов, стр. 103—104.

[3] А. Неверов состоял членом «Кузницы» до ноября 1923 года, когда вместе с другими писателями вышел из ее состава, не разделяя кастовых, узкосектантских позиций руководства объединения. См. об этом: В. Скобелев. Александр Неверов, стр. 103—104.

Н. Г. Николаев-Донецкий

НА ТЕРНИСТОМ ПУТИ

Воспоминания литератора Николая Георгиевича Николаева-Донецкого (1901—1967) написаны в марте 1959 года. Впервые опубликованы в газете «Ульяновская правда», 1966, 24 декабря. Печатаются по тексту газеты.

ОСЕНЬ 1922 года. Я — студент Московской горной академии. Жил в общежитии студентов в 1-м Петропавловском переулке. А напротив, в Старомонетном переулке, в другом общежитии академии жил мой друг — высокий русоволосый молодой человек Александр Фадеев, впоследствии известный советский писатель. Я писал стихи, Фадеев — прозу. Оба дышали и существовали интересами новой, советской литературы.

Центром литературной жизни Москвы был тогда Политехнический музей. Вечерами молодежь до отказа заполняла его зал, теснилась в проходах, набивалась на балкон. Писатели и поэты разных направлений читали свои новые произведения. Вслед за представителями реалистического искусства на кафедру нередко поднимались футуристы, имажинисты. Они бойко выкрикивали непонятные слова, вроде:

Не лай, свилай,
Но лай и навголая.
Моя поэма — созерцаль
Болерно, мерно злая.

Их иной раз освистывали, но они махали руками и стойко доказывали, что это — искусство будущего.

Выступал в Политехническом и Александр Неверов. Своим «Андроном Непутевым», произведением в то время свежим и оригинальным, насыщенным яркими красками и пафосом революционной борьбы, он зачаровал слушателей.

Когда он произнес слова: «Эх, вы, силы мужицкие дуба столетнего! Эх ты, хлебушко, кровью политый!», весь Политехнический музей задрожал от грома рукоплесканий. Хлопали с балкона и мы с Фадеевым.

Я был так растроган, что, когда Фадеев обратился ко мне с каким-то вопросом, стыдливо отвернулся — слезы бороздили мои щеки...

— Чудесно! — восхищался Фадеев.

Вскоре мы с Фадеевым вновь попали в Политехнический музей на литературный вечер. Пришли рано. Служители муз, длинноволосые и стриженые, еще только собирались. Зал был пуст.

Мы вышли на улицу. Я заметил прогуливающегося по тротуару мужчину средних лет, в сером костюме, с книгой под мышкой. Он показался мне знакомым. Сказал Фадееву. Тот сделал руку козырьком, посмотрел. И радостно крикнул:

— Это он, Неверов! Пойдем!

Подскочив к Неверову, Фадеев попросту сунул ему руку, тот пожал ее с легким поклоном и, улыбаясь, пристально посмотрел на Фадеева. Подошел я.

— Знакомься с автором «Андрона Непутевого!» — весело обратился ко мне Фадеев. — Это, брат ты мой, ве-ещь!

И стал торопясь, с восхищением говорить о «вещи». Я, подав Неверову руку, молча рассматривал его. Он был худ, бледен, держался скромно.

Пробуя силы в студенческом журнале «Горняк», мы тянулись к большой литературе, к литературным течениям и спорам. Одним из основных вопросов тогдашних дискуссий был вопрос о классическом наследстве. Поэтому Фадеев вскоре перешел от «Андрона Непутевого» к этой «больной» теме: нужна ли, по его, Неверова, мнению, классика и у кого из художников прошлого следует учиться современным литераторам.

Неверов задумался. Бледное лицо его как будто еще больше побледнело. Он смущенно посмотрел на Фадеева, потом на меня и сказал, что, как он считает, не признавать великих заслуг и мастерства писателей прошлого нельзя... Пушкин, Лев Толстой — бесспорно, великаны литературы... Конечно, с кем-то можно спорить, не соглашаться в содержании и приемах, но делать это надо объективно, компетентно, не сваливая всех в кучу, а обязательно рассматривая творчество каждого писателя в отдельности, с учетом его особенностей...

И точно желая предостеречь от легкомысленного отношения к литературе, добавил, потирая руку о руку:

— Мы, писатели, на тернистом пути. Мало кто из нас выходит на большую литературную дорогу...

В электрических фонарях вспыхнули желтоватые язычки.

— Извините, пожалуйста, тороплюсь, — сказал Неверов, наскоро прощаясь с нами за руку, и направился к дверям Политехнического.

Еще раз, уже один, я видел Неверова зимой 1923 года сидящим в шапке-ушанке и валенках на скамеечке невдалеке от Большого театра. Он узнал меня и, наверное, вспомнив наш разговор, снова вернулся к вопросу о классиках. О тех, кто еще ратовал за «разрушение старой культуры», отозвался зло, язвительно.

— Революция во всем, — развел я руками. — В стране — признаете, разумеется. А тут — в искусстве...

— Это вы оставьте, — ответил Неверов раздраженно. — Октябрьская революция — воля масс, а тут массам навязывают чью-то другую волю. — Он прищурился, долго смотрел в какую-то точку выше голов прохожих и, не отрываясь от нее, сказал: — Нет, не следует нам чужие горшки бить...

П. И. Замойский

НАСТАВНИК

Петр Иванович Замойский (1896—1958) — советский писатель, автор многих рассказов, романа «Лапти», повестей «Подпасок», «Молодость», «Восход». В 1922—1923 годах часто общался с А. Неверовым, однако, не оставил воспоминаний о нем, если не считать кратких сведений, приводимых в его автобиографиях. (См., например: «Рассказ о себе» в кн.: П. Замойский. Автобиографические рассказы. Пенза, 1956, стр. 4—5). Настоящие заметки представляют из себя записи, сделанные в 1933—1934 и 1941—1943 годах со слов П. Замойского Н. Страховым.

ПРИШЕЛ раз в редакцию «Крестьянки» к Марии Куйбышевой[1]. Принес рассказ. Она говорит:

— Оставь, потом заглянешь. Неверов посмотрит.

Я читал у Неверова «Марью-большевичку», еще что-то. Понравилось. Представлялся он мне почему-то пожилым, лысым, наподобие Серафимовича, или с бородой, наподобие Подъячева. А он совсем другим оказался: лет тридцати — тридцати пяти, бритый, с челкой на лбу, в белой рубахе с галстуком, папироса в зубах. Я рта не успел раскрыть, как он уже встает из-за стола и протягивает руку:

— Здравствуй, Замойский, я тебя по рассказу узнал.

Вот, думаю, я его не узнал по рассказам, а он меня узнал. Смолчал, конечно.

Начал он издалека. Кто, откуда, как в Москве очутился. Я говорю: пастух из Соболевки, солдат на войне, уездный работник, теперь — рабфаковец. Учиться в Москву уком послал...[2] Он слушает, вопросы задает — как по анкете. Потом, вздохнув:

— Да, школа жизни много значит для литератора, но это не все. Техникой владеть надо...

Взял мою рукопись из папки, перелистал, мне подал:

— Посмотри, я исправил. Так лучше будет.

Посмотрел: три-четыре фразы вычеркнуты, точки с запятыми аккуратно расставлены. Чернила — красные. Отдал обратно.

— Тут, — говорю, — и поправок-то нет.

— Как — нет? А знаки препинания? Мы ведь, брат, с тобой ревнители русской словесности, нам невозможно грамматикой пренебрегать.

Я устыдился, покраснел, как рак, а он, словно не заметив этого, стал хвалить мой рассказ:

— Пишешь без затей, без литературных каверз и придумываний — вот что мне у тебя нравится. Так и пиши. Моде играть в словечки не поддавайся — это детская болезнь, корь... Она пройдет. Красота изображения — в простоте, а простота — в жизни. Все великие писатели писали просто. Давай-ка вспомним что-нибудь...

Откинувшись на спинку стула, помолчал и начал читать наизусть:

— Топор низом звучал глуше и глуше, сочные белые щепки летели на росистую траву, и легкий треск послышался из-за ударов. Дерево вздрогнуло всем телом, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колебаясь на своем корне. На мгновение все затихло, но снова погнулось дерево, снова послышался треск в его стволе, и, ломая сучья и спустив ветви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шагов затихли... Птицы гомозились в чаще и, как потерянные, щебетали что-то счастливое, сочные листья радостно и спокойно шептались в вершинах, и ветви живых дерев медленно, величаво зашевелились над мертвым, поникшим деревом.

Кончив, Неверов спросил:

— Ну, как? Ведь просто сказано и вместе с тем — мощно, красиво. А кто сказал?

— Лев Толстой, рассказ «Три смерти», — откликнулся я, как зачарованный.

— Вот нам и надо учиться у великих: они помогут... Не в смысле содержания, конечно. А что читаешь их — похвально. Еще переписывать полезно. Брать фразу за фразой и переписывать, изучая их построение, улавливая тон, акценты...

В другой раз долго говорили с ним о языке.

Нашел он в каком-то моем деревенском рассказе слово «шамать» и давай пробирать меня до пота:

— Ты рос в деревне, Замойский, ты ее знаешь, горя хлебнул в ней вдоволь, мужика видишь ясно и все-таки фальшивишь в языке. Мужик скажет: «есть хочу», «жрать хочу», но никогда — «шамать»... Это из лексикона беспризорников. Чувство слова нет-нет да изменит тебе... Слово надо ощущать, уметь взвешивать, проверять на смысл, на звук, на принадлежность той среде, которую описываешь. Каждое слово!

И пошел, и пошел... Я молчу, слушаю. Потом осмелился и сказал:

— Ну, понял я, Александр Сергеич, больше не буду.. Оплошность случилась...

А он не унимается:

— Хороша оплошность! Если плотник положит в основу сруба гнилое бревно, то грош такому плотнику цена! «Шамать»! — вот сказал! Да разве только это? А два мужика — старый и молодой — у тебя одинаково говорят — тоже оплошность? Один: «Ежели, к примеру...» и другой: «Ежели, к примеру...» Куда это годится? Речь персонажа должна быть строго индивидуальной, без этого он — повторение другого персонажа, его тень. Не оплошность, а неряшливое отношение к языку — так это называется, товарищ Замойский!

Я думал, пока он меня строгал: учитель на уроке. И за хорошее ученье не раз потом благодарил.

Еще помню. Читает он при мне какую-то рукопись. Вдруг отбрасывает в сторону перо и хватается за папиросу. Значит, смекаю, что-то не понравилось. Ну, конечно!

— Вот написано: «Попал, как кур вó щи». Так ли?

— Нет, не так, — говорю. — Правильнее: «в ȍщип», а не «вȍ щи». Из кур в деревне варят чаще всего лапшу, похлебку...

Он повеселел, заулыбался: дескать, знает. Самому-то ему не надо было занимать знания крестьянского быта и речи с ее пословицами и поговорками. Просто хотел проверить меня. И остался доволен. Я — тоже.

В «Крестьянке» появилась у меня пара рассказов о разводах. Было такое поветрие тогда в деревне. Выдвинулся мужик на «комиссарскую» работу в волость или уезд — неграмотную жену побоку, находит «городскую», на «высоких каблуках». Жена страдает, дети — страдают. Вот Мария Куйбышева и говорит:

— Ты, Петр Иванович, напиши еще раз об этом бабьем горе. Уж тема очень злободневная. Напиши побольше, с продолжением, да так, чтобы сердце щипало, слезы полились.

— Для этого, — отвечаю, — надо женщиной быть, а я вроде — мужчина, к тому же холостой, стало быть, не в курсе дела.

Неверов — тут он был — засмеялся:

— Придется тебе, Замойский, в какую-нибудь Авдотью перевоплощаться...

— Не сумею, — говорю, — Александр Сергеич. Это только Толстой умел: он даже в лошадь перевоплотился в «Холстомере»...

А Неверов, уже не смеясь, добавляет:

— А что? Шутка шуткой, однако, дело-то серьезное. Чтобы дать правдивый, жизненный образ того или иного героя, надо

почувствовать себя им, войти в него, стать в его положение. У меня так бывает. Мучаешься, мучаешься — нет образа, а представишь себя в роли героя — все пойдет как по маслу... Выходит, и тут Толстой прав...

Посоветовал он мне ходить на собрания Коллектива рабоче-крестьянских писателей. Сказал:

— Там подходящее место, чтобы учиться литературе, набираться умения. Там не станешь самодовольным поклонником своего таланта.

Я ходил. Рассказов своих, правда, не читал, только других слушал. Собирался Коллектив в подвальном помещении Московского университета на Моховой, иногда на писательских квартирах. Интересно было. Неверов почитался здесь за старшего. Выступал он часто: свои рассказы читал, товарищей критиковал. Слушаешь его речи, бывало, как мед пьешь: до того верно и проницательно судил он о современной крестьянской литературе, об ее силе и слабости. Одна такая неверовская речь взбудоражила всех. Кое-что от нее осталось в памяти.

Дело было так. Прочитали два или три члена Коллектива свои рассказы о новой деревне. Мужики у них, как водится, получились «натуральные»: глупые, нечесаные, пьяные, верящие в домовых и леших. Тут Неверов и разошелся:

— Вы, смею спросить, о каком мужике пишете — о нынешнем или вчерашнем? Между ними — глубокая борозда. Ее провел плуг революции. Вы же не учитываете этого, вы смотрите не в жизнь, а в книги Григоровича, Тургенева, Николая Успенского, Решетникова, Толстого, Бунина. Потому-то мужик у вас, как и раньше, дик, зверовиден, анархичен до бессмыслицы или обильно полит деревянным маслом и выглядит кротким праведником, страдальцем... Я ссылаюсь на писательские имена, которые чту вместе с вами. У этих писателей нужно учиться литературным приемам, технике письма, но они не могут научить, что и в каком свете изображать теперь, — они жили в другие эпохи. Даже великий пример нельзя перенимать буквально, если в корне меняется сама жизнь.

Далее Неверов взялся отчитывать тех, кто оправдывал свои образы существованием традиционных героев в современной действительности. Да, Пилы, Сысойки, Калинычи, Антоны-горемыки, Серые и Платоны Каратаевы еще существуют, говорил он, но разве не видно, что рядом с ними вырастает новый мужик, который прошел через три революции, который соскребает с себя ошметки навоза, отвергает богов и леших, тянется к газете, ораторствует, как умеет, на митингах, подумывает о коммуне. Пора ему занять свое законное место в революционной литературе. Рисуя де-

ревню, осененную красными флагами, надо рисовать и «красного мужика».

Слушали мы Неверова с затаенным дыханием.

— Но вы берете за образец в известном смысле не только типы Григоровичей, Толстых, Буниных, — продолжал он укорять своих товарищей. — Вы плететесь следом за некоторыми нынешними писателями, набивающими руку на одурачении мужика, прошедшего через три революции. Конечно, малограмотный бородач, для которого магазинная вывеска «Коммутаторы и аккумуляторы» означает: «Кому — таторы, а кому — ляторы», — смешон. Конечно, председатель комитета бедноты, выкидывающий по неразумению часы в сортир и после трудов праведных валяющийся пьяным в бывшем господском парке, — тоже смешон[3]. Но смех смеху — рознь. Можно смеяться над темным, ратуя за светлое, так сказать, проповедуя любовь «враждебным словом отрицанья»[4]. Но можно, оказывается, и потешаться над мужицкой темнотой, уподобляясь барину, виновнику этой темноты, и доходя до неверия в силы революции. Так вот и поступают некоторые писатели. Нам, рабоче-крестьянским, с ними не по дороге. Одурачивать мужика в наше время грешно и стыдно — его уже достаточно одурачивали в прошлом. Давайте лучше поищем в деревне мужика, вылезающего из грязи и дикости. Он ждет своего воплощения в искусстве словесности, и пусть мне докажут, что это не так...

Говорил Неверов долго, резко, нервно. Срывался на крик. Судорожными глотками пил воду. Мы понимали, почему он так взволнован. Речь шла о самом больном, самом важном для деревенской литературы того времени вопросе — о повороте лицом к реальной действительности. И даже те, кому от него «попало», чувствовали в глубине души правоту его наставлений.

Да, наставлений. Он, я полагаю, имел право наставлять, потому что фактически закладывал своим творчеством новое направление в литературе о крестьянстве. Теперь ясно, что колхозная проза растет из зерен, брошенных в землю Неверовым, Сейфуллиной и другими сеятелями, которые вышли в поле «рано, до звезды»[5].

Типические литературные герои, как известно, надолго остаются в народной памяти. Есть такие долгоживущие герои и у Неверова.

В декабре 1942 года, в разгар великой Сталинградской битвы, приехал я в Свищевку на районное совещание председателей колхозов[6]. Смотрю на ораторов, слушаю. Десятка два председателей выступило, мужик среди них — один-разъединственный, все — женщины, женщины... Молодые и средних лет. В дубленых полу-

шубках, валяных сапогах, шали крест-накрест повязаны (в клубе — волков морозь!). Выйдет такая смелая, краснощекая мужским шагом на трибуну, папку разложит и давай за хозяйство отчитываться: сколько хлеба дали фронту, сколько мяса и что делают теперь, в преддверии будущего года, ради победы над проклятыми гитлерами и геббельсами... И все-то она знает, во всем разбирается. Я и говорю секретарю райкома:

— А еще мужики у вас в председателях ходят, кроме вон того?

— Есть один и кроме, — отвечает он. — Не приехал что-то. А ты чего дивишься? Баб много? Так и полагается — нынче везде Марьи-большевички колхозами правят, и как правят! Слышишь, поди?..

И стал я еще пристальней смотреть туда, где в ином облике, двадцать лет спустя, напоминала о себе знаменитая неверовская героиня. И сам он, Неверов, встал вдруг в воображении — говорящим свою страстную речь о новом герое. И захотелось мне показать ее, наследницу Марьи — умную, обогащенную опытом строительницу колхоза и защитницу Родины от лихой напасти. Ей я и посвящаю свой роман «Источник сил»[7].

---

[1] М. Куйбышева — в то время ответственный редактор журнала «Крестьянка».

[2] П. Замойский — уроженец села Соболевки Чембарского уезда Пензенской губернии. В 1918—1921 годах был на партийной и советской работе в г. Чембаре.

[3] Имеются в виду эпизоды из романа Б. Пильняка «Голый год».

[4] Слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт...»

[5] Слова из стихотворения А. С. Пушкина «Свободы сеятель пустынный...»

[6] Свищевка — в то время центр одного из районов Пензенской области.

[7] Одной из основных героинь романа «Источник сил», над которым П. Замойский работал в 1942—1945 годах, является председательница колхоза Зинаида — умная и умелая руководительница, заслужившая высокое доверие колхозников. Роман остался незаконченным.

Е. В. Семенова-Жарская

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Екатерина Васильевна Семенова-Жарская (род. 1899) — член КПСС с 1920 года, учительница, библиотекарь, партийный работник, селькор журналов «Работница» и «Крестьянка», журналист. В начале 20-х годов работала инструктором Мелекесского уездного комитета РКП(б). Имеются два варианта ее воспоминаний об А. Неверове: первый, относящийся к 1926 году, хранится в ЦГАЛИ (ф. 337, оп. 1, ед. хр. 280), в печати не появлялся; второй, написанный в 1958 году, опубликован в газете «Волжская коммуна», Куйбышев, 1958, 24 декабря. Нами приводится второй вариант по тексту газеты, с восстановлением некоторых опущенных при первой публикации мест и небольшими стилистическими исправлениями.

Я РАБОТАЛА тогда в Мелекесском укоме РКП(б)[1]. Однажды в мою комнату вошел человек немного выше среднего роста, в сером костюме и серой фетровой шляпе.

— Я писатель Александр Неверов, — отрекомендовался вошедший.

Началась оживленная беседа. Писатель оказался очень простым и общительным человеком. Он рассказал, что приехал в Поволжье для сбора материалов о том, как поправляется деревня после голода, как работает деревенский актив. И добавил:

— Одновременно я обещал написать несколько небольших рассказов для журнала «Крестьянка», а в «Крестьянке» мне рекомендовали познакомиться с их постоянным корреспондентом товарищем Семеновой, то есть именно с вами, чтобы вместе наметить темы...

— Это для меня очень большая честь, — в смущении отвечала я. — Но как быть: я завтра надолго уезжаю в командировку по селам...

— Великолепно! Возьмите меня с собой!

В тот же день Мелекесский уисполком выдал Неверову «открытый лист». Так назывался тогда документ, по которому предъявитель имел право передвигаться на очередных крестьянских подводах от одного населенного пункта до другого.

Мы побывали в селах Чердаклы, Старая Майна, Кременки, Никольское, Кошки и других, в коммуне «Роза Люксембург». Целью моей поездки была организация детских яслей и площадок. В каждом селе обычно созывалось собрание женщин-крестья-

нок. Ставился мой доклад, потом шло обсуждение. Выбиралась комиссия по организации детского учреждения.

На собраниях крестьянок Александр Сергеевич непременно присутствовал от начала до конца и был самым внимательным слушателем. Сам ни разу не выступал, но мои выступления «рецензировал»:

— Растянули сегодня доклад. Сначала слушали вас с интересом, а потом начали позевывать. Нельзя затягивать речи: время теперь горячее, люди устают, спят мало, особенно женщины.

Или:

— Проще, проще надо говорить, не за красивостью гнаться, а в сердце людское проникать.

— Александр Сергеевич, но я ведь, кажется, совсем просто говорила...

— Еще проще надо.

Иногда же, довольный, потирая руки, он отмечал:

— Вот сегодня говорили хорошо, даже меня за душу тронули!

Часто дружески он называл меня большевичкой. В этом слове, произносимом писателем, слышалось и уважение к партии большевиков, и отеческая гордость за молодых коммунистов.

С раннего утра и до позднего вечера можно было видеть Неверова с людьми: со стариками, молодежью, с сельской интеллигенцией. Очень внимательно выслушивал он своих собеседников, умел вызвать их на откровенный разговор. Записей обычно при собеседниках не делал. На мой вопрос об этом ответил:

— Неудобно в глаза людям лезть с записной книжкой: знай, мол, с кем разговариваешь — с писателем, каждое твое слово в строку вгонит. Нет, я лучше после запишу.

— А не забудете?

— Память у меня цепкая. Вот услышал раз на вокзале слово «агитбеднота». Врезалось оно мне в память и до тех пор не давало покоя, пока не употребил в одном из рассказов.

Деликатен и скромен был Неверов чрезвычайно. Однажды о каком-то его рассказе я сказала, что он очень напоминает мне чеховские новеллы. Неверов даже рассердился:

— Вот так сказали!.. С кем сравнили! С Чеховым! Да я мизинца чеховского не стою.

А ведь М. Горький ставил некоторые его рассказы рядом с чеховскими[2].

Людей Неверов умел распознавать почти с первого взгляда. Кажется, в Старой Майне на женском собрании выступил один мужчина с горячей речью о необходимости организации детских яслей. Я предложила его кандидатуру в комиссию.

— Зачем вы ввели в комиссию этого краснобая и лодыря? — спросил меня Неверов после собрания.

— Откуда вы знаете, что он — лодырь?

— Да у него на лице это можно прочесть. Да и не бывают говоруны работниками. Вот женщину, которая грустно так сидела у окна, стоило бы выбрать.

— Но она ведь отказалась!

— А вам бы следовало убедить ее. Уж она бы взялась за дело!

Неверов оказался «пророком». Мужчина был действительно лодырь и болтун. Он ничего не захотел делать да еще набрался нахальства сказать мне:

— Чего вы от меня хотите? Ведь я речь говорил. Другие — не говорили, ну, и пусть работают. Должно же быть разделение труда.

Его пришлось вывести из комиссии, а молчаливую женщину ввести, и она хорошо потом работала.

Жизнь деревни, только что пережившей ужасы разрухи и голода, писатель изучал со всех сторон. Подчас он ставил меня в тупик своими предложениями. Как-то однажды предлагает:

— Давайте в дороге понаблюдаем, сколько мужиков надевают на лошадей ременную сбрую, сколько веревочную и сколько — мочальную.

Я удивилась и говорю:

— Зачем вам это понадобилось?

А он усмехнулся:

— Эх, вы, знаток крестьянской жизни! Качество сбруи — верная мерка крестьянского благополучия. Увидим, куда дело идет.

Неверов очень любил пословицы и поговорки, старательно записывал их. А мне в наследство бабушка и мать оставили много пословиц и поговорок. Александр Сергеевич часто просил:

— Ну, припомните еще поговорочку, ну, пожалуйста...

Был такой комичный случай. Мы находились в одной из сельских школ. Александр Сергеевич разговаривал в учительской комнате с местным учителем, а я сидела за перегородкой, в классе, и ждала женщин на собрание. Неожиданно в пустой пока класс вошел молодой человек с напудренным лицом, накрашенными губами, завитыми волосами и одетый «сверх моды на вершок». Обратился ко мне снисходительно, как олимпийский бог к привратнице:

— Вы, вероятно, сельская учительница?

— Да, учительница, но сейчас нахожусь на другой работе и приехала сюда в командировку.

— Прекрасно! Я — корреспондент столичных газет. Специальность — фельетоны. Вы имеете представление о фельетонах? Ну вот, я просил бы подобрать мне факты фельетонного характера. Литературную обработку возьму на себя, гонорар — пополам.

— Не стоит овчинка выделки.

— Что вы сказали? Какая овчинка?

— Не понимаете? А поговорку «Игра не стоит свеч» слыхали?

— Слыхал.

— Ну, так это та же Матрена, только в русском сарафане.

Я не думала, что Неверов и его собеседник вслушиваются в наш разговор, но при последних словах раздались дружные аплодисменты. Неверов, входя в класс и смеясь, проговорил:

— Браво, браво, большевичка! Поговорка на поговорке едет и поговоркой погоняет, и все бьют прямо в цель!

Неизвестно, узнал ли «корреспондент столичных газет» Неверова, но он выбежал из класса, и мы его больше не встречали.

В каком-то селе (теперь не могу вспомнить) Неверов читал двум местным учительницам и мне свои рассказы о страданиях голодающих крестьян Поволжья. Мы были взволнованы до слез. Успокоившись, сами стали рассказывать писателю, что пережила деревня, как налаживается жизнь сейчас и с какой активностью этому содействует передовое учительство. Неверов тоже был сильно растроган. Обычно сдержанный в выражении своих чувств, он на этот раз изменил себе и заговорил приподнято, с небывалой нежностью:

— Милые девушки! Шкрабицы[3] мои дорогие! Цены вы себе не знаете, нет, не знаете! Молоко материнское у вас на губах еще не обсохло, а какую важную работу вы делаете... Да, наша литература в долгу перед советским учителем...

Пожалуй, с такой же взволнованностью он говорил еще один раз — при встрече с коммунарами в коммуне «Роза Люксембург»[4].

Любопытно, что некоторые впечатления, полученные писателем во время нашей поездки по селам, оставили след в его художественных произведениях. Вот пример. К селу Кошки мы шли со станции Погрузная пешком. Было пять часов утра... Погода стояла ведренная, тихая, все голубело и сияло вокруг. В селе зазвонили к заутрене. Колокольный звон, шум веялок и молотилок на токах, крики мальчишек — погоняльщиков лошадей на молотьбе, ритмичный стук цепов, веселый говор и смех — все это звучало, как своеобразный деревенский оркестр.

— Какая прелесть! — не переставал восхищаться этой великолепной картиной Александр Сергеевич.

И вряд ли можно сомневаться, что именно этот пейзаж навеял писателю заключительную картину романа «Гуси-лебеди», обобщенно утверждающую величие борьбы за новую жизнь и прославляющую радость труда, грядущий мир и человеческое счастье[5].

Уехав в Москву, Неверов переписывался со мной, подробно разбирал мои рассказы и очерки, находил в них недостатки, да-

вал советы, делая все это чрезвычайно чутко, тактично, не обидно. К сожалению, письма его были утрачены мною во время фашистской оккупации в Белоруссии. Копии же их я посылала в 1926 году в Москву профессору Н. Н. Фатову, и они были опубликованы[6].

В доказательство того, как дороги советским людям произведения Неверова, расскажу здесь об одном случае.

Года два-три спустя после смерти писателя я работала в селе Богдановке Самарского уезда. Однажды вздумала прочитать крестьянам «Ташкент — город хлебный». Начали чтение в библиотеке. На второе чтение пришло столько народу, что едва поместились в избе-читальне, а она в Богдановке была не маленькой. В дальнейшем читали уже в самом большом классе школы, и все же было тесно. Слушали с упоением. Аккуратнее всех на чтения приходил седой старичок лет семидесяти. Но когда повесть подходила к концу, старичка на обычном месте не оказалось.

Однажды мне пришлось пойти на самый конец села. В одной из изб меня окликнул с печи старческий голос:

— Катерина Васильевна, ну, как он, — доехал?

— Кто? — спросила я с недоумением.

— Да Мишка-то Додонов! Захворал вот, не пришлось дослушать. Уж книжка-то больно душевная, правильная книжка. Кто, говоришь, сочинил? Неверов Лександра? Помер, говоришь? Ну, царство ему небесное. Хорош, добер, видно, человек был. Плохой такую книжку сочинить не сумеет... Нет, не сумеет...

---

[1] Речь идет о второй половине августа 1923 года, когда А. Неверов приезжал в родные места из Москвы. См. об этой поездке: Н. Страхов. Александр Неверов, стр. 350—351.

[2] См. стр. 22 настоящего сборника.

[3] Производное от аббревиатуры «шкрабы» («школьные работники»), получившей распространение в начале 20-х годов.

[4] См. воспоминания Я. Мирскова «У коммунаров «Розы», публикуемые в настоящем сборнике, стр. 286—288.

[5] Приводим (в сокращенном виде) соответствующую пейзажную зарисовку из романа «Гуси-лебеди», обрамляющую трагическую сцену гибели партизан от рук врага:

«Через час по-прежнему работала молотилка, громко стуча барабаном. Визжали подшипники, дымилась солома мягкой щекочущей пылью, ровно и сытно ходили лошади под длинным кнутом погоняльщика...

Утро стояло ведренное, прозрачное, по высокому небу устало брели маленькие размечтавшиеся тучки — далекие странницы, меряя безграничную степь, распуская темно-синие подолы обрезанных юбок... надо всей степью стоял невозмутимый покой, пролитый из огромной опрокинутой чашки, из которой дружно пили хозяйскую радость работающие мужики, мирно пасущиеся коровы, овцы, телята, стаями пролетающие воробьи, воркующие голуби. Сонно, покойно дышала земля...» (IV, 185, 186).

[6] См. Н. Н. Фатов. Из переписки А. С. Неверова. «Октябрь», 1926, кн. 10, стр. 117—124.

Я. Г. Мирсков

У КОММУНАРОВ «РОЗЫ»

Воспоминания Якова Георгиевича Мирскова (р. 1913) написаны в 1958 году. В то время он работал на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на Волге. В настоящее время — инженер «Куйбышевгидростроя». Воспоминания публикуются по рукописи.

ВПЕРВЫЕ я увидел живого писателя в конце лета 1923 года. Им был Александр Сергеевич Неверов. Появился он в наших краях как-то неожиданно.

Шел по селу незнакомый, средних лет человек в старой шляпе, с перекинутым через руку плащом. Рядом с ним — молодая женщина.

Мы, ребята, первыми увидели незнакомцев и стали думать-гадать, кто бы они могли быть. Сошлись на том, что приехал учитель с женой. Это было похоже на правду: в тот год мы с нетерпением ждали нового учителя.

— Ребята, где тут живет Егор Мирсков, председатель коммуны? — обратившись к нам, спросил мужчина с плащом.

— Это вот его отец, — показывая на меня, ответил за всех Шурка Трифонихин.

— Ну, раз так, веди, председателев сын, к себе в гости...

Я молча пошел вперед.

— Ты что же, паренек, сам идешь, а нас не приглашаешь? — пошутил мужчина.

— Айдате, — ответил я мрачно, не оборачиваясь.

— Ну, айдате так айдате, — послышалось сзади.

Дома все были в сборе. Бабушка, мать, сестренка и только что вернувшийся с поля отец. Тут и выяснилось, что гость — советский писатель Александр Неверов. Приехал он из Москвы посмотреть, как строится новая жизнь в родных местах. Кто была сопровождавшая его женщина — не знаю[1].

— Наша коммуна организовалась в 1919 году, — рассказывал Неверову и его спутнице отец. — Присвоено ей имя Розы Люксембург, а зовут ее все просто «Роза». Ядром были коммунисты. Первое время дело шло трудно. С инвентарем плохо, с семенами...

Того нет, другого нет... Потом многим обзавелись, вместе работать приноровились. С посевом и уборкой управляемся раньше всех в округе. Хлеба в этом году добрые.

Неверов поинтересовался, справно ли живут коммунары.

— Голод — позади, жить начинаем справно, — отвечал отец. — Возьмем Петруху Трифонихина. Не было у него до коммуны ни кола, ни двора, только куча детей. Перебивался с хлеба на квас. А теперь говорит: в люди выхожу. В самом деле, живет, как и другие, неплохо. Каждый день мясные щи, молоко, картошка и овощей вдоволь, хлеб — из муки-сейки, от пекарни. Сам, жена и детишки одеты-обуты...

— Да, это хорошо, — откликнулся Неверов. — Только в коммуне, вероятно, мужик на ноги встанет.

Узнав, что приехал писатель Неверов, в избу один за другим заходили соседи-коммунары, послушать, о чем идет речь. Здороваясь, рассаживались на лавке, на кровати.

— А бывают у вас из окрестных сел крестьяне? — спросил Неверов.

Отец сказал, что в коммуну часто приезжают мужики из Мусорки, Ташлы, Сосновки, Дворяновки, Верхнего Санчелеева. Многим хочется посмотреть, как живут коммунары. Одним нравится, другие сомневаются.

— Надоели, — послышался чей-то голос. — Работать мешают...

— Ну, это вы зря, — сказал Неверов. — Поймите, вы ведь не только для себя стараетесь, вам надо всем пример давать — и ташлинским, и сосновским, и санчелеевским мужикам. Новинка всегда вызывает опаску и интерес. Придут к вам соседи — посмотрят, подивятся. Опаска исчезнет, интерес останется. Захочется, в конце концов, попробовать жить по-вашему, сообща.

Писатель осмотрелся и, увидев в переднем углу иконы, заметил:

— А вот это, кажется, плохо. Выходит, ты, Егор Никифорович, при помощи святых угодников коммуной правишь?

Мужики переглянулись. Отец смутился.

— Да ведь знаешь, какая штука, товарищ Неверов. Богов я не признаю, а вот теща... Попробуй ее сагитировать...

— Да, борьба с религией — дело непростое, — согласился Неверов. — И все-таки очень уж они на виду...

Потом писатель знакомился с хозяйством. Заходил на скотный двор, был в мастерских и кузнице. Посетил дома коммунаров Петра Трифонихина, Павла Сколкина, Федора Седова, Никиты Раскина, Алексея Вахреева и других. Мы, ребята, так и ходили за ним из избы в избу.

В одной избе он увидел рядом с иконой портрет Карла Маркса и громко рассмеялся.

— Вот это, кажется, вернее отражает жизнь современной деревни, чем твой передний угол, Егор Никифорович, — сказал писатель отцу. — Свет и мрак — рядом, новое и старое — вперемешку...

Глуховатая бабка Марья, не утерпев, спросила Неверова:

— Ты, батюшка, не из духовного ли звания будешь?

— А что? — удивился тот.

— Все про иконы спрашиваешь...

— Нет, бабушка, к сословию кутейников я не принадлежу, — сказал Неверов. — Я, как бы попонятнее выразиться, — сочинитель...

— А... — разочаровалась бабка. — Ну, сочиняй, сочиняй...

Был писатель в поле. И там, наблюдая, как самосброски и сноповязалки убирают рослые хлеба, взволнованно говорил, что межам, еще рассекающим поля, суждено исчезнуть навеки. Радовался хорошему урожаю арбузов и дынь. Подсчитывал выручку от них[2].

К вечеру он навестил школу. Обещал помочь коммуне в учебных пособиях и присылке учителя.

Так я впервые увидел живого писателя.

Перечитывая теперь книги Неверова, думаю, как бы он порадовался осуществлению своей мечты о безмежных полевых просторах, как был бы он горд, что в его родных местах воздвигнута крупнейшая гидроэлектростанция и плещется Куйбышевское море...

---

[1] По-видимому, эта была Е. В. Семенова. См.: Е. Семенова-Жарская. Памятная встреча, стр. 281—285 настоящего сборника.

[2] О пребывании в коммуне имени Розы Люксембург А. Неверовым был написан очерк «В коммуне «Роза». См.: Александр Неверов. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 268—271.

Б. А. Неверов-Скобелев

НЕМНОГО О МОЕМ ОТЦЕ...

Борис Александрович Неверов (род. 1913) — сын А. Неверова, инженер, работает в одном из научно-исследовательских институтов Москвы. Автор ряда мемуарных работ о своем отце и его друзьях — писателях А. Новикове-Прибое, Ф. Гладкове и других («Немного об отце моем...» — газета «Волжская коммуна», Куйбышев, 1966, 24 декабря; вариант — «Литературная Россия», 1967, № 35; «У истоков Ташкента...» — «Литературная газета», 1968, 27 ноября; «Рядом с автором «Цусимы» — «Литературная Россия», 1969, 26 декабря; «Гуси-лебеди» — «Неделя», 1970, № 12). В основу приводимых ниже воспоминаний Бориса Неверова-Скобелева положен текст «Волжской коммуны», исправленный и дополненный автором.

Я БЫЛ школьником, когда умер отец. Мои воспоминания о нем — воспоминания детства, которые обычно надолго сохраняются в памяти. И, наверное, поэтому так отчетливо встают передо мной, спустя десятилетия, картины жизни нашей семьи в первые годы революции и образ отца — скромного, доброго и вечно занятого спешной работой человека.

Вспоминается Самара, куда мы переехали из деревни в 1919 году. Сначала домик бабушки Тани, мачехи отца, на глухой окраине города. Был он старенький, покосившийся, окна — почти на уровне с землей. В двух комнатках ютилось девять человек — шесть взрослых и трое ребятишек. Отец уходил на работу рано утром, возвращался поздно вечером и еще несколько часов сидел, сгорбясь, за единственным в нашей «квартире» столиком и при свете коптилки что-то писал, иногда улыбаясь своим мыслям, а чаще всего хмурясь.

Случалось, что и днем отец забегал домой на часок с кем-нибудь из сослуживцев или начинающих писателей. Зачем отец приводил этих людей, я уже понимал. Отозвав мать в сторону, он виновато и вполголоса говорил ей:

— Полюшка, ты прости меня... Понимаешь, человек этот два дня не ел... Что там у нас есть?

Жили мы бедно, и мать, недовольная приходом нового гостя, глазами показывала на нас, ребятишек, но все-таки что-нибудь подавала на стол, а отец радостно ободрял ее:

— Ты, Полюшка, не горюй... Я скоро буду выступать у красноармейцев, а они обязательно ребятам гостинца пришлют...

Жить становилось все труднее, приходилось голодать, и отец с группой самарских писателей осенью 1921 года поехал в Среднюю Азию за хлебом. Мать на это время устроилась воспитательницей в детский дом, находившийся на другом берегу Волги, в селе Рождествено. Вместе с матерью в детском доме жили и мы с сестренкой. Братишка к этому времени умер.

Но вот отец вернулся, и вскоре мы переехали к моей бабушке по матери — Маше, которая жила почти в центре Самары, на Воскресенской улице.

Иногда по вечерам мы с отцом ходили на Советскую площадь (ныне — пл. Революции). Здесь, прямо на улице, на натянутом между столбами полотне показывали кинохронику. Помню, как-то отец сказал после киносеанса на площади:

— Вот бы пьесу написать революционную... Снять ее для кинематографа и показать по всем деревням...

Как и прежде, отец уходил из дома рано и возвращался поздно. Он оживленно рассказывал моей матери о событиях прошедшего дня, об интересных людях, с которыми ему довелось встретиться, о работе литературных кружков, которыми он руководил, о своих творческих планах. Потом садился за работу.

Нашими частыми гостями бывали писатели П. Яровой, Н. А. Степной, А. К. Гольдебаев, драматург Н. Г. Виноградов-Мамонт, критик Е. П. Лукашевич и другие. Из Средней Азии отец привез белой муки и пшена, и гостей угощали булочками, кашей и чаем с сахарином.

Нередко приходил поэт из рабочих М. П. Герасимов. Он рассказывал отцу о своей тяжелой жизни в эмиграции, о встречах с Лениным и другими большевистскими деятелями. Иногда читал стихи — четко, уверенно, не торопясь, обхватив широкими ладонями колени и оглядывая всех своими лучистыми глазами.

В начале 1922 года Герасимов пробыл у нас весь воскресный день. Запомнилось это мне потому, что мать моя потом, полушутя, вспоминала, как она рассердилась в этот день на Михаила Прокофьевича. Ее дома не было, и Герасимов в ходе разговоров, без спроса, постепенно съел порядочный мешок сухарей, прибереженных для меня с сестренкой на «черный день».

— Так и было, — говорил мне много лет спустя об этом случае Герасимов. — Но ведь если бы я и спросил, твой отец все равно бы мне их дал...

В Москву мы приехали в начале сентября 1922 года. Жить стали в общежитии «Кузницы» в Староконюшенном переулке. Один «угол» в нашей комнате занимал Яровой, а три «угла» — наша семья: отец, мать, бабушка Маша и мы с сестренкой. У окна

был широкий подоконник. На нем стояла пишущая машинка «Ремингтон», на которой отец печатал свои рассказы. Трудно было ему сосредоточиться в таком многолюдье, и нас с сестренкой часто выставляли к соседям или на улицу.

Ребятишек в общежитии насчитывалось до десятка. Все свободное время было занято у нас играми. Играли в «революцию»: сражались с «буржуями» и, победив их, устраивали «рабоче-крестьянское государство», где все давалось даром, а «граждане» только пели и плясали. Иногда затевалась игра в «Кузницу». Созывали «заседания», на которых «обсуждали» рассказы и стихи, услышанные на собраниях настоящей «Кузницы».

Присутствие же на этих собраниях было для нас самым большим удовольствием, хотя многого, о чем там шла речь, мы просто не понимали. Но кое-что все же усваивали. Бывало, пристроишься где-нибудь в уголке и внимательно слушаешь, стараясь постичь трудно постигаемое.

Собрания происходили по вечерам. Участвовало в них человек тридцать. Поэты читали новые стихи, прозаики — рассказы. Потом шумно спорили, порой даже ругались друг с другом, но беззлобно. Приходили люди, которые вообще ничего не читали, но тоже спорили и все обещали в дальнейшем что-либо прочитать из своего. С отоплением в те годы было плохо, участники собраний сидели в пальто, раздеваясь только к концу, когда после жарких дебатов в комнате, казалось, поднималась температура.

Мне было приятно, что отец мой пользовался большим авторитетом в «Кузнице». Остался в памяти успех «Марьи-большевички», «Андрона Непутевого», пьесы «Смех и горе». А вот «Ташкент — город хлебный» не был одобрен. Отца это очень расстроило. Он писал повесть с великой любовью к молодому поколению, жизнь которого начиналась с тяжких испытаний, писал с верой в светлое будущее родной страны. Повесть понравилась А. Новикову-Прибою, Ф. Гладкову и другим писателям. И вдруг — провал...

Успокаивая отца, Новиков-Прибой говорил ему:

— Да ты не нервничай. Лександрыч (так он почему-то называл отца)... Ну, не поняли «кузнецы» твоей главной мысли, ужасов голода испугались, ну, и пусть их... Поверь моему слову — полюбит народ твой «Ташкент...»

Летом 1923 года отец взял меня с собой в Сокольники, где он должен был читать «Ташкент...» воспитанникам детского дома.

Чтение происходило в столовой. Ребят собралось человек пятьдесят. Вначале было шумно. Потом воцарилась мертвая тишина. Читал отец, как всегда, просто и задушевно. Глаза у ребят заблестели — ведь многие были из деревни, многие сами пережили нечто подобное тому, что пережил Мишка Додонов.

А когда отец кончил читать, дети окружили его плотным кольцом.

— Здорово ты про нас написал, дяденька писатель, даже слеза прошибает...

— Вот он какой, Мишка! Ничего не испугался и хлеба привез. Так и надо...

— Ты еще к нам с такими книжками приезжай... Каждый день приезжай...

Когда мы ехали в Сокольники, отец был хмур и больше молчал, а когда возвращались домой, добрая улыбка не сходила с его лица. И он несколько раз повторил в этот вечер:

— Как хорошо получилось... Дети, а суть верно почувствовали... Больше мне и желать нечего...

Объем работы отца в московские годы был очень велик и всегда поражал меня. Недавно я, интереса ради, сделал следующие подсчеты.

За семнадцать лет литературной деятельности (1906—1923) отец написал художественных произведений, статей, писем и т. д. примерно не менее 150 авторских листов, в том числе за одиннадцать дооктябрьских лет (1906—1917) —30, за четыре с половиной самарских года (1918—1922) —60 и за полтора московских (1922—1923) — тоже 60 листов. Таким образом, в каждый из трех периодов в среднем писалось соответственно 2,7; 13,3; 40 листов в год. Рост, достигнутый в Москве, воистину колоссален: по сравнению с самарским периодом — в 3 раза, с дооктябрьским — в 14,7 раза.

Конечно, результаты труда художника измеряются прежде всего качеством, значимостью написанного. И я привожу здесь свои расчеты лишь для того, чтобы можно было наглядно представить *физический* объем работы отца, свидетельствующий, как мне думается, с одной стороны, о бурном взлете его творческой активности в советскую пору, а с другой — о степени затраты энергии, о мере нервного напряжения, которых требовала от него эта огромная нагрузка.

Возвращаюсь, однако, к воспоминаниям.

Кажется, в конце 1922 года я услышал, как отец рассказывал моей матери об участии в «Никитинских субботниках». Позднее он с большой теплотой говорил о благотворном влиянии, которое оказывало на него это литературное объединение, созданное Е. Ф. Никитиной.

Раза два в неделю ходили мы с отцом к Ф. В. Гладкову, семья которого занимала маленькую комнатушку в доме недалеко от Смоленской площади. Гладков был для отца примером писателя-коммуниста. Их дружба крепла с каждым днем. Федор Васильевич в то время писал свой «Цемент», а отец — «Ташкент — город

хлебный» и роман «Гуси-лебеди». Они читали друг другу новые страницы этих произведений. Что-то критиковали, что-то одобряли.

Как-то я застал их за таким разговором.

— Ну что же ты медлишь? — говорил Федор Васильевич, расхаживая по комнате. — Я тебе первый рекомендацию дам... И думать нечего.

Отец сидел за столом притихший и необычно задумчивый.

— Боюсь, что рано... — наконец, сказал он. — Вот кончу «Гусей-лебедей», повесть о женщине-большевичке напишу... Лучше уж тогда... — И добавил решительно: — А пока не дорос я до этого, не дорос!

Года через два Федор Васильевич сказал мне, что разговор шел о вступлении отца в партию коммунистов.

Роман «Гуси-лебеди» печатался в журнале «Молодая гвардия», и я читал его. Не поняв названия романа, спросил об этом отца.

— О, ты уже взрослеешь, сынок, — откликнулся он. — Видишь ли, в романе показана революция в деревне. Борются две силы. Богачи отстаивают свою сытую и праздную жизнь, долгий сон на пуховых перинах. Это и есть «гуси» — они ведь только едят и жиреют... Против богатых выступает беднота, она борется за правду — правду народную, трудовую. Это и есть «лебеди» — они далеко и высоко летают...

Отец взял лист бумаги и нарисовал на нем пяток жирных гусей, копошащихся в траве, а над ними стайку лебедей, летящих стройным рядом вперед.

— Вот как надо понимать название романа, — сказал он, показывая мне рисунок, и заметил: — Художник я не ахти какой, но гусей от лебедей отличаю...

Остались в памяти совместные с отцом прохождения через Красную площадь в дни майских и октябрьских торжеств. Попадали мы на демонстрацию очень просто. Пешком добирались до Александровского сада, пристраивались к какой-нибудь колонне Замоскворецкого района и через площадь проходили в первом от кремлевской стены ряду демонстрантов. С нами часто бывал Н. А. Степной.

Через площадь шла рабочая Москва, а над ней, около храма Василия Блаженного, парил воздушный шар и невысоко летал самолет, так невысоко, что можно было разглядеть лицо летчика в очках. Это было скромным, но многообещающим началом тех грандиозных воздушных парадов, свидетелями которых мы стали ныне.

— Смотри! — восторженно говорил отец Степному. — Человек в небе, как здорово! А рабочие каковы? Хозяева! Вот о них и на-

до бы писать, а ты все каких-то ноющих девиц да интеллигентиков изображаешь...

Помню, когда мы шли в рядах демонстрантов, отец сказал мне:

— Это — и твоя жизнь, сынок, не отставай, шагай в ногу. — И, положив мне руку на плечо, продолжил: — Ты всегда будешь ходить на Красную площадь, не так ли? Ведь отсюда все видно...

Этот отцовский завет я помнил и выполнял его.

Случалось мне заезжать с отцом в редакцию «Рабочей газеты». Она помещалась в Охотном ряду, напротив Дома союзов. С наступлением темноты с верхних этажей этого дома спускалось белое полотно и на нем показывалась кинохроника тех лет. Посмотрев хронику, отец, как и в Самаре, говорил:

— Вот напишу пьесу о женщине-большевичке и отдам ее в кинематограф. Пусть там снимут и покажут по всем деревням. Ведь лет через пять обязательно будет кинематограф в деревне...

Отец радовался, когда в хронике появлялся В. И. Ленин. Ему очень хотелось создать художественный образ вождя революции.

Осенью 1923 года группа писателей с помощью А. В. Луначарского получила небольшой одноэтажный дом на Большой Полянке. В этот дом перебралась жить и наша семья.

За день до кончины отца мы пошли с ним к Малому Каменному мосту купить его любимые папиросы «Червонец». Уже несколько дней отец был печален, казалось, без причины. По дороге он вдруг остановился, посмотрел на меня, обнял, поцеловал в висок и сказал:

— Эх, сыночек ты мой хороший... Сильно у меня стало сердце болеть... Ты не очень горюй, возьми себя в руки, если что случится, ты ведь за главного в доме останешься... Оберегай женщин наших, с матерью не ссорься — она тебя любит...

На другой день, 24 декабря 1923 года, когда отцу исполнилось ровно 37 лет, вечером у него начался сердечный припадок. Он задыхался. Но вот наступило облегчение, и я подсел к нему, лежавшему на кровати. Он слабо улыбнулся, попытался ободрить меня:

— Ничего... Все будет хорошо... — И спросил: — Ты из «Кузницы»-то кого любишь?

Я молчал, видя, что он закрыл глаза. А он, не открывая глаз, сказал:

— Силыча, конечно, люби... Хороший он человек и рассказы пишет интересные. Ты дружи с ним... Он поможет... И с Гладковым тоже дружи... Я ему крепко верю...

А потом — безжизненное тело отца на той самой кровати, где я, лежа с ним по утрам, слушал его рассказы о чем-нибудь интересном, плачущая мать и потрясенные соседи...

На следующий день намечалось празднование дня рождения отца, и многие из приглашенных друзей, не прочитав газетного сообщения о его смерти, пришли к нам веселые и с подарками.

Пришел Гладков с женой. Взглянув на мертвое тело отца, он опустился на стул и затрясся в рыданиях...

Хоронили отца в лютый мороз на Ваганьковском кладбище, там, где через два года вырос могильный холмик Сергея Есенина. Выступавшие на митинге говорили о большой утрате, понесенной советской литературой. Речей было много, и когда они закончились, откуда-то сбоку к гробу подошел высокий красноармеец. Он обнажил голову и голосом, поныне звучащим в памяти моей, сказал, глядя на красный гроб:

— Это я, твой Андрон Непутевый, пришел поклониться тебе...

Он низко поклонился, надел буденовку и как-то сразу потерялся в большой толпе. Все это было так неожиданно, исполнено такого глубокого, поразившего многих смысла, что никто не остановил его, и он исчез, не оставив своего имени...

Е. Ф. Никитина

ДРУГУ

Евдоксия Федоровна Никитина (р. 1893) — деятельница советского литературного движения, организатор общества и кооперативного издательства «Никитинские субботники», поэтесса, литературовед. Воспоминания об А. Неверове написаны ею вскоре после его смерти и были опубликованы в сборнике «А. С. Неверов», составленном о-вом «Никитинские субботники». М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1924, стр. 17—26. Для настоящего издания текст воспоминаний заново отредактирован автором.

ПОЗНАКОМИЛИСЬ мы с Александром Сергеевичем в кружке «Современники» 22 октября 1922 года, где он читал свой рассказ «Снежок».

Тот вечер прошел у меня под знаком его облика. Поразил он весь: привычка читать на «о», умение расставить акценты, эмоциональность, глубокие, светящиеся внутренним огнем глаза, которыми он обводил нас с присущей только ему неповторимой манерой... Смотрел так, словно спрашивал, какое впечатление производит его рассказ.

Кончил читать, были прения. Мне показалось тогда, что подходить к его рассказам с обычной меркой нельзя, — так они были необычно свежи, сочны, ярки.

В перерыве я подошла к нему, пригласила на ближайший «субботник» 28 октября. Зашёл. Стал бывать. Читал охотно, часто. Сильное впечатление на всех присутствующих произвела повесть «Андрон Непутевый». Замечания и суждения о прочитанном, обычно сдержанные, приняли на этот раз совершенно иной характер. Взволнованно говорилось о трагико-героическом звучании повести, о ее былинной поэтике, о выразительности образа Андрона. Я едва успевала вносить в список желающих получить слово.

Скоро Неверов и сам стал одним из активнейших критиков на «субботниках». Чуткий к сотоварищам по ремеслу, к художественной правде, тонкий мастер и ценитель слова, он был мягок и деликатен в своих суждениях о прослушанных произведениях. Бережно подходил к поискам в области содержания и формы, умел оценить значительное, заметить слабость и фальшь. Говорил

дельно, всегда по существу, логично и самобытно, с чарующей скромностью, словом, «по-неверовски».

31 марта 1923 года Неверов был единогласно выбран на общем собрании членом президиума и секретарем «субботников» и оставался в этом качестве до конца жизни.

Открываю в памяти новую страницу. Май 1923 года. В лучах заходящего солнца трепещут клейкие душистые листочки тополей. Свистки и дым паровозов у Курского вокзала. Мы идем с Неверовым в Высший электротехнический институт связи. Там должна состояться моя лекция о нем по курсу новейшей русской литературы.

Поднимаемся по лестнице. Большой, залитый огнем зал. Студенты приветливо встречают его. Он садится неподалеку от меня на скамью, покусывает губы — нервничает. Его волнение невольно передается мне. Подвожу итог предшествующим литературным школам, направлениям. Сообщаю биографию Неверова, анализирую его творчество. Потом он читает рассказы «Страдание» и «Марью-большевичку», лирические миниатюры из цикла «Радушка». Студенты провожают близкого им по духу писателя бурными аплодисментами.

Радостный и смущенный, Неверов отвечал на предложенные ему вопросы. Вышли на улицу. Лицо у него горело.

— Этот день останется в моей памяти, — сказал он.

28 ноября такая же встреча со студентами состоялась во втором Московском государственном университете. После моей лекции он, стоя высоко на кафедре, читал главы из «Ташкента — города хлебного» и «Андрона Непутевого». И опять волновался, был смущен. Успех превзошел ожидания. Некоторые слушатели тотчас же взяли темы для рефератов о его творчестве. Прощаясь со мной, Неверов сказал:

— Я не пойду домой, а полечу. То, что сейчас было, окрыляет и обязывает меня. Я должен сделать в будущем все, что вы приписали мне в настоящем.

Я, пожалуй, не смогу назвать другого писателя, который бы так, как Неверов, был молод душой, как он, оптимистически принимал жизнь — временами тяжкую, больно ранившую его своими материальными невзгодами. Подарив мне оттиск «Андрона Непутевого», он написал на нем: «Всегда радуйтесь...»

Неверов обладал редким свойством — творческим бескорыстием. Ему не было ни в какой мере присуще чувство зависти, ревности к успеху товарища по перу.

28 апреля 1923 года О. Г. Савич[1] читал на «субботнике» повесть «По холстяной тропе». Она показала тем, кто раньше был недостаточно знаком с творчеством Савича, что в его лице обозначился даровитый писатель. Острее всех это почувствовал Неверов.

Он послал мне записку: «Е. Ф. — милая председательница — поздравляю вас от души с успехом Овадия Герцовича... Субботники растут...»

Сопечалиться — легко. Сорадоваться так, как умел Неверов, — трудно. Он буквально сиял в тот вечер, словно был праздник у него.

22 декабря на последнем в жизни Неверова «субботнике» тот же автор — О. Г. Савич — читал новую повесть «Пансион фон Оффенберг». Обсуждение было активным. Выступил и Александр Сергеевич, сделав несколько ценных замечаний о языке. Очень осторожно, очень искренно — как всегда.

В тот вечер он куда-то отлучился перед началом собрания на полчаса. Вернулся, опоздал. И тут же от него поступила записка: «...Простите, что я ушел перед началом вечера... Если будете судить меня, судите милостиво...» До этого он никогда не опаздывал на собрания, боясь помешать читающему автору «лишним скрипом дверей».

На другой день, 23 декабря, мы выбирали его в члены старейшего литературного объединения — «Общества любителей российской словесности». Я сообщила ему радостную весть: единогласно. А утром 25-го с ужасом прочитала в газете:

Всероссийская ассоциация пролетарских писателей и объединение «Кузница» с прискорбием извещают о внезапной смерти пролетарского писателя

Александра Сергеевича НЕВЕРОВА.

О похоронах будет объявлено особо.

Потом хоронили. Красный гроб был вынесен из дома Герцена и положен на траурный экипаж. Шли молча. Морозный воздух. Звон слежавшегося наста под ногами. Солнце. У раскрытой могилы — прощальные речи.

А вечером состоялись «литературные поминки» по Неверову. Со стены смотрел его портрет в трауре. Собрались почти все члены общества. Стояли, тесно прижавшись друг к другу, — стульев не хватило. Только один стул стоял пустым — его стул.

Поделились воспоминаниями о покойном я, О. Г. Савич, П. Н. Дорохов, Н. Степной, Н. Г. Виноградов, В. Т. Кириллов, М. П. Герасимов, П. А. Радимов[2] и другие. В. М. Инбер, Э. Е. Левонтин[3] прочли стихи, посвященные покойному. У меня до сих пор звучит в памяти замечательное стихотворение Левонтина «Funebralia».

Время. В дорогу. Я в красном гробу
И до иных берегов догребу.
В гроб, как в челнок, — и безустально вплавь
В неутолимую черную Явь.
Мертвой рукою правило держу,

Мертвыми взорами путь мой слежу.
У переправы сутулый Харон.
Слушает быль огнеликих времен.
Мертвый мой голос неистов и груб,
В нем отзвучанья восстаний и труб...
Взоры ль завесить, уста ли замкнуть,
Если люблю я Земли моей жуть,
Если в Замирных Пространствах мой гнев
Правит ладьею, Смерть одолев, —
Если на тридцать восьмую весну
Я — черноземьем богов захлестну?
В гроб, как в челнок, — значит, так суждено,
Тридцать ли семь или сто — все равно:
Врезана в разум земная строка,
Впахана в память и влита в века,
Час мне назначен — и в красном гробу
Я до иных берегов догребу.

---

[1] Савич О. Г. — советский писатель.
[2] Радимов П. А. (р. 1887) — русский поэт и живописец.
[3] Левонтин Э. Е. — советский поэт.

П. Н. Дорохов

КОНЧИНА

Павел Николаевич Дорохов (1886—1945) — советский писатель, автор романа «Колчаковщина», один из друзей А. Неверова. Его воспоминания под названием «Последние минуты А. С. Неверова» были опубликованы в сборнике «А. С. Неверов», составленном о-вом «Никитинские субботники». М.—Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1924, стр. 35—41. В настоящем издании печатаются по рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ (ф. 338, оп. 1, ед. хр. 262), с небольшими купюрами.

В ПОНЕДЕЛЬНИК 24 декабря, около шести часов вечера, когда мы сидели на зимней жилой террасе за обедом, в мой кабинет кто-то вошел. За разговорами не обратили на это внимания. Вдруг о стул, на котором сидела моя жена, ударился какой-то предмет. Жена наклонилась и подняла коробку спичек.

— Это из окна кабинета, — спокойно сказала она.

Обед продолжался.

Через минуту из темного окна вновь вылетел какой-то предмет. Он оказался куском резинки, взятым с моего письменного стола.

Жена встала и спросила:

— Кто это там?

Тогда из темноты раздалось громко и весело:

— Гав!

Мы вздрогнули, а из окна со смехом выскочил Александр Сергеевич. Он любил пошутить.

Долго смеялись...

Мой брат, Шурка, поднялся из-за стола раньше всех. Неверов подошел к нему и протянул небольшую пиджачную пуговицу:

— Какая у меня хорошая пуговица!

Шурка пошарил в карманах и тоже нашел пуговицу:

— Моя лучше...

Вдруг Александр Сергеевич предложил:

— Давай в «орлянку» играть...

И полез в карман, достал медную копейку. Стали метать. Шурка весело заливался. Неверов делал нарочито серьезное лицо, но улыбка так и рвалась наружу...

Наконец, Неверов выиграл у Шурки пуговицу, с довольным видом зажал в кулак обе и повернулся уходить.

— Подождите, у меня еще есть, — сказал Шурка.

На столике у стены стояла швейная машина жены Неверова, Пелагеи Андреевны. Шурка открыл у нее ящик, достал с полдюжины пуговиц.

Игра началась снова. Неверову везло: он быстро выиграл все пуговицы.

Я, смеясь, разоблачил мошенничество брата:

— Ты, Неверов, свои собственные пуговицы выиграл. Шурка взял их из машины Пелагеи Андреевны.

Неверов поднялся, долго — целых полминуты — простоял молча, с серьезным лицом. Потом сказал:

— Мне нехорошо.

И ушел.

После, когда мы вспоминали этот вечер, оказалось, что все заметили необычайную бледность на лице Неверова. Очевидно, близился припадок...

Придя к себе домой, он сел обедать, съел тарелку супу, поднялся, взял подушку и пошел в другую комнату, где обычно отдыхал на диване. Почти тотчас же раздался его крик:

— Поля, расстегни воротник!

Пелагея Андреевна подбежала, расстегнула... Думая, что начинается один из нередко бывавших с Александром Сергеевичем припадков, натерла ему грудь камфарой... Только было вышла, как за ней прибежала ее мать:

— Александр Сергеевич зовет!

Бросилась назад. Неверов метался на диване без рубашки, задыхался...

Пелагея Андреевна кинулась к нам:

— Александр Сергеевич умирает!

Мы все побежали в комнату, где лежал Неверов. Шурка бросился за доктором. Помогли больному перейти в постель.

Доктор, живущий напротив, пришел через пять минут... Взялся за пульс, выслушал сердце.

— Это у меня нервы, — сказал Александр Сергеевич.

Доктор дал, что нашлось под рукой, — немного портвейна, кофе. Послал к себе за шприцем и камфарой. Камфары не нашли. У нас был порошок морфия, дали морфий.

Александр Сергеевич продолжал метаться: то ляжет, то сядет, то уткнется лицом в подушку. Наконец глубоко вздохнул и сказал:

— Вот когда вздохнул.

До этого он не мог сделать полного дыхания.

Доктор прописал бром.

— Надо лечиться, здесь близко диспансер...

— Да, надо лечиться; расскажите, доктор, где это?

Доктор стал рассказывать.

Александр Сергеевич поднялся с кровати.

— Поля, дай доктору десять тысяч.

Доктор ушел, разошлись и мы по своим комнатам.

Через несколько минут Неверов опять почувствовал себя плохо. Сел на кровати, судорожно растирал грудь у горла. Пелагея Андреевна стала растирать у горла и ниже — у сердца. Он склонился к ней:

— Полюшка, как бы мне не умереть ночью!

Несколько раз спрашивал, пришел ли Шурка с лекарством. Шурка вернулся, но без лекарства — его обещали приготовить через полтора часа.

Опять стало как будто немного лучше.

Пелагея Андреевна уложила больного, накрыла и вышла... Потом, вскоре, заглянула к нему. Он лежал спокойно, голова была глубоко втиснута в подушки. Вышла и снова вошла. Александр Сергеевич вытянулся. Бросилась к нему.

— Шура, Шура!

Схватила голову. Голова, с таким характерным клоком на лбу, тяжело и безжизненно повисла у нее на руках...

Не помню — кто позвал нас. Мы бросились к Неверовым...

Разжали крепко стиснутые зубы чайной ложкой, влили портвейна. Кинулись растирать — кто сердце, кто ноги. Побежали за доктором.

Когда он пришел, мы все еще растирали, но уже труп... Доктор пощупал пульс. Приподнял посиневшие вдруг веки...

— К сожалению, ничего не могу сделать.

. . . .

Пелагея Андреевна припала ухом к груди мужа.

— Павел Николаевич, послушайте, у него сердце бьется, он жив, жив!

Я прислонился ухом к еще теплой груди друга. Долго слушал. Сердце не билось.

Михаил Герасимов взял руку Александра Сергеевича, пощупал. Покачал головой.

— Пульса нет.

Пораженные, все еще не верящие, мы в глубоком молчании застыли у постели покойного.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. НЕВЕРОВА

1. Авдотьина жизнь. «Вестник трезвости», 1907, № 153.
2. Авдотьина хоругвь. «Крестьянка», 1923, № 6.
3. (Автобиография и биографические материалы). В кн.: «Советские писатели». Автобиографии. В двух томах, т. 2, М., 1959, стр. 113—119.
4. Алкоголизм как обязательный предмет преподавания в начальной школе. «Трезвые всходы», 1908, № 8 — 9, стр. 89 — 93.
5. Андрон Непутевый. В кн.: «Недра». Лит.-худож. сборники. Кн. 2, М., 1923; отрывки: «Известия», 1922, 6 сентября (под назв.: «Муть»); «Красная газета», 1922, 28 октября; «Коммуна», Самара, 1922, 3, 10 декабря; «Красная панорама», Тверь, 1922, № 1; «Литературная неделя», 1922, № 14; «Красноармеец», 1923, № 50, 54 (под назв.: «Трудный путь»).
6. Аннушка. «Красная новь». 1922, № 3, (Маленькие рассказы).
7. Аппарат. «Крестьянка», 1922, № 7.
8. Артисты. «Крестьянка», 1923, № 4. (Из цикла: «Детские рассказы»).
9. Ачейка. «Красная Армия», Самара, 1919, № 5 (Из цикла «В глуши»),
10. Аэроплан. «Работница», 1923, № 9.
11. Аэропланщики. «Крокодил», 1923, № 13.
12. Баба Иван. «Жизнь для всех», 1910, № 6.
13. Бабий день. «Крестьянка», 1923, № 4.
14. Бабье горе. Маленький фельетон. «Народ», Уфа, 1918, 8 ноября. (Подпись: Б. Зеленцов).
15. Бабья воля. «Крестьянка», 1922, № 4 (под назв.: «Захотели бабы — сделали по-своему»).
16. Бабья газета. «Жизнь для всех», 1916, № 8. (Из цикла «В глухих местах», I).
17. А. Баркова. Женщина. Стихотворения. Пг., Гос. изд-во, 1922, «Красная новь». 1922, № 4, стр. 283—284. (Подпись А. Н.).
18. Барыня. «Коммуна», Самара, 1922, 23 апреля.
19. Без цветов. «Жизнь для всех», 1913, № 1.
20. Бедный Зуда! (Сатирическая заметка из раздела «Темы дня»). «Земля и воля». Самара, 1918, 2 августа. (Подпись А. Н — в).
21. Беседа с крестьянами о посевкомах. «Коммуна», 1921, 17 февраля. (Подпись: Деревенский).
22. Беседа с членом Учредительного собрания П. Н. Толстовым. «Народ», 1918, 31 октября. (Подпись: А. С.).
23. Беседы с крестьянами. Восстань, народ. (Статья). «Земля и воля», Самара, 1917, 16 сентября.
24. Беседы с крестьянами. О выборах в Учредительное собрание. (Статья). «Свободное слово», Бузулук, 1917, 7 мая.
25. Бесовы проделки. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 20 ноября. (Подпись: Борис Зеленцов).
26. Беспартийные. (Сатирическая заметка из раздела «Темы дня»). «Земля и воля», 1918, 26 июля.

27. Богомолы. «Понизовье», 1922, № 4; то же в кн.: «Живой крокодил». Репертуар для красноармейских и рабочих клубов и народных театров. Кн. 2, М. — Пг., 1923.

28. Болезнь. «Народная жизнь», Самара, 1919, № 1 — 4; то же: «Понизовье», 1922, № 5; «Наш труд», 1924, № 1.

29. Большевики. «Город и деревня», 1923, № 5; то же: «Коммуна». 1923, 4 августа; отрывок: «Крестьянка», 1923, № 13.

30. Борькин рассказ. «Рабочая газета», 1922, 31 декабря.

31. Бродячий поэт. «Корабль», Калуга, 1923, № 1—2. (Маленькие рассказы).

32. Бытовое явление. (Литературный фельетон. Автопародия). «Горн», 1923, № 8, стр. 205 — 207.

33. В Берлине. «Коммуна», 1922, 17 декабря.

34. В землю Ханаанскую. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 18 октября.

35. В казарме. «Жизнь для всех», 1917, № 3.

36. В Комитете членов Учредительного собрания. Из Самары, от соб[ственного] корреспондента. «Народная мысль». Бузулук, 1918, 6 августа (Подпись: А. Н — в).

37. В коридоре под лампочкой. Рассказ. «Народ», 1918, 26 октября.

38. В кругу заколдованном. Вс. Иванов. «Корабль», Калуга, 1923, № 1—2, стр. 32—34.

39. В плену. «Народная жизнь», Самара, 1918, № 6 — 12.

40. В путь-дорогу. «Крестьянка», 1922, № 7.

41. В садах. «Красная нива», 1923, № 21.

42. Всухомятку. «Крокодил», 1923, № 48.

43. В те дни (I). «Вперед», Уфа, 1919, 19 января. (Подпись: С. Бояркин).

44. В те дни (II). «Крестьянка», 1922, № 6.

45. В хлебопекарне № 1. «Коммуна», 1921, 26 мая. (Подпись: А. Н.).

46. В 4-м классе. «Новый колос», 1915, № 43, 44.

47. Взятие Бастилии. Историческая справка. «Земля и воля», Самара, 1918, 14 июля.

48. Великий поход. «Коммуна». 1922, 2 апреля; то же: «Крестьянская правда», Самара, 1922, 14 апреля; «Правда», 1922, 30 апреля.

49. Венчики. «Крокодил», 1923, № 44.

50. Веселые ребята. «Коммуна», 1922, 7 января.

51. Весна. «Красная Армия», Самара, 1919, № 3.

52. Видение купца Толстоемова. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 31 октября. (Подпись: Борис Зеленцов).

53. Винтовка. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 6 ноября. (Подпись: Борис Зеленцов).

54. Витуль. «Новый колос», 1916, № 46 — 47.

55. Волк на стене. «Работница», 1923, № 3. (Из цикла «Детские рассказы»).

56. М. Волков. Петушок. Чудо. Рассказы. М., «Кузница», 1922. «Понизовье», 1922, № 5, стр. 82. (Подпись: А. Н — в).

57. М. Волков. Червяк. Рассказы. М., Московский пролеткульт, 1921. «Коммуна», 1922, 7 января: то же: «Понизовье», 1922, № 4, стр. 57.

58. М. Волков. П. Низовой. «На посту», 1923, № 4. (Из цикла «Деревня в современной литературе»).

59. Волшебный фонарь. «Жизнь для всех», 1916, № 9.

60. Воля. В кн.: «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии». Т. I, Самара, 1918. (Из цикла: «В глухих местах», II).

61. Воробей... «Красная новь». 1922. № 3. (Маленькие рассказы).

62. Все такие же... (Сатирическая заметка из раздела «Темы дня»). «Земля и воля», Самара, 1918, 21 августа.

63. Вы — хозяева. «Земля и воля», 1918, 7 августа.

64. Гайка. «Рабочая Москва», 1922, 29 июля.

65. М. Герасимов. Негасимая сила. Поэмы. М., «Кузница», 1922. «Понизовье», 1922, № 6, стр. 112 — 113. (Подпись: Н.); то же: «Красная новь», 1922, № 4. (Подпись: Н. А.).

66. Глазами Пильняка. (Из цикла «Деревня в современной литературе»). «На посту», 1923, № 1.

67. Головка. «Крестьянка», 1923, № 10.

68. Голод (пьеса). В кн.: «Книга о голоде». Экономический и бытовой литературно-художественный сборник. Самара, 1922.

69. Горе. «Красная новь», 1922, № 3. (Маленькие рассказы).

70. Горе-горькое. «Делегатка», 1923, № 8.

71. Горе залили. «Вестник трезвости», 1906, № 135 — 136.

72. Горемыки. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 11 ноября. (Подпись: Б. Зеленцов).

73. Горшки. «Крестьянка», 1923, № 1 — 2.

74. Горшок котлу не товарищ. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 10 ноября. (Подпись: Н —ий).

75. Грамотники. «Крокодил», 1923, № 32.

76. Гуси-лебеди. Части: «Молодая гвардия», 1923, № 2, 4—5; в кн.: «Неверову— алый венок». М., 1924; отрывки: «Коммуна», 1922, 29 января (под назв.: «Федякин»); 12 февраля (под назв. «Расправа»); 19 февраля (под назв. «Хлеб»); 17 апреля (под назв. «Отцы-пустынники»); «Рабочая газета», 1922, 14 сентября (под назв. «Из гражданской войны»); «Московский понедельник», 1922, 18 сентября (под назв. «Федякин»); «Коммуна», 1922, 15—22 октября; «Наша звезда». (Полтава), 1923, № 1 (под назв. «Федякин»); «Красноармеец», 1923, № 53 (под назв. «Первый бой»); в кн.: «Навстречу». Литературно-художественный сборник. М., 1923 (под назв. «Федякин»); «Красный журнал для всех», 1924, № 1 (под назв. «Чехи»); «Коммуна», 1924. 17 февраля; «Красный журнал для всех», 1924, № 3 (под назв. «Недавнее»); материалы: «Литературная неделя», 1922, № 23 (под назв. «Горькая радость»).

77. Далекий путь. В кн.: «Книга о голоде». Экономический и бытовой литературно-худож. сборник. Самара, 1922. Отрывок: «Писатели — детям» (однодневная лит.-худож. газ.), Самара, 1922 (под назв. «Голод»).

78. Двенадцать часов. «Красный журнал для всех», 1922, № 1; то же: «Крестьянка», 1922, № 8.

79. Дело от безделья. «Жизнь для всех», 1916, № 10 — 11.

80. Денежное бегство. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 26 ноября.

81. Деревня в современной литературе. «На посту», 1923, № 1, стлб. 154 — 158; № 2—3, стлб. 203—214; № 4, стлб. 143—150. (Подпись: Деревенский). (Характеристика творчества Б. Пильняка, А. Яковлева, Ф. Гладкова, П. Ярового, М. Волкова, П. Низового). Частично опубликовано: Неверов А. Собрание сочинений. В 4 томах, т. 4. Куйбышев, 1958.

82. Деревня и просвещение. «Красная Армия», Самара, 1919, № 4 — 6.

83. Десять тысяч. «Красная Армия», 1919, № 4.

84. Дети. «Жизнь для всех», 1916, № 1.

85. Детский дом. «Крестьянка», 1923, № 4. (Из цикла «Детские рассказы»).

86. Для чего собирают Народную армию. «Народная мысль», Бузулук, 1918, 1 августа. (Подпись: С. Еланский).

87. Добровольцы. «Красноармеец», 1922, № 49.

88. Дома. «Жизнь для всех», 1917, № 4.

89. Домовой. «Крестьянка», 1922, № 9.

90. Дурандашкин. «Рабочая газета», 1922, 30 июля; то же: «Коммуна», 1922, 13 августа.

91. Дырдоска. «Прожектор», 1924, № 7.

92. Егорка родился. «Жизнь для всех», 1911, № 2.

93. Егоркин праздник. «Красноармеец», 1923, № 51, стр. 12 — 14. (Подпись: А. Сергачев).

94. Живые силы. «Крокодил», 1923, № 21.

95. Жизнь на бульварах. «Коммуна», 1922, 11 августа. (Письма из Москвы).

96. Жук, получивший свободу. «Красная новь», 1922, № 3. (Маленькие рассказы).

97. Железная тишина. (О творчестве Н. Ляшко). «Красная новь», 1922, № 4, стр. 282. (Подпись: Н. А.); то же: «Красная газета», 1922, 7, 14 октября.

98. Жучка. (Из цикла «Детские рассказы»). «Рабочая газета», 1922, 31 декабря; то же: «Работница», 1923, № 5.

99. За хлебом. «Крестьянская правда», Самара, 1921, 1—4 декабря; вторично: «Новый мир», 1922, № 1.

100. Закон божий. «Крокодил», 1923, № 9.

101. Земля и небо. «Коммуна», 1921, 27 ноября.

102. Земля — народу. «Земля и воля», Самара, 1918, 25 июля.

103. Знахарка. «Крестьянка», 1922, № 7.

104. Знание жизни плюс мастерство. Из переписки А. С. Неверова. «Волжская коммуна». Куйбышев, 1958, 24 декабря. (Подборка высказываний А. Неверова о писательском труде).

105. Золотой. «Крокодил», 1923, № 38.

106. Из-за русского хлеба. «Народная мысль», Бузулук, 1918, 8 августа. (Подпись: С. Еланский).

107. Из неоконченных записок. (Странички). (Первый вариант рассказа «Среди умирающих»). «Свободное слово», Бузулук, 1917, 6 мая.

108. Изобретатель. «Крестьянская газета», 1923, 30 декабря.

109. Как волк зайчонка ловил. «Искорка», 1924, № 4.

110. Как живут в Берлине. «Коммуна», 1922, 14 декабря.

111. Как живут по-новому. «Красная Армия», Самара, 1919, № 4, стр. 38 — 39. (Подпись: А. Сергеев).

112. Как крокодил в деревню попал. «Крокодил», 1923, № 42.

113. Как Марья черта отвадила. «Крестьянка», 1922, № 8.

114. Как мужик хозяином сделался. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 12 сентября.

115. Как работают немцы. (Заметка о зверствах немецких оккупантов на Украине). «Земля и воля». Самара, 1918, 4 августа. (Подпись: А. Н.).

116. Как симаковские мужики школу поправили. «Крестьянская газета», 1923, № 1.

117. Как у нас война была. «Искорка», 1924, № 1.

118. Как я большевика спасла. «Крестьянский журнал», 1923, № 1.

119. Капли против озорства. «Крестьянка», 1922, № 5.

120. Коряга. «Известия Самарского губ. союза потребительских обществ», 1920, № 7; то же: «Крестьянская правда», Самара, 1921, 23 декабря; «Рассвет». Литературный сборник. Кн. 6. Вязники, 1921.

121. И. Касаткин. Лесная быль. Рассказы. Изд. 2-е, М., 1919. «Понизовье», 1922, № 4, стр. 51 — 52.

122. К новым горизонтам. Альманах кружка пролетарских писателей и поэтов в Северной Америке. Кн. I. 1922, «Горн», 1922, № 2, стр. 145.

123. Князек Х[айдоров]. Корреспонденция. «Симбирские вести», 1906, 13 декабря. (Подпись: Иван Червячок).

124. Когда кончится... Корреспонденция. «Свободное слово», Бузулук, 1917, 15 октября.

125. Кой о чем. «Жизнь для всех», 1916, № 7.

126. Коллектив. «Крестьянка», 1923, № 4. (Из цикла «Детские рассказы»).

127. Колька. «Накануне», Берлин, 1922, 3 сентября. Лит. прил. к № 16.

128. Колькин табель. «Жизнь для всех», 1914, № 5 — 6.

129. Комитет. «Крестьянская правда», 1921, 24 ноября (под назв. «Бабья выдумка»). Вторично: «Крестьянка», 1922, № 1—2.

130. Кому горе, кому смех. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 12 октября. (Подпись: Б. Зеленцов).

131. Коммуна. «Крестьянка», 1923, № 7. (Из цикла «Детские рассказы»).

132. Контрреволюция. В кн.: «Театр красноармейца». Вып. I. Самара, 1919; то же в сокращенном виде: «Красная Армия», 1919, № 6 (под назв. «Последние дни»).

133. Конференция (I). «Крокодил», 1923, № 10.

134. Конференция (II). «Крестьянка», 1923, № 10.

135. Конь. Басня. «Народ», 1918, 24 октября. (Подпись: Б. Зеленцов).

136. Корона. «Красная Армия», 1919, № 7—8. То же в кн.: «Театр красноармейца». Вып. I. Самара, 1919.

137. Короткое веселье. «Крестьянка», 1928, № 5.

138. Косомол. «Крестьянка», 1923, № 3.

139. «Красная новь», 1921, № 3. «Понизовье», 1922, № 4, стр. 56. (Подпись: Самарский).

140. Красноармеец Терехин. «Красная Армия», 1919, № 1.

141. Красное яичко. «Крестьянка», 1923, № 6.

142. Красный сыщик. «Прожектор», 1923, № 20.

143. Крест на горе. Рассказ. «Народ», 1918, 10 сентября; то же (вариант): «Земля советская», 1929, № 1, стр. 40 — 41.

144. Крестьянам. О земле и неправдах на ней. (Статья.) «Земля и воля», Самара, 1917, 23 сентября.

145. Кровать. «Коммуна», 1921, 18 декабря.

146. Крошечный рассказик. «Народные вести», Симбирск, 1908, 26 декабря. (Первый вариант рассказа «Страх». См.: А. Неверов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 241—245).

147. Кто будет похмеляться. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 27 октября. (Подпись: А. Новиковский).

148. Куда ветер дует... Маленький фельетон. «Народ», 1918, 21 октября. (Подпись: Нов—ий).

149. Культурная работа (с. Студенцы, Самарск. уезда). «Народная жизнь», Самара, 1918, № 10 — 12, стр. 96.

150. Курица — не птица. «Крестьянка», 1923, № 9.

151. Курочка. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 1 декабря. (Подпись: Б. Зеленцов).

152. Лацис (Судрабс). Последний бой. Революционная хроника в 5 д., 7 карт. М., 1921. «Понизовье», 1922, № 5, стр. 83—84. (Подпись: А. Н — в).

153. Петр Левицкий (П. А. Лукашевич). (Детский писатель. Некролог). «Коммуна», 1921, 15 июля.

154. Ленин. «Крестьянка», 1923, № 7. (Из цикла «Детские рассказы»).

155. Н. Лесков. Заячий ремиз... М.—Пг., «Круг», 1922. «Красная новь», 1923, № 1, стр. 331 — 332.

156. Лирика в граните. (О творчестве С. Обрадовича). «Прожектор», 1923, № 12, стр. 26 — 28.

157. Литературная жизнь Самары. Краткий обзор за пять лет. «Понизовье», 1922, № 5, стр. 74—81. (Подпись: Самарский).

158. Литературная Москва. «Коммуна», 1922, 16, 19, 20 июля, 3, 19, 27 августа, 17 сентября, 1, 15 октября, 5 ноября, 8, 10, 21, 23, 28 декабря.

159. Литературные побеги. (Советы начинающим авторам). «Крестьянка», 1923, № 6, стр. 13 — 14; № 7, стр. 15 — 16; № 8, стр. 12 — 13; № 9, стр. 13 — 14; № 11, стр. 18—19; № 12, стр. 8; № 13, стр. 10—11; № 14, стр. 9—10; № 16, стр. 11 — 12; № 18, стр. 35; № 20, стр. 30; № 21, стр. 29 — 30; 1924, № 1, стр. 31—32; № 2, стр. 3. (Подпись: Дядя Сережа).

160. Лицо жизни. «Общее дело», 1920, № 4.

161. Лишаи и наросты. «Красная Армия», 1919, № 5, стр. 36—38. (Подпись: А. Сергеев).

162. Лошадь и погремушка. Басня. «Народ», 1918, 25 октября. (Подпись: Борис Зеленцов).

163. Любовь. «Красная новь», 1922, № 3. (Маленькие рассказы).

164. Марья-большевичка. «Коммуна», 1921, 4 декабря; то же: «Московский понедельник», 1922, 26 июня.

165. Мертвое тело. (Рассказ Чехова). «Понизовье», 1922, № 6, стр. 85—88.

166. Милостивый государь. «Рабочая газета», 1922, 6 августа. Илл. прил., № 10; то же в кн.: «Лавочник-разлучник и другие рассказы». М.—Пг., 1923.

167. Младенец. «Работница», 1923, № 6.

168. Молитва и уголек. «Крестьянка», 1922, № 1 — 2.

169. «Молодая гвардия». М. Еженедельный журнал ЦК РКП и ЦК РКСМ, № 1 — 2, апрель — май. 1922; «Рабочий», 1922, 25 мая.

170. Москва. В «Кузнице». «Коммуна», 1922, 17 сентября. (Подпись: А. Н — в).

171. Мужицкое горе. «Крокодил», 1923, № 42.

172. «Музыка», «Современный мир», 1909, № 8.

173. «Музыка труда», «Коммуна», 1921, 11 мая.

174. Мы нейтральны. Мысли с дороги. «Народ», 1918, 17 октября. (Подпись: А. С.).

175. Мы не одни. (Газетный отчет). «Народ», 1918, 18 ноября.

176. На земле. «Жизнь для всех», 1910, № 3.

177. На Красном кладбище. «Коммуна», 1922, 19 августа. (Письма из Москвы).

178. На новых правах. В кн.: «Революция 1917 — 1918 гг. в Самарской губернии», Т. I. Самара, 1918. (Из цикла «В глухих местах», II).

179. На полустанке. «Жизнь для всех», 1917, № 6.

180. Настенька. «Рабочая газета», 1922, 13 августа. Илл. прил. к № 11; то же в кн.: «Лавочник-разлучник и другие рассказы». М.—Пг., 1923.

181. На съезде представителей кооперативных и кредитных товариществ. Отчет. «Свободное слово», Бузулук, 1917, 4 мая.

182. Начитались, как меду напились. «Крокодил», 1923, № 47.

183. Не везет! (Сатирическая заметка из раздела «Темы дня»). «Земля и воля», Самара, 1918, 21 августа.

184. Александр Неверов. Посмертная автобиография скончавшегося писателя. «Огонек», 1924, № 3, стр. 10, с иллюстрациями.

185. Александр Неверов. (Автобиография). В кн.: Клейнборт Л. Очерки народной литературы (1880—1923). Беллетристы. Л., 1924, стр. 190—195.

186. Неверов о себе. В статье Колпакчи Л. «Неверов». Памятка. «Зрелища». 1924, № 69, стр. 3 — 4.

187. А. Неверов о себе. «Зори». 1924, № 1, стр. 8—10, с иллюстрациями.

188. Не все ли равно. «Крокодил», 1923, № 13.

189. Не дремлют... Статья. «Земля и воля», 1917, 17 сентября.

190. Недурная девушка. «Петроградская правда», 1924, 6 января. (Подпись: Сергеич).

191. Неизвестные газетные выступления А. С. Неверова. (Публикация и коммент. Н. Страхова и М. Сударева). «Волга». Альманах, кн. 30, 1963, стр. 151—156.

192. Некрасов и начинающие поэты. «Коммуна», 1921, 4 декабря.

193. Немецкие замыслы. Статья. «Земля и воля», 1918, август. (Подпись: Сельский).

194. Неопубликованные материалы: 1. Отрывок из рассказа «Шкрабы». 2. Из записных книжек 1920 — 1923 гг. Публикация В. Скобелева. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1961, 24 декабря.

195. Неразбериха. «Жизнь для всех», 1916, № 12.

196. Не туда попала. «Крестьянка», 1923, № 1 — 2.

197. Из песен старого рабочего. М., Гос. изд., 1922. «Рабочая газета», 1922, 1 октября.

198. А. Новиков-Прибой. Море зовет. Морские рассказы. Чита, «Утес», 1922; «Понизовье», 1922, № 6, стр. 114.

199. Новиков-Прибой. По-темному. М., 1922. «Рабочая газета», 1922, 20 сентября.

200. Новый дом. «Красная Армия», 1919, № 3.

201. Ну и народ... (Сатирическая заметка из раздела «Темы дня»), «Земля и воля», 1918, 24 июля. (Подпись: А. Н—в).

202. О гражданской войне. Статья. «Народ», 1918, 13 сентября. (Подпись: С. Еланский).

203. О земских начальниках. Статья. «Земля и воля», 1918, 31 июля.

204. О коммунах. «Красная Армия», 1919, № 3.

205. О красном флаге. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 30 ноября.

206. О мужицкой спине. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 23 ноября. (Подпись: Б. Зеленцов).

207. О Народной армии. Статья. «Народ», 1918, 12 сентября. (Подпись: С. Еланский).

208. О партиях. Беседа с крестьянами. Статья. «Земля и воля», 1917, 26 сентября.

209. О продналоге. «Рабочая газета», 1922, 20 августа. Илл. прил. № 12; то же: «Коммуна», 1922, 5 сентября.

210. О русских черепках. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 27 ноября. (Подпись: Борис Зеленцов).

211. О себе. (Первый вариант автобиографии). «Крестьянский журнал», 1924, № 2—3 (под назв. «А. С. Неверов о себе»); то же в кн.: «А. С. Неверов». Сборник, составл. лит. о-вом. «Никитинские субботники». М.—Л., 1924. (В статье Е. Никитиной «А. С. Неверов»).

212. О трех сыновьях. «Коммуна», 1923, 14 октября.

213. Об Ивановой душе. «Красная Армия», 1919, № 2; то же; «Рассвет», Владимир, 1922, № 1.

214. Осень. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 13 ноября. (Подпись: Б. Зеленцов).

215. Осушители морей. «Крокодил». 1923, № 6. (Подпись: Насмешник).

216. От неизвестных причин. «Жизнь для всех», 1915, № 4.

217. Отжили угодники. «Крокодил», 1923, № 10.

218. Отзвонил и с колокольни долой. «Крокодил», 1923, № 11.

219. Отрадное... Заметка. «Земля и воля», 1917, 2 ноября (Подпись: А. С — в).

220. Отрывной календарь. В кн.: «Современники». Альманах худож. прозы. Кн. I. М., 1923. (Маленькие рассказы).

221. Отслужившие. «Жизнь для всех», 1913, № 9.

222. Отучила. «Работница», 1923, № 3.

223. О чем и как писать. «Советская деревня», 1922. Прилож. к № 2.

224. Парижские сказки. «Крокодил», 1923, № 12.

225. Первая победа. «Крестьянка», 1923, № 14.

226. Первые защитники крестьянства. (Новиков и Радищев). Статья. «Земля и воля», 1917, 4 октября. (Подпись: А. С.).

227. Перебежка зарниц. (О поэзии С. Родова). «Красный журнал для всех», 1922, № 1, стр. 73 — 74.

228. «Пересвет», Лит.-худож. альманах. Кн. 2, М., 1922. «Костры», кн. 1, М., 1922. «Красная новь», 1922, № 3, стр. 269—271.

229. Переселение немцев. Письмо в деревню. «Земля и воля», 1918, 2 августа. (Подпись: А. Н — в).

230. Печать и жизнь. Обзор. «Народ», 1918, 3 декабря. (Подпись: Борис Зеленцов).

231. Пир во время чумы. (Статья или корреспонденция. Снята с газетной страницы цензурой). «Народ», 1918, 23 октября. (Подпись: А. С.).

232. Писатель и описатель. (Н. Степной). «Понизовье», 1922, № 4, стр. 42—48.

233. Письма.

Письма. Отрывки. 1910—1923. К кн.. Фатов Н. Н. «А. С. Неверов». Л., «Прибой», 1926. А. К. Гольдебаеву (36), 1920—1922 (стр. 67, 73, 79, 81—82, 86—89, 197—201); М. Горькому (полностью) 17 октября 1923 (стр. 50); П. А. Зеленцовой (Неверовой), 1 ноября 1910 (стр. 196); И. Е. Лаврентьеву (22), 1914—1921 (стр. 25, 27—28, 36, 47—48, 52—59, 65, 73—74, 76, 199, 207); П. С. Скобелеву, 24 июля 1923 (стр. 106); ред. «Правды». Ноябрь 1923. Коллективное: В. Александровский, М. Герасимов, В. Кириллов и др. (стр. 208); членам жюри конкурса Самарской губ. комиссии помощи голодающим. 26 марта 1922 (стр. 201).

Письма (11). Отрывки Праці Одеського ун-ту, 1958, т. CXVIII, вып. 8, стр. 90—92, 95—99. И. Е. Лаврентьеву (3) 1914—1915; Неизвестному, 1915; Яровому (7) 1914—1916.

М. Волкову. Отрывок (Б. д.). «Рус. лит-ра». 1960, № 3, стр. 22.

А. А. Добронравову (5) 1921—1923. В статье: Фатов Н. «Из переписки А. С. Неверова». В кн.: «Утро», Лит. сборник, т. I, М.—Л., 1927, стр. 230—239.

Письмо в редакцию газеты «Коммуна» от 10 мая 1923 г. В статье: Мацкевич Н. и Страхов Н. «Новые материалы о Неверове». «Волжская коммуна», Куйбышев, 1960, 10 декабря.

Клейнборту Л. М. 1921—1923. (Публикация и примечания П. П. Ширмакова). «Рус. лит-ра», 1967, № 3, стр. 205—210.

Коныжеву П. Я. (12) 1921—1923. В ст.: Фатов Н. «Из переписки А. С. Неверова». В кн.: «Утро». Лит. сборник, Т. I. М.—Л., 1927, стр. 211—230.

Лаврентьеву И. Е. (2). Отрывки. 1 октября и 25 ноября 1915. «Красная новь», 1924, № 7—8, стр. 376—377.

Лаврентьеву И. Е. Отрывок 22 августа 1915. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 99.

Логинову В. 25 мая 1922. В ст.: Мацкевич Н. «На Арбате». (Отрывок из документальной повести об А. С. Неверове). «Волжская коммуна», 1961, 22 декабря.

Письмо в редакцию альманаха «Начало» (Иваново-Вознесенск). 7 ноября 1922. «Ученые записки» (Ивановский пед. ин-т), т. 30, 1962, вып. 1, стр. 81.

Письмо неизвестному. 1915. В статье: Берловская Л. «Творчество А. С. Неверова периода первой мировой войны». «Труды» (Одесск. гос. ун-т им. И. И. Мечникова), т. 148. Серия филологических наук, вып. 8, 1958, стр. 92.

Письмо в редакцию «Русского богатства», «Русское богатство», 1911, № 4, отд. II, стр. 137.

Семеновой Е. В. (4), 1923. В ст.: Фатов Н. «Из переписки А. С. Неверова», «Октябрь», 1926, № 10, стр. 117—124. Письма от 30 октября и 20 ноября также в кн.: Неверов А. С. Собрание сочинений, т. 4. Куйбышевское кн. изд-во, 1958, стр. 286—288.

Сергееву-Ценскому С. (Б. д.). В кн.: Шевцов И. «Подвиг богатыря». Тамбов. 1960, стр. 347—348.

Скобелеву П. С. (4). Отрывки. 1922—1923. «Волга», кн. 2. Куйбышев, облгиз, 1945, стр. 105—106.

234. Письма из деревни. «Свободное слово», Бузулук, 1917, 17 октября.

235. Письмо к тетеньке Уфе. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 22 ноября. (Подпись: Борис Зеленцов).

236. В. Плетнев. Андрейкино горе. Рассказы. М., Моск. пролеткульт, 1921. «Коммуна». 1922, 7 января. (Подпись: А. Н.); то же: «Понизовье», 1922, № 4, стр. 57—58. (Подпись: А. Н.).

237. Повесть о бабах. В кн.: «А. С. Неверов». Сборник, сост. лит. о-вом «Никитинские субботники», М.—Л., 1924. Отрывок: «Коммуна», 1923, 13 мая, (Под назв. «Отжившие»).

238. Под песнь вьюги. «Трезвые всходы», 1908, № 6—7.

239. Поклонение волхвов. «Красная Армия», 1919, № 4.
240. Полька-мазурка. «Прожектор». 1923, № 8—9.
241. Помогла. «Крестьянка», 1923, № 7.
242. По московским фабрикам. «Коммуна», 1922, 25 июня (Письма из Москвы).
243. По-новому. «Красноармеец», 1919, № 10—15; то же: «Неделя крестьянина», Самара, 1920, № 1.
244. Поповская арифметика. «Крокодил», 1923, № 8.
245. Поросенок. «Коммуна». 1921, 11 декабря; то же: «Рабочая газета», 1922, 2 июля. Илл. прил. к № 99.
246. Поросенок. (Инсценировка). В кн.: «Живой крокодил». Репертуар для красноармейских и рабочих клубов и народн. домов. Кн. 2, М.—Пг., 1923.
247. По России. Обозрение. «Народная мысль», Бузулук, 1918, 13 августа (Подпись: С. Еланский).
248. Портфель. «Крокодил», 1923, № 6; «Сов. Сибирь», 1923. 4 марта (под назв. «Мухин»); в кн.: «Маленький альманах». Архангельск, 1923.
249. Порченый. (Заметка из раздела «Темы дня»), «Земля и воля», Самара, 1918, 4 августа. (Подпись: А. Н — в).
250. По селам. Рассказ. «Земская жизнь». Самара, 1918, № 3—4, стр. 19—22.
251. Последнее средство. «Жизнь для всех», 1914, № 2.
252. Потому что нечем утешиться. (Деревенские настроения). «Народ», 1918, 23 ноября. (Подпись; А. С—в).
253. Поэма о женщине. В кн.: «Свиток». Альманах. Кн. 3. М.—Л., 1924,
254. Поэту. «Красная новь», 1922, № 3. (Маленькие рассказы).
255. Право сильного. (Корреспонденция). «Симбирские вести», 1907, 17 января. (Подпись: Иван Червячок).
256. Праздник просвещения. Статья. «Земля и воля», 1918. 11 августа.
257. Предсказание хиромантки. (Рассказ знакомого буржуйчика). Маленький фельетон. «Народ», 1918, 27 ноября. (Подпись: Борис Зеленцов).
258. Преступники. «Жизнь для всех», 1911, № 11.
259. Привет и поклон. Статья. «Народ», 1918, 15 октября. (Подпись: Борис Зеленцов).
260. Признание императора Вильгельма. Маленький фельетон. «Народ», 1918. 15 ноября. (Подпись: Борис Зеленцов).
261. Приехали на базар. «Вестник трезвости», 1907, № 146.
262. Пример нам, русским. Заметка: «Земля и воля», 1918, 4 августа. (Подпись: А. Н — в).
263. Прозевал. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 17 октября. (Подпись: Борис Зеленцов).
264. Пропавшая страна. «Жизнь для всех», 1914, № 12.
265. Пропавшая школа. «Крокодил», 1922, № 15; то же: «Крокодил», 1922, № 17.
266. Про червяка. «Крестьянка», 1922, № 3.
267. Птица малая. В кн.: «Свиток». Альманах. Кн. 3. М.—Л., 1924.
268. Птичка в клетке. «Работница», 1923, № 10.
269. Путешественники. «Крокодил», 1924, № 4.
270. Пятый год. Статья. «Народная мысль», Бузулук, 1918, 6 августа. (Подпись: С. Ел.).
271. Рабочая жизнь в хлебопекарне № 1. «Коммуна», 1921, 26 мая.
272. Радость. «Новый колос», 1916, № 16.
273. Радушка. В кн.: «Свиток». Альманах. Кн. 3, М.—Л., 1924.
274. Разбойник. «Коммуна», 1923, 27 сентября; то же: «Город и деревня», 1923, № 3.
275. Рак пятится назад. (Сатирическая заметка из раздела «Темы дня»). «Земля и воля», 1918, 10 августа. (Подпись: А. Н — в).

276. «Рассвет». Лит. сборник. Кн. 4. Ковров, 1921; «Понизовье», 1922, № 4, стр. 53 — 54.
277. Революция. «Крестьянка», 1923. № 7. (Из цикла «Детские рассказы»).
278. Рожки да ножки. «Крокодил», 1923, № 11.
279. Русский бык. «Крокодил», 1923, № 15.
280. Русско-немецкая дружба. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 11 сентября.
281. Самоохрана. «Коммуна», 1922, 2 апреля.
282. Санька Храбрый. «Рабочая газета», 1922, 31 декабря; то же: «Работница», 1923, № 6. (Из цикла «Детские рассказы»).
283. Сапог. Басня. «Народ», 1918, 21 сентября. (Подпись: Борис Зеленцов); то же: «Красная Армия», 1919, № 1.
284. Георгий Николаевич Саров. (Общественный деятель и журналист. Некролог). «Народная жизнь», Самара, 1919, № 11—12, стр. 7—10.
285. Сберегалка. «Крестьянка», 1924, № 2.
286. Сборная селянка. (Сатирическая заметка из раздела «Темы дня»). «Земля и воля», 1918, 10 августа. (Подпись: Б. Зеленцов).
287. Свадьба. «Крестьянка», 1923, № 19.
288. Свинья и небо. «Корабль», Калуга, 1923, № 1—2. (Маленькие рассказы).
289. Своими силами. В кн.: «Неделя крестьянина». Лит.-полит. сборник. Кн. 2. Самара, 1920.
290. Свой человек. «Вестник трезвости», 1906, № 144.
291. 70 верст штрафу. «Красная Армия», 1919. № 5. (Из цикла «В глуши»).
292. А. Серафимович. Бабья доля. Рассказы. М., 1923. «Рабочая газета», 1923, 4 февраля.
293. Серые дни. «Русское богатство», 1910, № 3.
294. М. Сивачев. Желтый дьявол. Повесть. М., Гос. изд., 1920. «Понизовье», 1921, № 1—3, стр. 36—37.
295. Сказка о цветах. Стихотворение в прозе. «Народные вести», Симбирск, 1908, 18 сентября.
296. (Скажите, гг., откровенно). «Симбирские вести», 1907, 20 января.
297. Скорая помощь. «Крокодил», 1923, № 46.
298. Скоро будут выборы. Статья. «Земля и воля», Самара, 1918, 23 июля.
299. Скуловороты московские. «Крокодил», 1923, № 19.
300. Случай из жизни. «Рабочая газета», 1922, 26 ноября.
301. Смычка. «Крокодил», 1923, № 9.
302. Сокращение штатов. «Крокодил», 1923, № 4.
303. Солдатская горячка. (Из цикла «В глухих местах», II). «Народ», 1918, 26 октября.
304. Сон. (Кузьма Григорьев видел сон...). (Стихотворение). «Народная жизнь», Самара, 1918, № 6—7.
305. Сон Лукьяна. «Вестник трезвости», 1907, № 149.
306. Сор в избе. «Рабочий», 1922, 4 июня.
307. Спорная долина. «Крокодил», 1923, № 8.
308. Среди ополченцев. «Жизнь для всех», 1915, № 1.
309. Среди умирающих. «Жизнь для всех», 1918, № 1.
310. Старуха. «Крестьянка», 1923, № 15.
311. Старый и новый стиль. «Крестьянка», 1923, № 17.
312. Степной Н. Рассказы. Пролеткульт. Петроград, 1922. «Рабочая Москва», 1922, 12 октября. (Подпись: А. Н — в).
313. Степной Н. Семья. Роман в 3 ч. Самара, Гос. изд., 1922. «Красная новь», 1922, № 5, стр. 290—291.
314. Степные сказания. 1919 г. В кн.: Степной Н. «Сказки степи». Самара, 1920; то же в кн.: Степной Н. «Сказки степи». Изд. 4-е, доп. М., 1924, стр. 252—255.

315. Стефан, удивительный человек любви к богу и ближним. Рассказ назидательный. «Джетысуйская искра», Алма-Ата, 1923, 24 декабря.

316. Стишок. «Понизовье», 1921, № 1—3; то же в кн.: «Рассвет», Лит. сборник. Кн. 5. Ковров, 1921 (под назв. «В тисках»).

317. Страдание. «Новый мир», 1922, № 1.

318. Страх. «Жизнь для всех», 1915, № 8—9.

319. Страшные вести. «Крестьянская правда», Самара, 1922, 1 января; то же: «Рабочий», 1922, 17 мая.

320. Строгий муж. «Крестьянка», 1923, № 20.

321. Счастье. «Красная новь». 1922, № 3. (Маленькие рассказы).

322. Сынок. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 3 ноября (Подпись: Б. Зеленцов).

323. Так велит жизнь. «Крестьянка», 1922, № 5.

324. Так сказал Господь. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 4 ноября (Подпись: Борис Зеленцов).

325. «Ташкент — город хлебный». Главы в кн.: «Вехи Октября». Лит.-худож. альманах. М., 1923; отрывки: «Коммуна», 1923, 1 января; «Петроград», 1923, № 3 (под назв. «Борьба за жизнь»); «Красный журнал для всех», 1923, № 5—6 (под назв. «Мишка»).

326. Темный лес. В кн.: «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии». Т. 1. Самара, 1918. (Из цикла «В глухих местах», II).

327. Тиф приехал. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 9 ноября. (Подпись: Борис Зеленцов).

328. Я. М. Тисленко. Воспоминания. (О самарском поэте). «Понизовье», 1922, № 5, стр. 66—72.

329. Товарищи. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 29 ноября.

330. Три года. «Трезвые всходы», 1908, № 10.

331. Туда... «Красная Армия», 1919, № 5.

332. У сельских учителей. В кн.: Фатов Н. «А. С. Неверов». Л., 1926.

333. Успехи и победы. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 5 ноября. (Подпись: Нов—ий).

334. Уфимские уши. Маленький фельетон. «Народ», 1918, 3 декабря.

335. Учитель Стройкин. «Русское богатство», 1911, № 3.

336. Хлеб наш насущный. «Начало». (Альманах. Иваново-Вознесенск), кн. 2—3, 1922.

337. Хороший рассказ. В кн.: «Свиток». М., Сборник лит. о-ва «Никитинские субботники», № 4, 1926.

338. Христианская кончина дьячка из Покровского прихода. «Крокодил», 1924, № 5.

339. Хроника. «Коммуна», 1922. 10 декабря. (Подпись: Ск — в).

340. Царская встреча. «Красная звезда», 1924, 22 января.

341. Зиновий Чаган. Человек на земле. Рассказы. Саратов, Гос. изд., 1922, изд. 2-е. «Рабочий», 1922, 31 мая.

342. Чванство. «Крокодил», 1922, № 8; то же в кн.: «Лавочник-разлучник и другие рассказы». М.—Пг., 1923.

343. Человек без одежды. «Красная новь», 1922, № 3. (Маленькие рассказы).

344. Черное и белое. «Жизнь для всех», 1917, № 4. (Из цикла «В глухих местах», I).

345. Чертенок. «Корабль», Калуга, 1923, № 1—2 (Маленькие рассказы).

346. Что бабушка наворожила? Маленький фельетон. «Народ», 1918, 16 ноября. (Подпись: Борис Зеленцов).

347. Что видела Марья во сне. Сказочка-быль. «Народное дело», Самара, 1918, 7 октября.

348. Что делает деревня, когда ей не спится? Маленький фельетон. «Народ», 1918, 25 октября. (Подпись: А. Новиковский).

349. Что из этого вышло. «Коммуна», 1921, 25 декабря (под назв. «Как рассердился дьякон Иорданов и что из этого вышло»); то же: «Рабочая газета», 1922, 23 июля.

350. Чудесная березка. «Крестьянка», 1923, № 22.

351. Чудо. «Работница», 1923, № 4.

352. Чудо-чудесное. «Крестьянка», 1924, № 1.

353. Чуткое сердце. (Воспоминание о В. Короленко). «Коммуна», 1922, 14 января.

354. Шайтан. «Красная Армия», 1919, № 1.

355. Шапка с пером. «Кооперация и жизнь», 1918, № 8.

356. Шатается горе по белому свету... Стихотворение. «Земля и воля», 1918, 10 сентября. (Подпись: Б. Зеленцов).

357. Шкрабы. В кн.: «Рол», кн. 3. М.—Л., 1924; отрывок: «Красная нива», 1924, № 10 (под назв. «Бред»).

358. А. Яковлев, Ф. Гладков, П. Яровой. «На посту», 1923, № 2—3. (Из цикла «Деревня в современной литературе»).

359. Я хочу жить... «Красная Армия», 1919, № 3; то же: «Грядущее», 1921, № 9—12.

360. П. Яровой. «Муки кузнеца». Рукопись пьесы в 3 д. «Понизовье», 1922, № 4, стр. 49—51.

361. Яровой клин. Сборник произведений бугурусланских поэтов. Бугуруслан, 1921. «Понизовье», 1922, № 4, стр. 58—59.

362. Яровой посев на 1921 год. (Беседа с крестьянами). «Коммуна», 1921, 10 марта. (Подпись: Деревенский).

363. Ясли. «Крестьянка», 1922, № 3.

364. Ячейка. «Крокодил», 1923, № 9.

365. Яшкина скука. «Коммуна», 1923, 11, 18 февраля; то же: «Прожектор», 1923, № 4.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. НЕВЕРОВА

1909

1. Кривич Валентин. Заметки о русской беллетристике «Апполон». 1909, № 1 (о рассказе «Музыка» — стр. 24).

1910

2. Гудаш (Александр Неверов. «Серые дни». Отзыв). Прилож. ко «Всеобщей Петербургской газете», 1910, август.

1920

3. Кай Я. В Доме печати. (Обсуждение пьесы «Бабы»). «Коммуна», 1920, 26 июня.
4. (Б. п.). Премирование пьесы А. Неверова. («Гражданская война»). «Коммуна», 1920, 10 сентября.
5. (Б. п.). Конкурс пьес. (Отзыв жюри самарского конкурса пьес о пьесе «Захарова смерть»). «Коммуна», 1920, 26 сентября.
6. П—ий В. (О пьесе «Бабы»). «Пролет. культура», 1920, № 17—19, стр. 96—97.
7. (Б. п.). Результаты конкурса революционных пьес. (О премировании пьесы «Захарова смерть»). «Вестник театра», 1920, № 72—73, стр. 19.
8. (Б. п.). Бабья жизнь. (О пьесе «Бабы»). «Красная газета», 1920, 26 декабря.

1921

9. Яровой П. (О пьесе «Бабы»). «Понизовье», 1921, № 1—3, стр. 35.
10. Яровой П. Быт в произведениях А. Неверова. «Красная новь», 1921, № 2, стр. 328—333.
11 (Б. п.). (О рассказе «Поросенок»). «Коммуна», 1921, 26 апреля.
12. (Б. п.). «Бабы». (Беседа с режиссером государственного драматического театра Смольнинского района М. Сазоновым. Петроград, 1921). «Жизнь искусства», 1921, 18—20 мая.
13. Носков Н. «Бабы». (О спектакле в государственном драматическом театре Смольнинского района. Петроград, 1921). «Жизнь искусства», 1921, 25—27 мая.
14. Ольминский М. «Бабы». «Коммунистка», 1921, № 8—9, стр. 57—58.

1922

15. Пьеро. (О пьесе «Гражданская война»). «Новый мир», 1922, № 1, стр. 275.

16. Александр Блок о революционном репертуаре. (Отзыв о пьесе «Захарова смерть»). «Вестник искусств», 1922, № 2.
17. (Б. п.). (О рассказе «Поросенок»). «Бюллетень книги», 1922, № 3—4 стр. 89.
18. (Б. п.). (О сборнике «Поросенок», 1922). «Бюллетень книги», 1922, № 3—4, стр. 89.
19. Берг Г. (О сборнике «Марья-большевичка», 1922). «Коммуна», 1922, 24 марта.
20. А. Т. (О рассказе «Новый дом»). «Понизовье», 1922, № 4, стр. 58.
21. Виклог. Личность как творец и коллектив как воплощающее начало. (О пьесе «Гражданская война»). «Понизовье», 1922, № 4, стр. 48—49.
22. Виклог. Жуки на булавках. (О пьесе «Богомолы»). «Понизовье», 1922, № 5, стр. 72—74.
23. (Б. п.). (О рассказе «Поросенок»). «Сибирские огни», 1922, № 5, стр. 223.
24. Л. С. (О сборнике «Новый дом», 1922). «Сибирские огни», 1922, № 5, стр. 223.
25. (О сборнике «Новый дом», 1922). «Бюллетень книги», 1922, № 7—8, стр. 85—86.
26. (Б. п.). (О пьесе «Женское засилье»). «Бюллетень книги», 1922, № 7—8, стр. 95.
27. (Б. п.). (О пьесе «Молодые побеги»). «Бюллетень книги», 1922, № 7—8, стр. 95.
28. (Б. п.). (О пьесе «Смех и горе»). «Бюллетень книги», 1922, № 7—8, стр. 94—95.
29. о. «Бабы» — пьеса А. С. Неверова. (О спектакле в театре драмы и комедии. Самара, 1922). «Коммуна», 1922, 19 сентября.
30. Лау Евг. (О пьесе «Захарова смерть). «Рабочая газета», 1922, 1 октября.
31. Лау Евг. (О пьесе «Богомолы»). «Рабочая газета». 1922, 3 октября.
32. А. К. (О пьесе «Богомолы»). «Красная газета», 1922, 25 октября.
33. С. М. (О сборнике «Новый дом», 1922). «Рабочая газета», 1922, 3 декабря.
34. Дор А. Литературная Москва. «Звено». (Вечер А. Неверова). «Коммуна», 1922, 10 декабря.

1923

35. П—в И. (О пьесе «Смех и горе»). «Красная новь», 1923, № 1, стр. 332.
36. Н. К. «Новый дом». «Лит. еженедельник», 1923, № 6, стр. 14.
37. Жуков П. (О сборнике «Лицо жизни», 1923). «Книга и революция», 1923, № 4, стр. 73.
38. Воронский А. О группе писателей «Кузница». (А. Неверов). «Красная новь», 1923, № 4.
39. С. Ф. Б. (О сборнике «Лицо жизни», 1923). «Известия», 1923, 25 мая.
40. (Ред. статья). Александр Неверов. «Лит. еженедельник», 1923, № 17, стр. 2.
41. Кубиков И. (О сборнике «Лицо жизни», 1923). «Печать и революция», 1923, № 5, стр. 289—290.
42. В. В. (О сборнике «Пьесы»). «Книгоноша», 1923, № 17, стр. 6.
43. П. Ж. (О сборнике «Марья-большевичка», 1922). «Книга и революция», 1923, № 11—12, стр. 64.
44. П. Ж. (О пьесе «Гражданская война», «Книга и революция», 1923, № 11—12, стр. 64.
45. П. Ж. (О пьесе «Богомолы»). «Книга и революция», 1923, № 11—12, стр. 64.
46. Юст. С. (О сборнике «Лицо жизни», 1923). «Рабочая Москва», 1923, 5 июля.

47. Меч А. Уродливый быт. (О сборнике «Лицо жизни», 1923). «Лит. еженедельник», 1923, № 29, стр. 16.

48. Кубиков И. (О повести «Ташкент — город хлебный»). «Печать и революция», 1923, № 7, стр. 273.

49. Волькенштейн В. (О сборнике «Пьесы», 1923). «Печать и революция», 1923, № 7, стр. 276.

50. (Б. п.). (О сборнике «Пьесы», 1923). «Бюллетень книги», 1923, № 9—10, стр. 71.

51. Л—ский Г. (О повести «Ташкент — город хлебный»). «Книгоноша», 1923, № 22, стр. 8.

52. Л—ский Г. (О сборнике «Лицо жизни», 1923). «Книгоноша», 1923, № 22, стр. 8.

53. В. А. «Народный театр». (О сборнике «Пьесы»). «Лит. еженедельник», 1923, № 41, стр. 14.

54. (Б. п.). (О сборнике «Пьесы», 1923). «Петрогр. правда», 1923, 16 декабря.

55. (Б. п.). А. С. Неверов. «Рабочая газета», 1923, 28 декабря, с портр.

56. К. Чужак. Воля к жизни. (На смерть Неверова). «Известия», 1923, 23 декабря.

57. (Б. п.). А. С. Неверов. «Крестьянская газета», 1923, 30 декабря.

58. (Б. п.). Похороны А. С. Неверова. «Правда», 1923, 30 декабря.

59. (Б. п.). Похороны А. С. Неверова. «Рабочая газета», 1923, 30 декабря.

60. Яровой П. А. С. Неверов. «Правда», 1923, 30 декабря.

1924

61. Костылев В. Смерть писателя А. Неверова. «Нижегород. коммуна», 1924, 1 января.

62. Колосов А. Воспоминания о А. С. Неверове. «Коммунист», Самара, 1924, 6 января.

63. (Б. п.). А. С. Неверов. (Некролог). «Коммуна», 1924, 6 января.

64. Вешнев В. А. С. Неверов. «Правда», 1924, 9 января.

65. (Б. п.). (О сборнике «Лицо жизни», 1923). «Бюллетень литературы и жизни», 1924, № 1, стр. 18.

66. (Б. п.). (О повести «Ташкент — город хлебный»). «Бюллетень литературы и жизни», 1924, № 1, стр. 18—19.

67. Гладков Ф. Александр Сергеевич Неверов. «Рабочий журнал», 1924, № 1, стр. 113—116.

68. Зархи Н. Памяти А. С. Неверова. «Новый зритель», 1924, № 1, стр. 8—9.

69. Ингулов С. Я хочу жить. (Об А. С. Неверове). «На посту», 1924, № 1.

70. Правдухин В. А. С. Неверов (Скобелев). «Красная нива», 1924, № 1, стр. 26. Впервые: «Известия», 1923, 28 декабря.

71. Верхоленский Г. (О сборнике «Пьесы», 1923). «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 252—253.

72. Родов С. А. С. Неверов. «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 216—219. Сокр. вариант: «Вечерняя Москва», 1923, 27 декабря.

73. Соболев Ю. (О сборнике «Пьесы», 1923). «Красная новь», 1924, № 1, стр. 313—316.

74. Караваева А. (О сборнике «Пропавшая страна», 1924). «Алтайская деревня», 1924, № 1, стр. 150—151.

75. Караваева А. (О сборнике «Серые дни», 1924). «Алтайская деревня», 1924, № 1, стр. 150—151.

76. Свентицкий А. А. Неверов. «Зори». 1924, № 1, стр. 11.

77. Якубовский Г. Жажда жизни. «Прожектор», 1924, № 1, стр. 24—26.

78. А. Л. По рабочим клубам. (О постановке пьесы «Смех и горе» в самодеятельном театре). «Правда», 1924, 1 февраля.

79. Куйбышева М. Памяти А. С. Неверова. «Крестьянка», 1924, № 2, стр. 2.
80. Яровой П. Александр Сергеевич Неверов (Скобелев). «Красный журнал для всех», 1924, № 2, стр. 124—128.
81. Лиров М. Из литературных итогов. (О повести «Ташкент — город хлебный», 1923). «Печать и революция», 1924, № 2, стр. 124.
82. Исбах. (О сборнике «Повесть о бабах и другие рассказы». 1924), «Октябрь», 1924, № 3, стр. 203—204.
83. Исбах (О сборнике «Рассказы», 1924). «Октябрь», 1924, № 3, стр. 203—204.
84. Деев-Хомяковский Г. А. С. Неверов. «Работник просвещения», 1924, № 3, стр. 34—35.
85. (Б. п.). А. С. Неверов (Скобелев). «Рабочий зритель», 1924, № 3, стлб. 11—12.
86. Авг. Р. (О сборнике «Серые дни», 1924). «Русский современник», 1924, № 3, стр. 259.
87. Исбах. (Рецензия на сборник «А. С. Неверов», составленный лит. о-вом «Никитинские субботники», 1924). «Октябрь», 1924, № 3, стр. 206.
88. (Б. п.). (О сборнике «Рассказы», 1924). «Книжные новости», 1924, № 3—4, стр. 99.
89. Правдухин В. Художественная литература за семь лет. (Проза за 1918—1924 гг.) «Сибирские огни», 1924, № 5, О Неверове. стр. 219—220.
90. Г. Р. (О сборнике «В садах», 1924). «Ленинградская правда», 1924, 30 мая.
91. Богомазова З. (О сборнике «В садах», 1924). «Вестник книги», 1924, № 6, стр. 55.
92. З. Б. (О романе «Гуси-лебеди», 1924), «Вестник книги», 1924, № 6, стр. 56.
93. Лебедев-Полянский П. Александр Неверов. (Роман «Гуси-лебеди»). «Печать и революция», 1924, № 6. (Подпись: В. Полянский).
94. Ем. С. Театр при саде 1 мая. «Бабы». «Ленинградская правда», 1924, 11 июля.
95. Розанов И. Дети в произведениях Неверова. «Народный учитель», 1924, № 7, стр. 100—103.
96. Динамов С. (О сборнике «В садах», 1924). «Книгоноша», 1924, № 13, стр. 9.
97. Фатов Н. (О сборнике «В садах», 1924). «Молодая гвардия», 1924, стр. 281—284.
98. Фатов Н. Классовые корни творчества А. С. Неверова. «Красная новь», 1924, № 7—8, стр. 368—380.
99. Жиц Ф. (О сборнике «Я хочу жить», 1923). «Красная звезда», 1924, 12 августа.
100. Жиц Ф. (О повести «Андрон Непутевый»). «Красная звезда», 1924, 12 августа.
101. Анисимов. (О сборнике «Серые дни», 1924). «Книгоноша», 1924, № 31, стр. 6.
102. Исбах. (О сборнике «Повесть о бабах и другие рассказы», 1924), «Книгоноша», 1924, № 38, стр. 10.
103. Исбах. (О сборнике «Рассказы», 1924). «Книгоноша», 1924, № 38, стр. 10.
104. (Б. п.). (О сборнике «Радушка», 1924). «Книга о книгах», 1924, № 7—8.
105. О. (О романе «Гуси-лебеди», 1924). «Красный журнал для всех», 1924, № 8, стр. 640—641.
106. Соболев Ю. Памяти А. С. Неверова. «Город и деревня», 1924, № 8—9, стр. 50—52.

107. Б у д н е в В. (О романе «Гуси-лебеди», 1924). «Книгоноша», 1924, № 30, стр. 9.

108. С. Д. (О сборнике «Радушка», 1924). «Книгоноша», 1924, № 32, стр. 6.

109. К а з Н. (О сборнике «Серые дни». 1924). «Рабочая газета», 1924, 2 сентября.

110. (Б. п.). (О сборнике «Пропавшая страна», 1924). «Известия», 1924, 12 сентября.

111. К р а в ч е н к о А. (О сборнике «Рассказы», 1924). «Вестник книги», 1924, № 9—10, стр. 58—59.

112. Д и н а м о в С. (О сборнике «Пропавшая страна», 1924). «Книгоноша», 1924, № 36, стр. 9.

113. И с б а х. (Рецензия на сборник «А. С. Неверов», составленный лит. о-вом «Никитинские субботники», 1924). «Книгоноша», 1924, № 38, стр. 10.

114. Ил. (О романе «Гуси-лебеди», 1924). «Красная газета» (вечер вып.), 1924, 4 октября.

115. А. Б. (Рецензия на сборник «А. С. Неверов», составленный лит. о-вом «Никитинские субботники», 1924). «Красная газета», 1924, 29 октября.

116. А. Б. (О сборнике «В садах», 1924)), «Красная газета» (вечерн. вып.), 1924, 1 ноября.

117. (Б. п.). «Бабы» Неверова в райдрамтеатре им. Каляева (М., 1924). «Новый зритель», 1924, № 49, стр. 7.

118. К. Л. (О сборнике «Пропавшая страна», 1924). «Красная газета» (вечерн. вып.), 1924, 15 ноября.

119. Б о г о м а з о в а З. (О сборнике «Пропавшая страна», 1924). «Вестник книги», 1924, № 11—12, стр. 109—110.

120. Б о г о м а з о в а З. (О сборнике «Серые дни», 1924). «Вестник книги», 1924, № 11—12, стр. 110—111.

121. Л е ж н е в А. (О сборнике «Рассказы», 1924). «Правда», 1924, 12 декабря.

122. Л е ж н е в А. (О сборнике «Повесть о бабах и другие рассказы», 1924). «Правда», 1924, 10 декабря.

123. А. Б. (Рецензия на кн. «Неверову...» М., Гос. изд., 1924). «Красная газета» (вечерн. вып.), 1924, 19 декабря.

124. РАН. Вечер памяти А. С. Неверова. «Рабочий зритель», 1924, № 12, стр. 13.

125. К о л п а к ч и Л. Неверов. Памятка. «Зрелище», 1924, № 69, стр. 2—4. (Воспоминания о встрече с А. Неверовым в 1920 г.).

126. А. С. Неверов. Сборник, сост. лит. о-вом «Никитинские субботники». Под ред. Е. Никитиной. М.—Л., «Земля и фабрика», 1924, 174 стр., с портр. Стихи: М. Герасимов. Памяти А. С. Неверова («Иссякла золотая жила...»); В. Кириллов. А. С Неверову («Мы пришли от васильковых снов...»); Памяти соседа («Не стучит машинка за стеной...»); В. Звягинцева. А. С. Неверову («Так, значит, вправду на земле нельзя...»); В. Инбер. («В быстробегущей сутолоке дней...»); Н. Белинский. («Оттого, что зовут Россией...»).

Воспоминания: Е. Н и к и т и н а. Другу; Н. С т е п н о й. Поездка в Ташкент; П. Д о р о х о в. Последние минуты А. С. Неверова.

Статьи: Е. Н и к и т и н а. А. С. Неверов; С. Ш у в а л о в. Композиция рассказов Неверова; Л. Г и н з б у р г. Дети у Неверова; А. Н а с и м о в и ч. А. С. Неверов — детский писатель.

Е. Н и к и т и н а. Библиография произведений А. С. Неверова.

127. Неверову — алый венок. Памяти друга и писателя Александра Сергеевича Неверова от Коллектива рабоче-крестьянских писателей. М., Гос. изд., 1924, 213 стр., с портр.

П. Яровой. Александр Сергеевич Неверов. Биографический очерк; А. Дорогойченко. Александр Неверов. (Статья).

В сборнике опубликованы художественные произведения П. Ярового, С. Брускова, Н. Жукова, М. Днепровского, А. Дорогойченко, В. Александровского, А. Ширяевца, Н. Степного и главы второй части романа Неверова «Гуси-лебеди».

128. П. Яровой. Александр Сергеевич Неверов (Скобелев). В кн.: Неверов А. «Смех и горе», М., 1924, стр. 5—10.

129. Клейнборт Л. А. С. Неверов В кн.: «Очерки народной литературы». Л., 1924.

130. (Б. п.). А. С. Неверов. В кн.: Неверов А. «Бабы». Пьеса в 4 д. Екатеринбург, 1924, стр. 3—4.

131. Александр Сергеевич Неверов в воспоминаниях Л. Красногорской, Н. Степного, Е. Локтева, П. Ярового, Я. Ганзбурга. В кн.: «Наш труд». Сборники литературы, драмы и критики. Кн. 2. М., 1924, стр. 96—105.

1925

132. Роенко Н. А. С. Неверов в школе. «Учит. газета», 1925, 1 января.

133. Н. П. А. С. Неверов (Скобелев). «Учит. газета», 1925, 1 января.

134. Богомазова З. (О сборнике «Повесть о бабах и другие рассказы», 1924). «Вестник книги», 1925, № 1, стр. 36—37.

135. Базылев А. (О сборнике «Повесть о бабах и другие рассказы»). «Рабочий читатель», 1925, № 1, стр. 24—25.

136. Каплин А. (О повести «Ташкент — город хлебный»). «Рабочий читатель», 1925, № 1, стр. 24.

137. Рожков А. «Бабы». (О спектакле в райдрамтеатре им. Каляева, М., 1924). «Рабочий зритель», 1925, № 1, стр. 11.

138. Якубовский Г. Александр Неверов. Литературный портрет. «Новый мир», 1925, № 2.

139. Фатов Н. (О сборнике «Повесть о бабах и другие рассказы», 1924). «Молодая гвардия», 1925, № 2—3, стр. 262—263.

140. Фатов Н. (О сборнике «Пропавшая страна», 1924). «Молодая гвардия», 1925, № 2—3, стр. 261—262.

141. Фатов Н. (О сборнике «Радушка», 1924). «Молодая гвардия», 1925, № 2—3, стр. 263—264.

142. Фатов Н. (О сборнике «Рассказы», 1924). «Молодая гвардия», 1925, № 2—3, стр. 262—263.

143. Фатов Н. (О сборнике «Серые дни», 1924). «Молодая гвардия», 1925, № 2—3, стр. 261—262.

144. Горбов Д. (О пьесе «Гражданская война», 1922). «Печать и революция», 1925, № 3, стр. 276—278.

145. Яровой П. Сквозь строй. (Об условиях жизни и творчества А. Неверова в Москве, 1922—1923). «Рабочий журнал», 1925, № 3, стр. 99—108.

146. Фатов Н. (Рецензия на кн.: «Неверову — алый венок», 1924). «Печать и революция», 1925, № 3, стр. 274—276.

147. Амшинский М. (О сборнике «В садах», 1924). «Рабочий читатель», 1925, № 3, стр. 29.

148. (Б. п.). (О сборнике «В садах», 1924). «Красный журнал для всех», 1925, № 4, стр. 256.

149. Эрманс В. «Захарова смерть». (Райдрамтеатры МОНО. М., 1925). «Новый зритель», 1925, № 4, стр. 9.

150. Каменев С. Между путями. (А. С. Неверов). «Лава», 1925, № 4, стр. 71—76.

151. Ревякин А. (О сборнике «Так велит жизнь», 1925). «Беднота», 1925, 13 мая.

152. Д. Г. «Бабы». Передвижной театр, Л., 1925, «Ленингр. правда», 1925, 16 мая.

153. Вл. П. (О сборнике «Так велит жизнь», 1925). «Вестник книги», 1925, № 5, стр. 30—31.

154. Полосихин Н. Крестьянка и работница в произведениях Александра Неверова и Михаила Платошкина. «Рабочий читатель», 1925, № 5, стр. 9—11.

155. Фатов Н. (Рецензия на кн.: «Неверову — алый венок»). «Молодая гвардия», 1925, № 5, стр. 191—192.

156. Фатов Н. (Рецензия на сборник «А. С. Неверов», составленный лит. о-вом «Никитинские субботники»). «Молодая гвардия», 1925, стр. 189—191.

157. Богомазова З. (О рассказе «Шкрабы», 1925). «Вестник книги», 1925, № 6, стр. 43—44.

158. А. Л. (О сборнике «Так велит жизнь», 1925). «Правда», 1925, 19 августа.

159. Коган П. Неверов. «Красная звезда», 1925, 17 сентября.

160. Леонов Н. Писатели-современники. (А. Неверов, Л. Сейфуллина, А Яковлев). «Учит. газета», 1925, 24 сентября.

161.М. С. и Л. В. (Театр «Гознак». Л., 1925) (О постановке пьесы «Бабы») «Рабочий театр», 1925, № 11, стр. 17.

162. Ф. М. «Бабы» в театре «Гознак» (Л. 1925). «Жизнь искусства», 1925, № 11, стр. 18.

163. Рингов Б. (О повести «Ташкент — город хлебный»). «Деревенский коммунист», 1925, № 12, стр. 53—54.

164. Маркович М. (О сборнике «Рассказы для маленьких»). «Книгоноша», 1925, № 12—13, стр. 18.

165. Маркович М. (О сборнике «Артисты», 1924). «Книгоноша», 1925, № 12—13, стр. 18.

166. Львов-Рогачевский В. Александр Неверов. В кн.: «Современные писатели в школе». М.—Л., 1925, стр. 157—172; то же в кн.: «Новейшая русская литература». Изд. 7-е, переработ. М., 1927.

167. Горбачев Г. Революционная художественная проза (А. Неверов). В кн.: Горбачев Г. «Очерки современной русской литературы». Изд. 3-е. М.—Л., 1925.

168. (Б. п.). Предисловие. В кн.: Неверов А. «Андрон Непутевый». М., 1925, стр. 3—4.

169. Протопопов А. Знакомство с писателем Неверовым во II ступени. В кн.: «Современные писатели в школе». Л., 1925, стр. 173—177.

170. Лаврова К. (О повести «Ташкент — город хлебный»). В кн.: «Альманах Пролеткульта». М., 1925, стр. 178—179.

171. Полупанов А. Большевики. Инсценировка по рассказу А. Неверова. Г. Мириманов, М., 1925 (на облож. 1926). 16 стр. (Детский театр).

1926

172. Фибих Д. (О Полном собрании сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926). «Известия», 1926. 7 февраля.

173. Зорич А. (О Полном собрании сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926). «Правда», 1926, 21 февраля.

174. Ревякин А. О сочинениях Неверова. (О Полном собрании сочинений в 7 томах, 1926). «Беднота», 1926, 25 февраля.

175. Фатов Н. «А. С. Неверов». Очерк жизни и творчества. Л., «Прибой», 1926, 265 стр.

176. Беркович С. (О Полном собрании сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926). «Комсомолия», 1926, № 3, стр. 75—76.

177. Николаева Т. Творчество Неверова. «Октябрь», 1926, № 3.

178. Брюсс Б. (О первом томе Полного собрания сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926). «Наша газета», 1926, 3 апреля.

179. Вершинин С. «Бабы» (в постановке Закупотского драмкружка, г. Ряжск). «Деревенский театр», 1926, № 4, стр. 28.

180. М. С. (О четвертом томе Полного собрания сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926). «Книга и профсоюзы», 1926, № 5, стр. 20.

181. М. С. (О третьем томе Полного собрания сочинений А. Неверова в 7 томах. 1926). «Книга и профсоюзы», 1926, № 5, стр. 20—21.

182. Ревякин А. (Рецензия на кн.: Фатов Н. «А. С. Неверов». Очерк жизни и творчества. Л., «Прибой», 1926). «Октябрь», 1926, № 2, стр. 127.

183. Мирицкий. Крестьянский писатель А. С. Неверов. «Крестьян. журнал», 1926, № 6, стр. 12—14; № 7, стр. 15—16; № 8, стр. 15—16.

184. Кузьмин В. А. С. Неверов. (Воспоминания). «Жернов», 1926, № 7. 2-я стр., обл., с портр.

185. Мозолев А. «Захарова смерть» Неверова (в постановке драмкружка с. Муратова Орловской губ.) «Деревенский театр», 1926, № 8, стр. 28.

186. Мощанский Г. «Ташкент — город хлебный». (Опыт школьной проработки). «Родной язык в школе», 1926, № 10, стр. 97—99.

187. Дрейден С. «Закон» в Перрате. (На просмотре в клубе им. Мархлевского. Передвижной театр. Л., 1925). (О постановке пьесы «Бабы» под назв. «Закон»). «Ленинград. правда», 1926, 30 сентября.

188. Габинская. (О первом томе собрания сочинений А. Неверова, не вошедших в 7-томное издание «Земли и фабрики»). «Книга и профсоюзы», 1926, № 11, стр. 37.

189. Красильников В. Александр Неверов. (К выходу Полного собрания сочинений). «Книгоноша», 1926, № 31—32, стр. 12—13, с портр.

190. Фибих Д. (О первом томе собрания сочинений А. Неверова, не вошедших в 7-томное издание «Земли и фабрики»). «Известия», 1926, 16 декабря.

191. Ряховский В. А. С. Неверов. (К трехлетию со дня смерти). «Рабочий клич» (Рязань), 1926, 24 декабря.

192. Рудерман М. (О повести «Ташкент — город хлебный»). «Комсом. правда», 1926, 29 декабря.

193. Лелевич Г. (О седьмом томе Полного собрания сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926). «Новый мир», 1926, № 12, стр. 182—183.

194. Беркович О. (Рецензия на кн.: Фатов Н. «А. С. Неверов», 1926). «Молодая гвардия», 1926, № 5, стр. 185—186.

195. Фатов Н. А. С. Неверов. В кн.: Неверов А. Полное собрание сочинений в 7 томах, т. I. М.—Л., 1926, стр. 7—38.

196. Якубовский Г. Александр Неверов. В кн.: Георгий Якубовский. «Литературные портреты». М.—Л., 1926.

197. (Б. п.). А. С. Неверов. В кн.: Неверов А. «Бабы». Пьеса в 4 д. М.—Л., 1926, стр. 3—5.

198. (Б. п.). А. С. Неверов. В кн.: Неверов А. «Захарова смерть». Пьеса в 4 д. М.—Л., 1926, стр. 3—5.

199. (Б. п.). Александр Сергеевич Неверов (Скобелев). (Биогр. справка). В кн.: Неверов А. «Так велит жизнь». Рассказы. М.—Л., 1926, стр. 5—7.

200. Коган П. Пролетарская литература. Иваново-Вознесенск, «Основа», 1926, стр. 59—63.

1927

201. Ревякин А. Две пьесы. («Голод» А. Неверова и «Бунт земли» Ф. Панферова). «Беднота», 1927, 18 февраля.

202. Дерман А. (О первом томе собрания сочинений А. Неверова, не вошедших в 7-томное издание «Земли и фабрики»). «Книга и профсоюзы», 1927, № 2, стр. 41.

203. Дерман А. (О втором томе собрания сочинений А. Неверова, не вошедших в 7-томное издание «Земли и фабрики»). «Книга и революция», 1927, № 2, стр. 41.

204. Боярская. А. С. Неверов. «Гудок», 1927, 5 марта.

205. Стодолин Б. Подъячев и Неверов. «Вечерняя Москва», 1927, 15 марта.

206. Чарнов А. (О втором томе Полного собрания сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926.) «Книга и профсоюзы», 1927, № 3—4, стр. 69.

207. К-ов. Вечер истерики. (О постановке пьесы «Бабы» в 1-й государственной художественной студии. Л., 1927). «Рабочий театр», 1927, № 11, стр. 17.

208. Никитина Е., Шувалов С. Александр Неверов (тематика, композиция, стиль). В кн.: «Беллетристы-современники». Т. I. М., 1927.

209. Евгеньев-Максимов В. А. Неверов. В кн.: Евгеньев-Максимов В. «Очерки истории новейшей русской литературы». Изд. 3-е, испр., М.—Л., 1927.

1928

210. Ревякин А. (О Полном собрании сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926). «Рабочая газета», 1928, 16 февраля.

211. Шишкевич М. А. С. Неверов (1923—1928). «Журнал для всех», 1928, № 4, стлб. 125—126.

212. Феддерс Г. «Андрон Непутевый» А. Неверова. (Опыт социологического анализа). «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 4—5, стр. 110—120.

213. Мессер Р. О творчестве А. С. Неверова. «Литье», 1928, № 5, стр. 11.

214. Ильинский Ф. (О Полном собрании сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926.) «Читатель и писатель», 1928, 26 мая.

215. Касаткина А. Удавшийся опыт клубного театра. В клубе им. Астахова. (О постановке пьесы «Захарова смерть»). «Комсомольская правда», 1928, 19 июля.

216. Блок Г. (О четвертом томе Полного собрания сочинений А. Неверова в 7 томах). «Книга и профсоюзы», 1928, № 8, стр. 26.

217. Бог Г. (О Полном собрании сочинений А. Неверова в 7 томах). «Гудок», 1928, 29 августа.

218. Афанасьева А. Соха, прилавок, перо. Очерк. «Пионер», 1928, № 24, стр. 9.

219. Алферов В. Памяти А. С. Неверова (1923 г. — 24 декабря 1928 г.) «Средне-Волжская коммуна», Самара, 1928, 23 декабря.

220. Кузьмин В. Мои воспоминания о Неверове, «Средне-Волжская коммуна», 1928, 23 декабря.

221. Демидов А. Неверов Александр Сергеевич. (Из воспоминаний). «Джетысуйская искра», 1928, 24 декабря.

222. Ф. Ж. Старая и новая деревня. (О Полном собрании сочинений А. Неверова в 7 томах, 1926). «Гудок», 1928, 30 декабря.

223. Игнатьев Н. Андрон Непутевый. Пьеса в 3 д. и 4 карт. (По повести А. Неверова). М.—Л., Гос. изд., 1928, 36 стр. (Клубная сцена).

224. Белоусов И. Литературная среда. Воспоминания. 1880—1928. М., «Никитинские субботники», 1928, стр. 260—264.

225. Палей А. Александр Неверов. В кн.: Палей А. «Литературные портреты». М., 1928, стр. 26—29.

226. Александр Неверов. М., «Никитинские субботники», 1928, 268 стр. (Б-ка соврем. писателей для школы и юношества. Под ред. Е. Никитиной. Критич. серия).

Содержание: Г. Якубовский. Александр Неверов; Л. Клейнборт. А. С. Неверов; Е. Никитина и С. Шувалов. Александр Неверов. (Тематика, композиция, стиль); В. Львов-Рогачевский. Александр Неверов; В. Евгеньев-Максимов. А. Неверов; А. Воронский. О группе писателей «Кузница» (А. Неверов); С. Ингулов. Я хочу жить. (Об А. С. Неверове); П. Лебедев-Полянский. Александр Неверов. (Роман «Гуси-лебеди»); Т. Николаева. Творчество Неверова; Г. Горбачев. Революционная художественная проза (А. Неверов); Н. Фатов. Главные мотивы творчества Неверова; А. Дорогойченко. Александр Неверов; К. Чужак. Воля к жизни. (На смерть Неверова.)

1929

227. Дорогойченко А. Творческий путь А. С. Неверова. Памяти сотрудника и друга. «Земля советская», 1929, № 1, стр. 38, с иллюстр.

228. Г. Я. (О повести «Ташкент — город хлебный»). «Рабоче-крестьянский корреспондент», 1929, № 2, стр. 45.

229. Скобелева-Неверова П. Мои воспоминания (1909—1923). «Народный учитель», 1929, № 3, стр. 16—31.

230. Клейнборт Л. А. С. Неверов. К пятилетию со дня его смерти. «Красная панорама». Лит.-худож. сборник. Прил. к журн. «Красная панорама», 1929, август, стр. 57—59.

231. Горбачев Г. Современная русская литература. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., «Прибой», 1929, стр. 52—53.

232. Поссе В. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917 гг.). М.—Л., «Земля и фабрика», 1929, стр. 452.

233. Степной Н. А. С. Неверов. В кн.: Степной Н. Собрание сочинений в 10 томах, т. 10. М., 1929, стр. 235—261.

234. Якубовский Г. Предисловие. В кн.: Неверов А. «Андрон Непутевый». Повесть. М.—Л., 1929, стр. 3—6.

1930

235. Тимофеев Л. Творчество Неверова. «Русский язык в советской школе», 1930, № 1, стр. 170—177.

236. Скобелев П. А. С. Неверов. (Воспоминания брата А. С. Неверова о самарском периоде жизни и творчества А. Неверова (1919—1922). «Волжская новь», 1930, № 1, стр. 26—27, с иллюстрациями.

237. (Б. п.). Предисловие. В кн.: Неверов А. «По-новому». Рассказы. М.—Л., 1930, стр. 3—6.

1931

238. Майзель М. Краткий отчет современной русской литературы. М.—Л., Гослитиздат, 1931, стр. 92—97, 106.

239. Ясинская З. Вступительная статья. В кн.: Неверов А. «Избранные рассказы». М.—Л., 1931, стр. 3—38.

1932

240. Поляк Л. (О кн.: Неверов А. «Избранные произведения», 1931). «Книга строителям социализма. «Худож. лит-ра», 1932, № 1, стр. 9—10.

241. Охитович Е. Путь союзника. (Социальные корни творчества А. С. Неверова). «Штурм», Самара, 1932, № 4, стр. 55—57.

242. Викторов В. Послесловие. В кн.: Неверов А. «Ташкент — город хлебный». М.—Л., 1932, стр. 118—128.

242а. Луначарский А. В. Предисловие. В кн. «Детская литература». Критический сборник. Под ред. А. В. Луначарского, М.—Л., ГИХЛ, 1932. Вторая публ.: А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 2, М., 1964, стр. 515.

1933

243. Гроссман Б. А. С. Неверов. К десятилетию со дня смерти. «Литер. газета», 1933, 23 декабря.

1934

244. (Б. п.). (О сборнике «Как у нас война была», 1930). «Дет. и юнош. лит-ра», 1934, № 7, стр. 29.

1936

245. Блок А. (Отзыв о пьесе «Захарова смерть»). В кн.: Блок А. Собрание сочинений. В 12 томах. т. 12, Л., 1936, стр. 161—162.

1937

246. Цимбал С. Молодость нового героя. (О пьесе «Гражданская война). «Рабочий и театр», 1937, № 11, стр. 30.

247. Горьев А. Однотомник А. С. Неверова. (О сборнике «Избранные произведения», 1936). «Что читать», 1937, № 9, стр. 51—56.

248. (Б. п.). А. С. Неверов. В кн. Неверов А. «Чудо-чудесное». М., 1937, стр. 5—10. (Об антирелигиозных мотивах в творчестве А. Неверова).

1938

249. Вишневская Е. Антирелигиозная художественная библиотечка. (О сборнике «Чудо-чудесное», 1937). «Книга и пролетарская революция», 1938, № 4, стр. 149—150.

250. Липатов П. А. С. Неверов в Камышевке. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1938, 24 декабря. (О работе А. Неверова в Камышевской школе в 1907—1910 гг.).

251. Тимофеев Л. Александр Неверов. (К 15-летию со дня смерти). «Правда», 1938, 24 декабря.

252. Георгиев М. Александр Неверов (1886—1923). «Лит. газета», 1938, 26 декабря.

253. Горький М. (Отзыв о рассказе «Страх»). В кн.: Семеновский Д. «А. М. Горький». Письма и встречи. М., 1938, стр. 58—59. Отзыв написан в 1915 г.

1939

254. (Б. п.). Неопубликованные пьесы А. С. Неверова. (О приобретении части архива А. Неверова, в том числе рукописей неопубликованных пьес Государственным литературным музеем). «Советское искусство», 1939, 4 января.

255. Метченко А. А. С. Неверов. «Волжская коммуна», 1939, 12 января.

256. Хмылов М. Творчество А. С. Неверова. «Что читать», 1939, № 4—5, стр. 48—50.

257. Теплов А. Дореволюционная деревня в изображении Подъячева и Неверова. «Что читать», 1939, № 9, стр. 38.

1940

258. Степной Н. Наши встречи. «Волжская новь». Альманах, кн. 10, 1940, стр. 266—270.

259. Яровой П. Человек, художник. «Волжская новь». Альманах, кн. 10, 1940, стр. 252—265.

1941

260. Гладков Ф. Об А. С. Неверове. «Волжская коммуна», 1941, 20 июня. Под. загл.: «А. С. Неверов» вошла в кн.: Гладков Ф. О литературе. М., 1955, и восьмой том его собрания сочинений).

261. Гладков Ф. О Малышкине. (О литерат. вечере с участием А. Неверова). «Новый мир», 1941, № 7—3.

1945

262. Скобелев П. А. С. Неверов (Скобелев). Воспоминания брата А. С. Неверова. «Волга». Альманах, кн. 2, 1945, стр. 99—106.

1946

263. Селиванов К. Замечательные места Ульяновской области. (О «неверовских уголках» в Ульяновской области). Изд газ. «Ульян. правда», Ульяновск, 1946, стр. 78—84.

1953

264. Бушмин А. О ранней советской прозе. В кн.: «Вопросы советской литературы». М.—Л., 1953, Т. 1, стр. 39.

265. Селиванов К. А. С Неверов (1886—1923). В кн.: Селиванов К. «Русские писатели в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1953, стр. 118—129.

266. Соколова Н. Творческий путь А. С. Неверова. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького).

1954

266а. Анастасьев А. Слово и характер в драме. В сб. «Вопросы советской драматургии». М., «Советский писатель». 1954. (О Неверове: стр. 364, 365).

266б. Оснос Ю. А., Ростоцкий Б. И. Первые годы развития советской драматургии. (О пьесах «Бабы» и «Захарова смерть»). В кн. «Очерки истории русского советского драматического театра». Т. I, 1917—1934. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 46—48.

1955

267. Владимиров Г. Проблема союза рабочего класса и крестьянства в художественной прозе начала двадцатых годов. «Звезда Востока», 1955, № 1, стр. 101—103.

268. Гаранина Л. Основная проблематика творчества А. С. Неверова. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Москва—Горький, 1955, 14 стр. (Моск. обл. пед. ин-т).

269. Каджуни Н. Творческий путь А. С. Неверова. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Л., 1955, 28 стр. (Ленинград, гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

270. Соколова Н. Рассказы и пьесы А. Неверова в период гражданской войны. «Труды» Воронежск. гос. ун-та, т. 38, 1955, стр. 75—86.

1956

271. Коган И. Больше книг — хороших и разных! (Куйбышевское книжное издательство в 1956 году). (Сообщение о том, что Куйбыш. кн. изд-во приступает к работе над собр. соч. А. С. Неверова). «Волжская коммуна», 1953, 11 февраля.

272. Алферов В. Александр Неверов в Самаре (1919—1922 гг.). «Волжская коммуна», 1956, 9 марта.

273. Александров М. К изданию сочинений Александра Неверова. (О литературном наследии писателя). «Волжская коммуна», 1956, 22 сентября.

274. Скобелев П. Страницы из воспоминаний (1910—1923 гг.), «Волжская коммуна», 1956, 28 декабря.

275. Алферов В. Сила жизненной правды. «Волжская коммуна», 1956, 29 декабря.

276. Бровка П. Любимый писатель. «Волжская коммуна», 1956, 29 декабря.

277. Козин В. Самобытный талант. «Волжская коммуна», 1956, 29 декабря.

278. Народный писатель. (Ред. статья). «Волжская коммуна», 1956, 29 декабря.

279. Никулин Л. Скромнейший, благородный товарищ. «Волжская коммуна», 1956, 29 декабря.

280. Панферов Ф. и Коптяева А. Он не забыт народом. «Волжская коммуна», 1956, 29 декабря.

281. Слово читателей. «Волжская коммуна», 1956, 29 декабря.

282. Перзеке Б. Предисловие. В кн.: Неверов А. «Ташкент — город хлебный». Симферополь, 1956, стр. 3—6.

283. Владимиров Г. Из истории борьбы за литературу социалистического реализма в первые годы Советской власти. Ташкент, Акад. наук Узбек. ССР, 1956. (О Неверове, стр. 33—36).

1957

284. Соколова Н. А. С. Неверов. «Лит-ра в школе», 1957, № 1, стр. 87—90.

285. Страхов Н. Яркое произведение о классовой борьбе в заволжской деревне. (О романе «Гуси-лебеди). «Волжская коммуна», 1957, 3 августа.

286. Берзер А. Победа Мишки Додонова (О повести «Ташкент — город хлебный»). «Новый мир», 1957, № 9, стр. 255—259.

287. Скобелев В. А. С. Неверов. «Волга». Альманах, кн. 14, 1957, стр. 190—193.

288. Горький М. (Письмо А. Неверову, 1915). В кн.: Неверов А. Собрание сочинений. В 4 томах, т. I, Куйбышев, 1957. стр. 361. Впервые в статье: Скобелев В. Интересная находка. «Волжский комсомолец», 1956, 2 ноября.

289. Горький М. (Отзыв о рассказе «От неизвестных причин»). В кн.: Неверов А. Собрание сочинений. В 4 томах, т. I. Куйбышев, 1957, стр. 362.

290. Короленко В. (Письмо А. Неверову от 23 января 1910 г. С прим. А. Храбровицкого). В кн.: Короленко В. «О литературе». М., 1957, стр. 564—565, 675—676. (О рассказе «Серые дни»).

291. Короленко В. (Письмо А. Неверову от 29 июля 1910 г. С примеч. А. Храбровицкого). В кн.: Короленко В. «О литературе». М., 1957, стр. 570—571. 678—679. (О рассказе «Преступники»).

292. Короленко В. (Письмо А. Неверову от 15 июня 1912 г. С примеч. А. Храбровицкого). В кн.: Короленко В. «О литературе», М., 1957, стр. 577, 680. (О неопубликованном рассказе «Болезнь»).

293. Головащенко Ю. Героика гражданской войны в советской драматургии. Л., «Сов. писатель», 1957, стр. 23—26.

294. Малютин И. Писатель-жизнелюб. В кн.: Малютин И. «Незабываемые встречи». Воспоминания. Челябинск, 1957, стр. 75—78.
295. Скобелев В. О творчестве Александра Неверова. В кн.: Неверов А. «Ташкент — город хлебный». М., 1957, стр. 112—119.
296. Соколова Н. «Андрон Непутевый» А. Неверова. (К проблеме создания образа положительного героя в советской художественной литературе). Труды Воронежск. гос. ун-та, т. 59, 1957, стр. 15—21.
297. Страхов Н. Александр Сергеевич Неверов. В кн.: Неверов А. Собрание сочинений в 4 томах, т. I, Куйбышев, 1957, стр. 5—62.
298. Горький М. (Отзыв об очерке «Среди ополченцев»). В кн.: Неверов А. Собрание сочинений. В 4 томах, т. I, Куйбышев, 1957, стр. 361—362 (отзыв относится к 1915 г.).

1958

299. Страхов Н. Александр Неверов. «Октябрь», 1958, №2, стр. 179—192.
300. Леонидов Е. Собрание сочинений А. Неверова. (Собрание сочинений. В 4 томах, 1957—1958). «Лит-ра и жизнь», 1958, 9 июля.
301. Семенова Е. Памятная встреча (с А. Неверовым летом 1923 г.). «Волжская коммуна», Куйбышев, 1958, 24 декабря.
302. Фатов Н. Неверов в наши дни. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1958, 24 декабря.
303. Волков А. А. М. Горький и литературное движение советской эпохи. М., «Сов. писатель», 1958, стр. 186—187.
304. Наумов Е. М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советских писателей. М., Гослитиздат, 1958, стр. 87—89.
305. Гаранина Л. А. С. Неверов. В кн.: Неверов А. «Ташкент — город хлебный». Ташкент, 1958, стр. 3—8.
306. Караваева А. Александр Неверов. В кн.: Неверов А. Избранные произведения. М., 1958, стр. 3—14.
307. Берловская Л. Творчество А. С. Неверова периода первой мировой войны. Труды Одесск. гос. ун-та им. И. И. Мечникова, т. 148. Серия филологических наук, вып. 8, 1958, стр. 89—99.
308. Соколова Н. Советская деревня 20-х годов в рассказах А. С. Неверова. Труды Воронежск. гос. ун-та, т. 51. Сборник работ историко-филологического факультета, вып. 2, 1958, стр. 55—69.
308а. Гаранина Л. Основные этапы творческого пути А. С. Неверова. Ученые записки Горьковского пед. ин-та. Т. 23, 1958.

1959

309. Жоголев Н. Человек светлой души. Из воспоминаний об А. С. Неверове. «Волжская коммуна», 1959, 24 мая.
310. Скобелев В. О пьесах А. Неверова. «Волжская коммуна», 1959, 31 мая.
311. Красильников В. Новое собрание сочинений А. С. Неверова (Собрание сочинений в 4 томах. 1957—1958). «Новый мир», 1959, № 9, стр. 266—269.
312. Молько В. «Захарова смерть» А. Неверова на сызранской сцене. «Волжская коммуна», 1959, 3 октября.
313. «Захарова смерть». Новая постановка Сызранского драматического театра. (Сообщ. о премьере). «Волжская коммуна», 1959, 17 ноября.
314. Говорят зрители. (О пьесе «Захарова смерть» в постановке Сызранского драматического театра, 1959). «Волжская коммуна», 1959, 8 декабря.
315. Говорят исполнители. (О пьесе «Захарова смерть» в постановке Сызранского драматического театра, 1959). «Волжская коммуна», 1959, 8 декабря.

316. Молько В. Победа Григория Пенькова и его товарищей. (О пьесе «Захарова смерть» в постановке Сызранского драматического театра, 1959). «Волжская коммуна», 1959, 8 декабря.

317. Шахбазиди К. Поиски нового решения. (О пьесе «Захарова смерть» в постановке Сызранского драматического театра, 1959). «Волжская коммуна», 1959, 8 декабря.

318. Ивлев А. На родине писателя. (с. Новиковка). «Ульяновская правда», 1959, 29 декабря.

319. Берловская Л. Повесть А. С Неверова «Андрон Непутевый». В кн.: «Питання радянськоі літератури». Одесса, 1959, стр. 211—222.

320. Скобелев В. Литературная жизнь Самары в годы гражданской войны. В кн.: «Советские писатели и Среднее Поволжье». Куйбышев, 1959, стр. 177—194.

1960

321. Астафьев Е. «Неверовская школа». Из воспоминаний об Александре Неверове. (Литературная запись В. Постнова). «Волжский комсомолец», Куйбышев, 1960, 10 января.

322. (Б. п.). Победа Григория Пенькова (О пьесе «Захарова смерть» в постановке Сызранского драматического театра, 1959). «Театр. жизнь», 1960, № 6, стр. 11—12.

323. За глубокое изучение литературного наследия А. С. Неверова. Письмо в редакцию. «Волжская коммуна», 1960, 21 августа. (Подписи: Л. Берловская, Л. Гаранина, В. Красильников и др.).

324. Тамашин Л. А. Неверов-драматург. «Рус. лит-ра», 1960, № 3, стр. 21—37.

325. Скобелев В. О положительном герое в творчестве А. С. Неверова. К Неверовской научной конференции. «Волжская коммуна», 1960, 23 августа.

326. Берловская Л. Роман о становлении Советской власти в деревне. («Гуси-лебеди»). К Неверовской научной конференции. «Волжская коммуна», 1960, 14 октября.

327. Лосев П. А. С. Неверов о литературном труде. К Неверовской научной конференции. «Волжская коммуна», 1960, 22 октября.

328. Мацкевич Н, Страхов Н. Новые материалы о Неверове. «Волжская коммуна», 1960, 9, 10 декабря.

329. Страхов Н. Александр Неверов. К 75-летию со дня рождения. Куйбышевск. кн. изд., 1961, 80 стр. с портр. Отрывок под назв.: «Новое о Неверове». «Волга». Альманах, кн. 23, 1960, стр. 113—128.

1961

330. (Б. п.). Памяти земляка. (О подготовке в Куйбышеве Неверовской научной конференции). «Лит. газета», 1961, 7 января.

331. (Б. п.). В областной комиссии по подготовке к юбилею А. С. Неверова. «Волжская коммуна», 1961, 22 января.

332. Сударев М. Наставник Александра Неверова. (О крестьянском поэте С. Денисове). «Волжская коммуна», 1961, 27 января.

333. Тамашин Л. Неоконченная пьеса А. С. Неверова («Анна»). «Волжская коммуна», 1961, 26 февраля.

334. Кисель А. История одного рассказа. («Шкрабы»). «Волжская коммуна», 1961, 19 марта.

335. Скобелев В. Критические статьи А. С. Неверова. К Неверовской научной конференции. «Волжская коммуна», 1961, 24 марта.

336. Мацкевич Н. Секретное донесение. Главы из документальной повести о Неверове. «Волжская коммуна», 1961, 6 июля.

337. Кисель А. В неоглядные дали (По следам литературных образов). (Рассказ «Шкрабы»). «Учит. газета», 1961, 30 сентября.

338. (Б. п.). В Неверовской юбилейной комиссии. «Волжская коммуна», 1961, 1 октября.

339. Сударев М. Неверов в Письмере. (К Неверовской научной конференции). «Волжская коммуна», 1961, 8 декабря.

340. (Б. п.). К Неверовской научной конференции. (Программа работы). «Волжская коммуна», 1961, 23 декабря.

341. Ципорина З. Посвящено А. Неверову. (О лекции-концерте в лектории Куйбышевской филармонии). «Волжская коммуна», 1961, 23 декабря.

342. Новый документ о полицейских преследованиях А. С. Неверова. (Научная публикация Н. Мацкевича). «Волжская коммуна», 1961, 24 декабря.

343. Иванов Л. Село, где учительствовал Неверов. (По памятным местам). «Ульяновская правда», 1961, 24 декабря.

344. Антоновская А. В сердцах благодарного народа. «Волжская коммуна», 1961, 24 декабря.

345. (Б. п.). В юбилейные дни. «Волжская коммуна», 1961, 24 декабря.

346. (Б. п.). Памяти писателя. «Волжский комсомолец», 1961, 24 декабря.

347. Алферов В. Он мечтал о солнечных книгах. «Волжская коммуна», 1961, 24 декабря.

348. Машбиц-Веров И. Самобытный талант. «Волжская коммуна», 1961, 24 декабря.

349. Селиванов К. Щедрое дарование. «Ульяновская правда», 1961, 24 декабря.

350. (Б. п.). Неверовские дни в Куйбышеве. «Лит-ра и жизнь», 1961, 27 декабря.

351. Мацкевич Н. На Арбате. Отрывок из документальной повести об А. С. Неверове. «Волжская коммуна», 1961, 27 декабря.

352. (Б. п.). 75 лет со дня рождения А. С. Неверова. «Труд», 1961, 27 декабря.

353. Ревякин А. Художник-жизнелюб. «Лит-ра и жизнь», 1961, 27 декабря.

354. (Б. п.). Там, где жил А. С. Неверов. (О юбилейных днях в Куйбышеве). «Правда», 1961, 29 декабря.

355. Неверов Александр Сергеевич. 1886—1923. Краткий рекоменд. указатель литературы. С предисл. Куйбышев, 1961, 16 стр. (Куйбышевск. областная б-ка).

356. А. С. Неверов. 1886—1961. Неверовская научная конференция. Тезисы докладов. Куйбышев, изд. «Волжская коммуна», 1961, 38 стр.

Содержание: Н. Страхов. Выдающийся советский писатель А. С. Неверов; В. Красильников. Творчество А. С. Неверова в оценке советского литературоведения и критики; Л. Берловская. Эстетические взгляды А. С. Неверова; В. Скобелев. К вопросу о положительном герое в творчестве писателей деревни; Л. Тамашин. А. С. Неверов и ранняя советская драматургия; Н. Соколова. Советская деревня 20-х годов в изображении А. С. Неверова; Л. Янкина. Тема учительства в творчестве А. С. Неверова; Л. Гаранина. Проблемы положения женщины в творчестве А. С. Неверова; С. Лисецкий. А. С. Неверов среди самарских писателей.

357. А. С. Неверов. К 75-летию со дня рождения писателя-земляка. Сочинения учащихся школ г. Куйбышева. (Ред. Я. Роткович и В. Финкельштейн). Куйбышев, 1961, 34 стр. (Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева, Куйбышевск. Дворец пионеров и школьников).

358. Берловская Л. Рассказы и очерки А. С. Неверова 1917—1920 гг. (К вопросу становления образа положительного героя). Труды Одесск. гос. ун-та, т. 151. Серия филологических наук, вып. 11, 1961, стр. 141—152. Сокр. вариант: «Волжская коммуна», 1961, 26 декабря.

359. Овчаренко А. Александр Неверов и его повесть «Ташкент — город хлебный». В кн.: Неверов А. «Ташкент — город хлебный». М., 1961, стр. 105—110.

360. Скобелев В. Выдающийся советский писатель А. С. Неверов. Жизнь и творчество. Куйбышев, 1961, 31 стр. (О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР, Куйбышевск. обл. отд-ние).

361. Тамашин Л. (О пьесе «Бабы»). В кн.: «Советская драматургия в годы гражданской войны». М., «Искусство», 1961, стр. 173—177.

362. Тамашин Л. (О пьесе «Захарова смерть»). В кн.: «Советская драматургия в годы гражданской войны». М., «Искусство», 1961, стр. 178—182.

363. Янкина Л. Юбилей А. С. Неверова в школе. Куйбышев, 1961, 34 стр. (Куйбышевск. гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева, Куйбышевск. отд-ние Пед. о-ва РСФСР).

364. (Б. п.). Неверовская научная конференция. (Информация о ходе работы). «Волжская коммуна», 1961, 26—29 декабря.

1962

365. Лосев П. Писатель большой души. (К 75-летию со дня рождения А. С. Неверова). «Медик», 1962, 8 января.

366. Полянцев А. Встречи с А. С. Неверовым (в 1911 г.). (Воспоминания). «Волжская коммуна», 1962, 18 января.

367. Швец. Неверовские дни в г. Куйбышеве. «Лит-ра в школе», 1962, № 2, стр. 94—95. То же: «Волга». Альманах, кн. 27, 1962.

368. Усыскина Е. В поисках героя. «Вопросы лит-ры», 1962, № 10, стр. 232—234. (Рецензия на кн.: Страхов Н. «Александр Неверов». К 75-летию со дня рождения, Куйбышев, 1961).

369. Берловская Л. Повесть А. С. Неверова «Ташкент —город хлебный». (К вопросу о мастерстве художественной детали). Труды Одесск. гос. ун-та, т. 152. Серия филологических наук, вып. 13, 1962, стр. 45—53.

370. Виноградов-Мамонт Н. А. С. Неверов. (Из воспоминаний). «Волга». Альманах, кн. 26, 1962, стр. 86—101, с портр.

371. Лисецкий С. Строгая дружба. Заметки об А. С. Неверове и Н. А. Степном. «Волга». Альманах, кн. 26, 1962, стр. 102—111.

372. Красильников В. Книга об Александре Неверове. «Волга». Альманах, кн. 28, 1962, стр. 116—118. (Рецензия на кн.: Страхов Н. «Александр Неверов». К 75-летию со дня рождения. Куйбышев, 1961). Первонач. вариант «Литература и жизнь», 1962, 5 октября. (Под назв. «Новое о Неверове»).

373. Смирнов Л. К истории формирования нового героя в прозе первой половины 20-х годов. («Гуси-лебеди»). Учен. записки. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской), т. 116. Очерки по истории советской литературы. Сб. 3, 1962, стр. 33—36.

1963

374. Жоголев Н. Елань (Стихотворение). «Волжская коммуна», 1963, 17 февраля.

375. Варламов И. Учитель. «Ульяновская правда», 1963, 8 сентября.

376. Кремлев И. Трубка «Крокодила». «Наш современник», 1963, № 3, стр. 206—207. (О последних годах жизни А. Неверова).

377. Безъязычный В. Владимир Яковлевич Муринов (1863—1919). (О переписке В. Муринова с А. Неверовым). В кн.: «Земляки». Калуга, 1963, стр. 198—199.

378. Берловская Л. Проблема положительного героя в творчестве А. С. Неверова. В кн.: «Из истории советской литературы 20-х годов». Иваново, 1963, стр. 114—135.

379. Богуславский А., Днев В. Русская советская драматургия. Основные проблемы развития, 1917—1935. М., Изд. Акад. наук СССР, 1963, стр. 105—108, 110—112, 164—165.

380. Скобелев В. Неверов. В кн.: «Очерки истории русской советской драматургии». В 3 томах, т. I. Л.—М., 1963, стр. 122—130.

381. Страхов Н. Светлый талант. (К 40-летию со дня смерти А. С. Неверова). «Правда», 1963, 25 декабря.

382. Страхов Н. и Сударев М. Неизвестные газетные выступления А. С. Неверова. «Волга». Альманах, Куйбышев, 1963, № 30, стр. 151—156.

1964

383. Скобелев В. П. Александр Неверов. Критико-биографический очерк. М., «Сов. писатель», 1964, 196 стр., с портр.

1965

384. Хайлов А. С пониманием и с душой. «Подъем», Воронеж, 1965, № 2. (О кн.: Скобелев В. «Александр Неверов». Критико-биографический очерк. М., 1964).

385. Минокин М. (Рецензия на кн.: Скобелев В. «Александр Неверов». М., 1964). «Новый мир», 1965, № 8, стр. 281.

386. Берловская Л. Возвращение в литературу. (О кн.: Скобелев В. «Александр Неверов». М., 1964). «Вопросы лит-ры», 1965, № 9, стр. 232—233.

387. История русского советского романа. М.—Л., «Наука», 1965. (О Неверове, стр. 62, 76, 79, 99, 101, 104, 202, 203, 335, 389, 484, 495, 526).

388. Затонский Д. В. Франц Кафка и проблемы модернизма. «Высшая школа», М., 1965. (О повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный», стр. 44).

389. Шубин Э. Жанр рассказа в литературном процессе. «Русская литература», 1965, № 3. (Упоминания о Неверове на стр. 46, 48, 49, 50).

1966

390. Светлов Д. (Предисловие к публикации: А. С. Неверов. Крошечный рассказик). «Волжская коммуна», 1966, 29 мая.

391. Страхов Н. Неизвестный очерк Неверова об Октябре в деревне. (К 80-летию со дня рождения А. С. Неверова). (Предисловие к публикации заключительного очерка цикла «В глухих местах», II. «Волжская коммуна», 1966, 5 июня.

392. Табачников С. ТЮЗ — Октябрю. (О подготовке спектакля «Ташкент — город хлебный»). «Волжская коммуна», 1966, 4 ноября.

393. Страхов Н. Очерк Неверова о крахе «учредилки». (К 80-летию со дня рождения А. С. Неверова). (Предисловие к публикации: А. С. Неверов. «В те дни», I). «Волжская коммуна», 1966, 10 ноября.

394. «Ташкент — город хлебный». (Сообщение о премьере Куйбышевского театра юного зрителя). «Волжская коммуна», 1966, 29 ноября.

395. Светлов Д. Из забытых фельетонов писателя. (К 80-летию со дня рождения А. С. Неверова). «Волжская коммуна», 1966, 3 декабря.

396. «Ташкент — город хлебный». (Сообщение о радиоспектакле). Радиопрограмма. (Еженедельник Центрального радиовещания), 1966, 11 декабря.

397. Страхов Н. Художник и время. (К 80-летию со дня рождения А. С. Неверова). (Предисловие к публикации: А. С. Неверов. «О чем и как писать»). «Волжская коммуна», 1966, 14 декабря.

398. Дубцова В. А. С. Неверову посвящается... (Об открытии большой книжной иллюстрированной выставки, посвященной 80-летию со дня рождения А. С. Неверова). «Волжская коммуна», 1966, 23 декабря.

398а. Фомин И. Памятные встречи. «Волжский комсомолец», Куйбышев, 1966, 17 декабря.

398б. Семанова М. Чехов и советская литература. «Сов. писатель». М.—Л., 1966. (О Неверове, стр. 88, 89, 90, 91, 92).

398в. Страхов Н. Крамольный учитель. К 80-летию со дня рождения А. С. Неверова. «Огонек», 1966, № 52, стр. 31.

399. Страхов Н. Летописец народной жизни. (К 80-летию со дня рождения А. С. Неверова). «Лит. Россия», 1966, 23 декабря, стр. 15.

400. (Редакционная статья). Александр Неверов. К 80-летию со дня рождения. «Волжская коммуна», 1966, 24 декабря.

401. Денисова М. (Аграномова). Самара, год 1921... (Воспоминания о Неверове). «Волжская коммуна», 1966, 24 декабря.

402. Неверов-Скобелев Борис. Немного об отце моем... «Волжская коммуна», 1966, 24 декабря.

403. Памяти писателя. (Сообщ. о лит. вечере памяти А. С. Неверова, об инсценировке повести «Ташкент—город хлебный» в Куйбышевском театре юного зрителя, о том, как отмечается 80-летие А. С. Неверова в Сызрани). «Волжская коммуна», 1966, 24 декабря.

404. Левонтин Эзра. Funebralia. «Волжская коммуна», 1966, 24 декабря.

405. Инбер Вера. В быстробегущей сутолоке дней... «Волжская коммуна», 1966, 24 декабря.

406. Ципельзон Э. «Ташкент — город хлебный». (К 80-летию со дня рождения А. С. Неверова). «Московский комсомолец», 1966, 24 декабря.

407. В неверовские дни. (Зрители о спектакле «Ташкент — город хлебный»). «Волжская коммуна», 1966, 25 декабря.

408. (Б. п.). Выставка в пединституте. (Сообщение об организации выставки, посвященной А. С. Неверову). «Волжская коммуна», 1966, 25 декабря.

409. Жоголев Николай. Встречи с писателями. А. С. Неверов — Я. М. Тисленко, «Волга». Альманах, 1966, № 12, стр. 163—168.

410. Ульянинский А. «Андрон Непутевый». Сцены из деревенской жизни периода военного коммунизма. (Инсценировка повести А. Неверова «Андрон Непутевый», романа «Гуси-лебеди» и рассказа «Марья-большевичка»). Иллюстр. О. Вуколов. Клуб и худож. самодеятельность. 1966, № 22, стр. 23—28.

411. Гура В. В. Становление жанра романа в советской литературе начала 20-х годов. В сб.: «Проблемы реализма». Сев.-Западн. кн. изд., 1966. (О Неверове, стр. 41, 53, 54).

412. Ершов Л. Советская сатирическая проза. «Худож. лит-ра», М.—Л., 1966. (О Неверове стр. 57).

413. Кудряшова Е. И. М. С. Ольминский о пьесе А. Неверова «Бабы» (Забытая рецензия). Ученые записки Орлов. гос. пед. ин-та, 1966, т. 30. Вопросы истории лит-ры и фольклора, стр. 107—111.

414. История советского драматического театра. В 6 томах. т. 1 (1917—1920). М., «Наука», 1966. О Неверове, стр. 86, 157, 204—206.

415. История советского драматического театра. В 6 томах. т. 2 (1921—1925). М., «Наука», 1966, О Неверове, стр. 12, 381, 396.

416. Хайлов А. Периферийные журналы. В кн.: «Очерки истории русской советской журналистики», 1917—1932. М., «Наука», 1966. О журнале «Понизовье», об участии в его работе А. С. Неверова, стр. 486—487.

1967

417. Тамарченко А. Талант, раскованный революцией. (О творчестве А. Неверова). «Нева», 1967, № 1, стр. 185—187.

418. Радун И. «Ташкент — город хлебный». (Инсценировка И. Головни по повести А. Неверова. В Театре юного зрителя им. Ахундова, Ташкент). «Правда Востока», 1967, 24 марта.

419. Полякова Е. За землю, за волю... (Книги Александра Неверова). «Новый мир», 1967, № 4, стр. 204—213.

420. Хроника театральной весны. (О спектакле «Ташкент — город хлебный» в Куйбышевском ТЮЗе). «Волжская коммуна», 1967, 4 мая.

421. Здановская З. Новая судьба Мишки Додонова. (Инсценировка И. Головни «Ташкент — город хлебный» по одноименной повести А. Неверова в Куйбышевском ТЮЗе). «Театр. жизнь», 1967, № 11, стр. 4—5.

422. История русской советской литературы. В 4 томах. 1917—1965. Т. I. М., «Наука», 1967, стр. 15, 34, 35, 58, 65, 77, 88, 148, 287, 302, 325, 356, 358, 634.

423. Неверов-Скобелев Б. Немного об отце моем... «Лит. Россия», 1967, 25 августа, стр. 18.

424. Гура В. Народ и герой. «Октябрь», 1967, № 10, стр. 207—218.

425. Павловский А. И. О психологическом анализе в советской литературе. «Русская литература», 1967, № 4, стр. 3—25. (О Неверове — упоминание).

426. Ершов Л. Ф. Русский советский роман. (Национальные традиции и новаторство). Л., «Наука», 1967. (О Неверове стр. 43, 71, 73—80, 82, 107, 112, 113, 189, 243).

427. История советского драматического театра. В 6 томах, т. 3 (1926—1932). М., «Наука», 1967. (О Неверове стр. 508, 520).

428. Мотылева Т. Глазами друзей и врагов. Советская литература за рубежом. М., «Худож. лит-ра», 1967. (О Неверове стр. 11).

1968

429. Неверов-Скобелев Б. У истоков «Ташкента». (Об истории создания повести А. С. Неверова «Ташкент — город хлебный»). «Лит. газета», 1968, 27 ноября, стр. 5.

430. Ванюков А. В поисках героя. (О творчестве А. С. Неверова). В кн.: «Проблемы развития советской литературы». Вып. 3. Саратов, 1968, стр. 26—39.

431. Печко Л. П. Неверов А. В кн.: «Краткая литературная энциклопедия», т. 5, М., «Советская энциклопедия», стр. 159—160.

432. Смирнова А. Н. О теме народа в прозе первых лет революции (1917—1921). «Рус. лит-ра», 1968, № 4, стр. 51—64.

1969

432а. Андреев Ю. А. Революция и литература. Л., «Наука», 1969, стр. 57, 95—98, 100, 111, 115, 238—252, 270.

433. Сартакова Т. У революции на службе. Красноярск, «Енисей», 1969, № 3.

1970

434. Скобелев В. П. «Партизанские повести» Вс. Иванова и повести А. Неверова. Учен. зап. Омского гос. пед. ин-та, 1970, вып. 47.

435. Страхов Н. Александр Неверов. Жизнь и творчество. Куйбышевское кн. изд-во, 1970, 368 стр., с иллюстр.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . 5

1. **Из архива писателя** 13

1906—1908 гг. . . . , 15
Князек Х[айдоров] . . . 16
Право сильного 18
[Скажите, гг., откровенно...] . 20
Крошечный рассказик . . 23
Сказка о цветах . . . 25

1918—1919 гг. 28
В глухих местах. Очерки. 4. Солдатская горячка 29
Крест на горе 33
В те дни 41

1920—1923 гг. 48
О чем и как писать 50
Приемы художественного творчества И. А. Бунина . 55
[Из записных книжек] 60
[Из переписки А. Неверова с Ив. Касаткиным] . 81
[Из переписки А. Неверова с Вяч. Шишковым] . . 85

2. **Исследования** . . . .

Л. В. Берловская. К проблеме гуманизма в послеоктябрьской прозе А. Неверова 95
В. П. Скобелев. А. Неверов и А. Яковлев (О народном характере как социально-исторической и этической категории в русской советской прозе 20-х годов) 101
А. И. Ванюков. О художественном своеобразии повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный» 120
Т. А. Никонова. О жанровой определенности романа А. Неверова «Гуси-лебеди» 136
Л. Е. Кройчик. Рассказ А. Неверова «Марья-большевичка» (Герой и автор, особенности сказа) 148
Л. Г. Тамашин. Неоконченная пьеса А. Неверова «Анна» 157
Н. В. Соколова. О некоторых особенностях изображения А. Неверовым семейного быта и морали 20-х годов . . . 165
Фриц Мирау. «Человеческий, социальный и художественный документ...» (А. Неверов в Германии 1925—1933 гг.). . . 171

3. **Воспоминания** . . . .

А. С. Панкова-Скобелева. Сестра о брате . . 187
А. И. Свидерский. Два года в Озерской школе . 191
Д. И. Акимов. А. Неверов в Новом Письмере . 200

В. Ф. Чуваева. В Новиковке . . . 206
Ф. П. Муромцев. Незабываемое . . . 209
П. А. Скобелева-Неверова. Штрихи былого . 213
Н. Г. Виноградов-Мамонт. Художник яркого дарования . . 222
П. Яровой. На службе у революции 232
Н. Ф. Жоголев. Черты его облика 239
М. Н. Денисова (Аграномова). Драматург, режиссер, артист . 243
П. И. Воеводин. В красной Самаре 247
П. С. Скобелев. В трудную пору 251
Н. Степной. Поездка в Среднюю Азию 259
Ф. В. Гладков. Об А. С. Неверове 264
М. Л. Новикова. Неверов и Новиков-Прибой 269
Н. Г. Николаев-Донецкий. На тернистом пути 272
П. И. Замойский. Наставник 275
Е. В. Семенова-Жарская. Памятная встреча 281
Я. Г. Мирсков. У коммунаров «Розы» 286
Б. А. Неверов-Скобелев. Немного о моем отце 289
Е. Ф. Никитина. Другу 296
П. Н. Дорохов. Кончина 300
Приложение 1. Алфавитный перечень первых публикаций произведений А. Неверова 303
Приложение 2. Хронологический перечень литературы о жизни и творчестве А. Неверова. 315

АЛЕКСАНДР НЕВЕРОВ. Из архива писателя. Исследования. Воспоминания.

Редакторы-составители: *СКОБЕЛЕВ Владислав Петрович, СТРАХОВ Николай Иванович.*

Редактор Н. В. Сорокин
Художник И. В. Дубровин
Художественный редактор Е. В. Альбокринов
Технический редактор З. К. Марьина
Корректор О. П. Долгановская

Сдано в набор 21/X-1971г. Подписано к печати 14/VII-1972 г. ЕО03028. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. № 2. Печ. л. 21. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 21,95. Цена 1 р. 53 коп Тираж 3500 экз. Заказ № 8000.

Куйбышевское книжное издательство, г. Куйбышев, ул. Спортивная, 5/27.

Тип. изд-ва «Волжская коммуна», г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.